

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЭЛЛИНИЗМ:
ЛИЧНОСТЬ, ВЛАСТЬ,
ОБЩЕСТВО

ТОМ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ
ДЕКАБРЬ 2018

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ЭЛЛИНИЗМ:
ЛИЧНОСТЬ, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО

ТОМ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Под общей редакцией
О.Л. Габелко

МОСКВА, 2018

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь

Редакционный совет

- С.П. Брюн
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций
- Г. Кантор
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Т.Ю. Кобищанов
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес
профессор истории права, Мадридский университет Комплаутенсе
- Д. Панатери
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Л. Смышляев
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Э. Титков
кандидат исторических наук, проректор РГГУ
- А.А. Улунян
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Ангтила
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History, Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Taras Y. Kobischanov
Associate Professor of the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Daniel Panateri
Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexander L. Smishliaev
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture
- Alexey E. Titkov
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Эпоха эллинизма, наступившая после грандиозных завоеваний Александра Македонского и создания на развалинах его державы ряда государств, возглавляемых как его преемниками, диадохами, так и представителями азиатской политической элиты, ознаменовалась рядом кардинальных перемен во всех сферах жизни как европейского, так и восточного общества. Они были связаны не только с созданием нового цивилизационного единства, охватывающего многократно расширившуюся (с точки зрения греков) ойкумену, но и со сменой «несущей конструкции» эллинского общества. Если ранее таковой являлся (начиная с эпохи архаики) греческий вариант античной гражданской общины, полис, то теперь на первый план выступает монархия — причем нового, эллинистического типа, сочетающая в себе черты как традиционной македонской базилиды, так и восточной государственной традиции (иранской, египетской, месопотамской). По мнению многих специалистов, именно в сфере государственности следует видеть наиболее радикальные новшества, отличающие эллинистическое общество от собственно древнегреческого и вообще позволяющие это разграничение провести. С другой стороны, одним из ведущих векторов эллинистической истории правомерно считаются взаимоотношения монархии с полисами — как сохранившими прежнюю независимость (а их значимость ничуть не следует преуменьшать!) или объединившимися в федерации, так и вошедшими в состав монархических объединений (или вновь основанных царями), но располагающими определенным внутренним самоуправлением. Все это делает обращение к изучению эллинистической государственности актуальным и научно значимым.

Данный выпуск «Исторического вестника» посвящен памяти выдающегося антиковеда Кристиана Хабихта (1926–2018), внесшего огромный вклад именно в изучение эллинистической истории. Содержание журнала оказалось возможным разделить на несколь-

ко рубрик, логично охватывающих достаточно разнообразную проблематику номера.

Первая из них посвящена структурам, институтам и идеологии эллинистической монархии. О.Л. Габелко рассматривает один из аспектов дискурса монархической власти эпохи эллинизма, который выражается в терминологии, применяемой к описанию акции воцарения. Е.А. Молев прослеживает процесс становления Понтийского царства как эллинистического государства с присущими ему особенностями, среди которых нужно отметить прежде всего сильное влияние иранско-малоазийских элементов. В работе И.Н. Коровчинского проанализировано функционирование сокровищницы греко-бактрийских царей в Ай-Ханум, отраженное в нумизматических, археологических и эпиграфических данных.

Вторая рубрика содержит материал, так или иначе связанный с биографиями политических деятелей эпохи эллинизма. Е.О. Стоянов собрал и свел воедино все довольно скудные сведения о жизни и политической карьере одного из малоизвестных (но немаловажных!) диадохов, киприота Стасанора, действующего в основном в Восточном Иране. Ю.Н. Кузьмин высказал новые версии относительно смысла и обстоятельств появления у македонского царя Антигона III остающегося во многом непонятным неофициального прозвища «Досон». В статье А.Л. Зелинского изучены причины, мотивы и цели, которыми мог руководствоваться Птолемей II при заключении скандального брака со своей родной сестрой Арсиной, положившего начало одной из весьма специфических брачно-династических практик в эллинистическом Египте. Е.В. Смыков обратился к теме влияния эллинистической царской идеологии на римское общество, рассматривая, как образ и иконография Александра Великого могли сказаться на скульптурных портретах Гнея Помпея.

Наконец, третья часть посвящена историческим судьбам полиса и города в эпоху эллинизма. С.К. Сизов собрал и обобщил обильный

источниковый материал, касающийся формирования и эволюции органов государственного управления в крупнейшем федеративном образовании эллинистического мира — Ахейском союзе. Ю.И. Кудина проанализировала государственное устройство одного из наиболее важных независимых полисов эллинистического мира, Родоса, уделив первоочередное внимание тем органам управления, которые были связаны с ведением внешней политики (в течение долгого времени весьма эффективной). Экономика, культура и внутреннее устройство «царских городов», основанных представителями династии Софены, стали предметом рассмотрения С.В. Обухова. В статье С.В. Смирнова на основе рассмотрения, главным образом, данных нумизматики освещены перипетии истории одного из крупнейших полисов Месопотамии, Селевкии-на-Тигре, в период перехода политического господства в регионе от Селевкидов к парфянам.

В выпуск включены также рецензия на новую англоязычную монографию, посвященную узурпациям государственной власти в державе Селевкидов (Е.М. Берзон), и выполненный И.Е. Суриковым перевод сочинения ранневизантийского автора Иоанна Стобея «Наставления о царской власти», отражающего целый ряд важных аспектов идеологии эллинистической монархии.

Авторы и редакционная коллегия выражают надежду, что результаты проделанной ими работы представят интерес как для профессиональных антиковедов, так и для широкой аудитории любителей древней истории, поскольку смогут открыть новые грани истории эллинистического мира.

А.Э. Титков
главный редактор журнала
«Исторический вестник»

EDITORIAL

The Hellenistic Era begins with the grandiose conquests of Alexander the Great and the birth of new states on the ruins of his empire, ruled either by his successors (the Diadochi) or Asian political elites; this age brought about radical changes in literally all spheres of life — both in European, as well as in Asian cultures. These changes were manifested in both — the creation of a unified civilizational landscape, which covered the rapidly expanding Oikoumene (too rapidly, from a Greek's perspective), and the establishment of new foundations of the Hellenic society. If in both the Archaic and Classic Eras this foundation was the polis (the basic Greek form of civil community), the new era was primarily based on the monarchy — a monarchy of a new type, which combined the Macedonian *basileia* with Oriental traditions (Iranian, Egyptian, Mesopotamian). Many academics, specializing in this period, agree that it was the state structure that encompassed the most radical changes, which separated Hellenistic society from its Ancient Greek forerunners, and allows us to clearly mark the rift between the two historic eras. On the other hand, one of the leading vectors of Hellenistic history, is rightly considered to be the relationship between the monarchy and the polis — some of which retained their former independence (that should not be underestimated in any way), while others united into federations or acknowledged the monarchical states (or were founded anew by the kings), retaining a form of inner autonomy. All of these aspects make the modern-day study of the Hellenistic statesmanship both — timely and academically important.

The current issue of the Historical Reporter is dedicated to the memory of the acclaimed Antiquity scholar Christian Habicht (1926–2018), who's input in the study of the Hellenistic Era cannot be overstated. The contents are divided into several rubrics, according to the logic of the rather broad problematics of the issue.

The first section is dedicated to the structure, institutions and ideology of the Hellenistic monarchy. O.L. Gabelko examines one of the aspects, pertaining to the discourse of the monarchical authority in the Hellenistic Era, notably — in the terminology used in the descriptions of the monarch's enthronement. E.V. Molev offers the study of the rise of the Kingdom of Pontus as a Hellenic state, with its unique traits and the notable influence of Iranian and Asia Minor elements. I.N. Korovchinsky's article is dedicated to the functioning of the treasury of the Hellenistic Bactrian kings in Ai-Khanum, as it is reflected in the numismatic, archaeological and epigraphic data.

The second section encompasses material, primarily linked to the biographies of various political figures of the Hellenistic Era. E.O. Stoyanov gathered the subtle and sparse information on the life and political career of one of the most obscure (yet highly important) Diadochs — the Cypriote Stasanor, who operated primarily in Eastern Iran. Y.N. Kuzmin elaborates on the new hypotheses regarding King Antigone III's unofficial cognomen — «Doston», which still raises many questions among historians. A.L. Zelinsky offers a thorough study of the reasoning, motives and aims, which forced Ptolemy II to engage in the scandalous marriage with his own sister — Arsinoe, which in turn established the rather specific dynastic practice in Hellenistic Egypt. E.V. Smykov turns the readers' attention to the influence of Hellenic royal ideology on Roman society, using as an example the iconography and official imagery of Alexander the Great and how it was reflected in the sculptural portraits of Gnaeus Pompeius.

Finally, the third section is dedicated to the historic fate of the polis and the city in the age of Hellenism. S.K. Sizov gathered and analyzed a broad corpus of original sources, which have to do with the formation

and evolution of the governmental organs of the largest federation known to the Hellenistic world — the Achaean League. Y.I. Kudina analyzes the government of one of the most important polis structures of the Hellenistic world — Rhodes, paying special attention to those branches of state that were tasked with foreign policy (which for a long period of time proved quite effective). The economy, culture and internal organization of the «royal cities», established by members of the Sophene Royal Dynasty, are the main subject of S.V. Obukhov's article. The fate of one of the largest Mesopotamian polis — Seleucia-on-the-Tigris — after the rule in the region passed from the Seleucids to the Parthians, is examined mainly through numismatic evidence, by S.V. Smirnov.

The issue also includes a review of a new English monographic study, dedicated to the problem of usurpation in the Seleucid Empire (E.M. Berzon), as well as I.E. Surikov's translation of the Early Byzantine author Johannes Stobaeus' Admonition for the Basileus, which reflects a series of crucial aspects in the ideology of Hellenic monarchy.

The authors and editorial board hope that this work will be of interest and benefit to both — the academic community, as well as to history lovers. The material brought together in this issue provides a corpus of new information and sheds new light on the history of the Hellenistic world.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений.....	14
Памяти Кристиана Хабихта.....	17

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ: СТРУКТУРЫ, ИНСТИТУТЫ, ИДЕОЛОГИЯ

О.Л. Габелко. «Язык власти» эллинистической монархии: особенности терминологии античных авторов при описании акции воцарения	22
Е.А. Молев. Особенности территориального и государственного формирования Понта от Ктисста до Евпатора.....	42
И.Н. Корвчинский. Дворцовая сокровищница Ай-Ханум как провинциальная царская сокровищница (к постановке проблемы) ...	66

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ПРАВИТЕЛИ: ЛИЧНОСТНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Е.О. Стоянов. Стасанор Солийский: основные проблемы политической биографии	84
А.Л. Зелинский. Арсиноя Филадельфа и Птолемей Филадельф: сакрализация и констатация инцеста	118
Ю.Н. Кузьмин. Когда и почему Антигона III стали называть Досоном?.	142

- Е. В. Смыков.** Портрет гражданина и портрет властителя:
изображения Помпея, *imitatio Alexandri*
и римские политические традиции 156

ПОЛИС В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА: ВАРИАТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ

- С. К. Сизов.** Эволюция полисных институтов
в городах Пелопоннеса в III–II вв. до н.э. 182
- Ю. И. Кудина.** Организация управления внешней политикой
на эллинистическом Родосе. 218
- С. В. Обухов.** Градостроительная политика царей Софены
в Коммагене 234
- С. В. Смирнов.** Между Селевкидами и Парфией:
монетный чекан Селевкии на Тигре в 40–30 гг. до н.э.
и иконография переходного периода 252

РЕЦЕНЗИИ

- Е. М. Берзон.** Chrubasik B. Kings and Usurpers in the
Seleukid Empire: The Men Who Would be King 268

ИСТОЧНИКИ

- Иоанн Стобей.** Наставления о царской власти (Антология. IV. 7).
Перевод с древнегреческого и комментарии И. Е. Сурикова. 280

CONTENTS

THE HELLENISTIC PERIOD: IDENTITY, AUTHORITY, SOCIETY

Editor: Oleg L. Gabelko

List of Abbreviations.....	14
Christian Habicht: in Memoriam.....	17

THE HELLENISTIC MONARCHY: STRUCTURES, INSTITUTIONS, IDEOLOGY

Oleg L. Gabelko. «Language of Power» in the Hellenistic Monarchy: Peculiarities of Terminology of Classical Authors when Describing the Action of Royal Accession.....	22
Evgeny A. Molev. The Peculiarities of Territorial and State Formation of Pontus from Ktistes to Eupator.....	42
Ivan N. Korovchinsky. The palace treasury of Ai Khanoum as a provincial royal treasury.....	66

HELLENISTIC RULERS: PERSONAL AND POLITICAL DIMENSION

Evgeniy O. Stoyanov. Stasanor the Solian: a Reconstruction of the Political Biography.....	84
Andrii L. Zelinskyi. Arsinoe Philadelphus and Ptolemy Philadelphus: Sacralization and Statement of the Incest.....	118
Yuri N. Kuzmin. When and Why Antigonus III was Named Doson?....	142

Yevgeniy V. Smykov. A Portrait of a Citizen and a Portrait of a Ruler:
Images of Pompey, Imitatio Alexandri and Roman Political Traditions... 156

**THE POLIS IN THE HELLENISTIC EPOCH:
VARIABILITY OF HISTORICAL DESTINIES**

- Sergey K. Sizov.** The Evolution of the Polis: Institutions in the Cities
of Peloponnese in the 3rd and 2nd Centuries B.C. 182
- Yulia I. Kudina.** Foreign Policy Governance in Hellenistic Rhodes 218
- Sergey V. Obukhov.** Urban Development Policy of the Kings of Sophene
in Commagene in III B.C. 234
- Svyatoslav V. Smirnov.** Between Seleukids and Parthia: the Coinage
of Seleukeia-on-the-Tigris of 140–130 B.C. and the Iconography
of a Transition Period 252

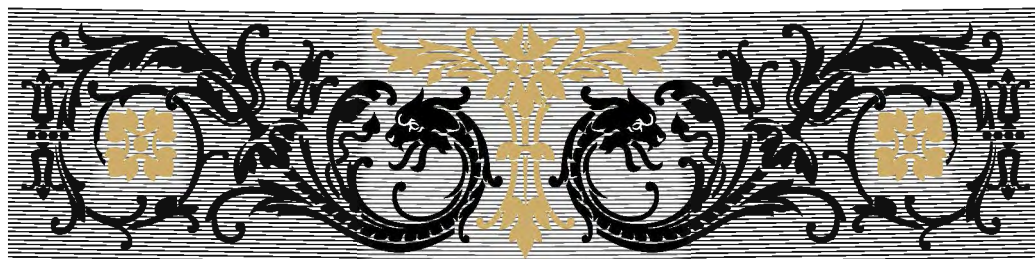
REVIEWS

- Ekaterina M. Berzon.** Chrubasik B. Kings and Usurpers
in the Seleukid Empire: the Men Who Would be King. 268

SOURCES

- Joannes Stobaeus.** Manuals of Imperial Authority (Anthology. IV. 7).
Translated and commented by Igor E. Surikov 280

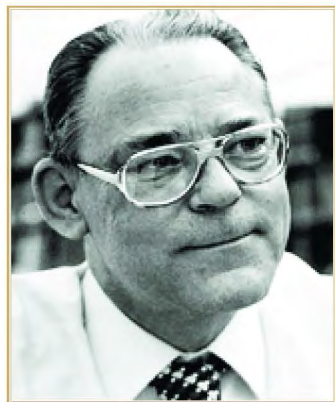
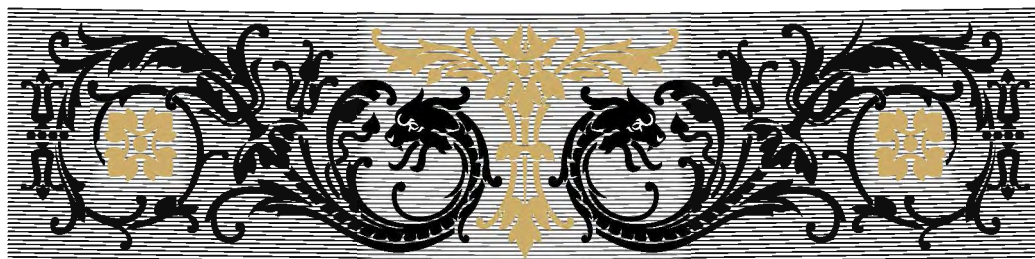

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА — Античный мир и археология. Саратов
БИ — Боспорские исследования. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВННГУ — Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. СПб.
ПС — Палестинский сборник. Л.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
РА — Российская археология. М.
СА — Советская Археология. М.
СхСв — Східний Світ. Київ
АА — Archäologischer Anzeiger. Berlin
АНР — American Historical Review. Washington
АЈАН — American Journal of Ancient History. Cambr. (Mass.)
АЈN — American Journal of Numismatic. N.Y.
АЈPh — American Journal of Philology. Baltimore (Md.)
АКG — Archiv für Kulturgeschichte. Köln

- AHB — Ancient History Bulletin. Calgary
- AncSoc — Ancient Society. Leuven
- ASAA — Annuario della regia scuola archeologica di Atene e delle missioni italiane in Oriente. Padova
- BCH — Bulletin de correspondance hellénique. P.
- BIFAO — Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire
- BO — Bibliotheca Orientalis. Leipzig
- CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge
- CdE — Chronique d'Égypte. Turnhout
- ClAnt — Classical Antiquity. Berkeley (Calif.)
- ClPh — Classical Philology. Chicago (Ill.)
- CQ — Classical Quarterly. Oxford
- CRAI — Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P.
- DHA — Dialogues d'histoire ancienne. P.
- EKM — Επιγραφές Κάτω Μακεδονίας. Τ. Α'–Β'. Αθήνα, 1998–2015.
- EVO — Egitto e Vicino Oriente. Pisa
- FGrHist — Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby et al. Berlin; Leiden, 1923–...
- GIBM — Hicks E.L., Newton C.T., Hirschfeld G., Marshall F.H. The Collection of Ancient Greek Inscriptions in the British Museum. Vol. 1–4. Oxford, 1874–1916.
- HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Camb. (Mass.)
- IMagnesia — Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900.
- ID — Durrbach F. Inscriptions de Délos. T. I–II. Paris, 1926–1928.
- IG — Inscriptiones Graecae. Berolini, 1873–...
- IGBR — Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Michailov. Serdicae, 1958–1970.
- IM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Istanbulische Abteilung. Tübingen
- IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916
- JEA — The Journal of Egyptian Archaeology. L.
- JHS — The Journal of Hellenic Studies. L.
- JRS — The Journal of Roman Studies. L.
- JS — Journal des Savants. P.
- LGPN — A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 1987–...

- LSJ — A Greek-English Lexicon. Completed by Henry George Liddel and Robert Scott. Revised and augmented by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with cooperation of many scholars. With a revised supplement. Oxford, 1996
- Lindos II — Blinkenberg Chr. Lindos, Fouilles de l'Acropole. 1902–1914. II. Inscriptions. Berlin; Copenhagen, 1941
- MDAI(A) — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Mainz
- OGIS — Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905
- QUCC — Quaderni Urbinati di Cultura Classica. Pisa
- RBN — Revue belge de numismatique et de sigillographie. Bruxelles
- RC — Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
- RE — Pauly— Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- REG — Revue des études grecques. P.
- RhM — Rheinisches Museum für klassische Philologie. Frankfurt-am-Main
- RHR — Revue de l'histoire des religions. P.
- RSA — Rivista storica dell' antichità. Bologna
- SAWW — Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Wien
- SCI — Scripta classica israelica. Jerusalem
- SE — Studi ellenistici. Roma.
- SEG — Supplementum epigraphicum Graecum. Leiden; Amsterdam.
- SGDI — Sammlung der Griechischen Dialekt-Inschriften. Göttingen, 1906
- SH — Studia historica. M.
- SP — Studia Pontica.
- SVA III — Die Staatsverträge des Altertums. Bd. III. Die Verträge der Griechisch-Römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Hrsg. v. H. H. Schmitt. München, 1969
- Syll.³ — Sylloge inscriptionum Graecarum / Ed. G. Dittenberger et al. Ed. 3. Vol. 1–4. Lipsiae, 1915–1924.
- TAVO — Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Tübingen.
- WBR — Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques. Ed. 2. Paris, 1925
- ZÄSA — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. B.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
- ZRG — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Wien

ПАМЯТИ КРИСТИАНА ХАБИХТА

вторы эллинистического выпуска «Исторического вестника» посвящают его памяти выдающегося антиковеда и эпиграфиста Кристиана Херберга Хабихта (1926–2018).

Несмотря на широту научных интересов (от греческой истории классической эпохи до истории позднего Рима), магистральным направлением работы К. Хабихта практически всегда было изучение самых разных аспектов истории эллинистического мира. Можно упомянуть его труды — как монографии, так и статьи — о царских культах, истории Афин, эллинистических монархиях (великих и малых) и их правителях, книгах Маккавеев, а также исследования десятков частных сюжетов (часто на основе эпиграфических документов). К. Хабиخت сформулировал и обосновал одно из ключевых понятий, имеющих принципиальное значение для понимания сущности эллинистической государственности — «господствующее общество» (*die herrschende Gesellschaft*), получившее дальнейшую теоретическую разработку в работах других исследователей.

В 2010–2012 гг. в серии «Loeb Classical Library» увидел свет подготовленный К. Хабихтом совместно с Ф.У. Уолбанком (1909–2008) пересмотренный комментированный английский перевод (осуществленный в свое время У.Р. Пэтоном) «Всеобщей истории» Полибия.

Символично, что совсем недавно, в 2017 г., появилось английское издание фундаментальной монографии К. Хабихта о развитии культов правителей в позднеклассическую и раннеэллинистическую эпохи. Именно с этой работы, которая в начале 1950-х была защищена им в качестве диссертации в Гамбургском университете, а затем издана (1956; 1970), началось изучение им эллинистического мира.

* * *

В конце 1990-х К. Хабиخت посещал Россию, а в Принстонском институте передовых исследований, профессором которого он являлся в течение четверти века (1973–1998), получив затем статус *emeritus*, его гостями были А.Л. Верлинский, Ю.Г. Виноградов (1946–2000), А.К. Гаврилов, В.П. Никоноров, С.К. Сизов и некоторые другие отечественные исследователи. Именно в Принстоне договорился с К. Хабихтом об осуществлении русского перевода его вышедшей в 1995 г. и ставшей теперь классической обобщающей книги об истории Афин в эпоху эллинизма Ю.Г. Виноградов. Издание в 1999 г. этой работы на русском языке стало важным событием для отечественного антиковедения.

В России был также опубликован ряд статей К. Хабихта: в ВДИ и «Hyperboreus». С последним изданием Хабиخت сотрудничал в течение многих лет, содействуя и в целом петербургскому «Античному кабинету» (*Bibliotheca classica Petropolitana*), начиная с самого его основания в 1993–1994 гг. Неудивительно, что в 2016 г. один из выпусков «Hyperboreus» был всецело посвящен 90-летию К. Хабихта.

Российские антиковеды и филологи-классики, знавшие К. Хабихта, сохранили добрые воспоминания о встречах с ним. Примером может служить рассказ одного из авторов этих строк, С.К. Сизова, познакомившегося с К. Хабихтом в Принстоне в 1995 г.:

«На меня произвел большое впечатление и его просторный кабинет, заваленный книгами и слепками надписей, и, конечно, прежде всего сам обитатель этого кабинета — человек с очень скромными манерами и несколько застенчивой улыбкой. Я не оставлял его в покое несколько часов, задавая всевозможные вопросы и выясняя его точку зрения по той или иной проблеме. Всякий раз, когда я извинялся, что занимаю его драгоценное время, он повторял одну и ту же фразу: “We are here for colleagues too”. Его суждения были основательны и подкреплены огромной эрудицией, но в то же время отличались взвешенностью и сдержанностью. Когда речь зашла о новинках научной литературы того времени, Хабиخت, помимо прочего, поинтересо-

вался моим мнением о работах одного американского коллеги (ныне очень известного), которого в академических кругах считали человеком со странностями. Я откровенно назвал основные, на мой взгляд, недостатки произведений этого автора, на что Хабихт отреагировал довольной улыбкой, но своего мнения так и не высказал. Эта осторожность была мне вполне понятна: обладая громадным авторитетом, он должен был взвешивать каждое слово при оценке чужих работ, поскольку любое резкое суждение, выйдя за пределы его кабинета, могло нанести немалый ущерб репутации того или иного исследователя. Любой, кто читал труды Хабихта, мог заметить, что и в научной полемике он всегда проявлял чрезвычайную тактичность.

Как я понял, он имел некое представление об уровне развития нашего отечественного антиковедения. Проводив меня в великолепную институтскую библиотеку, он показал на одной из полок полное собрание ВДИ за несколько десятилетий и сказал, что знает о высоком научном уровне этого журнала, но, к сожалению, не читает по-русски. В очень деликатной форме он несколько раз намекнул, что англоязычные публикации принесли бы больше пользы российской науке, да и самим исследователям. Мне он даже предложил оказать в этом отношении некоторую помощь, которой я так и не воспользовался, о чем жалею до сих пор.

Таким он мне и запомнился: вежливый, любезный, открытый для общения человек, который, в отличие от многих научных светил, ни единым словом или жестом не позволял себе демонстрировать свое превосходство над собеседником в статусе и авторитете».

* * *

К. Хабихт являлся одной из ключевых фигур в науке о классической древности в ее образцовом понимании. Будучи ярким представителем немецкой научной школы (в течение длительного времени он работал в университетах Гамбурга, Марбурга и Гейдельберга), Кристиан Хабихт, тем не менее, как и надлежит настоящему историку эллинизма, в своей научной деятельности стал настоящим «человеком мира», чье творчество выходило далеко за рамки какой-либо национальной историографии¹.

Юрий Кузьмин, Сергей Сизов, Олег Габелко

¹ Авторы выражают признательность доктору исторических наук А.К. Гаврилову за предоставленную им ценную информацию.

К. Хабихт

Избранная библиография

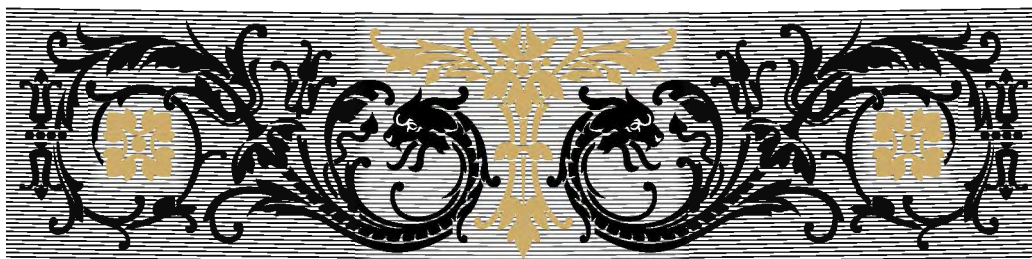
1. Über eine armenische Inschrift mit Versen des Euripides // Hermes. Bd. 81.2. 1953. S. 251–256.
2. Gottmenschentum und griechische Städte. München, 1956 (1970).
3. Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // Hermes. Bd. 84.1. 1956. S. 90–110.
4. Prusias (I–II) // RE. Hbd. 23.1. Stuttgart, 1957. Sp. 1086–1127.
5. Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 45.1. 1958. S. 1–16.
6. Zur Geschichte des Kaisers Konstantin // Hermes. Bd. 86.3. 1958. S. 360–378.
7. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. Bd. 89.1. 1961. S. 1–35.
8. Die Inschriften des Asklepieions (Altertümer von Pergamon. Bd. 8.3). Berlin, 1969.
9. Epigraphische Zeugnisse zur Geschichte Thessaliens unter der makedonischen Herrschaft // Ancient Macedonia–I. Thessaloniki, 1970. S. 265–279.
10. Ziaelas // RE. Bd. 10a. Stuttgart, 1972. Sp. 387–397.
11. Zipoites (1–3) // RE. Bd. 10a. Stuttgart, 1972. Sp. 448–460.
12. Makkabäerbuch. Gütersloh, 1976 (1979).
13. Untersuchungen zur politischen Geschichte Athens im 3. Jahrhundert v. Chr. München, 1979.
14. Studien zur Geschichte Athens in hellenistischer Zeit. Göttingen, 1982.
15. Pausanias' Guide to Ancient Greece. Berkeley, 1985.
16. The Seleucids and their Rivals // CAH.² Vol. 8. 1989. P. 324–387.
17. Cicero der Politiker. München, 1990.
18. Athen in hellenistischer Zeit. Gesammelte Aufsätze. München, 1994.
19. Athen: Die Geschichte Der Stadt in Hellenistischer Zeit. München, 1995.
20. Divine Honours for King Antigonos Gonatas in Athens // Scripta Classica Israelica. Vol. 15. 1996. P. 131–134.
21. Messianic Elements in the Prechristian Greco-Roman World // Towards the Millennium Expectations from the Bible to Waco / P. Schäfer, M.R. Cohen (eds.). Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 47–55.
22. Zur Chronologie der hellenistischen Eponyme von Kos // Chiron. Bd. 30. 2000. S. 303–332.
23. Rhodian Amphora Stamps and Rhodian Eponyms // REA. T. 105.2. 2003. P. 541–578.

24. The Hellenistic Monarchies. Selected Papers. Ann Arbor, 2006.
25. Judicial Control of the Legislature in Greek States // SE. Vol. 20. 2008. P. 17–23.
26. Polybius. The Histories. Vol. 1–6. Trans. by W.R. Paton, rev. by F.W. Walbank, Chr. Habicht. Cambridge, Mass. (Loeb Classical Library), 2010–2012.
27. Divine Honors for Mortal Men in Greek Cities: The Early Cases. Ann Arbor, 2017.

**Работы К. Хабихта,
опубликованные в России**

1. Иасос и Самофракия в середине III в. до н.э. // ВДИ. 1993. № 3. С. 38–42 (пер. Ю.Г. Виноградова).
2. Eine verkannte Bauinschrift aus Megara des Publius Ampelius von 359/360 // Hyperboreus. Vol. 1.2. 1994–1995. P. 128–132.
3. Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. Ю.Г. Виноградова. М., 1999.
4. Danksagungen Geretteter an die Götter // Hyperboreus. Vol. 7. 1–2. 2001. P. 301–307.
5. Ein Spartaner namens Sybariades? // Hyperboreus. Vol. 8. 1. 2002. P. 193–195.
6. Weitere Weihungen Geretteter // Hyperboreus. Vol. 8. 2. 2002. P. 340–344.
7. Versäumter Götterdienst // ВДИ. 2003. № 4. С. 39–49.
8. Iulius Maior aus Nysa, Eponym in Kyzikos // Hyperboreus. Vol. 11.1. 2005. P. 114–120.
9. Marcus Agrippa Theos Soter // Hyperboreus. Vol. 11.2. 2005. P. 242–246.
10. A Decree for Koan Judges // Hyperboreus. Vol. 13.1–2. 2007. P. 133–136.
11. Tullus, a Roman Noble, Resident of Cyzicus // Hyperboreus. Vol. 16–17. 2010–2011. P. 397–404.

О.А. Габелко

«ЯЗЫК ВЛАСТИ» ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ: ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ ПРИ ОПИСАНИИ АКЦИИ ВОЦАРЕНИЯ¹

Общезвестно, что институт эллинистической монархии является чрезвычайно сложным и многосоставным феноменом, впитавшим в себя как греко-македонские, так и восточные традиции². В результате их смешения и взаимодей-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ/РГНФ (№ 16-01-00297) «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен». Хочу выразить благодарность за помощь в работе моим российским и зарубежным коллегам Д.В. Бубнову, С.С. Казарову, М.Н. Каранаеву, В. Кожокару, Ю.Н. Кузьмину, Я.Ю. Межеричкому и А. Чошкуну. Все возможные ошибки, неточности и необоснованные выводы при этом должны быть отнесены исключительно на счет автора.

² См. о некоторых аспектах эллинистической царской власти (сугубо избирательно): Goodenough E.R. *The Political Philosophy of the Hellenistic Kingship*. New Haven, 1928; McEwan C.W. *The Oriental Origin of Hellenistic Kingship*. Chicago, 1934; Walbank F.W. *Monarchy and Monarchic Ideas* // САН. Ed. 2. Vol. VII. Pt 2. 1984. P. 64–100; Gebrike H.-J. *Der siegeriche König: Überlegungen zur hellenistischen Monarchie* // AKG. 1982. Bd. 64. S. 247–277; Ma J. *Kings* // A. Erskine (ed.). *A Companion to the Hellenistic World*. Malden, 2003. P. 177–195; Virgilio B. *Lancia, diadema e porpora. Il re e la regalità ellenistica. Il re e la regalità ellenistica*. Pisa, 2003; Haake M. *Writing down the King. The Communicative Function of Treatises «On Kingship» in the Hellenistic period* // N. Luraghi (ed.). *The Splendors and Miseries of Ruling Alone. Encounters with Monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean*. Stuttgart, 2013. P. 165–206; Strootman R. *Courts and*

ствия возникло уникальное явление, во многих отношениях не имеющее аналогов в античной и мировой истории. Концепция единоличной, то есть царской власти в эпоху эллинизма по сравнению с предыдущими эпохами многократно усложнилась: отныне она вбирает в себя самые разнообразные военно-политические, правовые, этнические, территориально-династические, религиозные, пропагандистские, ритуальные, этико-философские концепты, глубоко проанализировать, а то и просто учесть которые в их совокупности и взаимодействии (особенно в рамках одного исследования) зачастую оказывается весьма непростой задачей. Неудивительно поэтому, что, несмотря на очевидную значимость изучения царской власти в эллинистическом мире, многие ее аспекты на сегодня исследованы явно недостаточно.

В данной работе будет предпринята попытка обращения к одному из, как кажется, практически ускользнувших от внимания исследователей аспекту восприятия древними эллинистической монархии: будет проведен анализ наиболее употребительных и самых показательных терминов, в которых греческими авторами описывается воцарение тех или иных представителей политической элиты эллинистического общества, с тем чтобы определить некоторые механизмы легитимации царской власти на протяжении конца IV — I в. до н.э. Подобная работа может быть расценена как имеющий немалый потенциал элемент «технического оснащения», используемого в ходе детального исследования структур и функционирования эллинистической государственности.

Прежде всего, разумеется, необходимо задать вопрос: насколько позволительно в данном случае говорить именно о *терминах*, а не просто о *словах*? Вправе ли мы ожидать, что авторы, писавшие в различных жанрах, ставившие перед собой разнообразные политические, научные и чисто литературные задачи и — самое важное! — творившие в разное время (как правило, спустя несколько десятилетий или даже веков после описываемых ими событий), достаточно строго и достоверно передают при описании политических событий все правовые, процессуальные и моральные нюансы ситуации, связанной с восшествием на престол нового владыки? Такие сомнения вполне имеют право на существование, особенно с учетом нередкой смысловой и терминологической неопределенности, с которой в античной письменной традиции употребляются

Elites in the Hellenistic Empires: The Near East after the Achaemenids, c. 330 to 30 B.C.E. Edinburgh, 2014 и многие другие.

такие понятия, как *μόναρχος*, *βασιλεύς*, *τύραννος*, *ἡγέμων*, *κύριος*, *ἄρχων*, *δυνάστης* и другие, характеризующие режим единоличного правления в различные периоды древневосточной, греческой и римской истории. Тем не менее комплексный анализ словоупотребления, применяемого античными писателями, позволяет дать на этот вопрос сдержанно-положительный ответ и, более того, использовать для характеристики наблюдаемых явлений кажущееся весьма удачным выражение Джона Ма «язык власти»³ — именно так этот исследователь обозначил систему коммуникаций между селевкидскими правителями и греческими полисами Малой Азии, выраженную в эпиграфических документах. О прямых соответствиях, разумеется, речь здесь не идет, тем более что и сами надписи, как правило, не содержат упоминаний о воцарении того или иного монарха: главное действующее лицо эпиграфических текстов — это, разумеется, «актуальный» царь, а не пребывающий «в процессе» воцарения⁴. Однако, как будет показано далее, в сочинениях историков, передающих политические реалии эпохи эллинизма, определенная система все же просматривается. Возможно, это явление может быть объяснено (по крайней мере, отчасти) чисто языковыми причинами — самим фактом распространения диалекта койне с характерными его особенностями (лингвистическими нормами, семантическими концептами и конкретными формами выражения) по всей эллинистической ойкумене и его последующим сохранением и дальнейшим развитием уже в рамках Римской державы⁵. Однако более весомой представляется все же иная

³ *Ma J. Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 1999. P. 140; особо см. раздел «Цари и города, власть и язык в эллинистический период» (р. 235–242). Он также активно использует выражение «язык эвергетизма»; см. другой раздел книги, носящий такое название (р. 182–194) — отмечая, что в данном случае им использован подход Ж.М. Бертрана: *Bertrand J.M. Formes de discours politiques: décrets des cités grecques et correspondance des rois hellénistiques // Cl. Nicolet (éd.). Du pouvoir dans l'antiquité: mots et réalités. Paris; Geneva, 1990. P. 101–115.**

⁴ Задача такого рода могла бы быть поставлена и применительно к эпиграфическим материалам, как это было сделано в труде Дж. Ма, но это — тема отдельного исследования. Здесь же достаточно отметить хотя бы один небезынтересный пример: фразу (с осторожным восстановлением Ч.Б. Уэллса: *RC. P. 398*) из знаменитого, но остающегося во многих отношениях загадочным «письма неизвестного царя» косцам (*SEG XII 370 — Rigsby K. Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles, 1996. No 12 — IG XII. 4. 213*), *θαυμάζειν ἐπ'ἡμῶν [ἡμῶν — — — χρόνου?] | ἀφ' οὗ τῆς βασιλείας ἤρξαμεν ἀντελαβόμεθα? — — —]* (II. 10–11). Мы должны помнить, однако, что стиль этого документа мало соответствует обычным образцам царских надписей и оценивается К. Ригсби чрезвычайно негативно (р. 123).

⁵ См.: *Krevans N., Sens A. Language and Literature // G.R. Bugh (ed.). The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Cambridge, 2007. P. 186–189.*

причина — вполне реальная примета времени, выражающаяся, прежде всего, в глубоком проникновении монархической идеологии в менталитет эллинистического общества.

Анализ конкретных данных проводился с помощью поисковых систем электронного корпуса TLG. Ввиду огромного объема материала круг рассматриваемых авторов был ограничен теми, кто наиболее систематично, целенаправленно и адекватно излагает события эпохи эллинизма: это Полибий (единственный, к сожалению, современник событий — хотя и лишь отчасти), а также Диодор (мы, разумеется, должны помнить его ориентацию на труд исключительно хорошо информированного и относительно объективного Гиеронима Кардийского при описании раннеэллинистического периода⁶ и опору на сочинение Полибия при обращении ко второй половине III—II в. до н.э.⁷), Страбон⁸, Плутарх. Разумеется, нужно учитывать, что точность словоупотребления прямо (хотя и относительно) пропорциональна близости того или иного историка описываемым им событиям в хронологическом отношении. Это видно уже на примере Плутарха (необходимо, конечно же, брать в расчет также и особенности его литературного стиля, гораздо более богатого и образного, нежели у перечисленных выше авторов). А у такого позднего историка, как, к примеру, Дион Кассий, какую-либо систему в словоупотреблении при описании интересующих нас эпизодов вообще найти не удастся (см., например: Cass. Dio. XLIV. 11. 3; XLVII. 32. 1). При этом кажется несколько странным, что практически ничего полезного для темы не удастся отыскать, к примеру, и у Аппиана в его «Сирийских делах» и «Митридатových войнах»⁹ или в «После Александра» Арриана — видимо, здесь тоже мог сыграть свою роль фактор хронологической удаленности. Кроме того, разумеется, иногда привлекаются наиболее важные аналогии из трудов других греческих историков и литераторов, а

⁶ См., напр.: Meus A. What We Do not Know about the Age of the Diadochi: The Methodological Consequences of the Gaps in the Evidence // V.A. Troncoso, E.A. Anson (eds.). *After Alexander: The Time of the Diadochi*. Oxford, 2013. P. 84–87.

⁷ См. специально: Pavan M. Osservazioni su Diodoro, Polibio e la storiografia ellenistica // *Aevum*. 1987. Vol. LXI. P. 20–28.

⁸ Об исторических взглядах Страбона: Pédech M. Strabon historien // C.U. Crimi, A. Di Benedetto Zimbone, C. Nicolosi (eds.). *Studi classici in onore di Quintino Cataudella*. Vol. II. Catania, 1972. P. 395–408; Engels J. *Augusteische Oikumenengeographie und Universalhistorie im Werk Strabons von Amaseia / Geographica Historica* 12. Stuttgart, 1999.

⁹ Хотя во втором из этих сочинений (4–7) он представляет детальный рассказ о приходе к власти в Вифинии Никомеда II (149 г. до н.э.), включая процедуру провозглашения царем и встречу с войском; см. об этих событиях: Габелко О.А. *История Вифинского царства*. СПб., 2005. С. 328–332.

также описание некоторых значимых эпизодов, не входящих во временные и/или географические рамки эллинизма.

Итак, было установлено, что при описании большей части случаев воцарения названные выше (равно как и другие) греческие авторы употребляют различные формы трех глаголов:

а) ἀναγορεύω — proclaim publicly; Pass. — to be proclaimed¹⁰; публично возвещать, провозглашать, назначать¹¹;

б) ἀναδείκνυμι — lift up and show, exhibit, display; notify, esp. proclaim anyone as elected to office¹²; объявлять, провозглашать, особенно провозглашать кого-либо избранным в должность, назначать¹³;

в) προσαγορεύω — address, greet; call by name¹⁴; приветствовать, называть кого-либо по имени, вообще называть¹⁵.

Довольно широко задействуется также глагол χρηματίζω, хотя его применение выглядит более общим и менее определенным, как будет ясно из нескольких приводимых далее примеров; наиболее часто использование этого слова в смысловой связи с царской властью обозначает «to take and bear a title or name, to be called and styled so and so»¹⁶.

Необходимо отметить, что словоупотребление наших источников несколько отличается, когда речь идет о *выборах* царей в соответствии с архаичными племенными обычаями: в этом случае используется глагол αἰρέω (Strabo. XI. 13. 11 — о царях Мидии; Diod. XL. 1b. 1) или καθίστημι (Strabo. XI. 3. 6; 9. 3)¹⁷; ср. Plut. Pyrrh. 3 — о возвращении Пирра в отеческое царство с помощью иллирийского царя Главкия: καταγαγὼν εἰς Ἦπειρον μετὰ δυνάμεως βασιλέα κατέστησεν¹⁸; cf. Strabo. XVII. 3. 25 — до-

¹⁰ LSJ s.v. P. 101.

¹¹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 88.

¹² LSJ s.v. P. 103.

¹³ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. С. 88.

¹⁴ LSJ s.v. P. 1499.

¹⁵ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. С. 1067.

¹⁶ LSJ s.v. P. 2005.

¹⁷ Возможно, использование географом этих выражений может объясняться его желанием привести в данном случае обобщающие оценки без указания конкретных примеров.

¹⁸ О различии (несколько условном, но, пожалуй, в целом все-таки ощутимом) между «архаическим» и «эллинистическим» характером царской власти в Эпире см.: *Bruinje R. Pyrrhos van Epeiros: Macht en politiek*. Gent, 2013. P. 26–50. Этот эпизод, имевший место в детстве Пирра, должен быть связан с первой стадией. Καθίστημι может использоваться также для описания возвращения к власти, как в этом пассаже и в указании Страбона (XVII. 1. 11): Καῖσαρ... καθίστησι τῆς Αἰγύπτου βασιλίσσαν τὴν Κλεοπάτραν: глагол в данном случае имеет смысл «(вновь) водворить, утвердить (на престоле)».

вольно неожиданно определение власти Августа¹⁹. В то время как последнее слово используется Полибием также применительно к спартанским царям эллинистического времени (IV. 34. 5; 35. 9, 14)²⁰, появление и утверждение трех глаголов, упомянутых выше (ἀναγορεύω, ἀναδείκνυμι и проσαγορεύω), для описания утверждения эллинистических правителей на троне может быть рассмотрено как знак наступления новой эры, запечатлевшийся как в официальном дискурсе, так и в массовой психологии.

Несмотря на то, что все эти глаголы достаточно близки по смыслу (что часто и обнаруживается в переводах текстов на современные языки, где порой не акцентируются важные смысловые детали), в их применении просматривается, как уже было отмечено, определенная система. Прежде всего, очень показательно, что они практически никогда не употребляются в медиальном залоге, а это подразумевает наличие некоей правовой инстанции (народа, войска или даже какой-либо внешней силы), с санкции и/или непосредственными действиями которой производилось провозглашение того или иного лица царем: это делает не сам новоиспеченный монарх, а те, кто имеют к тому определенные правовые основания (хотя бы и проявляющиеся только *ad hoc*). Данное обстоятельство подчеркивается также нередким употреблением глагола или причастия в пассивном залоге, в отдельных случаях — со страдательной конструкцией.

Как правило, «нормальное», стандартное, законное воцарение (и не только в эллинистическом мире), проведенное с соблюдением всех формальностей, описывается античными авторами с помощью различных форм глагола ἀναγορεύω, чаще всего — пассивного аориста или причастия. Не случайно, что именно этот глагол используется в абсолютном большинстве случаев, когда речь идет о *назначении магистратов или присвоении титула императора полководцам* в Риме (Diod. XVI. 15. 1; Plut. Aem. 10, Mar. 5; 9; Sert. 22; Pomp. 9; Caes. 14; 64; Anton. 8; с употреблением страдательной конструкции: Plut. Marcell. 12; Crass. 17; Cic. 36) о должностных лицах Карфагена (Diod. XXV. 12. 1 — bis), о предводителях общеэллинистических союзов (Plut. Alex. 14; Demetr. 25; Arat. 38 = Phylarch. FGrHist 231 F 4) или федеративных объединений (Arat. 41). См. также примеры более ранних эпох о провозглашении царей у персов (Plut. Reg.

¹⁹ καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης κατέσθη κύριος διὰ βίου. Этот необычный случай может быть объяснен желанием географа подчеркнуть в последних строках своего труда законный, исконный, «отеческий» характер власти Августа в Римской державе.

²⁰ Это выражение связывается автором со стандартной практикой назначения царя в Спарте без ссылок на конкретную личность.

et imper. apophthegm. 4. 1; De frat. amor. 478a; Artax. 26; Polyæn. VII. 17. 1) и египтян (Plut. Ages. 37; 38)²¹.

Перечислим наиболее отчетливые случаи, связанные уже непосредственно с эллинистическими монархами. Plut. Alex. 34: Александр провозглашается царем Азии (βασιλεὺς δὲ τῆς Ἀσίας Ἀλέξανδρος ἀνηγορευμένος)²²; De Alex. Fort. 341a: провозглашение соправительства в эллинистических династиях (ἐκείνους ζῶντες οἱ πατέρες βασιλεῖς ἀνηγόρευσαν); Pyrrh. 7: Деметрий Полиоркет становится царем Македонии, устранив соперника (καίρῳ δὲ χρησάμενος καὶ φθάσας ἀποκτίνυσιν ὁ Δημήτριος τὸ μεράκιον καὶ βασιλεὺς ἀνηγορεύθη Μακεδονίας)²³; 12: воцарение Пирра в Македонии (ὁ Πύρρος ἀμαχεί παρέλαβε τὸ στρατόπεδον, καὶ βασιλεὺς ἀνηγορεύθη Μακεδόνων)²⁴; Strabo. XI. 13. 1: о воцарении Атропата в Мидии (βασιλεὺς ἀναγορευθεὶς)²⁵; XIII. 4. 2: принятие царского титула Атталом I Пергамским (ἀνηγορεύθη βασιλεὺς πρῶτος)²⁶; Plut. De frat. amor. 478 a: попытка воцарения Аттала (II) при слухах о смерти его брата Эвмена II: βασιλεὺς ἀναγορεύθη διαδησάμενος (последнее слово дает довольно редкий пример употребления при описании подобных событий среднего залога, точно передающий особенности ситуации!²⁷); Strabo ap. Jos. Ant. Jud. XV. 1. 2: о нежелании иудеев признать царем Ирода (βασιλέα ἀναγορεύειν αὐτὸν ὑπέμειναν)²⁸; Plut. Luc. 18: Митри-

²¹ Лексикон Плутарха, впрочем, и здесь более разнообразен; см.: Plut. Fab. 24; Sulla. 33; Caes. 12; Reg. et imper. apophthegm. 85. 1.

²² См. об этой акции: *Nawotka* K. Alexander the Great and Kingdom of Asia // *Eos*. 2004. Vol. XCI. P. 34–43.

²³ Плутарх также описывает этот эпизод и в других выражениях, что, очевидно, отражает неясность ситуации с правовой точки зрения.

²⁴ See: *Bruijnje* R. Pyrrhos van Epeiros. P. 121–124.

²⁵ О правлении Атропата см.: *Schottky* M. Media Atropatena und Gross-Amenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989. S. 43–53.

²⁶ Полибий рассказывает об этом эпизоде следующим образом: νικήσας γὰρ μάχῃ Γαλάτας, βαρύτατον καὶ μαχιώτατον ἔθνος ἦν τότε κατὰ τὴν Ἀσίαν, ταύτην ἀρχὴν ἐποίησατο καὶ τότε πρῶτον αὐτὸν ἔδειξε βασιλέα (XVIII. 41. 7); последние слова переведены Ф.Г. Мищенко так: «тогда впервые провозгласил себя царем»; ср. французский перевод Д. Русселя: «il se donna à cette occasion le titre de roi». Более точным, однако, кажется английский перевод У. Пейтона: «and then first showed he was really a king» (Polybius). Ср. пассаж Ливия (XXXIII. 21. 1–4), который является почти дословным переводом Полибия (sibi deinde ut aliis non indignus uideretur regno. uictis deinde proelio uno Gallis, quae tum gens recenti aduentu terribilior Asiae erat, regium adsciuit nomen).

²⁷ См. об этих событиях также: Liv. XLVII. 15–16; 18; *Hansen* E. The Attalids of Pergamon. Ithaca, 1971. P. 110–111; *Ogden* D. Polygamy, Prostitutes and Death: The Hellenistic Dynasties. Swansea, 1999. P. 204–206.

²⁸ См. о проблеме: *Baumgartner* A. The Legitimacy of Herod and his Sons as Kings of Israel // I. Gafni, A. Oppenheimer & M. Stern (eds.), *Jews and Judaism in the Second Temple. Mishna and Talmud Period. Studies in Honor of Shmuel Safrai*. Jerusalem, 1993. P. 31–37 (на ив-

дат провозглашает царицей Мониμου²⁹; Anton. 54: Марк Антоний провозглашает «царями царей» своих детей от Клеопатры — целиком в рамках восточной (эллинистической) традиции, что вызывает явное неодобрение писателя (τοὺς ἐξ αὐτοῦ καὶ Κλεοπάτρας υἱοὺς βασιλεῖς βασιλέων ἀναγορεύσας, Ἀλεξάνδρῳ μὲν Ἀρμενίαν ἀπένειμε καὶ Μηδίαν καὶ τὰ Πάρθων ὅταν ὑπαγάγηται, Πτολεμαίῳ δὲ Φοινίκην καὶ Συρίαν καὶ Κιλικίαν).

Интересно, что в тех эпизодах, когда речь идет об эллинистических монархах (в отличие от названных выше «римских» прецедентов), практически никогда не встречается страдательная конструкция, указывающая на то, чьими именами действиями воцарение производится (видимо, это подразумевает стандартный характер процедуры).

Любопытно, однако, что самые первые примеры обретения царского статуса диадохами в 306–305 гг. до н.э. описываются Диодором и Плутархом весьма своеобразно. Поскольку в основе их лежал (упрощенно говоря) конфликт между правовыми концепциями традиционной «национальной» македонской и находящейся в процессе становления «персональной» царской власти нового, эллинистического типа³⁰, последний элемент специально часто подчеркивается употреблением глагола в активном залоге и особенно в сочетании с возвратным местоимением. При этом новизна и неопределенность ситуации с правовой стороны порождают довольно разнообразные выражения авторов. См. примеры: ὡς μετὰ τὴν νίκην ταύτην Ἀντιγόνου καὶ Δημητρίου περιθεμένων διάδημα ζηλοτυπήσαντες οἱ λοιποὶ δυνάσται βασιλεῖς ἑαυτοὺς ἀνηγόρευσαν (Diod. XX. 53. 2); Ἀντίγονος... πυθόμενος τὴν γεγενημένην νίκην καὶ μετεωρισθεὶς ἐπὶ τῷ μεγέθει τοῦ προτερήματος διάδημα περιέθετο καὶ τὸ λοιπὸν ἐχρημάτιζε βασιλεύς (XX. 53. 4); другие диадохи: ἀνηγόρευον ἑαυτοὺς βασιλεῖς (XX. 54. 1); Агафокл ἑαυτὸν ἀνηγόρευσε βασιλέα (Plut. Demetr. 10). Особенно бо-

---

рите); основной вывод работы состоит в том, что главной причиной падения дома Ирода было его ущемление, с точки зрения иудеев, происхождение.

²⁹ Девушка настаивала на заключении официального брака с царем, включая подписание брачного контракта и наделение ее диадемой и титулом царицы; cf. Aelian F. 14 Hercher; Portanova J.J. The Associates of Mithridates Eupator. Ph.D. thesis, Columbia University, 1988. P. 351–352.

³⁰ См., напр.: Müller O. Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973; Cohen G.V. The Diadochoi and the New Monarchies // Athenaeum 2. 1974. Vol. LII. P. 177–179; Seibert J. Das Zeitalter des Diadochen. Darmstadt, 1983. P. 136–140; Gruen E.S. The Coronation of the Diadochoi // J.W. Eadie & J. Ober (eds.) The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr. Lanham, 1985. P. 253–271; Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 136–160; Bosworth A.B. The Legacy of Alexander: Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford, 2002. P. 246–278.

гата подобными пассажами 18-я глава Плутарховой биографии Деметрия: Δημήτριον καὶ Ἀντίγονον βασιλεῖς ἀνηγόρευσαν; ἀνεφώνησε τὸ πλῆθος Ἀντίγονον καὶ Δημήτριον βασιλέας; οἱ δ' ἐν Αἰγύπτῳ... καὶ αὐτοὶ βασιλέα τὸν Πτολεμαῖον ἀνηγόρευσαν; Σέλευκος... τοῖς γε βαρβάροις <καὶ> πρότερον οὗτος ὡς βασιλεὺς ἐχρημάτιζε. Обратим внимание на наличие в некоторых пассажах упоминания «правовой инстанции», которая производит или, по крайней мере, активно признает воцарение.

Любопытно, что применительно к более поздним временам (хотя и не только) использование конструкции с возвратным местоимением используется исключительно для описания ситуаций, связанных с *узурпацией царской власти лицом, не имеющим на это официального права* — причем даже с разными глаголами (хотя чаще всего с ἀναδείκνυμι). См. примеры: Diod. XVII. 74. 2: Бесс провозглашает себя царем после устранения Дария III (ἀνέδειξεν ἑαυτὸν βασιλέα); Polyb. IV. 48. 3: ὁ δ' Ἀχαιοὺς, κρατῶν μὲν τῆς ἐπὶ τάδε τοῦ Ταύρου, βασιλέα δὲ προσφάτως αὐτὸν ἀναδεδειχώς; ср. 12; 51. 3; V. 43. 4 — упоминания о власти Ахея в Малой Азии (в пассаже V. 57. 2 историк употребляет еще и выражение βασιλέα χρηματίζειν, ср. 5)³¹; Diod. XXXIII. 28. 1 = Poseid. F 123 — узурпация власти Диодотом-Трифоном в державе Селевкидов (περιέθετο διάδημα τῆς βασιλείας, καὶ... αὐτὸν ἀνηγόρευσε βασιλέα)³²; Strabo. XVI. 2. 4: Александр Яннай провозглашает себя царем, а не первосвященником, на что не имел права (πρῶτος ἀνθ' ἱερέως ἀνέδειξεν ἑαυτὸν βασιλέα Ἀλέξανδρος)³³; XXXVII. 5a. 1: действия некоего узурпатора в Македонии в начале I в. до н.э. (περιθέμενος διάδημα καὶ βασιλέα Μακεδόνων ἑαυτὸν ἀναδείξας).

Показательно, что в таких же терминах (почти всегда также с глаголом ἀναδείκνυμι) идет речь об установлении тирании (как в эллинистическое,

³¹ О характере власти Ахея: Grainger J.D. A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden, 1997. P. 5; Chrubasik B. Kings and Usurpers in the Seleukid Empire: The Men Who Would be King. Oxford, 2016. P. 81–89.

³² Об узурпации Трифона: Grainger J.D. A Seleukid Prosopography. P. 69–70; Ehling K. Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164–63 v. Chr.): Vom Tode des Antiochos IV. bis zur Einrichtung der Provinz Syrien unter Pompeius. Stuttgart, 2008. S. 165–172; Chrubasik B. Kings and Usurpers. P. 135–141.

³³ О правлении Янная см.: Dąbrowa E. The Hasmoneans and Their State: A Study in History, Ideology, and the Institutions. Kraków, 2010. P. 85; Regev E. The Hasmoneans: Ideology, Archaeology, Identity. Göttingen, 2013. P. 154; ср. неоднозначные нумизматические свидетельства — чекан Аристовула I (первый «царский», до Янная?): Meshorer Y. A Treasury of Jewish Coins. Jerusalem; Nyarck, 2001. P. 27–29, 36; Coşkun A. Neue Überlegungen zur Chronologie und historischen Einordnung der Hasmonäischen Münzprägungen zugleich eine verspätete Würdigung der 'Häresie' Ya'akov Meshorer // RBN. 2018. T. CLXIV. S. 285–321.

так и в более раннее время)³⁴: Diod. XVI. 14. 1 — тираны в Фессалии; Plut. Timoleon. 4 — тирания Тимофана в Коринфе; Diod. XX. 44. 2 — Бомилькар захватывает власть в Новом Карфагене; XXXIII. 5a. 1 — тирания Молкеста в Писидии; XXXVII. 10. 1 — в установлении тирании обвиняется Гракх; Plut. Agat. 3 — тирания Никокла в Сикионе; Полибий о правлении Набиса³⁵).

Глагол ἀναδείκνυμι во многих случаях близок по значению ἀναγορεύω, но очень часто имеет специфические оттенки — либо *проведение самой акции воцарения*, либо же непосредственное провозглашение кем-либо кого-либо царем (царицей) в условиях династических кризисов, буквально — *демонстративное выдвигание на первый план той или иной фигуры* (часто — не вполне законное); очевидно, здесь могут присутствовать и аллюзии на ритуальные аспекты воцарения, связанные с «выходом царя» и представлением его войску³⁶. Приведем примеры. Strabo. XIV. 2. 17: Александр провозглашает Аду царицей Карики (βασιλίσσαν ἀναδείξας)³⁷; Euseb. Chron. I. 230 Schoene: македоняне провозглашают Арридея царем после Александра (βασιλέα ἀνέδειξαν)³⁸; Plut. Demetr. 37 — Деметрий Полиоркет становится царем Македонии, устранив Александра, сына Кассандра (ἀνηγόρευσαν βασιλέα Μακεδόνων); Polyb. XV. 25. 5, 12 — Агафокл и Сосибий путем интриг возводят на престол Птолемея V Эпифана (διάδημα τῷ παιδὶ περιθέντες

³⁴ Это, кстати, опровергает мнение М.Ф. Высокого (*Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н.э. СПб., 2004) о том, что фраза Полиена (V. 47): Παναίτιον τύραννον ἀνηγόρευσαν может свидетельствовать о существовании на Сицилии в эпоху архаики официального титула «тиран», не имеющего ярко выраженной негативной эмоциональной окраски.

³⁵ Полибий, резко отрицательно относящийся к Набису, постоянно именует его тираном (IV. 81. 13; XIII. 6. 5; 7. 6; XVI. 13. 1; XVIII. 17. 1), хотя и нумизматические (*Kraay C.M., Hirmer M.* Greek Coins. London, 1966. No 522), и эпиграфические (IG V. 1 885) материалы, разумеется, показывают его «нормальным» царем. См. о Набисе и его правлении в целом: *Mendels D.* Polybius, Nabis and Equality // *Athenaeum* 2. 1979. Vol. 57. P. 311–333; *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta. A Tale of Two Cities. London, 1992. P. 54–73, особ. 62; 229–230, not. 14–16 (с библиографией); *Walthall A.* Becoming Kings: Spartan Basileia in the Hellenistic Period // *N. Luraghi (ed.)*. The Splendors and Miseries of Ruling Alone. P. 141–154.

³⁶ Э. Бикерман полагал, что эллинистическая церемония торжественного провозглашения царем с официальным представлением народу, ἀνάδειξις, была воспринята у персов (*Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 24). Ср. *Strootman R.* Courts and Elites. P. 233–246.

³⁷ Об этой акции в контексте специфических карийских институтов см.: *Carney E.D.* Women and Dunasteia in Caria // *AJPh.* 2005. Vol. CXXVI. P. 65–91.

³⁸ См. об Арридее: *Carney E.D.* The Trouble with Philip Arrhidæus // *АНВ.* 2001. Vol. 15. No 1–2. P. 63–89; специально о его провозглашении царем: *Берзон Е.М., Габелко О.А.* ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ как средство династической политики в эллинистическом мире // *ВДИ.* 2018. Т. 78. № 2. С. 238–239.

ἀνέδειξαν βασιλέα); ср. 25. 11; XXIX. 23. 5 — народ провозгласил царем Птолемея VIII Эвергета II Фискона (Πτολεμαῖον ὑπὸ τῶν ὄχλων ἀναδεδεῖχθαι βασιλέα)³⁹; Strabo. XVII. 1. 11 — три случая употребления названного глагола при описании династических смут последних Птолемеев. Заслуживает упоминания также пассаж Polyb. XXX. 2. 6 (хотя и без использования слова βασιλεύς), освещающий внутрдинастические коллизии в Пергаме, когда ситуация с потенциальным наследником Эвмена II оставалась неясной: οὐδέλω γὰρ ἀναδεδειγμένος ἐτύχανεν κατὰ φύσιν υἱὸς ὦν αὐτῷ (τις) ὁ μετὰ ταῦτα διαδεξάμενος τὴν ἀρχήν⁴⁰.

Глагол проσαγορεύω всеми названными авторами чаще всего используется в его элементарном значении — «называть», а в связи с упоминанием царей — когда речь идет о тронных эпитетах (прямая аналогия — прозвища римских государственных деятелей). Чаще всего употребляется причастие проσαγορευθεῖς или проσαγορευόμενος⁴¹ (эллинистические правители: Polyb. V. 4. 5; Strabo. X. 4. 10; XII. 3. 41; XIV. 5. 2; XVI. 2. 14; XVII. 1. 11; Diiod. XX. 46. 2; XXXIV–XXXV. 1. 3; 14. 1; XXXVII. 26. 1; Luc. Macrob. 13; Polyaeen. VIII. 50. 1; App. Mithr. 105; Ael. VH. 12. 43⁴²; римские политики: Strabo. III. 3. 1; 5. 1; V. 4. 4; XII. 6. 2; Diiod. XXXI. 26. 4; XXXVI. 16. 1). Однако в некоторых, причем кажущихся особенно интересными случаях, когда речь идет о провозглашении царем, этот глагол обозначает *законное признание власти нового правителя некоей внешней силой (что и позволяет ему реально обрести царский статус)* — Римом⁴³, другим более сильным государством, иным субъектом власти⁴⁴.

³⁹ См.: Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. London; New York, 2001. P. 194–195.

⁴⁰ Д. Огден (Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 202–207) понимает эту фразу как показатель того, что на тот момент Аттал (III) еще не был признан Эвменом II как его законный сын.

⁴¹ Ср.: словоупотребление Евсевия (Chron. I. 230 Schoene): Ἀριδαῖος... ὃν οἱ Μακεδόνες... Φίλιππον проσαγορευούσαντες (здесь приводится личное «царское» имя, а не прозвище).

⁴² Более того, в этой ситуации Плутарх также использует различные формы глагола ἀναγορεύω (De Laude Ipsius 543d: διὸ καὶ τῶν βασιλέων τοὺς μὴ θεοὺς μηδὲ παῖδας θεῶν ἀναγορεύεσθαι θέλοντας ἀλλὰ Φιλαδέλφους ἢ Φιλομήτορας ἢ Εὐεργέτας ἢ Θεοφιλεῖς; De Alex. Fort. 338c: οἱ δ' Εὐεργέτας οἱ δὲ Καλλινίκους οἱ δὲ Σωτήρας οἱ δὲ Μεγάλους ἀνηγόρευσαν ἑαυτοῦς), но делает он это, вероятно, лишь с целью моральной нюансировки, подчеркивая особую значимость этой акции.

⁴³ Ср.: Diiod. I. 83. 8, где говорится о нежелании римлян признать другом царя Птолемея (XI): Πτολεμαῖος μὲν ὁ βασιλεὺς ὑπὸ Ῥωμαίων οὐπω προσηγόρευτο φίλος (частичная аналогия — Strabo. XIV. 5. 18: καὶ βασιλεὺς ὑπὸ Ῥωμαίων ὠνομάσθη διὰ τὰς ἀνδραγαθίας Ταρκονδίμοτος).

⁴⁴ Явное исключение — информация Афиней (XIII. 595d) о провозглашении царицей в Тарсе некоей Гликеры (ὑπὸ τοῦ λαοῦ... βασιλίσσαν проσαγορευομένην; ср. XIII. 586c); она была любовницей Гарпала, беглого казначея Александра Великого, и эта акция, разу-

Обратимся к конкретным примерам. Государство Селевкидов: Diod. XIII. 90. 4 — пророчество, данное Селевку Никатору (τὸν θεὸν προσαγορευῆσαι Σέλευκον βασιλέα — даже так!)⁴⁵; Polyb. XXXI. 33. 3 — о поддержке, оказанной римлянами Деметрию I в его утверждении на троне в 161 г. до н.э. (ἕως ἐξειργάσατο βασιλεὺς ὑπ’ αὐτῶν προσαγορευθῆναι); Diod. XXXIII. 33. 28a. 1 — о желании узурпатора Диодота заручиться поддержкой сената (προσαγορευθῆναι βασιλέα). Македония в 229 г. до н.э.: Plut. Aem. 8 — приход к власти Антигона (III) с санкции македонской аристократии (οἱ πρῶτοι Μακεδόνων Ἀντίγονον ἐπάγονται, τοῦ τεθνηκότος ἀνεψιὸν ὄντα, καὶ συνοικίσαντες αὐτῷ τὴν μητέρα τοῦ Φιλίππου, πρῶτον μὲν ἐλίτρολον καὶ στρατηγόν, εἶτα πειρώμενοι μετρίου καὶ κοινωφελοῦς βασιλέα προσηγόρευσαν)⁴⁶. Сицилийские примеры: Polyb. XI. 15. 8 — о принятии

меется, не имела ни малейшей легитимности. Об афере Гарпала см.: Blackwell C.W. In the Absence of Alexander: Hapralus and the Failure of Macedonian Authority. New York, 1999. Фраза псевдо-Лукиана (Macrob. 17) о «повышении статуса» Асандра, правителя Боспорского царства (Ἀσανδρος δὲ ὁ ὑπὸ τοῦ θεοῦ Σεβαστοῦ ἀντὶ ἐθνάρχου βασιλεὺς ἀναγορευθεὶς Βοσπόρου), кажется также неточной с точки зрения терминологии: казалось бы логичным ожидать здесь именно причастия προσαγορευθεὶς (см. далее), хотя мы должны иметь в виду сам факт переименования («перетитулования») этого правителя, что и могло быть подчеркнуто писателем. Не вполне ясно также, почему псевдо-Лукиан использует здесь термин «этноарх» в северопричерноморском контексте, тогда как этот титул чаще всего оказывается связанным с правителями Иудеи (см., напр.: Sharon N. The Title Ethnarch in Second Temple Period Judea // JSJ. 2010. Vol. XLI. P. 472–493; Coşkun A. Der Ethnarchentitel des Simon (Makkabaios) und die Verleihung der Suveränität durch Antiochos VII. Sidetes // SCI. 2018. Vol. XXXVII. S. 129–161). О правлении Асандра см.: Nawotka K. Asander of the Bosphorus: His Coinage and Chronology // AJN. 1992. Vol. III–IV. P. 21–48; Frolova N.A., Karyškovskij P.O., Delfs M. Zur Chronologie der Herrschaft Asanders im Bosphoros // Chiron. 1993. Bd. XXIII. S. 63–79; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 55–89. Следует помнить, конечно, что Афиней и (псевдо-)Лукиан — поздние для нас авторы.

⁴⁵ О включении различных религиозных, пропагандистских и литературных элементов в царскую идеологию и «персональную мифологию» Селевка I см.: Смирнов С.В. Некоторые особенности формирования культа правителя в государстве Селевкидов // С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.). «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб., 2016. С. 313–328 и особенно новейшую монографию: Ogdén D. The Legend of Seleucus. Kingship, Narrative and Mythmaking in the Ancient World. Cambridge, 2017.

⁴⁶ О событийном и правовом контексте см.: Le Bobec S. Antigone Dôsôn, roi de Macédonie. Nancy, 1993. P. 113–150. Новые эпиграфические материалы с очевидностью подтверждают точку зрения, обоснованную С. Ле Боек, согласно которой Антигон III, вопреки бытовавшему ранее мнению (впервые выражено: Dow S., Edson C.F. Chryseis // HSCP. 1937. Vol. XLVIII. 163–176), был полноправным царем почти с самого прихода к власти, а не просто считался регентом при малолетнем Филиппе (Tziafalias A., Helly B. Inscriptions de la Tripolis de Perrhébie: Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn' // SE. 2010. Vol. 24. P. 71–125; 94–117 + not. 3–4; 123–125, figs. 6–8). См. также статью Ю.Н. Кузьмина в данном издании.

царского титула Агафоклом в Сиракузах (βασιλεὺς προσαγορευόμενος)⁴⁷; I. 9. 8 — о воцарении Гиерона в Сиракузах в 268 г. до н.э. (βασιλεὺς ὑπὸ πάντων προσηγορεύθη τῶν συμμάχων)⁴⁸. Малые монархии: Strabo. XI. 14. 15 — о «повышении статуса» правителей Армении Артаксия и Зариадра (προσθέμενοι Ῥωμαίοις καθ' αὐτοὺς ἐτάττοντο βασιλεῖς προσαγορευθέντες; связь между их ориентацией на Рим и провозглашением царями совершенно очевидна)⁴⁹; XII. 1. 2 — об Ариарате III Каппадокийском (Ἀριάραθης ὁ πρῶτος προσαγορευθεὶς Καππαδόκων βασιλεὺς)⁵⁰; Plut. De Frat. Amor. 478a — о событиях в царстве Атталидов с чрезвычайно показательным сочетанием разных слов в сообщении о попытке Аттала воцариться при слухах о гибели его брата Эвмена (см. выше), а также пассаж о передаче трона Атталом II своему племяннику Атталу III (τὸν

⁴⁷ Диодор (XX. 54. 1; см. выше) и Плутарх (Reg. Imp. Apophth. 176e), говоря о воцарении Агафокла, используют глагол ἀναγορεύω, но Полибий может иметь здесь в виду очень важную правовую деталь — особую роль сиракузского гражданства в водворении Агафокла на трон (тогда как de jure он еще мог и не быть царем Сиракуз). См.: De Vito S. Immagini di re e paradigmi di realtà: L'esempio dell'ultimo Agatocle // G. De Sensi Sestito, M. Intrieri (eds.). Sulle sponde dello Ionio: Grecia Occidentale e Greci d'Occidente. Pisa, 2016. P. 339–354; Попов А.И. Царская власть Агафокла Сиракузского // А.С. Шофман, Ю.В. Лукиянов (ред.) Проблемы истории и историографии: античность, средние века. Уфа, 1990. С. 12–21.

⁴⁸ Содержательное сопоставление царской власти Агафокла и Гиерона: Haake M. Agathokles und Hieron II: Zwei basileis in hellenistischer Zeit und die Frage ihrer Nachfolge // V. Alonso Troncoso (ed.), διάδοχος τῆς βασιλείας: La figura del sucesor en la realeza helenística. Gêrion Anejos. IX. Madrid, 2005. P. 153–175.

⁴⁹ См., напр.: Schottky M. Media Atropatene. S. 139–183 (с преимущественным вниманием к генеалогии и внешней политике этих правителей). Трудно сказать, в чем именно проявилась проримская позиция Артаксия и Зариадра (установление дипломатических отношений с Римом? «Удар в спину» Антиоху III?), но, как кажется, не существует оснований оспаривать надежность информации Страбона.

⁵⁰ Важное подтверждение тому факту, что Ариарат (III) был признан царем только после и вследствие установления брачно-династических связей домом Селевкидов, когда он был еще наследником каппадокийского престола. См.: Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. I. Nancy, 1982. P. 292; Grainger J.D. A Seleukid Prosopography. P. 67; наиболее подробно: Gabelko O.L. The Dynastic History of Hellenistic Monarchies of Asia Minor According to the Chronography by George Synkellos // J.-M. Højte (ed.). Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies 9. Aarhus, 2009. P. 47–61. Ср. с тем, что Страбон говорит о Понте и Каппадокии (XII. 1. 4): «Что касается Каппадокии, то македоняне захватили ее у персов уже разделенной на 2 сатрапии. Македоняне допустили, частью добровольно, частью против воли, превращение сатрапий в царства. Одно из них они назвали “Собственно Каппадокией” и “Каппадокией у Тавра” и даже “Великой Каппадокией”, другое же — “Понтом”, хотя другие называют его Понтийской Каппадокией» (пер. Г.А. Стратановского). Отсюда явно следует, что признание Великой Каппадокии царством со стороны македонян, т.е. Селевкидов, было добровольным.

ἐκείνου παῖδα θρέψας καὶ ἀνδρώσας ἔτι ζῶν ἐπέθηκε τὸ διάδημα καὶ βασιλέα προσηγόρευσεν)⁵¹.

И, наконец, следует отметить, что, как и в момент «начала» эллинистической царской власти, словоупотребление античных авторов становится менее определенным при описании неоднозначных политических ситуаций. Совершенно ожидаемо Диодор в книгах XXXIV—XXXVI, рассказывая о рабских восстаниях на Сицилии и в Италии и «воцарении» их лидеров, использует самые разнообразные сочетания различных слов (XXXIV—XXXV. 2. 14, αἰρεῖται βασιλεὺς ὁ Εὐνους; 2. 16, Σύραν... βασιλίσσαν ἀποδείξας; 2. 41, ὁ Εὐνους μετὰ ἀναγορευθῆναι βασιλεὺς; XXXVI. 2. 4 — о Тите Минуции: καὶ βασιλέα ἑαυτὸν συνεργία τῶν δούλων ἀναδείξας; 4. 4 — о Сальвии: εἴλαντο βασιλέα τὸν ὀνομαζόμενον Σάλουιον; 7. 1 — αὐτὸς δ' ἀναγορεύσας ἑαυτὸν βασιλέα Τρύφων μὲν ὑπὸ τῶν ἀποστατῶν προσηγορεύετο; 5. 2 — об Афинионе: ὑπὸ δὲ τούτων αἰρεθεὶς βασιλεὺς καὶ διάδημα περιθέμενος). Такое словоупотребление отражает чрезвычайную неопределенность положения дел, связанного с притязаниями на царский титул со стороны лиц, ни малейших законных оснований к тому не имевших. Тем не менее влияние эллинистической царской идеологии может быть прослежено и в этих событиях⁵².

Таким образом, следует подытожить, что в восприятии как широких слоев населения эллинистических государств, так и, в особенности, представителей их интеллектуальной и политической элиты воцарение того или иного монарха представляло собой довольно сложную процедуру, воспринимаемую в комплексе тесно взаимосвязанных политических, правовых, этнических, церемониальных коннотаций. Политические дискурсы эллинистических правителей, выражаемые в том числе и средствами «языка власти», имели сложный составной характер и могли быть адресованы, в соответствии с особенностями конкретной ситуации, различным аудиториям — двору, армии, подданным, иностранным государствам и правителям и не в последнюю очередь — самим монархам, которые использо-

⁵¹ Информация Страбона (XVI. 2. 46) о признании Ирода вначале Антонием, а затем и Августом (βασιλεὺς ἐχρημάτισε, δόντος τὸ μὲν πρῶτον Ἀντωνίου τὴν ἐξουσίαν ὕστερον δὲ καὶ Καίσαρος τοῦ Σεβαστοῦ) подана несколько иначе, что, возможно, отражает особенности политико-правового положения Ирода. См. о его стремлении заручиться римской поддержкой: Richardson P. Herod: King of the Jews and Friend of the Romans. Edinburgh, 1999. P. 129–130.

⁵² См., напр.: Maróti E. Bewusstheit und ideologische Faktoren in den Sklavenbewegungen (Eunus und Atargatis) // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1967. Vol. 15. P. 319–326; Engels D. Ein syrisches Sizilien? Seleukidische Aspekte des ersten sizilischen Sklavenkriegs und der Herrschaft des Eunus-Antiochos // Polifemo. 2011. Vol. XI. P. 233–251; Берзон Е.М., Габелко О.А. ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ. С. 249–250.

вали этот инструментарий для эффективной самопрезентации на разных уровнях. С другой стороны, все проанализированные примеры позволяют еще раз убедиться в исключительной емкости и семантическом богатстве древнегреческого языка, в связи с чем представляется уместным процитировать хрестоматийную фразу одного из наиболее выдающихся исследователей истории эллинизма Элиаса Бикермана: «Среди языков древнего мира греческий выделяется своим богатством средств точного выражения отношений между обсуждаемыми предметами. Там, где другие языки просто связывают вместе предложения немногочисленными, на все пригодными союзами, греческий всегда делает возможным, а часто требует детального анализа всего комплекса идей, которые надлежит выразить в речи. Страница, написанная на каком-нибудь семитском языке или на раннелатинском, в сравнении со страницей классического греческого выглядит кучей кирпичей, сваленной рядом с аркой»⁵³.

---

⁵³ Цит. по: *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету древнегреческой цивилизации. СПб., 1998.

REFERENCES

1. *Andreev Yu.V.* The Price of Freedom and Harmony. Several Traits to the Portrait of Ancient Greek Civilization [Tsena svobody i garmoniii. Neskol'ko shtrihov k portretu drevnegrecheskoy civilizatsii]. SPb., 1998.
2. *Baumgartner A.* The Legitimacy of Herod and his Sons as Kings of Israel // I. Gafni, A. Oppenheimer & M. Stern (eds.). Jews and Judaism in the Second Temple. Mishna and Talmud Period Studies in Honor of Shmuel Safrai. Jerusalem, 1993. P. 31–37.
3. *Bertrand J.M.* Formes de discours politiques: décrets des cités grecques et correspondance des rois hellénistiques // Cl. Nicolet (ed.). Du pouvoir dans l'antiquité: mots et réalités. Paris; Geneva, 1990. P. 101–115.
4. *Berzon E.M., Gabelko O.L.* ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ as a Means of Dynastic Politics in the Hellenistic World [ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ kak sredstvo dinasticheskoy politiki v elleinisticheskom mire] // VDI. 2018. T. 78. № 2. P. 234–256.
5. *Bikerman E.* The Seleukid State [Gosudarstvo Selevkidov]. M., 1985
6. *Billows R.A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles, London, 1990.
7. *Blackwell C.W.* In the Absence of Alexander: Harpalus and the Failure of Macedonian Authority. New York, 1999.
8. *Bosworth A.B.* The Legacy of Alexander: Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford, 2002.
9. *Bruijnje R.* Pyrrhos van Epeiros: Macht en politiek. Gent, 2013.
10. *Carney E.D.* The Trouble with Philip Arrhidaeus // AHB. 2001. Vol. 15. No 1–2. P. 63–89.
11. *Carney E.D.* Women and Dunasteia in Caria // AJPh. 2005. Vol. CXXVI. P. 65–91.
12. *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta. A Tale of Two Cities. London, 1992.
13. *Chrubasik B.* Kings and Usurpers in the Seleukid Empire: The Men Who Would be King. Oxford, 2016.
14. *Cohen G.V.* The Diadochoi and the New Monarchies // Athenaeum 2. 1974. Vol. LII. P. 177–179.
15. *Coşkun A.* Der Ethnarchentitel des Simon (Makkabaios) und die Verleihung der Suveränität durch Antiochos VII. Sidetes // SCI. 2018. Vol. XXXVII. S. 129–161.

16. *Coşkun A.* Neue Überlegungen zur Chronologie und historischen Einordnung der Hasmonäischen Münzprägungen zugleich eine verspätete Würdigung der 'Häresie' Ya'akov Meshorers // RBN. 2018. T. CLXIV. S. 285–321.
17. *Dąbrowa E.* The Hasmoneans and Their State: A Study in History, Ideology, and the Institutions. Kraków, 2010.
18. *De Vito S.* Immagini di re e paradigmi di realtà: L'esempio dell'ultimo Agatocle // G. De Sensi Sestito & M. Intrieri (eds.). Sulle sponde dello Ionio: Grecia Occidentale e Greci d'Occidente. Pisa, 2016. P. 339–354.
19. *Dow S., Edson C.F.* Chryseis // HSCP. 1937. Vol. XLVIII. P. 163–176.
20. *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164–63 v. Chr.): Vom Tode des Antiochos IV. bis zur Einrichtung der Provinz Syrien unter Pompeius. Stuttgart, 2008.
21. *Engels D.* Ein syrisches Sizilien? Seleukidische Aspekte des ersten sizilischen Sklavenkriegs und der Herrschaft des Eunus-Antiochos // Polifemo. 2011. Vol. XI. P. 233–251.
22. *Engels J.* Augusteische Oikumenegeographie und Universalhistorie im Werk Strabons von Amaseia. Geographica Historica 12. Stuttgart, 1999.
23. *Frolova N.A., Karyškovskij P.O., Delfs M.* Zur Chronologie der Herrschaft Asanders im Bosporos // Chiron. 1993. Bd. XXIII. P. 63–79.
24. *Gabelko O.L.* The Dynastic History of Hellenistic Monarchies of Asia Minor According to the Chronography by George Synkellos // J.-M. Højte (ed.). Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies 9. Aarhus, 2009. P. 47–61.
25. *Gabelko O.L.* The History of the Bithynian Kingdom [Istorija Vifinskogo tsarstva]. SPb., 2005.
26. *Gehrke H.-J.* Der siegeriche König: Überlegungen zur Hellenistischen Monarchie // AKG. 1982. Bd. 64. S. 247–277.
27. *Goodenough E.R.* The Political Philosophy of the Hellenistic Kingship. New Haven, 1928.
28. *Grainger J.D.* A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden, 1997.
29. *Gruen E.S.* The Coronation of the Diadochoi // J.W. Eadie & J. Ober (eds.) The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr. Lanham, 1985. P. 253–271.
30. *Haake M.* Agathokles und Hieron II: Zwei basileis in hellenistischer Zeit und die Frage ihrer Nachfolge // V. Alonso Troncoso (ed.). διάδοχος τῆς βασιλείας: La figura del sucesor en la realeza helenística. Gérion Anejos. IX. Madrid, 2005. S. 153–175.
31. *Haake M.* Writing down the King. The Communicative Function of Treatises «On Kingship» in the Hellenistic period // N. Luraghi (ed.). The Splendors and Miseries of Ruling Alone. Encounters with Monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean. Stuttgart, 2013. P. 165–206.

32. *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca, 1971.
33. *Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. London; New York, 2001.
34. *Kraay C.M., Hirmer M.* Greek Coins. London, 1966.
35. *Krevans N., Sens A.* Language and Literature // G.R. Bugh (ed.). The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Cambridge, 2007. P. 186–207.
36. *Le Bohec S.* Antigone Dôsôn, roi de Macédonie. Nancy, 1993.
37. *Ma J.* Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 1999.
38. *Ma J.* Kings // A. Erskine (ed.). A Companion to the Hellenistic World. Malden, 2003. P. 177–195.
39. *Maróti E.* Bewusstheit und ideologische Faktoren in den Sklavenbewegungen (Eunus und Atargatis) // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1967. Vol. 15. S. 319–326.
40. *McEwan C.W.* The Oriental Origin of Hellenistic Kingship. Chicago, 1934.
41. *Meeus A.* What We Do not Know about the Age of the Diadochi: The Methodological Consequences of the Gaps in the Evidence // V.A. Troncoso & E.A. Anson (eds.). After Alexander: The Time of the Diadochi. Oxford, 2013. P. 84–93.
42. *Mendels D.* Polybius, Nabis and Equality // Athenaeum 2. 1979. Vol. 57. P. 311–333.
43. *Meshorer Y.* A Treasury of Jewish Coins. Jerusalem, 2001.
44. *Müller O.* Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973.
45. *Nawotka K.* Asander of the Bosphorus: His Coinage and Chronology // AJN. 1992. Vol. III–IV. P. 21–48.
46. *Nawotka K.* Alexander the Great and Kingdom of Asia // Eos. 2004. Vol. XCI. P. 34–43.
47. *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death: The Hellenistic Dynasties. Swansea, 1999.
48. *Ogden D.* The Legend of Seleucus. Kingship, Narrative and Mythmaking in the Ancient World. Cambridge, 2017.
49. *Pavan M.* Osservazioni su Diodoro, Polibio e la storiografia ellenistica // Aevum. 1987. Vol. LXI. P. 20–28.
50. *Pédech P.* Strabon historien // C.U. Crimi, A. Di Benedetto Zimbone & C. Nicolosi (eds.). Studi classici in onore di Quintino Cataudella. T. 2. Catania, 1972. P. 395–408.
51. *Popov A.I.* Royal Power of Agathocles the Syracusan [Tsarskaya vlast' Agafokla Sirakuzskogo] // A.S. Shofman, Yu.V. Lukyanov (edd.). The Problems of History and Historiography: Antiquity, Middle Ages [Problemy istorii i istoriografii: antichnost', srednie veka]. Ufa, 1990. P. 12–21.
52. *Portanova J.J.* The Associates of Mithridates Eupator. Columbia U. Ph.D. thesis, 1988.
53. *Regev E.* The Hasmoneans: Ideology, Archaeology, Identity. Göttingen, 2013.
54. *Richardson P.* Herod: King of the Jews and Friend of the Romans. Edinburgh, 1999.

55. *Rigsby K.* Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles, 1996.
56. *Saprykin S.Yu.* The Bosporan Kingdom on the Eve of Two Epochs [Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvuh epoh]. M., 2002.
57. *Schottky M.* Media Atropatena und Gross-Amenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989.
58. *Seibert J.* Das Zeitalter des Diadochen. Darmstadt, 1983.
59. *Sharon N.* The Title Ethnarch in Second Temple Period Judea // Journal for the Study of Judaism. 2010. Vol. XLI. P. 472–493.
60. *Smirnov S.V.* Some Peculiarities of the Formation of Ruler's Cult in the Seleukid State [Nekotorye osobennosti formirovaniya kul'ta pravatelya v gosudarstve Selevkidov] // S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.). «The Gods among the Peoples»: The Ruler's Cult in Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman Worlds [«Bogi sredi lyudej»: kul't pravitelej v ellinisticheskom, post-ellenisticheskom i rimskom mire]. M.; SPb., 2016. P. 313–328.
61. *Strootman R.* Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East after the Achaemenids, c. 330 to 30 BCE. Edinburgh, 2014.
62. *Tziafalias A., Helly B.* Inscriptions de la Tripolis de Perrhébie: Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôson // SE. 2010. Vol. 24. P. 71–125.
63. *Virgilio B.* Lancia, diadema e porpora. Il re e la regalità ellenistica. Il re e la regalità ellenistica. Pisa, 2003.
64. *Vysokij M.F.* The History of Sicily in the Archaic Epoch. Early Greek Tyranny, end of VII — mid. V cent. BC. [Istorija Sicililii v arhaicheskuyu epohu. Rannaya grecheskaya tiraniya kontsa VII — serediny V v. do n.e.]. SPb., 2004.
65. *Walbank F.W.* Monarchy and Monarchic Ideas // CAH2. 1984. Vol. VII. 2. P. 64–100.
66. *Walthall A.* Becoming Kings: Spartan Basileia in the Hellenistic Period // N. Luraghi (ed.). The Splendors and Miseries of Ruling Alone. Encounters with Monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean. Stuttgart, 2013. P. 123–159.
67. *Weisman A.D.* Greek-Russian Dictionary [Grechesko-russkij slovar']. M., 1991.
68. *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. I. Nancy, 1982.

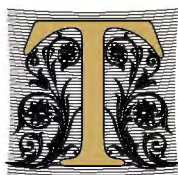
Ключевые слова:

эллинистическая монархия, дискурс государственной власти, воцарение, легитимация, исторические сочинения, терминология.

Oleg L. Gabelko

«LANGUAGE OF POWER» IN THE HELLENISTIC MONARCHY: PECULIARITIES OF TERMINOLOGY OF CLASSICAL AUTHORS WHEN DESCRIBING THE ACTION OF ROYAL ACCESSION

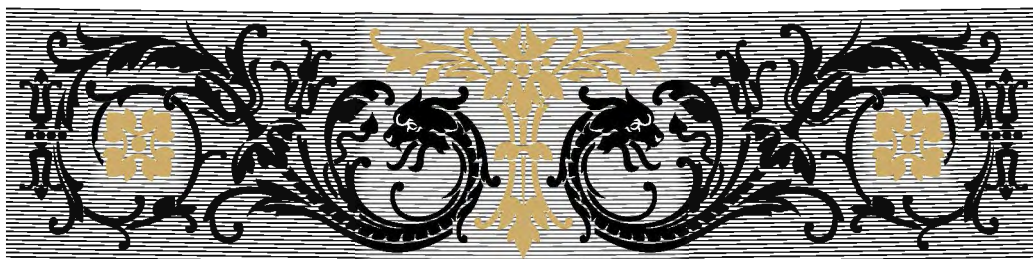
The article analyzes some aspects of the discourse of monarchical power, formed in the Hellenistic world, which are expressed in the word usage involved in describing the action of accession. An analysis of the works of ancient Greek authors (Polybius, Diodorus, Strabo, Plutarch, etc.) showed that they most often use various forms of the three verbs: ἀναγορεύω, ἀναδείκνυμι and προσαγορεύω for this. The first most often describes the fact of a normal, lawful acceptance of royal power; the second one often contains an emphasis on the demonstrative and not quite legitimate movement to the throne of the certain person; the third word can transmit a situation in which the acquisition of royal authority is authorized from the outside. The statement of the verb in the active, middle or passive voice has a great importance for clarifying the political, legal and moral nuances of a particular situation. On the whole, the current system of word usage, although it was not strictly defined, clearly demonstrates the deep penetration of the monarchical ideology into the mentality of the Hellenistic society.

Key words: the Hellenistic Monarchy, the discourse of monarchical power, lawful acceptance of royal power, legitimization, works of ancient Greek authors, terminology.

Oleg L. Gabelko — Doctor of Historical Sciences, Professor at Russian State University for the Humanities, Institute for Oriental and Classical Studies.

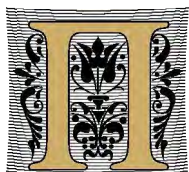
 Габелко Олег Леонидович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира
Института восточных культур и античности Российского государственного
гуманитарного университета.

Е.А. Молев

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПОНТА ОТ КТИСТА ДО ЕВПАТОРА

Понтйское царство, как и большинство других государств, именуемых «эллинистическими», возникло после распада державы Александра Македонского в ходе войн его преемников между собой и с нежелающим покориться им местным населением различных областей Востока. К последним принадлежит и Понт, население которого в целом отказывалось подчиниться новым завоевателям и поддержало старых персидских правителей, выступивших, однако, с новой идеей — идеей национальной независимости.

Надо сказать, что эта идея, сама по себе, была в то время не так уж нова. Она не раз всплывала в Малой Азии еще при персидском господстве, которое, кстати говоря, в этом регионе никогда не было тотальным¹. Национальные выступления были в Вифинии, Мисии, Кари, Ликий, Писидии и других областях Малой Азии. Для нас особенно важны такие выступления на месте ядра будущего Понтйского царства — в Пафлагонии. Это высту-

¹ Briant P. «Brigandage», dissidence et conquête en Asie Achéménide et hellénistique // ДНА. 1976. No 2. P. 185; Burstein S.M. Outpost of Hellenism. The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 113. Not. 38; Ефремов Н.В. Договор о симмахии между Синопой и Гераклеей Понтйской (попытка исторической интерпретации) // Вопросы эпиграфики. 2006. Вып. 1. С. 95.

пленения вождя Корилы (Xen. Anab. V. 6. 8), царей Пафлагонии Отиса (Xen. Hell. IV. 1. 1) и Тия (Xen. Hell. IV. 2. 2; Plut. Ages. II; Nep. Datam. 2)². Они показали, что процесс формирования своей собственной национальной элиты в Малой Азии уже шел полным ходом, а вместе с этим росли и ее претензии на участие во власти — первоначально под патронажем персидского царя, а затем, как мы это видели на примере вышеуказанных правителей, на основе полной независимости. А значит, образование в этом районе независимых (в том числе и «национальных») государств было лишь делом времени, причем во главе этих государств (как показали вышеупомянутые выступления сатрапов) вполне могли оказаться не только представители местной знати, но и потомки персидской правящей элиты³.

Имея в виду проблему формирования Понта как государства эллинистического типа, необходимо отметить и влияние эллинской культуры на местное население (пафлагонцев, каппадокийцев, тибаренов, халибов) через города южного побережья Понта Эвксинского. Это необходимо, поскольку эллинские города были достаточно важным элементом структуры любого эллинистического государства. По сведениям письменных и археологических источников, сегодня мы можем говорить о проникновении в быт этих племен до времени создания Понта лишь некоторых элементов греческой материальной и, возможно, духовной культуры. Найденные на территории этих племен греческие памятники эпиграфики свидетельствуют о том, что некоторое число греков присутствовало в составе жителей поселений внутренних районов Малой Азии. Наиболее значительным из греческих поселений здесь был город Амасия на Иресе. Однако насколько глубоко принесенные эллинами явления духовной культуры проникали в идеологию местного населения, судить трудно. Прямых источников тут у нас нет.

Одной из важнейших традиций эллинистических государств была практически неограниченная исполнительная власть их правителей: они формировали систему управления, назначали должностных лиц высшего ранга с военной и гражданской властью и принимали важнейшие управленческие

² Из последних работ наиболее полно эти события рассмотрены в монографии: Weiskopf M. The So-Called «Great Satraps' Revolt». Wiesbaden, 1989. И хотя ее автор считает, что эти выступления еще не были достаточно серьезными для того, чтобы угрожать Артаксерксу (Р. 10), но не учитывать их нельзя. К тому же нельзя забывать, что это мнение современного исследователя, обладающего гораздо большей информацией, чем Артаксеркс в свое время.

³ Молев Е.А. Иранское наследие в Понтийском царстве // О.А. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сидницын, Е.В. Смыков (ред.). IRANICA. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. — VI в. н.э. Казань, 2017. С. 276.

решения⁴. В силу этого мы неизбежно должны будем связывать процесс формирования государственной системы Понта с конкретными представителями его правящей династии, постараемся выделить этапы этого процесса и определить более или менее реальное время превращения Понта в государство эллинистического типа. При этом мы будем исходить из того, что «эллинизм — это этап развития, а не этап кризиса античного общества»⁵.

По сообщениям античных авторов, исходной точкой начала создания Понтийского государства стала Кимиата (Кимиста по надписям) — поселение у подножия горной цепи Ольгассия в области Кимиа(с)гена, расположенной к западу от реки Галиса и пограничной между Вифинией и Пафлагонией (App. Mithr. 9; Strabo. XII. 3. 41; Plut. Dem. 4). Страбон называет это поселение τὸ φρούριον (крепость с гарнизоном или стражей), а Аппиан — τὸ χωρίον (поселок, укрепление, крепость, поместье)⁶. Тот же Страбон отмечает, что Ольгассия — это сама по себе очень высокая и труднодоступная гора, на которой находились (в том числе и в его время. — Е.М.) святилища пафлагонцев (XII. 3. 40). Усилил эти естественные укрепления искусственными и пользуясь поддержкой местного населения, недовольного войнами и грабежами преемников Александра Македонского, Митридат I Ктист, фактический основатель Понтийского царства, смог превратить Кимиату в мощную крепость, опираясь на которую стал распространять свое влияние на окрестные племена и земли⁷.

Сам факт захвата Кимиаты вызывает немало вопросов. Прежде всего, это, конечно, вопрос о происхождении Ктиста, его социальном статусе к моменту захвата Кимиаты и о силах, которыми он располагал для захвата пусть даже небольшой крепости. Начнем с того, какую роль в процессе формирования государства Понт играло происхождение его правителей.

В свое время, рассмотрев данные всех нарративных источников о происхождении династии понтийских Митридатидов, я пришел к выводу о наибольшей вероятности их происхождения от Ахеменидов⁸. Отметим сразу,

⁴ Климов О.Ю. Эллинистическое государство как пример квазифедеративного объединения // Мнемон. 2008. Вып. 7. С. 60.

⁵ Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 135.

⁶ LSJ. P. 1957–1958. s.v. φρούριον; P. 2016. s.v. χωρος.

⁷ Молев Е.А. Армия и военная доктрина Понта до Митридата Евпатора // А.А. Сеницин, М.М. Холод (ред.). KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег. СПб., 2013. С. 237.

⁸ Молев Е.А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатидов // ВДИ. 1983. № 4. С. 131–139; он же. Митридат Ктист — правитель Понта // О.Д. Лордкипанидзе (ред.). Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по Древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 586–587; он же. [Рец.]: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996 // ВДИ. 1998. № 4. С. 207–214.

что информация о ближайших предках Ктиста наиболее ясно прослеживается только у Диодора (XV. 90. 3; XVI. 90. 2; XIX. 40. 2; XX. 111. 4). Согласно ей (и ряду косвенных данных — Plut. Demet. 4; Mor. 183a; App. Mithr. 9; 112; Tertul. Anima. 46) предки Ктиста были связаны с правителями Даскилийской сатрапии (Геллеспонтской Фригии)⁹. Интересно, что правители этой сатрапии в очень вероятной степени представляли собой одну династию¹⁰. При этом последние из них, Ариобарзан в 365 г. до н.э. (Хен. Сугор. VIII. 8. 4) и Артабаз в 50-е гг. до н.э. (Diod. XVI. 22. 1–2; 34. 1–2) восставали против царя. Рассмотрев правление этой династии в Даскилийской сатрапии, Э.В. Рунг приходит к выводу, что со временем она стала «эллинизированной», о чем, по его мнению, наиболее ярко свидетельствуют изображения на монетах Фарнабаза II (413–373 гг. до н.э.) и факт получения афинского гражданства Ариобарзаном и его сыновьями (Dem. XIX. 141; 202)¹¹.

Таким образом, принадлежность Ктиста к династии Ахеменидов и правление его предков в одной из сатрапий Малой Азии в определенной мере свидетельствовали о законности его притязаний на крепость и могли стать одним из оснований для гарнизона Кимиаты открыть ему ворота. И не исключено, что именно вследствие этого события и далее цари Понта постоянно стремились внушать своим подданным идею законности их власти и происхождения ее от Ахеменидов.

Второй вопрос, о социальном и политическом статусе Ктиста, в небольшой степени связан с первым. По сообщениям античных авторов, незадолго до захвата Кимиаты, будущий основатель государства служил в армии Антигона и явно не простым солдатом, о чем свидетельствует его дружба с сыном полководца Деметрием Полиоркетом (Plut. Dem. 4). Представители персидской аристократии зачислялись в македонскую армию уже Александром Македонским, причем наиболее знатные из них были зачислены даже в агему — самый знатный отряд македонской конницы (App. Anab.

⁹ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 18; Баллестерос Пастор Л. От Даскилии к Синопе: заметки о персидских истоках династии Митридатидов // IRANICA. С. 257. Правда, вероятность управления персидской династией греческим городом Киосом вызывает сомнения; см.: Lerouge-Cohen Ch. Persianism in the Kingdom of Pontic Cappadokia. The Genealogical Claims of the Mithridatids // R. Strootman, M.J. Versluys (eds.). Persianism in Antiquity. Stuttgart, 2017. P. 223, not. 3: «However, it raises many questions; one can wonder, for instance, which kind of 'rule' the Mithridatids family could exercise on Kios — we have no other example of a Persian family 'ruling' a Greek city in Achaemenid times».

¹⁰ Рунг Э.В. О сатрапских династиях в Ахеменидской державе: Фарнакиды в Даскилии // Ученые записки Казанского университета. Т. 153. Кн. 3. Гуманитарные науки. 2011. С. 87–94.

¹¹ Рунг Э.В. О сатрапских династиях. С. 93.

VII. 6. 1–4; Diod. XVII. 108. 1–2)¹². И потому, хотя в целом диадохи порвали с национальной политикой Александра, этот пример все же весьма показателен. Следовательно, основанием для принятия его гарнизоном крепости могло послужить и достаточно высокое положение в армии Антигона, от имени которого он мог представиться.

И наконец, последний вопрос — какими силами мог располагать Ктист к моменту подчинения Кимиаты и насколько велика была власть Антигона над внутренними территориями Малой Азии? Согласно Аппиану, он бежал от Антигона всего с шестью всадниками¹³ (App. Mithr. 9). Мог ли он при движении к Кимииате собрать еще какие-то силы дополнительно? В принципе мог. Но тут необходимо учитывать еще один важный момент: насколько сознательно он бежал именно в Кимиату. Учитывая особенности политической жизни того времени, когда даже только подозреваемый в измене, как правило, приговаривался к смертной казни, можно думать, что Митридат, спасаясь от такой участи, должен был бежать туда, где его не достанет месть Антигона и где его примут как своего. Территория Каппадокии, еще не затронутая македонскими завоеваниями, была именно таковой¹⁴. По свидетельству наиболее надежного нашего источника по истории периода диадохов, Иеронима Кардийского¹⁵, переданному Аппианом (App. Mithr. 8), Александр Македонский во время своего движения по Малой Азии не вошел в соприкосновение с каппадокийцами. И Диодор отмечает, что продвижение Александра было столь стремительным, что в Малой Азии остались непокоренные территории (Diod. XVIII. 3. 1)¹⁶. О присутствии каких-либо войск Антигона в регионе в период бегства от него Ктиста наши источники также ничего не сообщают, что позволяет думать об отсутствии твердого контроля с его стороны над центральной частью

¹² Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 302.

¹³ Не исключено, что эта цифра мифическая и связана с возведением родословной царей Понта к Дарию I, который также захватил власть с помощью шести знатных персов. См.: Молев Е.А. Иранское наследие. С. 277. Такого же мнения П. Паницек (*Panitschek P. Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien // RSA. 1987–1988. Bd. 17–18. S. 88*) и Б. Макгинг (*Макгинг Б. На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 1998. № 3. С. 105*).

¹⁴ *Reinach T. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 29–30; McGing B. The Foreign Policy of Mithridates I Eupator, King of Pontos. Leiden, 1986. P. 20; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 40; Ефремов Н.В. К истории северной Малой Азии в раннеэллинистическое время. Период диадохов 323–311 гг. до н.э. // АМА. 2010. Вып. 14. С. 49, 56.*

¹⁵ *Hornblower J. Hieronymos of Tsardia. Oxford, 1981. P. 236; 240.*

¹⁶ Ср.: Габелко О.А. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // АМА. 2009. Вып. 13. С. 98.

Малой Азии¹⁷. Следовательно, какая-то часть крепостей и поселений здесь оставалась неподвластной Антигону, и их население в то время еще вполне могло продолжать считать себя подданными Ахеменидов¹⁸. А значит, пусть не целиком и полностью, но все же определенные основания надеяться на поддержку его гарнизоном Кимиаты и местным населением Ктист имел.

Все вышеотмеченное дает нам основание не сомневаться в том, что основатель династии царей Понта был принят гарнизоном Кимиаты и местным населением, не желавшим подчиняться новым завоевателям, в качестве предводителя в борьбе с претензиями преемников Александра Македонского. И с этого времени (курсив мой. — Е.М.) начался процесс формирования понтийской государственности. Первый этап этого процесса продолжался, на мой взгляд, до конца правления Митридата III. Рассмотрим, какие его особенности свидетельствуют о том, что процесс становления понтийской государственности шел по пути прочих эллинистических государств.

Разумеется, за основу создания своего государства Ктист брал, прежде всего, персидские традиции, наиболее знакомые ему и, кстати, населению страны. Вероятность использования им уже в то время некоторых греко-македонских элементов, усвоенных им от предков и закрепленных за годы службы в македонской армии, невелика, хотя полностью исключать такую возможность все же не стоит, и мы в этом сможем убедиться при оценке деятельности правителей Понта от первого Митридата до Фарнака I.

Успешная деятельность Ктиста, как правителя государства, позволила ему уже в 297 г. до н.э. принять титул царя¹⁹. И сам он, и его ближай-

¹⁷ Макгинн Б. На рубеже. С. 97; Orth W. Die Diadochenzeit im Spiegel der historischen Geographie // TAVO. Beihaft 80. Wiesbaden, 1993. S. 42.

¹⁸ Молев Е.А. Властитель Понта. Н. Новгород, 1995. С. 9; Сапрыкин С.Ю. О хронологических границах эпохи эллинизма // А.Ю. Дворниченко (ред.). История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 220.

¹⁹ Я сознательно оставляю пока в стороне вопрос о династической хронологии царей Понта, которая на сегодня остается столь дискуссионной, что, как справедливо заметил О.Л. Габелко, «даже исследованию частных деталей сообщений источников и нюансам аргументации тех или иных положений в работах современных историков можно было бы посвятить отдельную работу» (Габелко О.Л. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // ВДИ. 2005. № 4. С. 129). Ср.: он же. Продолжая дискуссию о понтийской царской эре // ШН. 2012. XII. С. 61–74; он же. Некоторые проблемы монетного чекана понтийских царей во II в. до н.э. // Т.Н. Джаксон, А.В. Акопян (ред.). ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова. М., 2014. С. 285–296; он же. «...Κατὰς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: еще раз о датировке и интерпретации IOSPE I² 402 // Д.А. Костромичев (ред.). АРХОНТ. Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Севастополь, 2017. С. 47–52. Я надеюсь посвятить этой проблеме специальное исследование.

шие преемники проводили политику постепенного расширения своего государства преимущественно за счет завоеваний соседних территорий (включая греческие города), политических и брачных союзов. Аппиан так говорит о Ктисте: «Так как македоняне были заняты этими междоусобными войнами, то много народу пришло к Митридату и он захватил (κατέσχευ²⁰) не только Каппадокию, но и соседние племена по Понту» (App. Mithr. 9). Далее последовали столкновения с Селевком (Trog. Prot. 17; Diod. XX. 111. 4); заключение около 280 г. до н.э. союза с Вифинией и греческими городами Гераклеей, Византием и Калхедоном (FGrH 434. F. 7. 2); войны с галатами (FGrH 434. F. 16. 1–2); присоединение эллинского полиса Амастрии (FGrH 434, F. 9,4); династический брак Митридата II с сестрой Селевка II Каллиника Лаодикой (Porphyr. FHG. 260. F 32. 6 = Euseb. Chron. I. 251 Schoene = 118 Kaerst), в качестве приданого за которой он должен был получить Великую Фригию (Iust. XXXVIII. 5. 3), но не получил; подчинение Амиса и попытка захвата Синопы (Polyb. IV. 56). Благодаря всем этим событиям Понт укрепляет свою независимость. Более того, по мнению С.Ю. Сапрыкина, уже Митридат III составил «четкий план укрепиться на побережье Черного моря и подчинить Синопу»²¹. Это не исключено, хотя, скорее, план наступления Митридата III на Синопу исходил из возможности активной внешней политики для Понта в то время только в этом направлении.

Итак, какие же факты этого периода истории Понта свидетельствуют о принятии понтийскими царями элементов эллинистических государственных систем и насколько они были значимы для успешного развития Понта?

Во-первых, не подлежит сомнению, что, по примеру своих предков Ахеменидов, и Митридат Ктист, и его преемники по праву завоевания объявляли себя верховными собственниками присоединенных земель²². Точно так же поступали Лагиды, Селевкиды и другие эллинистические правители, заимствуя эту традицию Древнего Востока. Но одно только это еще не делало Понт в полной мере государством эллинистического типа. Среди других важных факторов, характеризующих Понт как независимое суверенное

²⁰ Глагол κατέσχευ подразумевает в том числе и военный захват. См.: LSJ. 926. s.v. κατέσχευ.

²¹ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство и Селевкиды // И.А. Ладынин (ред.). Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений. Вып. 2. М., 2012. С. 130.

²² Сапрыкин С.Ю. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Е.С. Голубцова (ред.). Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 114; Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье. С. 139.

государство, мог стать выпуск Ктистом золотой монеты, к чему склоняются некоторые исследователи²³. Уже не раз отмечалось, что изображение на реверсе монеты крылатой Ники с венком в правой вытянутой руке дает основание думать, что выпуску этих монет предшествовала достаточно серьезная военная победа Ктиста. Б. Макгинг связывает этот выпуск с победой Ктиста над Диодором, полководцем Селевка Никатора, с чем согласен и С.Ю. Сапрыкин²⁴. Однако то, что на монетах Митридата I изображена Ника, отнюдь не обязательно должно расцениваться как символ какой-то военной победы, поскольку подобное изображение широко известно еще со времени Александра Великого и могло быть просто заимствовано понтийским правителем²⁵. И хотя типы лицевой и оборотной сторон монеты, кроме легенды, полностью копируют типы золотых статеров Селевка I Никатора, выпусков 312–281 гг. до н.э., что, казалось бы, дает некоторые основания относить их к чеканке Митридата Ктиста после гипотетической победы над Диодором в 281 г. до н.э., представить себе выпуск их в то время крайне сложно хотя бы потому, что царский титул (что могло бы быть более весомым основанием для выпуска этих монет) Ктист принял только в 297 г. до н.э. Не случайно ведущий специалист в области понтийской нумизматики Ф. де Каллатай относит их к чеканке Митридата III²⁶. Кстати, в настоящее время есть версия, что победу над Диодором одержал не Ктист, а Ариарат II Каппадокийский²⁷, хотя аргументы этой версии кажутся мне не очень убедительными.

Следующим важным фактом в деятельности этого же царя является перенос столицы из Кимиаты в греческий город Амасию. Об этом свидетельствуют открытые у этого города скальные гробницы понтийских царей, среди которых и гробница Ктиста²⁸. Как удалось ему овладеть этим хорошо укрепленным греческим городом (Strabo. XII. 3. 14; 3. 39) — неизвестно. Но в любом случае, это произошло около 281 г. до н.э., после разгрома Лисимаха Селевком, и усилило эллинское влияние при царском дворе. Но

²³ *Kleiner G. Pontische Reichsmünzen // IM. 1955. Bd. 6. S. 18.* Б. Хэд датирует ее более поздним временем (*Head B.V. Historia numorum. Oxford, 1911. P. 500*), что, по мнению С.Ю. Сапрыкина, маловероятно (*Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 48*).

²⁴ *McGing B. The Foreign Policy. P. 19; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 48.*

²⁵ *Габелко О.А. Критические заметки. С. 135. Прим. 28.*

²⁶ *Callataj F. de. The First Royal Coinages of Pontus (from Mithridates III to Mithridates V) // J.M. Nøite. Mithridates VI and the Pontic kingdom. Aarhus, 2009. P. 66.*

²⁷ *Габелко О.А. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 170–171; он же. Критические заметки. С. 135. Прим. 28.*

²⁸ *Von Gall H. Felsgräber der Perserzeitim Pontische Kleinasien // AA. 1967. Bd. 82. S. 585–595.*

насколько существенно — можно только гадать. Страбон называет Амасию полисом, но обозначает ее и как φρούριον (XII. 3. 39). Вероятнее всего, он подразумевал здесь военные и гражданские функции города. Зацепки для предположений о степени его эллинизации в то время у нас две²⁹: передача понтийскому царю Ариобарзану греческого города Амастрии в конце 60-х — начале 50-х гг. III в. до н.э.³⁰ и подчинение Амиса.

Первый пример позволяет думать, что, поскольку, с точки зрения правителя Амастрии Эвмена, передача города царю Понта оказалась предпочтительнее подчинения другому греческому городу — Гераклее Понтийской, у него был перед глазами пример положения в Понтийском царстве греческой Амасии. И действительно, под властью понтийских царей Амастрия сохранила некоторые полисные привилегии, в частности право выпуска своей монеты³¹, что дает возможность предполагать зарождение политики филэллинизма у Митридатидов с первого представителя их династии. Но поскольку в дальнейшем они продолжили борьбу за расширение своих владений, включая и захват еще независимых греческих городов, они явно не придавали большого значения филэллинизму как главной цели своей политики³². И не могли придавать.

Помимо сказанного это можно подтвердить еще и тем, что такая политика была одним из основных принципов Антигона Монофталма до конца его жизни³³. В такой ситуации бежавший от него Митридат и его ближайшие преемники должны были в противовес ему и его преемникам демонстрировать именно проиранские симпатии. И не случайно, видимо, наш самый ранний из сохранившихся источников о происхождении Митридатидов — Полибий отмечает, что Митридат III гордился своим происхождением *только* (курсив мой. — Е.М.) от одного из семи персов, убивших мага (ὁ Μιθριδάτης εὐχέτο μὲν ἀπόγονος εἶναι τῶν ἑπτὰ Περσῶν ἐνὸς τῶν ἐπανελομένων τὸν μάγον — V. 43. 2). Иранское происхождение правителей Понта, несомненно, было важнейшим фактором и для сохранения иранских традиций в их государственной деятельно-

²⁹ Греческие надписи из Амасии (SP III. 94; SP 111. 95a; SP 111. 95b), которые могли бы наиболее ярко свидетельствовать об уровне ее эллинизации, относятся к более позднему времени.

³⁰ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 52.

³¹ WBR I². P. 174. № 10–13; P. 204–205. № 50–57.

³² Ср.: Габелко О.А. История Вифинского царства. С. 170.

³³ Simpson R.H. Antigonos the One-Eyed and the Greeks // Historia. 1959. Bd. VIII. Ht. 4. P. 406; Orth W. Königlicher Machtanspruch und städtische Freiheit. München, 1977. S. 81; 94; Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles; London, 1990. P. 203.

сти³⁴. А потому и заключение Ктистом союза с Гераклеей, Византием и Калхедоном (FGrH 434. F. 7. 2) еще никак не может рассматриваться как следствие принятия им политики филэллинизма. Его вхождение в Северную лигу было следствием стремления сохранить свое еще небольшое государство от притязаний Селевкидов и не более того³⁵. Не случайно, по-видимому, сохранилось всего одно свидетельство «даже не о совместных, а об односторонних действиях Понта и участников симмахии: разгроме птоломеевского морского десанта совместными силами Митридата и Ариобарзана Понтийских и галатов (Steph. Byz. s.v. Ἄνκυρα)» между 274–271 гг. до н.э.³⁶

Что касается подчинения Амиса, то единого мнения о времени вхождения этого города в состав Понтийского царства нет. С.Ю. Сапрыкин вслед за А. Маллом полагает, что Амис вошел в состав Понта уже при Ктисте³⁷. Основанием для этого служит сходство сокращений имен монетных магистратов на монете Ктиста и серебряных драхмах Амиса, выпущенных во время правления Ктиста. Однако это сходство могло быть и следствием того, что монеты Ктиста чеканились также на амисском монетном дворе и их выпуск контролировался теми же магистратами. Чеканка монеты не обязательно означает подчинение полиса. Мы знаем, например, что сатрап Датам использовал для чеканки своей монеты Синопу и Амис, но вовсе не подчинил эти города своей власти³⁸. А кроме того, как совершенно справедливо заметила М.И. Максимова, «данные серии монет во многом еще хранят традиции монетных выпусков Амиса IV в. В этом отношении они коренным образом отличаются от монет того же города времени позднего эллинизма; последнее обстоятельство показывает, что дело идет пока скорее лишь о некоем протекторате или контроле над Амисом со стороны царей Понта, а не о включении этого

³⁴ *McGing B.* The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // *RhM.* 1986. Bd. 129. P. 248 f; *Sekunda N.* Persian Settlement in Hellespontine Phrygia // *A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds.)*. Achaemenid History III: Method and Theory. Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop. Leiden, 1988. P. 181; *Bosworth A.B., Wheatley P.V.* The Origins of the Pontic House // *JHS.* 1998. Vol. 118. P. 155–164; *Olbrycht J.M.* Mithridates VI Eupator and Iran // *J.M. Højte (ed.)*. Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Aarhus, 2009. P. 163–190.

³⁵ *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 138.

³⁶ *Габелко О.А.* История Вифинского царства. С. 169. Прим. 8.

³⁷ *Malloy A.G.* The Coinage of Amisus. New York, 1970. P. 7; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 49. Ранее он считал, что Амис вошел в состав Понта при Митридате II, см.: *Сапрыкин С.Ю.* Структура земельных отношений. С. 92.

³⁸ *Ефремов Н.В.* Договор о симмахии. С. 100.

города в состав царства»³⁹. Тем более что и далее до 250 г. до н.э. город продолжал выпускать серебряные монеты с монограммами⁴⁰.

Таким образом, мы можем только констатировать лишь факт сближения Амиса и Понта при Митридате Ктисте, а о включении его в состав государства правильнее будет говорить со времени Митридата II, когда город прямо пришел на помощь этому правителю, согласно сообщению Мемнона (FGrH 434. F. 16. 1–2).

Вхождение Амиса, города гораздо более значительного, чем Амасия и Амастрида, в состав Понта, несомненно, способствовало усилению интереса царей к привлечению на свою сторону новых подданных. По-видимому, как и в других эллинистических государствах, города сохранили автономию в своих внутренних делах, но уже под полным контролем царей. Такое положение вполне устраивало сравнительно небольшие эллинские города, но никак не подходило крупным полисам типа Синопы. И в отношениях с ней не помогал никакой филэллинизм понтийских царей. Подчинения этого города пришлось достигать военным путем.

Важным моментом, характеризующим еще один шаг на пути превращения Понта в государство эллинистического типа, стал брак Митридата II с сирийской принцессой. Он свидетельствовал о том, что царь Понта достиг определенной высоты своего положения и достаточно надежно укрепился на троне, чтобы быть принятым в круг эллинистических правителей⁴¹, которым это было тоже выгодно⁴². А значит, теперь царь Понта должен был действовать в соответствии с их правилами политической игры. Впрочем, это никак не повлияло на последующую политику Митридатов II и III: они продолжали стремиться к подчинению соседних городов и земель, в том числе и греческих. Наиболее ярко эту их политику характеризует попытка захватить Синопу, описанная Полибием (Polyb. IV. 56), которая никак не вяжется с филэллинизмом.

³⁹ Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.; Л., 1956. С. 177. Ср.: Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 35–37.

⁴⁰ Malloy A.G. The Coinage of Amisus. P. 7.

⁴¹ Габелко О.А. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Георгия Синкелла // О.А. Габелко (ред.). *Antiquitas aeterna*. Вып. 1. С. 94; 105; Gabelko O. The Dynastic History of the Hellenistic Monarchies of Asia Minor according to the *Chronography* of George Synkellos // Mithridates VI and the Pontic kingdom. P. 50; 53.

⁴² Б. Макгинг прямо утверждает, что «Митридатиды получили признание со стороны эллинистического мира, а Селевкиды — уважение со стороны иранцев» (Макгинг Б. На рубеже. С. 106).

Отметим еще одну черту первого периода становления Понта как государства эллинистического типа — выпуск царских монет с изображением на аверсе портрета царя Митридатом III⁴³. Изображение царского портрета на монетах, как известно, впервые было предпринято Лисимахом. И это был портрет Александра Македонского — обожествленного правителя. Великий македонянин получил ранг божества после смерти. А уже спустя всего несколько десятилетий его преемники-диадохи также начали чеканить монеты с изображениями своих собственных, причем прижизненных профилей. Это должно было символизировать их божественную сущность. Выпуск аналогичных монет Митридатом III означал то, что и он стал представлять себя своим подданным именно таковым.

Прежде чем подвести итог первому этапу развития понтийской государственности, уточним еще один момент, важный для характеристики эллинистических государств — особенности религиозной жизни государства в то время. Основные центры религиозной жизни в Понте (Зела, Комана и храм Мена в Америке) существовали со времен Ахеменидов и были центрами почитания местных и персидских божеств. Поэтому можно не сомневаться, что наиболее почитаемые божества при первых Митридатах были изначально местными⁴⁴. Свидетельств глубокого восприятия греческой религии первыми понтийскими правителями практически нет. Даже культ верховного эллинского божества Зевса впервые более или менее надежно прослеживается только со времени Митридата III, на реверсе серебряных монет которого чеканится изображение Зевса Этафора. Но эти изображения, на мой взгляд, вряд ли могут считаться свидетельством эллинизации или эллинофильства понтийского правителя, избравшего Зевса своим покровителем. Скорее он избрал это изображение, как символ царской власти, под влиянием Селевкидов, которое особенно усилилось после женитьбы Митридата II на сирийской принцессе, что предполагал еще

⁴³ WBR I. P. 10–11. № 2–3. Pl. I, fig. 2–6. Pl. Suppl. A, fig. 1–3; *Callataj F. de. The First Royal Coinages.* P. 66–69.

⁴⁴ *Сапрыкин С.Ю.* Религия и культы Понта. С. 27. Впрочем, Б. Макгинг отмечает преобладающую роль в Зеле персидских культов, связывая это с основанием храма и города персами (*Макгинг Б.* На рубеже. С. 101: «Очевидно, сначала население Зелы должно было состоять почти исключительно из персидских колонистов. Трудно сказать, когда именно прекратило свое существование персидское поселение, но даже во времена Митридата Евпатора Зела все еще оставалась центром персидской культуры и религии, и здесь жило множество знатных семей чисто иранского происхождения»).

Э. Ольсхаузен⁴⁵. Примеры почитания Зевса, приведенные С.Ю. Сапрыкиным⁴⁶, в основном более позднего времени и связаны с эллинами, для которых почитание Зевса в разных его ипостасях было вполне естественно. И потому я не вижу оснований говорить о превращении культа Зевса в официальный государственный культ царей Понта уже при Митридатe III. Тем более что есть достаточно убедительные аргументы в пользу признания тождества культа Зевса Этафора и персидского верховного бога⁴⁷, а также культа Зевса Стратия и Ахура-Мазды, что отметил и сам автор. О тенденции к сохранению ахеменидских традиций, а вовсе не о филэллинизме, свидетельствует и облик первых понтийских царей в их изображениях на монетах. Один из лучших специалистов в области понтийской нумизматики и в частности — в изображении портрета на монетах, Отто Мёркхольм прямо говорит об изображении на монете Митридата III: «His head or bust is rendered with extreme realism, emphasizing his *oriental features* (курсив мой. — Е.М.), that are so different from Greek idealization or Macedonian heaviness»⁴⁸. Более осторожен в этом отношении Ф. де Каллатай, который, не считая обязательным рассматривать реализм портретов понтийских владык как следствие восточного влияния, все же отмечает, что «the composite deity on the coins of Pharnakes, Perseus on the coins of Mithridates IV, arguably emblematic of the king's Persian roots»⁴⁹.

Иными словами, процесс синкретизации эллинских и местных анатолийских и персидских верований еще не достиг при Митридатe III того уровня, когда он мог бы воспринять Зевса как покровителя своей династии.

В целом, первый период становления Понта как государства эллинистического типа был медленным, и переход от типично восточной, свойственной Ахеменидам политической системы к эллинистической шел с трудом, чему способствовали как происхождение Митридатидов, так и столкновения с ведущими эллинистическими державами того времени.

Ситуация изменилась с приходом к власти Фарнака I, время правления которого открывает второй этап в процессе формирования понтийской государственности, продолжавшийся до правления Митридата Эвергета

⁴⁵ *Olshausen E.* Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos // ANRW. 1990. Bd. 2. T. 18. 3. S. 1899.

⁴⁶ *Сапрыкин С.Ю.* Религия и культы Понта. С. 36–61.

⁴⁷ *Cumont F.* Le Zeus Stratiotes de Mithridate // RHR. 1901. Vol. 43. P. 45; *Davies N., Kraay C.M.* The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History. London, 1973. P. 265.

⁴⁸ *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage from the accession of Alexander to the Peace of Apamea. Cambridge, 1991. P. 131.

⁴⁹ *Callataj F. de.* The first Royal Coinages of Pontos. P. 64.

включительно. В качестве основных направлений своих внешнеполитических действий этот царь, уже вскоре после подчинения Синопы, избрал, во-первых, традиционную для эллинистических государств форму — покровительство эллинским полисам Причерноморья с целью привлечения их на свою сторону и получения их ресурсов в борьбе с вероятными противниками (а таковыми в то время, как показали последующие войны, были все его соседние малоазийские государства).

О филэллинизме Фарнака наиболее ярко свидетельствуют договоры Понта с Херсонесом (IOSPE I² 402) и Одессом (IGBR I² 40)⁵⁰, включение в мирный договор между Фарнаком и его противниками нейтральных до этого⁵¹ свободных эллинских городов Гераклеи, Месембрии, Кизика и того же Херсонеса (Polyb. XXV. 2), афинский декрет 196 г. до н.э. с острова Делос (OGIS 771), свидетельствующий о финансовой помощи Фарнака Афинам.

Вторым направлением его внешней политики стала опора на дружественные отношения с Римом, ставшим после Апамейского мира реальной политической силой в Малой Азии, без которой активизация военной политики по отношению к соседям, тем более уже доказавшим свою лояльность Риму, могла быть заранее обречена на неуспех⁵². Весь последующий характер военных и дипломатических действий Фарнака и его союзников соответствует этой избранной линии политики и именно это позволило бы ему существенно расширить свои владения за счет соседей⁵³.

Сначала этот царь воевал против Пергама в союзе с Вифинией (186–183 гг. до н.э. (Polyb. XXIII. 1. 4; 3. 1; Liv. XXXIX. 4. 6; Iust. XXXII. 4. 5–8), затем внезапным ударом захватывает Синопу (Polyb. XXIII. 9; Strabo. XII. 3. 11) и наконец ведет войну против своих соседей Вифинии, Пергама, Каппадокии и Галатии. Последняя не была успешной, но то, что Понт оказался в состоянии воевать один против четырех соседних государств, весьма показательное.

⁵⁰ Надпись плохой сохранности. Очевидно лишь, что в ней фиксируются какие-то события, произошедшие в результате обмена посольствами между Одессом и Фарнаком. Как отмечал Хр.М. Данов, сохранившиеся слова в строке 9 указывают на благоприятное отношение Одесса к происходившим переговорам. См.: Данов Хр.М. Врзките на Понтийското царство със западното черноморско крайбрежие според два новонамерени надписа // Известия на Историческото Дружество в София. 1937. XIV–XV. Кн. 4. С. 54–70.

⁵¹ Молев Е.А. Властитель Понта. С. 16; Vinogradov Ju.G. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Acta Centri Historiae TAV. Trinovi, 1987. Vol. II. S. 63 f.; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 78.

⁵² Молев Е.А. Рим и Понт от Фарнака до Митридата VI // ВНИГУ. 2012. № 6. Ч. 3. С. 168–169.

⁵³ Молев Е.А. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта // Antiquitas aeterna. Вып. 1. С. 205.

Продолжил он и традицию династических браков, женившись на Нисе — сестре (или племяннице) сирийского царя Антиоха IV. Характер этих его действий отличался от предшественников разве что масштабами. Но кроме этого было и другое, свойственное уже не только Ахеменидским традициям, но и практике эллинистических государств. Связано это было, прежде всего, с армией.

Из текста мирного договора Фарнака со своими противниками, где говорится об отмене всех прежних договоров с галатами, обычно делается вывод о том, что наемная часть понтийского войска формировалась в то время в основном из галатов⁵⁴. При этом наиболее успешные боевые действия понтийской армии связаны с именем стратега Леокрита. Судя по греческому имени стратега, в армии Понта в то время могли служить уже и греческие наемники. Во всяком случае размеры выплаты Фарнаком контрибуции своим противникам (1200 талантов — Ρολυβ. XXV. 2. 10) позволяют говорить о финансовой возможности царя Понта содержать и эллинских наемников.

В ходе последней войны или чуть ранее Фарнак провел ряд мероприятий, которые существенно укрепили мощь его армии и обороноспособность страны в целом. Это выразилось в создании некоего прообраза военной доктрины — системы взглядов на внешнеполитические задачи государства и методы их решения. Прежние цели внешней политики царей Понта — расширение своей территории любыми возможными средствами — соответствовали общей цели всех эллинистических монархов, но не показывали путей и методов осуществления этих задач. Конкретная политическая деятельность Фарнака позволяет думать, что именно он первым из царей Понта задумался о перспективном планировании своей внешней политики.

Следующим новым шагом Фарнака стало создание системы военных округов — стратегий. Об этом свидетельствует наименование ряда центров административных округов Понта — τὸ φρούριον. В сочетании с применением термина «фрурарх» по отношению к начальнику гарнизона Амасии Метродору (тоже греку, судя по имени) (SP. III. 94) во время правления Фарнака это дает основание думать, что именно этот правитель провел или, во всяком случае, начал военную реформу в государстве, создавая районы военных поселенцев — стратегии⁵⁵. Не исключено, что именно один из таких районов имел в виду Полибий, говоря о жителях Пафлагонии, которых

⁵⁴ Молев Е.А. Властитель Понта. С. 17; Сапрыхин С.Ю. Понтийское царство. С. 77.

⁵⁵ О стратегиях см.: Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit: ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. Bd. 2. München, 1944. Конкретно о понтийских стратегиях см.: S. 262–265.

Фарнак I раньше оттуда выселил. Возвращение их на свои места по условиям мирного договора «с оружием, метательными снарядами и прочими военными приспособлениями» позволяет видеть в них именно военных поселенцев⁵⁶, которые должны были обеспечивать безопасность западных границ государства.

В эллинистических государствах административно-территориальные области назывались по-разному: номы в Египте, сатрапии и позже (после 314 г. до н.э.⁵⁷) стратегии в царстве Селевкидов. Подобные области известны также в государстве Атталидов⁵⁸. Стратегии в Понтийском царстве появились, вероятнее всего, под влиянием Селевкидов. И эта явная черта эллинистической государственности также позволяет говорить о превращении Понта в государство эллинистического типа.

Разумеется, называть эту деятельность Фарнака «военной реформой» в прямом смысле этого слова было бы некоторой натяжкой, так как сходная система управления существовала в Малой Азии еще при Ахеменидах (Хен. Anab. IV. 7. 2; 19; V. 4. 31)⁵⁹. И понятно, почему именно ее использовал для усиления обороноспособности своего государства Фарнак, потомок Ахеменидов. При этом он, по-видимому, усилил военную составляющую новой административно-территориальной системы, превратив прежние территориальные округа в военные. Видимо, поэтому при нем они и стали называться стратегиями⁶⁰.

Новым для понтийских царей шагом Фарнака в его политической деятельности стало активное строительство крепостей. И это тоже не удивительно. Строительство крепостей было типичным для империи Ахеменидов⁶¹. Э. Ольсхаузен по данным Страбона даже выделил в Понте три их главных вида⁶². Наиболее значительная из крепостей, созданных Фарнаком в причерноморском регионе — Фарнакия, была построена между коло-

⁵⁶ Ср.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 224.

⁵⁷ Billows R.A. Antigonos the One-Eyed. P. 276.

⁵⁸ Климов О.Ю. Эллинистическое государство. С. 61.

⁵⁹ Максимова М.И. Античные города. С. 129–133; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 226.

⁶⁰ Сапрыкин С.Ю. Структура земельных отношений. С. 90.

⁶¹ См.: Briant P. Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient. Paris, 1982. P. 188–194; Tuplin C. Persian Garrisons in Xenophon and Other Sources // A. Kuhrt & H. Sancisi-Weerdenburg (eds.). Achaemenid History. Vol. 3: Method and Theory. Leiden, 1988. P. 67–70.

⁶² Olshausen E. Der König und die Priester. Die Mithridatiden im Kampf um die Anerkennung ihrer Herrschaft in Pontos // E. Olshausen (Hrsg.). Stuttgarter Kolloquium zur Hist. Geogr. des Altertums. I. 1980. Geographica Historica 4. Bonn, 1987. S. 198 f.

ниями Синопы Котиорой и Керасунтом и заселена их жителями (Strabo. XII. 3. 17–18; Agg. Per. 23–24; Anon. Per. 33–36). Причем ее строительство, возможно, происходило уже в годы войны в связи с намерениями Фарнака начать военные действия и на восточных границах своего государства⁶³. Позднее были построены и другие укрепления⁶⁴. Деятельность Фарнака I по укреплению военных сил своего государства существенно укрепила его обороноспособность и приблизила к типу эллинистических государств.

Но и это было еще не все. Именно с его правления мы можем уже точно говорить о такой важнейшей черте эллинистической государственности, как обожествление царя. Во времена Фарнака I культ Мена объединили с царским культом, поэтому храм Мена превратился в место почитания обожествленного правителя Фарнака (Strabo. XII. 3. 31)⁶⁵. Введение этого культа подкреплялось выпуском царских монет с изображением Мена или близкого ему Митры-Гермеса, что подчеркивало ахеменидское происхождение царя⁶⁶ и, соответственно, его приверженность иранским традициям. Не случайно этот культ вплоть до гибели Митридата Евпатора оставался одним из ведущих в религиозных представлениях понтийских правителей, чему свидетельством является их клятва «Счастьем царя и Меном Фарнака (Strabo., XII. 3. 31)».

Таким образом, по всем основным признакам в период правления Фарнака I Понт превращается в государство эллинистического типа. В то время, чтобы стать полностью таковым, ему недоставало только увеличения роли эллинского элемента в политике, военном деле, культуре и духовной жизни.

Это было достигнуто в период правления его ближайших преемников — брата, Митридата IV Филопатора Филадельфа, и сына, Митридата V Эвергета. Уже Митридат IV помещает на своих монетах изображение Зевса, Геры и Персея. Причем если последний почитался и персами как их родоначальник (Herod. VI. 54; VII, 61; 150), то первые были верховными эллинскими божествами, что явно свидетельствует о пропаганде уже не только иранских, но и филэллинских симпатий понтийского царя. Еще большее число источников об этом дошло от времени Митри-

⁶³ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 84.

⁶⁴ Hoite J.M. The Administrative Organization of the Pontic Kingdom // Mithridates VI and the Pontic Kingdom. P. 97.

⁶⁵ Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта... С. 30–31; 414.

⁶⁶ WBR I². F 1. P. 11–12. № 4–5. Pl. I, 7–10. Pl. Suppl. A, 4–6; Ф. де Каллатай говорит об изображении на реверсе этих монет «неопределенной мужской фигуры». См.: Callataj F. de. The first Royal Coinages of Pontos. P. 70. Однако изображенные при ней атрибуты и особенно сообщение Страбона (XII. 3. 31) вполне позволяют видеть в мужской фигуре Мена Фарнака. Ср.: Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта. С. 144.

дата Эвергета. Этот царь неоднократно делал посвящения в святилище Аполлона Делосского. В благодарность за эти его деяния на Делосе были поставлены статуи его самого и его друзей (OGIS 366; ID 1557–1559). Он также покровительствовал эллинским полисам своего государства и способствовал активизации связей Синопы и Амиса с Афинами и Делосом. Постоянные торговые представительства этих городов на Делосе возникают уже во второй половине II в. до н.э.⁶⁷ И в целом, как совершенно справедливо заметил С.Ю. Сапрыкин, «при нем покровительство ведущим греческим полисам и святыням было возведено в ранг государственной политики» и не исключено, что «даже прозвище его “Эвергет”... имело прямое отношение к филэллинской политике этого царя»⁶⁸. Отметим, что при Эвергете впервые в источниках фиксируется (хотя не исключено, что таковые могли быть и раньше) и такой элемент эллинистической государственности, как друзья (φίλοι) царя (Strabo. X. 4. 10; XII. 3. 33; Iust. XXXVII. 1. 6). Среди них было немалое число и эллинов⁶⁹, что дает полное основание связывать с его именем завершение второго этапа становления понтийской государственности и превращения Понта в государство эллинистического типа. На долю его сына Митридата VI Евпатора выпало лишь совершенствовать эту уже сложившуюся систему.

⁶⁷ Максимова М.И. Античные города. С. 239 и сл.

⁶⁸ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 94.

⁶⁹ Olshausen E. Zum hellenisierungsprozess am Pontischen Königshof // AncSoc. 1974. Vol. V. S. 161.

REFERENCES

1. *Ballesteros Pastor L.* From Daskileion to Sinopa: The Notes on the Persian Routs of the Mithriadtid Dynasty [Ot Daskiliya k Sinope: zametki o persidskih istokah dinastii Mitridatidov] // O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, Ye.V. Smykov (eds.). IRANICA. Iranian Empires and Greek-Roman World, VI BC to AD 6-st [Iranskie imperii i greko-rimskij mir v VI v. do n.eh. — VI v. n.e.]. Kazan, 2017. P. 257–275.
2. *Billows R.A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles; London, 1990.
3. *Bosworth A.B., Wheatley P.V.* The Origins of the Pontic House // JHS. 1998. Vol. 118. P. 155–164.
4. *Briant P.* «Brigandage», dissidence et conquête en Asie Achéménide et hellénistique // DHA. 1976. No 2. P. 163–258.
5. *Briant P.* Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient. Paris, 1982.
6. *Callataj F. de.* The First Royal Coinages of Pontos (from Mithridates III to Mithridates V) // J.M. Højte (ed.). Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Aarhus, 2009. P. 63–94.
7. *Lerouge-Cohen C.* Persianism in the Kingdom of Pontic Kappadokia. The Genealogical Claims of the Mithridatids // R. Strootman, M.J. Versluys (eds.). Persianism in Antiquity. Stuttgart, 2017. P. 223–235.
8. *Efremov N.V.* The Treaty on the Symmachia between Sinopa and Heraclea (An Attempt of the Historical Interpretation) [Dogovor o simmahii mezhdou Sinopoj i Gerakleej Pontijskoj (popytka istoricheskoi interpretacii)] // Voprosy ehpigrafiki. 2006. 1. P. 78–105.
9. *Efremov N.V.* On the History of Northern Asia Minor in the Early–Hellenistic Time. The Diadochs' Period. 323–311 BC [K istorii severnoj Maloj Azii v ranneellinisticheskoe vremya. Period diadohov 323–311 gg.] // Antichnyj mir i arheologiya. 2010. 14. P. 49–93.
10. *Gabelko O.L.* Critical Notes on the Chronology and Dynastic History of the Pontic Kingdom [Kriticheskie zametki po hronologii i dinasticheskoi istorii Pontijskogo tsarstva] // VDI. 2005. № 4. P. 128–157.

11. *Gabelko O.L.* On the Dynastic History of the Hellenistic Cappadocia: The Ariarathid Royal House [K dinasticheskoj istorii ehllinisticheskoy Kappadokii: tsarskij dom Ariaratidov] // *Antichnyj mir i arheologiya*. 2009. Vol. 13. P. 92–119.
12. *Gabelko O.L.* Continuing the Discussion on the Pontic Royal Era [Prodolzhataya diskussiyu o pontijskoj tsarskoj ehre] // *Studia historica*. 2012. XII. P. 61–74.
13. *Gabelko O.L.* Some Issues of the Coinage of the Pontic Kings [Nekotorye problemy monetnogo chekana pontijskih tsarej vo II v. do n.e.] // T.N. Jackson, A.V. Akopyan (eds.). ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΣ. Collection of scholar works devoted to the memory of A.A. Molchanov [Sbornik nauchnyh statej pamyati Arkadiya Anatol'evicha Molchanova]. M., 2014. P. 285–296.
14. *Gabelko O.L.* «...Κατὼς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: Once again on the Dating and Interpretation of IOSPE I² 402 [«...Κατὼς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: eshche raz o datirovke i interpretacii IOSPE I² 402] // D. Kostromichev (ed.). *Ancient Relics of Chersonesus: Discoveries, Finds, Theories*. Sevastopol', 2017. P. 47–52.
15. *Head B.V.* *Historia numorum*. Oxford, 1911.
16. *Bengston H.* *Die Strategie in der hellenistischen Zeit: ein Beitrag zum antiken Staatsrecht*. Bd. II. München, 1944.
17. *Høite J.M.* The Administrative Organization of the Pontic Kingdom // J.M. Høite (ed.). *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Black Sea Studies 9. Aarhus, 2009. P. 95–108.
18. *Hornblower J.* *Hieronimos of Tsardia*. Oxford, 1981. 301 p.
19. *Kleiner G.* *Pontische Reichsmünzen* // *IM*. 1955. Bd. 6. S. 1–21.
20. *Klimov O.Yu.* The Hellenistic State as an Example of Quasi-Federative Formation [Ellinisticheskoe gosudarstvo kak primer kvazifederativnogo ob'edineniya] // *Mnemon*. 2008. Vol. 7. P. 59–70.
21. *Lomouri N.Yu.* *On the History of Pontic Kingdom* [K istorii Pontijskogo tsarstva]. Tbilisi, 1979.
22. *McGing B.* *The Foreign Policy of Mithridates I Eupator, King of Pontos*. Leiden, 1986.
23. *McGing B.* The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // *RhM*. 1986. Bd. 129. P. 248–259.
24. *McGing B.* On the Fringes. Culture and History of the Pontic Kingdom [Na rubezhe. Kultura i istoria Pontijskogo tsarstva] // *VDI*. 1998. № 3. P. 97–112.
25. *Molev E.A.* On the Question of the Origin of The Pontic Mithridatid Dtnasty [K voprosu o proiskhozhdenii dinastii pontijskih Mitridatov] // *VDI*. 1983. № 4. P. 131–139.

26. *Molev E.A.* Mithridates Ktistes, the Ruler of Pontus [Mitridat Ktist — pravitel' Ponta] // O. Lordkipanidze (ed.). Black Sea Littoral in the Hellenistic Epoch. Papers of III All-Union Symposium on the Ancient History of the Black Sea Region [Prichernomor'e v ehphohu ehllinizma. Materialy III Vsesoyuznogo simpoziuma po Drevnej istorii Prichernomor'ya]. Tbilisi, 1985. P. 586–587.
27. *Molev E.A.* The Sovereign of Pontus [Vlastitel' Ponta]. Nizhny Novgorod, 1995.
28. *Molev E.A.* Revue: *Saprykin S.Yu.* Pontijskoe tsarstvo. M., 1996 // VDI. 1998. № 4. P. 207–214.
29. *Molev E.A.* The Meeting between Mithridates Marius and in the Context of Development of Military Doctrine of Pontu [Vstrecha Mitridata s Mariem v plane razvitiya voennoj doktriny Ponta] // *Antiquitas aeterna*. 2005. Vol. 1. P. 205–210.
30. *Molev E.A.* Rome and Pontus from Pharnaces to Mithridates VI [Rim i Pont ot Farnaka do Mitridata VI] // VNNGU. 2012. № 6. P. 168–172.
31. *Molev E.A.* Army and Military Doctrine of Pontus before Mithridates Eupator [Armiya i voennaya doktrina Ponta do Mitridata Evpatora] // A.A. Sinitsyn, M.M. Kholod. KOINON ΔΩPON. Studies and Essays devoted to the 60-th Anniversary of Valery P. Nikonorov from Friends and Colleagues [Issledovaniya i esse v chest' 60-letnego yubileya Valeriya Pavlovicha Nikonorova ot druzej i kolleg]. SPb., 2013. P. 237–241.
32. *Molev E.A.* Iranian Legacy in the Pontic Kingdom [Iranskoe nasledie v Pontijskom tsarstve] // O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, Ye.V. Smykov (eds.). IRANICA. Iranian Empires and Greek-Roman World, VI BC to AD 6-st [Iranskie imperii i greko-rimskij mir v VI v. do n.eh. — VI v. n.e.]. Kazan, 2017. P. 276–283.
33. *Mørholm O.* Early Hellenistic Coinage from the accession of Alexander to the Peace of Apamea. Cambridge, 1991.
34. *Olbrycht J.M.* Mithridates VI Eupator and Iran // J.M. Højte (ed.). Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Aarhus, 2009. P. 163–190.
35. *Olshausen E.* Zum Hellenisierungsprozess am Pontischen Königshof // *AncSoc*. 1974. Vol. V. S. 153–164.
36. *Orth W.* Königlicher Machtanspruch und städtische Freiheit: Untersuchungen zu den politischen Beziehungen zwischen den ersten Seleukidenherrschern (Seleukos I., Antiochos I., Antiochos II) und den Städten des westlichen Kleinasien. (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 71.) München, 1977.

37. *Orth W.* Die Diadochenzeit im Spiegel der historischen Geographie // TAVO. Beihaft 80. Wiesbaden, 1993. P. 107–146.
38. *Panitschek P.* Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien // RSA. 1987–1988. Vol. 17–18. S. 73–95.
39. *Reinach T.* Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890.
40. *Rung E.V.* On the Satrap Dynasties in the Achaemenid Power: The Pharnakids in Daskyleion // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Vol. 153. No 3. Humanitarian Sciences. 2011. P. 87–94.
41. *Saprykin S.Yu.* The Structure of Land Relations in the Pontic Kingdom [Struktura zemel'nyh otnoshenij v Pontijskom tsarstve] // E.S. Golubtsova (ed.). Hellenism: East and West [Ellinizm: Vostok i Zapad]. M., 1992. P. 85–114.
42. *Saprykin S.Yu.* The Pontic Kingdom [Pontijskoe tsarstvo]. M., 1996.
43. *Saprykin S.Yu.* On the Chronological Limits of the Hellenistic Epoch [Ohronologicheskikh granicah ehpoi ehllinizma] // A.Yu. Dvornichenko (ed.). The History. The World of the Past in Modern Light. Collection of articles to the 75-th Anniversary of Professor E.D. Frolov [Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik statej k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora E.D. Frolova]. SPb., 2008. P. 213–226.
44. *Saprykin S.Yu.* The Pontic Kingdom and the Seleukids [Pontijskoe tsarstvo i Selevkidy] // I.A. Ladynin (ed.). Orient, Europe, America in Antiquity. Collection of Papers of XXVII-th Sergeev's Readings [Vostok, Evropa Amerika v drevnosti]. Sbornik nauchnyh trudov XVII Sergeevskih chtenij]. Vol. 2. M., 2012. P. 130.
45. *Saprykin S.Yu.* Religion and Cults of Pontus in Hellenistic and Roman Times [Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni]. Moscow; Tula, 2009. P. 124–135.
46. *Sekunda N.* Persian Settlement in Hellespontine Phrygia // A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds.). Achaemenid History III: Method and Theory. Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop. Leiden, 1988. P. 175–196.
47. *Simpson R.H.* Antigonos the One-Eyed and the Greeks // Historia. 1959. Bd. VIII. Ht. 4. P. 385–409.
48. *Shofman A.S.* The Oriental Politics of Alexander of Macedon [Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo]. Kazan, 1976.
49. *Tuplin C.* Persian Garrisons in Xenophon and Other Sources // A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds.). Achaemenid History III: Method and Theory. Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop. Leiden, 1988. P. 67–70.

50. *Vinogradov Ju.G.* Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // *Acta Centri Historiae TAV*. Trinovi, 1987. Vol. II. S. 1–73.
51. *Von Gall H.* Felsgräber der Perserzeit im Pontische Kleinasien // *Archäologischer Anzeiger*. 1967. Bd. 82.
52. *Waddington W., Babelon E., Reinach T.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. 2nd ed. T. 1. Paris, 1925.
53. *Weiskopf M.* The So-Called «Great Satraps' Revolt»: Concerning Local Instability in the Achaemenid Far West. Wiesbaden, 1989.

Ключевые слова:

Понт, Митридат, Фарнак, Ахемениды, Селевкиды, государственная система.

Evgeny A. Molev

THE PECULIARITIES OF TERRITORIAL AND STATE FORMATION OF PONTUS FROM KTISTES TO EU`PATOR

The article considers the process of formation of the Pontic kingdom and its transformation to a Hellenistic state. The author distinguishes the general characteristic features of Hellenism and notes their presence in the state system of the Pontian state in different periods of its history. One possible to list among them the presence of the king's land property, combined with the preservation of communal land ownership and the property of the temple communities; the inclusion of Hellenic *poleis* into the state system; the emergence of military-agricultural settlements on the royal lands; the step-by-step deification of the ruler of the state; coinage with royal emblems, matrimonial politics and so on.

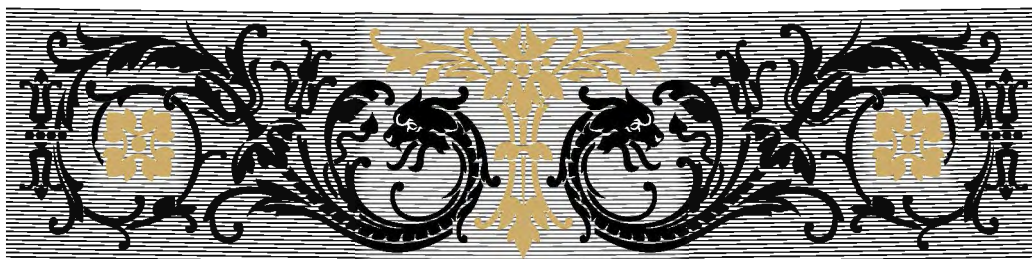
The analysis of these factors allows to distinguish two stages in the process of formation of Pontic statehood. During the first period (302–190 BC), Iranian elements were prevailing in the state system of Pontus, and only since the reign of Pharnaces I Pontus has transformed to a Hellenistic monarchy. The completion of this process could be connected with the time of the reign of Mithradates V Euergetes.

Key words: Pontus, Mithridates, Pharnaces, Achaemenids, Seleucids, the state system.

Evgeny A. Molev — Doctor of Historical Sciences, Professor at Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy.

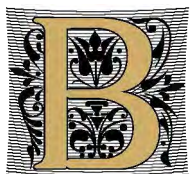
 Молев Евгений Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Института Международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

И.Н. Коровчинский

ДВОРЦОВАЯ СОКРОВИЩНИЦА АЙ-ХАНУМ КАК ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЦАРСКАЯ СОКРОВИЩНИЦА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В основу данного исследования лег наиболее объемный из эпиграфических источников по истории Греко-Бактрии — так называемые экономические надписи Ай-Ханум. Они были найдены французской археологической экспедицией в 70-х гг. XX в. при раскопках сокровищницы дворца в наиболее крупном из раскопанных к настоящему времени городов Греко-Бактрийского царства — Ай-Ханум¹. Надписи датируются серединой II в. до н.э., были нанесены чернилами на стенки сосудов для хранения денег и ценных продуктов (оливкового масла², ладана) и со-

¹ Условное название, данное по близлежащей современной деревне. Древнее название неизвестно, все попытки его реконструировать (например, как «Александрия Оксидана») являются гипотетическими; см.: *Mairs R. The Hellenistic Far East. Archaeology, Language and Identity in Greek Central Asia. Oakland (Ca.), 2016. P. 59*: «Древнее имя (Ай-Ханум. — И.К.) неизвестно, и все попытки уточнить его при нынешнем состоянии источниковой базы едва ли способны стать чем-то большим, чем гипотезами».

² Страбон (II. 1. 14) прямо пишет о том, что оливки в Бактрии не выращивались. Этот автор вообще не отмечает наличия плодоносящих оливковых деревьев ни в одной стране, расположенной ближе к Бактрии, чем Армения (см.: *Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Aï Khanoum. L'ononastique iranienne à Aï Khanoum // ВСН. 1983. Т. 107. P. 368*). Р. Мэйрз (*The Hellenistic Far East. P. 51*) сомневается в том, что следует придавать этому большое значение, и до-

держат сведения о содержимом сосудов, а также о чиновниках, так или иначе ответственных за него.

Первый полный комментированный перевод данных надписей был издан К. Рапеном и Ф. Грене в 1983 г.³ и до сих пор не был превзойден по полноте комментариев. Названные авторы провели сопоставление содержания данных надписей с данными о работе финансовых ведомств самых разных государств Древнего мира — в первую очередь с детально отраженной в источниках работой финансовых ведомств Делоса и государства Птолемея, но также с имеющимися сведениями о работе аналогичных ведомств в державе Ахеменидов, классических Афинах, державе Селевкидов, Пергаме, Македонии, Византии⁴, Парфии, державе Сасанидов и др.⁵

Богатство привлеченного сравнительного материала в сочетании с небольшим числом, лаконизмом и фрагментарностью надписей могут создать впечатление исчерпывающего характера работы, проделанной К. Рапеном и Ф. Грене. Видимо, именно поэтому в дальнейшем к ней не последовали существенные дополнения. Единственным значимым исключением стало предположение Ф. Канали де Росси о том, что слово τοῦ ἡμιολίου, встречающееся в надписях 1а и 2а, не имеет обычного смысла «полтора», а является обозначением финансовой должности «гемиолий» (ἡμιόλιος)⁶, существовавшей в державе Александра Великого, Пергамском царстве и, возмож-

---

пускает, что оливковое масло все же производилось в Бактрии. Однако специалисты по оливководству утверждают, что оливковые деревья не выдерживают температуру ниже -12°C (*Connell J. History and Scope of the Olive Industry // G.S. Sibbett, L. Ferguson (eds.). Olive Production Manual. Davis (Ca.), 2005. P. 1*), в то время как на территории Бактрии температура зимой может опускаться до -30°C (*Снежко В., Круткина О. TARI Project: «Conduct Regional Characterization Study in order to Identify Potential Risks both in Tajikistan and Afghanistan Target Territories. Create hazard maps following the assessment».* Отчет о результатах выполненных работ. Душанбе; СПб., 2012. С. 10. Данное исследование посвящено физической географии районов на юге современного Таджикистана и севере Афганистана, примерно совпадающих с территорией древней Бактрии). Поэтому оливковое масло, скорее всего, представляло собой дорогой импортный продукт, и именно в этом причина его хранения в сокровищнице наравне с ладаном. Впрочем, К. Рапен отмечает, что в Пергаме оливковое масло, предназначенное для гимназия, тоже хранилось в дворцовой сокровищнице (*Rapin C. La trésorerie du palais hellénistique d’Ai Khanoum. Paris, 1992. P. 108, n. 249*), несмотря на то, что в Эгеиде, как известно, оливки растут хорошо и оливковое масло не относилось к предметам роскоши.

³ *Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques.*

⁴ Имеем в виду античный полис Византий, а не средневековую Византийскую империю.

⁵ *Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques. P. 349–369.*

⁶ *Canali de Rossi F. Iscrizioni dell’Estremo Oriente greco: un repertorio. Bonn, 2004. P. 207.*

но, в державе Селевкидов⁷. Однако П. Бернар и Ж. Ружмон справедливо отметили, что в этих государствах гемиолий являлся главой финансового ведомства всего царства или отдельной сатрапии. В надписях же Ай-Ханум, если прочесть их по Канали де Росси, получается, что гемиолий лично переливал оливковое масло из сосуда в сосуд. Разумеется, это едва ли было «по чину» человеку, занимающему столь высокую должность. Было высказано предположение, согласно которому в Греко-Бактрии значение слова «гемиолий» изменилось, и оно стало обозначать чиновника низкого ранга⁸. Однако никаких твердых доказательств этого не существует, и проще предположить, как это сделали ранее К. Рапен и Ф. Грене, что данное слово обозначает просто переливку масла в объеме 1,5 некой стандартной меры⁹.

Существенным недочетом анализа, проделанного только что названными французскими исследователями, нам, однако, представляется другое. Они полагают, что дворцовая сокровищница Ай-Ханум была аналогом столичных дворцовых сокровищниц других эллинистических государств (например, александрийской в Египте)¹⁰. Этот же подход позднее повторил К. Рапен в своей монографии, посвященной сокровищнице Ай-Ханум. Там он прямо сетует на то, что нам недоступны источники, отражающие функционирование александрийской сокровищницы, которые могли бы послужить аналогом ай-ханумских. Провинциальные же документы птолемеевского Египта он считает отражающими работу других звеньев финансовой системы¹¹. Особое внимание, уделяемое исследователем именно птолемеевскому Египту, объясняется, конечно, несравненно лучшей, чем в большинстве других эллинистических государств, сохранностью источников, связанных с финансами¹². Но и в Египте не найдены документы, происходящие непосредственно из эллинистической столичной сокровищницы.

⁷ Подробнее об этой должности см.: Müller H. Hemiolios. Eumenes II, Toriaion und die Finanzorganisation des Alexanderreiches // Chiron. 2005. Bd. 35. S. 355–384.

⁸ Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale. Avec des contributions de Paul Bernard // Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 2. London, 2012. P. 230–231, n. 808–811.

⁹ Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques. P. 367–368.

¹⁰ Ibid. P. 363–364.

¹¹ Rapin C. La trésorerie. P. 111.

¹² Кроме Делоса, где сохранились выбитые в камне копии документов из сокровищницы храма Аполлона (см.: Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques. P. 352–354). Но Делос в эллинистический период был независимым олигархическим полисом (Долухова О.Б. Делос во II в. до н. э. // Е.С. Голубцова (ред.). Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 223–227) и, соответственно, его храмовая сокровищница тоже не может считаться аналогом столичной царской сокровищницы.

Однако, хотя сокровищница Ай-Ханум находилась в царском дворце, на наш взгляд, нет оснований полагать, что это был именно столичный дворец и что Ай-Ханум был столицей Греко-Бактрии, подобно тому, как Александрия — столицей Египта. Археологические данные указывают на то, что ай-ханумский дворец был слабо обжит¹³. По-видимому, цари не обитали в нем постоянно, а бывали лишь наездами. Можно вспомнить, что у Селевкидов «дворцы были не только в Антиохии, но и в других городах: в Сардах, в Селевкии-на-Тигре, в Сузах, Мопсуестии, в Габах и даже в Гиркании»¹⁴, то есть, кроме основной столичной резиденции, они возводили и провинциальные дворцы, куда приезжали эпизодически. Такая практика вообще обычна для монархов, обладающих обширными владениями — в Российской империи у Романовых помимо основного Зимнего дворца в Петербурге имелись Большой Кремлевский дворец в Москве, Мариинский дворец в Киеве¹⁵ и т.д. Есть примеры подобной практики и в наше время — например, у британского королевского дома есть дворец Холирудхаус в Эдинбурге, где королева Елизавета II останавливается во время визитов в Шотландию¹⁶.

Правда, К. Рапен и Ф. Грене высказали предположение о том, что греко-бактрийский царь Евкратид I, к правлению которого они относят интересующие нас надписи¹⁷, «мог иметь желание сделать Ай-Ханум одной из своих столиц»¹⁸. Обоснованием такого предположения служат «большие строительные работы, предпринятые в городе и особенно во дворце» в последний период существования города, относящийся, насколько можно судить, именно к правлению данного царя, а также наличие в дворцовой сокровищнице Ай-Ханум драгоценных камней, ювелирных изделий и индийских монет. Последние К. Рапен считает данью, которую Евкратиду платили его индийские владения, а дань, по мнению этого исследователя, должна была концентрироваться именно в столице¹⁹. Позднее П. Бернар, руководитель раскопок в Ай-Ханум, поддержал данную точку зрения. Правда, при этом он воспроизвел лишь часть аргументов своих коллег, а именно

¹³ Bernard P. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne // Fouilles d'Aï Khanoum. T. 4. Paris, 1985. P. 10.

¹⁴ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 34.

¹⁵ О киевском Мариинском дворце см.: Сингаевский В.Н. Киев. Путеводитель. СПб.; М., 2017. С. 104; Вильчинская И. Самый «киевский» особняк Семена Могилевцева // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. 2015. № 11. С. 53.

¹⁶ См.: Clarke D. The Palace of Holyroodhouse: Official Souvenir Guide. London, 2012.

¹⁷ Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques. P. 369–370.

¹⁸ Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques. P. 370.

¹⁹ Ibid.

сослался конкретно на реконструкцию дворца и преобладание в сокровищнице этого последнего индийских монет²⁰.

Солидарность с данной позицией французских исследователей в нашей стране выразил И.Р. Пичикян²¹. С другой стороны, автор недавно вышедшей монографии по истории ахеменидской и эллинистической Бактрии «Эллинистический Дальний Восток» Р. Мэйрз, в целом уделившая в ней много внимания Ай-Ханум, написала о его предполагаемой роли столицы лишь следующее: «Хотя Ай-Ханум и располагался в регионе, имевшем большое стратегическое и экономическое значение, он не был (по крайней мере, изначально) царской столицей. Но имеющиеся данные, как мне представляется, указывают на то, что он был резиденцией местного губернатора...»²² Таким образом, британская исследовательница не склонна с уверенностью поддержать точку зрения своих французских коллег относительно столичного статуса Ай-Ханум и скорее подчеркивает роль этого города как центра сатрапии. Отсюда следует, что в современной науке нет единодушия по вопросу о том, был ли Ай-Ханум когда-либо столицей.

Нужно отметить, что, хотя на последнем этапе истории Ай-Ханум (сер. II в. до н. э.) его постройки действительно активно украшались, реконструировались, увеличивались в размерах²³, там не было в то время воздвигнуто ни одного по-настоящему нового здания²⁴. Лишь относительно гимнасия нет полной уверенности, что до эпохи Евкратиды I на его месте стоял более ранний гимнасий, а не здание другого типа²⁵, но едва ли это существенно меняет общую картину. Можно сравнить эти обновления со строительством в Афинах, предпринятым во II в. н.э. Адрианом и Геродом Аттиком, когда там было воздвигнуто множество новых зданий: библиотека, Пантеон, храмы Зевса и Геры (причем храм Зевса «относится к числу крупнейших культовых зданий античного мира»), гимнасий, даже целый новый район под названием Адрианополя или Новых Афин и т.д. Многие из новых зданий были великолепно украшены²⁶. Однако все

²⁰ *Бернар П.* Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Г.А. Кошеленко (ред.). Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 255.

²¹ *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 271.

²² *Mairs R.* The Hellenistic Far East. P. 82.

²³ *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. С. 213.

²⁴ См.: датировки архитектурных сооружений Ай-Ханум в: *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. С. 207–243.

²⁵ *Veuve S.* Le gymnase. Architecture, céramique, sculpture // P. Bernard et al. (eds.). Fouilles d'Ai Khanoum. T. 6. Paris, 1987. P. 104–106.

²⁶ *Бунин А. В.* История градостроительного искусства. Т. 1. М., 2013. С. 79–81.

это бурное и пышное строительство, как известно, совсем не означало перенос столицы Римской империи в Афины. Поэтому вывод о том, что гораздо более скромная реконструкция Ай-Ханум, не включавшая строительство принципиально новых зданий и тем более районов²⁷, непременно должна была означать перенос туда столицы, не представляется нам достаточно обоснованным. Очевидно, что Евкратид I уделял этому городу благожелательное внимание, но причины этого внимания могли быть различными, включая простое желание укрепить свою популярность среди жителей его и прилегающих к нему территорий.

Наличие большого числа драгоценных камней в сокровищнице могло быть связано с тем, что Бадахшан — регион, где располагался Ай-Ханум — вообще богат их месторождениями, которые начали разрабатываться еще в бронзовом веке, а в дальнейшем их разработка продолжилась в Средние века и Новое время²⁸.

Что же касается резкого преобладания в экономических надписях Ай-Ханум упоминаний индийских монет (каршапан) над упоминаниями собственно греко-бактрийского чекана (драхм), то оно, с одной стороны, действительно имеет место. Из 17 экономических надписей Ай-Ханум, в которых речь несомненно идет о деньгах, в 9 говорится о каршапанах и только в 4 — о драхмах (остальные 4 плохо сохранились и менее ясны). При этом суммы, указываемые в каршапанах, намного крупнее (стандартная сумма в каршапанах — 10 000, указанные в сохранившихся частях надписей суммы в драхмах — 500, 500 и 52)²⁹, в то время как веса этих монет³⁰ сопоставимы (вес каршапаны — 3,37 г³¹, драхмы аттического стандарта³² — 4,27 г).

²⁷ Правда, Ай-Ханум раскопан далеко не полностью, поэтому об отсутствии новых зданий и районов можно с уверенностью говорить лишь применительно к раскопанной части. Но, во всяком случае, положительные данные, говорящие о таком строительстве, отсутствуют. Кроме того, раскопана именно та часть города, которая прилежала к дворцу, а строительство, связанное с переносом столицы, наверняка развернулось бы в первую очередь именно там.

²⁸ Бадахшанские лазурит и бирюза уже в III тыс. до н. э. активно вывозились через посредников на Ближний Восток (Авилова Л.И. Металлопроизводство Древней Анатолии: специфика региона // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 223. М., 2009. С. 64). Описание средневековой добычи лалов и лазурита в «Баласиане» см. в «Книге Марко Поло» (гл. XLVII). О добыче драгоценных камней в Бадахшане и на прилегающем Памире в XIX в. см.: Бубнова М.А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI–XIX вв. М., 1975. С. 28–29.

²⁹ См.: Rougemont G. Inscriptions grecques. P. 216–236.

³⁰ Те и другие — серебряные.

³¹ Audouin R., Bernard P. The Ai Khanoum Coins: The 1970 Hoard // O. Guillaume (ed.). Graeco-Bactrian and Indian Coins from Afghanistan. Oxford, 1991. P. 66.

³² Именно такие драхмы составляют подавляющее большинство монет из чекана Евкратида I (см.: Voprearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: Catalogue raisonné. Paris, 1991. P. 199–211).

С другой стороны, такая картина выглядит странно именно для столичной казны. Логичнее было бы ожидать преобладания в столичной сокровищнице Греко-Бактрии именно «национальной валюты», а не чеканки завоеванных территорий. Чекан Евкратида I богат и разнообразен, в каталоге О. Бопеараччи отмечены 71 тип его серебряных и 2 типа золотых монет³³. Он включал даже самую крупную из всех античных монет — единственный в своем роде эйкосистатер (монету в 20 статеров)³⁴. Было бы весьма странно, если бы царь, от имени которого чеканилось все это разнообразие монет, в своих собственных финансовых операциях отдавал предпочтение не ему, а чекану зависимых от него индийских политических объединений. Трудно представить себе и то, что в столичной казне концентрировались именно налоговые поступления с Индии, в то время как налоги с самой Бактрии (которые едва ли могли иметь малый объем, учитывая и плодородие пригодных для земледелия частей этой страны — см: Curt. VII. 4. 26, и то, насколько она была от природы богата золотом и драгоценными камнями) пропадали неизвестно куда.

Поэтому именно состав монет в сокровищнице Ай-Ханум, на наш взгляд, указывает на то, что это была не столичная, а провинциальная сокровищница, которая по какой-то своей собственной причине накапливала индийскую, а не бактрийскую «валюту». Неудивительно, что в последнее время в науке стали высказываться точки зрения, согласно которым сокровищница Ай-Ханум была именно провинциальной. Так, М. Апергис в своей работе, посвященной экономике державы Селевкидов, высказал мнение, согласно которому экономические надписи Ай-Ханум фиксируют суммы налогов, предназначенные к транспортировке из провинциальной сокровищницы в столичную³⁵. Стоит отметить также точку зрения Дж. Грейнджера, склонного вообще считать дворец Ай-Ханум резиденцией не царя, а сатрапа (governor), несмотря на признаваемые им огромные размеры этого сооружения, имеющие аналоги как раз среди царских дворцов³⁶. По его мнению, во дворце располагалась сокровищница сатрапа, занимавшаяся сбором налогов с подвластной ему территории и дальнейшей переправкой их в столицу³⁷.

³³ *Bopéarachchi* O. Monnaies gréco-bactriennes. P. 199–211.

³⁴ *Ibid.* P. 202.

³⁵ *Aperghis* M. The Seleukid Royal Economy. Cambridge, 2004. P. 178.

³⁶ Он считает, что принадлежность дворца сатрапу вытекает из сравнительно малой площади его жилых помещений и большой площади дворов (*Grainger* J. Kings and Kingship in the Hellenistic World 350–30 BC. Barnsley, 2017. P. 83). Нам такая аргументация представляется недостаточной, поскольку Дж. Грейнджер не приводит конкретные примеры связи такой планировки именно с резиденциями сатрапов.

³⁷ *Grainger* J. Kings and Kingship. P. 83–84.

У позиций только что названных британских исследователей есть уязвимое место по сравнению с позициями их французских коллег: они не учитывают то преобладание упоминаний индийских монет в экономических надписях Ай-Ханум, о котором мы писали выше. Едва ли налоги в Ай-Ханум и окрестностях могли собираться в индийских деньгах. С другой стороны, мы только что писали о том, что такое преобладание едва ли было возможно и в столичной сокровищнице. Следовательно, перед нами провинциальная сокровищница, но большая часть сумм, указанных в сохранившихся ее надписях, едва ли была связана с налоговыми сборами с Ай-Ханум и окрестностей. Можно с осторожностью предложить две предварительные версии: 1) налоговые поступления из Индии были перенаправлены в Ай-Ханум в целях финансирования его обороны (ведь надписи, скорее всего, относятся ко времени незадолго до того, как Ай-Ханум был захвачен и разрушен)³⁸; 2) индийские деньги представляли собой выручку от государственной торговли бадахшанскими драгоценными камнями с индийскими купцами³⁹. Торговля с более западными странами при Евкратиде I могла быть затруднена из-за враждебных отношений с набиравшей мощь Парфией⁴⁰, поэтому вполне вероятно, что экспорт Бактрии был тогда переориентирован на Индию, включая индийские владения самого Евкратида.

Какая из этих версий верна (и верна ли хоть одна), покажут дальнейшие исследования. А сейчас мы хотели бы обратиться к рассмотрению следующего вопроса: если сокровищница Ай-Ханум была провинциальной, то каков был ее статус? На наш взгляд, это была центральная царская сокровищница сатрапии. О том, что провинции в Греко-Бактрийском царстве, как и в державах Селевкидов и Ахеменидов, назывались сатрапиями, пишет Страбон (XI. 11. 2), и Ай-Ханум, скорее всего, был центром сатрапии. Его крупные размеры, наличие в нем большого числа монументальных и богато украшенных построек и, наконец, самого царского дворца указывают именно на такой статус. Едва ли центр гипархии (аналог российского уездного города или райцентра⁴¹) мог быть столь обширным и пышным и к тому же служить пусть

³⁸ Надписи на сосудах сохранялись недолго и после утраты актуальности стирались (*Rougemont G. Inscriptions grecques. P. 213*), поэтому сохранились наверняка только те, которые не успели стереть из-за захвата города чужеземцами.

³⁹ Ср. с концентрацией иностранной монеты в сокровищницах Птолемея в результате экспорта зерна из Египта (*Aperghis M. The Seleukid Royal Economy. P. 30*).

⁴⁰ О войне Парфии и Бактрии при Евкратиде I см.: *Strabo XI. 11. 2*.

⁴¹ «Уезды» назывались гипархиями в державе Селевкидов. Точная информация о том, что они так же назывались в Греко-Бактрии, отсутствует, но если учесть, что Греко-Бактрия отделилась от державы Селевкидов и сохранила многое из селевкидской практики, то вполне возможно, что там продолжилось использование и этого термина.

временным, но все же пристанищем царям. Расположение сокровищницы Ай-Ханум в царском дворце указывает на то, что она, скорее всего, была аналогом провинциальных царских сокровищниц Селевкидов⁴² или «царских банков» Птолемеев, располагавшихся в центральных городах номов.

Но в таком случае исчезает поставленная К. Рапеном и Ф. Грене проблема отсутствия источников, связанных с сокровищницами, аналогичными ай-ханумской. Внутренняя документация номовых царских сокровищниц Птолемеев пусть и в небольшом количестве, но все же дошла до нас. К. Геенс относит к ней дневник транзакций царского банка в Крокодилополе, административном центре Арсиноитского нома, части которого дошли до нас в виде фрагмента 2 папируса из собрания Флиндерса Питри P. Petrie III 64d⁴³ (237 г. до н.э.)⁴⁴ и папируса SB 14041 (примерно та же датировка), а также списки продаж из царского банка Фив VGU X 1925 и 1926⁴⁵ (171–130 гг. до н.э.).

Задача сравнения этих документов с экономическими надписями Ай-Ханум является обширной, и мы в этой статье намерены лишь поставить ее, но не разрешить исчерпывающе. Хотим, однако, поделиться одним важным, на наш взгляд, наблюдением, которое может послужить поводом исследования сокровищницы Ай-Ханум как провинциальной.

Многие экономические надписи Ай-Ханум начинаются со слова *παρά*, за которым следует греческое имя в родительном падеже⁴⁶. Приведем пример такой надписи: *Παρά Ζήνωνος ἡρίθμηνται (vel ἡρίθμηται) διὰ Ὀξηβοάκου καὶ Ὀξυβάζου δρχ φ' ἑσφράγισται Ὀξηβοάκης*⁴⁷. Сейчас мы намеренно воздержимся от полного перевода, укажем лишь, что в надписи, несомненно, речь идет о пересчете и запечатывании в сосуд суммы в 500 драхм. Другие надписи с *παρά* примерно аналогичны, но в большинстве из них речь идет о суммах в индийских каршапанах.

П. Бернар уже в 1978 г. указал на то, что греческие имена, стоящие после *παρά*, могут повторяться в разных надписях, из чего следует, что они принадлежат не частным лицам, а чиновникам (*fonctionnaires*)⁴⁸. К. Рапен

⁴² См. о них: *Aperghis M. The Seleukid Royal Economy*. P. 70–71; 107; 120–121.

⁴³ Согласно сайту *papyri.info* идентичен P. Petrie II 27 fr. 2.

⁴⁴ Датировки папирусов здесь и далее по сайту *papyri.info*.

⁴⁵ *Geens K. Financial Archives of Graeco-Roman Egypt // K. Verboven, K. Vandorpe and V. Chankowski (eds.), Pistoia dia tèn technèn. Bankers, Loans and Archives in the Ancient World. Studies in Honour of Raymond Bogaert. Leuven, 2008. P. 145–146.*

⁴⁶ Надписи 101, 102, 103, 105, 106, 118. (Здесь и далее нумерация и текст надписей приводятся по изданию Ж. Ружмона — *Rougemont G. Inscriptions grecques.*)

⁴⁷ Надпись 101.

⁴⁸ *Bernard P. Campagne de fouilles 1976–1977 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1978. 122. No 2. P. 453.*

и Ф. Грене в 1983 г. интерпретировали это как указание на то, что описываемая далее операция с деньгами совершается по указанию начальника (*directeur*) сокровищницы. Обосновали они это тем, что данные имена всегда греческие, а в птолемеевском Египте главы царских банков также всегда носили греческие имена⁴⁹. По их мнению, *παρά* в данном случае следует переводить как *de la part de* («по поручению»)⁵⁰. С ними в 1991 г. согласился И.Р. Пичикян⁵¹, но в 2004 г. М. Апергис перевел *παρά* в соответствии с более распространенным значением этого предлога как *from* («от») и считал, что греческие имена принадлежат сборщикам налогов в округах (*district collectors*). По его мнению, речь идет об операциях с деньгами, внесенными в сокровищницу такими сборщиками⁵². Однако он не привел никаких аргументов в пользу такой интерпретации. В 2012 г. Ж. Ружмон согласился с тем, что *παρά* само по себе означает не более чем «от» (*de*), однако решил дополнить по смыслу как «(получено) от» (*reçu de*), что, по его мнению, аналогично выражению «доставлено таким-то» или «размещено таким-то» (*remis par*)⁵³. Соответственно, он переводит «*Παρά Ζήνωνος... δραχ φ'*» как «*Remises par Zénon... 500 drachmes*» («доставленные Зеноном... 500 драхм») или «размещенные Зеноном... 500 драхм»⁵⁴. Но, изменив перевод, Ж. Ружмон не предлагает новую интерпретацию этих слов по существу, а ссылается на трактовки П. Бернара и К. Рапена, очевидно, считая их верными⁵⁵. Однако возникает вопрос о том, совместим ли такой перевод с подобного рода интерпретацией, поскольку едва ли начальник сокровищницы лично

⁴⁹ *Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques. P. 360.* Точнее, по мнению этих авторов, данные «директоры» всегда были этническими греками, но К. Вандорп и В. Кларисс недавно показали, что в действительности банки могли возглавлять и египтяне, принимавшие для занятия этой должности греческое имя. Это последнее нередко представляло собой переделку египетского имени и было нетипично для настоящих греков (*Vandorpe K., Clarysse W. Egyptian Bankers and Bank Receipts in Hellenistic and Early Roman Egypt // Pistoia dia tèn technèn. P. 154–157.*)

⁵⁰ *Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques. P. 322–334.*

⁵¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. С. 269.

⁵² *Aperghis M. The Seleukid Royal Economy. P. 178.*

⁵³ «*La tournure employée est (pour nous) ambiguë: en toute rigueur, elle signifie seulement que c'est de lui que vient l'argent déposé dans le vase, que cet argent a été reçu de lui, donc remis par lui*» (*Rougemont G. Inscriptions grecques. P. 213.*) На наш взгляд, если мы правильно понимаем смысл употребленных французских слов, последние два выражения все же не тождественны: получить (*recevoir*) можно не только от того, кто непосредственно доставляет или размещает (*remet*). Например, слова «я получил посылку от такого-то» не означают, что посылку доставил или разместил в доме получателя сам отправитель.

⁵⁴ *Ibid. P. 216.*

⁵⁵ *Rougemont G. Inscriptions grecques. P. 213.*

доставляя в нее деньги или размещал их в ней. Интерпретация М. Апергиса (деньги доставлены в сокровищницу таким-то сборщиком налогов) представляется при таком переводе более уместной.

Ответить на вопрос о том, какое же из мнений — К. Рапена и Ф. Грене или М. Апергиса — верно, может помочь сопоставление с документами птолемеевских номовых царских сокровищниц («банков»). Стоит проследить, в каком контексте в них употребляется предлог *παρά*. В документе из Фив BGU X 1925 (сткк. 39–40) мы встречаем словосочетание *παρά* [Ἀπολλῶ]νίου πράκτορος ξενικῶν χαλκοῦ (τάλαντα) γ — «от Аполлония, государственного продавца рабов⁵⁶, 3 (таланта) меди»⁵⁷. Как видим, в данном случае речь идет о внесении денег отнюдь не главой сокровищницы, а внешним по отношению к ней человеком — государственным уполномоченным по продаже рабов.

В P.Petrie III 64d предлог *παρά* следует за личными именами и означает подчинение чиновника другому чиновнику, называемому после *παρά*. В начале этого папируса (сткк. 2–3) читаем: Ἀσκληπιάδ[-са.?- Ἀ-]κέσωνος τοῦ παρ' ἡμῶν — «Асклепиад, (сын) Акесона, наш подчиненный». Далее в строке 9 - Δίων ὁ παρὰ Νικάνορος («Дион, подчиненный Никанора»), в строке 11 — Ἀκέσων ὁ παρὰ Ἀσκληπιάδου («Акесон, подчиненный Асклепиада»). Во всяком случае, именно так смысл этих отрывков понимают специалисты по птолемеевским банкам Р. Богарт и К. Геенс⁵⁸. Но при этом только в первом случае речь идет о подчиненном главы сокровищницы, во втором — о подчиненном номарха, в третьем — о подчиненном эконома⁵⁹, т.е. вновь подразумевается не только субординация внутри сокровищницы. Однако, поскольку в надписях Ай-Ханум предлог *παρά* никогда не стоит после личных имен, едва ли его употребление в P. Petrie III 64d вполне сопоставимо с бактрийскими материалами.

Поскольку едва ли имеет смысл делать какие-либо серьезные выводы на основании одного лишь BGU X 1925, мы позволим себе обратиться к

⁵⁶ См.: R. Bagnall, P. Derow (eds.). *The Hellenistic Period: Historical Sources in Translation*. Malden; Oxford; Carlton, 2004. P. 70.

⁵⁷ Здесь и далее тексты папирусов цитируются по сайту papyri.info, а их переводы на русский принадлежат нам. Аналогичное словосочетание, по-видимому, встречается также в сткк. 2–3 и 24–25 того же папируса, однако сохранилось более фрагментарно.

⁵⁸ «..затем упоминание Ἀκέσωνος τοῦ παρ' ἡμῶν. Следовательно, этот Акесон, вероятнее всего, был подчиненным (subordonné) Питона, что признано также в Pros. Ptol. I 1296» (Bogaert R. *Banques et banquiers dans l'arsinoïte à l'époque ptolémaïque // ZPE. 1987. Bd. 68. P. 54*). «Дион, вероятно, был подчиненным номарха Никанора.., а Акесон — эконома Асклепиада» (ibid., not. 116). «После приказа о выплате через Акесиона (sic — Akesion), подчиненного (subordinate) Питона...» (Geens K. *Financial Archives*. P. 145–146).

⁵⁹ См. предыдущую сноску. Эконом — финансовый глава нома (Manning J. *The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 BC*. Princeton, 2010. P. 15; 145).

источнику, смежному с P.Petrie III 64d и также относящемуся к архиву царского банка в Крокодилополе, а именно к P.Petrie III 64a, он же P.Petrie II 26 (253/2 гг. до н. э.). Это переданные на хранение в номовый банк квитанции на выдачу денег, оформленные в подчиненных ему сельских банках⁶⁰. Если изначально эти документы и не были частью документации номового банка, то, будучи переданы туда (что, вероятно, предполагалось заранее), стали ею. Кроме того, в любом случае перед нами звенья одной системы, и едва ли словоупотребление, принятое в номовом банке Крокодилополя, кардинально отличалось от такового, принятого в его сельских филиалах.

В первой из этих квитанций (P. Petrie II 26 (1)) слово *παρά* реконструировано предположительно⁶¹, поэтому мы пропускаем данный документ как ненадежный источник. Но во второй (P. Petrie II 26 (2)) мы видим во 2-й строке: *ἔχειν παρά Ἀρτεμίδ[ώρο]υ τοῦ παρά...* Второе *παρά*, несомненно, употреблено аналогично III 27 fr. 2, и за ним следовало имя начальника, которому подчинялся упомянутый Артемидор. Но первое *παρά*, употребленное после глагола *ἔχειν* (в данном контексте, несомненно, означающего «получить» — sc. деньги)⁶², более интересно для нас. По мнению Р. Богарта, Артемидор — это глава сельского банка⁶³, т. е. перед нами пример именно такого употребления предлога *παρά*, о котором писали К. Рапен и Ф. Грене: деньги выдаются по распоряжению главы банка.

В 3-й квитанции (P. Petrie II 26 (3)) мы читаем с еще большей ясностью: *ὁμολογεῖ ἔχειν Ἀρχίδημος Λιμναίου παρά Πολέμων[ος] τ[ο]ῦ παρά Πύθωνος τραπέζι[του] ἀπό τῆς ἐν ἐμ Πτο[λεμαί]δ[ι] τραπέζης...* («Архидем, сын Лимнея, согласен получить от Полемона, подчиненного трапезита Питона, из банка в Птолемаиде⁶⁴...»). Здесь уже нет сомнений в том, что *παρά* стоит перед именем главы сельского банка, подчиненного главе номового банка Питону. Но выражение *ὁμολογεῖ ἔχειν* («согласен получить») ясно указывает на то, что речь не идет об операции внутри банка — у подчиненных главы банка, конечно, никто не

⁶⁰ Geens K. Financial Archives. P. 146.

⁶¹ Во 2-й и 7-й строках.

⁶² Ср. бактрийский пергамен из Асангорны (No 92 в каталоге Ружмона, греческий текст приводим по нему же): *ἔχει Μηνόδοτος λογευτής... σταντήρων κ' τὰ καθήκοντα* («получает сборщик налогов Менодот... 20 положенных статеров» — перевод наш. Перевод Ж. Ружмона: «Ménodotos, percepteur, a reçu... sur 20 statères la somme due (?)» — Rougemont G. Inscriptions grecques. P. 191).

⁶³ Bogaert R. Banques et banquiers. P. 44.

⁶⁴ Птолемаида Горму — одно из сел Арсиноитского нома (Geens K. Financial Archives. P. 146; Gad M.E. Ptolemaï-Named Settlements of Hellenistic Egypt: A Contextual Approach // S. Dhennin, C. Somaglino (eds.). Décrire, imaginer, construire l'espace: toponymie égyptienne de l'Antiquité au Moyen Âge. Le Caire, 2016. P. 180).

стал бы спрашивать согласия на такую операцию. Поэтому даже то, что первое *παρά* здесь поставлено после имени и патронимика, едва ли означает, что Архидем — подчиненный Полемона. Скорее, здесь *ἔχειν* могло бы стоять, как и во второй квитанции, непосредственно перед первым *παρά*. Таким образом, деньги выданы лицу внешнему по отношению к банку. Но Полемон уже является, как глава сельского банка⁶⁵, подчиненным главы номового банка — Питона.

Лучше всего сохранилась 4-я квитанция (P. Petrie II 26 (4)), в которой мы читаем: *ὁμολογεῖ ἔχειν [Ἀρχίδ]ημος Λιμναίου παρὰ Πολέμωνος τοῦ παρὰ Πύθωνος τραπέζιτου ἀπὸ τῆς ἐν ἐμ Πτολεμαίδι τραπέζης τιμὴν θρῦ[ω]ν εἰς τὴν παράθεσιν [τῶν κατὰ] Πτολεμαίδα ἔργων μ(υριάδος) α (δραχμᾶς) λ χαλκ[οῦ...]* («Согласен [Архид]ем, сын Лимнея, получить от Полемона, подчиненного трапезита Питона, из банка в Птолемаиде стоимость тростника на заготовку для работ [в] Птолемаиде — за 1 мириаду 30 драхм, меди...»). Как видим, речь здесь идет о том, что сельский государственный банк выдает деньги государственному же чиновнику на заготовку тростника для общественных работ. Вновь *παρά* идет после имени, но едва ли означает, что Архидем, берущий деньги для государственных заготовок, которые сами по себе не являются делом банка, — подчиненный Полемона.

Так же понимает данный документ и папиролог К. Геенс. Она считает Полемона подчиненным Питона, при этом признавая, что деньги выданы на закупку материала для инженерных работ (тростник использовался в ирригационных работах и при строительстве плотин)⁶⁶.

Таким образом, в P. Petrie II 26 (4) первое *παρά* обозначает источник денег («деньги от такого-то»), а второе *παρά* уже означает подчинение, как в P. Petrie II 27 fr. 2. Мы видим, что этот предлог мог иметь весьма разные значения даже в пределах одного документа.

Следующие квитанции похожи на 4-ю. В 5-й (P. Petrie II 26 (5)) читаем: *ὁμολογεῖ ἔχειν Διόφαντος Ἀπολλοδώρου παρὰ Πολέμωνος τοῦ Πύθωνος τραπέζιτου [ἀπὸ τῆς] ἐν ἐμ Πτολεμαίδ[ι] τραπέζης] τιμὴν καλὰμ[ου μ(υριάδος) α ὄν] ἡ[ρ]γολάβηκεν [προσάξειν... ε]ἰς κατὰ Π[τολεμαίδα ἔργα] δραχμᾶ[ς...]* («Диофант, сын Аполлодора, согласен получить от Полемона, подчиненного трапезита Питона [из банка] в Птолемаид[е] стоимость [1 мириады] тростник[а, которую он] п[о] контракту [должен заготовить д]ля [работ] в П[толемаиде] — драхм (столько-то)». Содержание 6-й (P. Petrie II 26 (6)) приблизительно совпадает с 5-й, в сохранившихся фрагментах отличий, по существу, нет. 7-я (P. Petrie II 26 (7)) и 8-я (P. Petrie II 26 (8)) квитанции

⁶⁵ Geens K. Financial Archives. P. 144.

⁶⁶ Ibid.

сохранились плохо, в частности, в них не уцелели или плохо сохранились слова, следующие за *парá*.

Мы видим, что в квитанциях на папирусе P. Petrie II 26 (по крайней мере, тех, о содержании которых мы можем с уверенностью судить) речь идет об операциях с деньгами, а за предлогом *парá* в одних случаях следуют имена начальников банка, выдающего деньги, в других — имя его начальника в центральном номовом банке. Все это как будто совпадает с версией К. Рапена и Ф. Грене относительно принадлежности имен, следующих за *парá* в надписях Ай-Ханум. Но в квитанциях речь идет о выдаче денег за пределы банка, а в надписях Ай-Ханум — о внутренних операциях сокровищницы (пересчете, запечатывании в сосуды). С другой стороны, в BGU X 1925, где речь идет, напротив, о поступлении денег в банк, за *парá* следует имя стороннего для банка лица, поместившего в него деньги. Можно сделать вывод, что в документации птолемеевских номовых банков предлог *парá* выступал в простом значении «от» и за ним следовало имя лица, *отдающего* имеющиеся у него в распоряжении деньги, будь то глава банка, выдающий деньги стороннему лицу, или, напротив, стороннее лицо, помещающее деньги в банк. Кроме того, этот предлог мог еще иметь значение «подчиненный такого-то», но лишь в тех случаях, когда следовал после личного имени, чего в надписях Ай-Ханум нет. Если словоупотребление в надписях Ай-Ханум аналогично египетскому (в чем, разумеется, полной уверенности нет, но что вполне возможно, учитывая единство эллинистического мира), то наиболее правдоподобным представляется мнение М. Апергиса, согласно которому в надписях Ай-Ханум за *парá* следовали имена внешних по отношению к сокровищнице людей, вносивших в нее деньги. Кто были эти люди и почему они вносили суммы преимущественно в индийских деньгах — вопрос, который предстоит решить отдельно. Однако нельзя полностью исключить и то, что суммы денег в ай-ханумской сокровищнице «спускались сверху» от начальников чиновникам низшего звена для пересчета и запечатывания.

В данной публикации мы предпочитаем воздержаться от каких-либо решительных и окончательных выводов. Материал, исследованный нами, слишком мал по объему, чтобы такие выводы были возможны. Свою задачу на протяжении исследования мы видели в том, чтобы поставить вопрос об ай-ханумской сокровищнице как провинциальной и положить начало исследованию ее в данном контексте, предполагая, что за данным исследованием последуют другие, которые разрешат проблему более полно. Выводы же данного исследования мы предлагаем рассматривать как предварительные.

REFERENCES

1. *Aperghis M.* The Seleukid Royal Economy. Cambridge, 2004.
2. *Audouin R., Bernard P.* The Aï Khanoum Coins: The 1970 Hoard // O. Guillaume (ed.). Graeco-Bactrian and Indian Coins from Afghanistan. Oxford, 1991.
3. *Avilova L.I.* Metal Production in Ancient Anatolia: Specific Features of the Region [Metalloproduktivnost' Drevney Anatolii: spetsifika regiona] // Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences [Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN]. Issue 223. Moscow, 2009. P. 48–87.
4. *Bernard P.* Campagne de fouilles 1976–1977 à Aï Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1978. 122. No 2. P. 421–463.
5. *Bernard P.* Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne // P. Bernard et al. (eds.). Fouilles d'Aï Khanoum. T. 4. Paris, 1985.
6. *Bernard P.* Problems of the Greek Colonial History and the Urbanism of the Hellenistic City in Central Asia [Problemy grecheskoy kolonialnoy istorii i urbanizm ellinisticheskogo goroda Tsentralnoy Azii] // G.A. Koshelenko (ed.). Problems of the Classical Culture [Problemy antichnoy kultury]. M., 1986. P. 249–257.
7. *Bikerman E.* The Seleukid State [Gosudarstvo Selevkidov] Moscow, 1985.
8. *Bogaert R.* Banques et banquiers dans l'Arsinoïte à l'époque ptolémaïque // ZPE. 1987. B. 68. S. 35–75.
9. The Book of Marco Polo [Kniga Marko Polo]. Moscow, 1956.
10. *Bopearachchi O.* Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: Catalogue raisonné. Paris, 1991.
11. *Bubnova M. A.* Extraction of Minerals in Central Asia in the 16th — 19th Centuries [Dobycha poleznykh iskopaemykh v Sredney Azii v XVI–XIX vv.] Moscow, 1975.
12. *Bunin A.V.* History of Urban Art [Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva]. Vol. 1. M., 2013.
13. *Canali de Rossi F.* Iscrizioni dello Estremo Oriente greco: un repertorio. Bonn, 2004.
14. *Clarke D.* The Palace of Holyroodhouse: Official Souvenir Guide. London, 2012.

15. *Connell J.* History and Scope of the Olive Industry // G.S. Sibbett, L. Ferguson (eds.). Olive Production Manual. Davis (Ca.), 2005. P. 1–10.
16. *Gad M.E.* Ptolemaïs-Named Settlements of Hellenistic Egypt: A Contextual Approach // S. Dhennin, C. Somaglino (eds.). Décrire, imaginer, construire l'espace: toponymie égyptienne de l'Antiquité au Moyen Âge. Le Caire, 2016. P. 167–188.
17. *Geens K.* Financial Archives of Graeco-Roman Egypt // K. Verboven, K. Vandorpe and V. Chankowski (eds.). Pistoï dia tèn technèn. Bankers, Loans and Archives in the Ancient World. Studies in Honour of Raymond Bogaert. Leuven, 2008. P. 133–152.
18. *Grainger J.* Kings and Kingship in the Hellenistic World, 350–30 BC. Barnsley, 2017.
19. *Bagnall R., Derow P.* (eds.). The Hellenistic Period: Historical Sources in Translation. Malden; Oxford; Carlton, 2004.
20. *Lopukhova O.B.* Delos in the 2nd Century BC [Delos vo II v. do n. e.] // E.S. Golubtsova (ed.). Hellenism: Economics, Politics, Culture [Ellinizm: ekonomika, politika, kultura.]. M., 1990. P. 223–248.
21. *Mairs R.* The Hellenistic Far East. Archaeology, Language and Identity in Greek Central Asia. Oakland (Ca.), 2016.
22. *Manning J.* The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 BC. Princeton, 2010.
23. *Müller H.* Hemiolios. Eumenes II, Toriaion und die Finanzorganisation des Alexanderreiches // Chiron. 2005. Bd. 35. S. 355–384.
24. *Pichikyan I.R.* Culture of Bactria. Achaemenian and Hellenistic periods. [Kultura Baktrii. Akhemenidskiy i ellinisticheskiy periody]. Moscow, 1991.
25. *Rapin C.* La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. Paris, 1992.
26. *Rapin C., Grenet F.* Inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Aï Khanoum. L'onomastique iranienne à Aï Khanoum // BCH. 1983. T. 107. P. 315–381.
27. *Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale. Avec des contributions de Paul Bernard // Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 2. London, 2012.
28. *Singaevsky V.N.* Kiev. A Guide [Kiev. Putevoditel]. Saint Petersburg; Moscow, 2017.
29. *Snezhko V., Krutkina O.* TARPI Project: «Conduct Regional Characterization Study in order to identify potential risks both in Tajikistan and Afghanistan target territories. Create hazard maps following the assessment». Report on the results of the accomplished work [TARPI Project: «Conduct Regional Characterization Study in order to identify potential risks both in Tajikistan

- and Afghanistan target territories. Create hazard maps following the assessment». *Otchet o rezultatakh vypolnennykh rabot*]. Dushanbe — Saint Petersburg, 2012.
30. *Vandorpe K., Clarysse W.* Egyptian Bankers and Bank Receipts in Hellenistic and Early Roman Egypt // K. Verboven, K. Vandorpe and V. Chankowski (eds.). *Pistoi dia tèn technèn. Bankers, Loans and Archives in the Ancient World*. Leuven, 2008. P. 153–168.
31. *Veuve S.* Le gymnase. Architecture, céramique, sculpture // P. Bernard et al. (eds.). *Fouilles d'Aï Khanoum. T. 6*. Paris, 1987.
32. *Vilchinskaya I.* The most «Kievan» Mansion of Semen Mogilevtsev [Samy «kievsky» osobnyak Semena Mogilevtseva] // *Modern Problems of Research, Restoration and Conservation of the Cultural Heritage* [In Ukrainian: *Suchasni problemi doslidzhennya, restavratsii ta zberezhennya kul'turnoi spadshchiny*]. 2015. No. 11. P. 46–58.

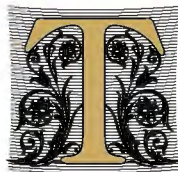
Ключевые слова:

Греко-Бактрийское царство, Ай-Ханум, сокровищница, монеты, документы, чиновники, терминология.

Ivan N. Korovchinsky

THE PALACE TREASURY OF AI KHANOUM AS A PROVINCIAL ROYAL TREASURY

The article analyzes economic inscriptions from the treasury of the palace of the Greek-Bactrian city of Ai-Khanum (middle of the 2nd century B.C.). The author grounds that this city, despite the presence of the royal palace in it, was hardly ever the capital of Greco-Bactria, and, as a result, the treasury of Ai Khanoum shouldn't be considered as the central royal treasury of the kingdom, but as a provincial royal treasury. This makes it possible to compare it with the royal banks of the nomoi in Ptolemaic Egypt, which are its closest counterparts, from which the internal documentation came. As a first attempt at such a comparison, the author tries to find out the identity of proper names, which appear in the inscriptions from Ai-Khanum after the preposition παρά. K. Rapin, F. Grenet and J. Rougemont consider them as the names of the heads of the treasury, M. Aperghis — as the names of tax collectors. Egyptian parallels do not allow at this stage to finally resolve this issue, but show that a personal name after the preposition παρά, if before this preposition does not follow another personal name, means a person who gives money (from the bank or, on the contrary, to the bank). This fact could serve as a first step in obtaining answers to the question posed, as well as a whole study of the Ai-Khanum treasury as a provincial one.

Key words: the Greco-Bactrian Kingdom, Ai-Khanum, treasures, coins, documents, bureaucracy, terminology.

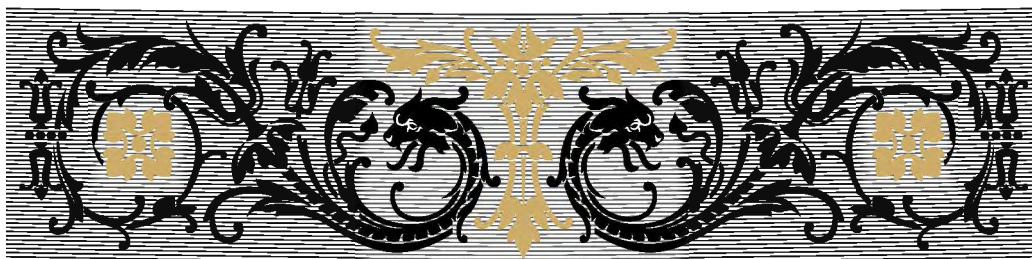
Ivan N. Korovchinsky — Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at Moscow Region State University.

Коровчинский Иван Николаевич

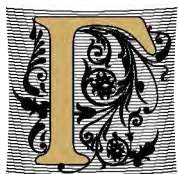

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Е.О. Стоянов

СТАСАНОР СОЛИЙСКИЙ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Галерея ярких образов, оставленная нам эпохой диадохов, к сожалению, неполна. Не раз уже была отмечена неравномерность, с которой античная традиция освещает судьбу преемников Александра. Так, чрезвычайно мало известно о тех из них, кто действовал к востоку от Евфрата (в так называемых верхних сатрапиях); в результате в сознании потомков они оказались словно отодвинуты на второй план¹. А между тем ни личными качествами, ни масштабом свершений, ни увлекательностью и замысловатостью биографии многие из них ничуть не уступали своим куда более знаменитым современникам, союзникам и соперникам. В этом ряду — и Стасанор Солийский.

Античная письменная традиция о Стасаноре относительно скудна, а временами (как мы постараемся показать далее) и противоречива. Это, видимо, и стало главной причиной того, что до самого недавнего времени фигура Стасанора не становилась предметом специального исследования²,

¹ С.В. Смирнов предложил удачный, на наш взгляд, термин «малые диадохи» (см., напр.: Смирнов С.В. Пифон — наследник Александра в тени великих современников // ВДИ. 2014. № 3. С. 31–32).

² Если не считать кратких обзоров справочно-энциклопедического характера: Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 2. Prosopographie. München,

хотя по частным вопросам, связанным с его жизнью и деятельностью, накопилось уже немало количество ценных наблюдений и интересных гипотез. Предлагаемая статья призвана в известной степени заполнить эту историографическую лакуну³.

Когда данный текст был уже практически завершен, вышла в свет обстоятельная статья М. Мендосы, посвященная политической биографии Стасанора⁴. Признавая несомненные достоинства этой работы, уже занявшей важное место в историографии вопроса, отметим, что она отнюдь не «закрывает» тему и оставляет достаточное пространство для диалога и дискуссии⁵. Мы постарались — насколько это возможно — доработать наш текст с учетом этой статьи, при необходимости заостряя внимание на ее спорных моментах.

Происхождение Стасанора: факты и гипотезы

Стасанор (Στασάνωρ⁶) был уроженцем Сол — одного из кипрских царств, расположенного на северо-западе острова⁷. Помимо прямого указа-

---

1926. S. 361–362; *Honigmann E.* Στασάνωρ // RE. 1929. Reihe 2. Hlbd 6. Sp. 2152–2153; *Heckel W.* Who Was Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006. P. 255; *Willows R.A.* Antigonus the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley, 1999. P. 48–449.

³ Выводы данной статьи частично отражены в ряде наших прежних публикаций: *Стоянов Е.О.* Солиец Стасанор и бактрийцы (Porphyr. De abstin. IV.21.4–5): проблема историчности сюжета // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии): межвузовский сборник научных работ. Вып. XXI. Уфа, 2014. С. 14–24; *он же.* К вопросу о происхождении Стасанора Солийского // ПИФК. 2016. № 2 (52). С. 100–110; *он же.* Сатрапы Бактрии второй половины 20-х гг. IV в. до н.э. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2016. № 8 (229). Вып. 38. С. 5–11.

⁴ *Mendoza Sanahuja M.* Stasanor of Soloi and the Government of Bactria during the Wars of the Diadochi // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia.* 2017. Vol. 8. P. 44–70.

⁵ Автор не исчерпал всех проблем, связанных со Стасанором, и не все его выводы представляются нам равно убедительными. Кроме того, портит впечатление от работы досадное, но, увы, привычное торжество принципа *Rosssica non leguntur*: автором totally проигнорирована русскоязычная историография, в результате чего целый ряд важных работ (И.В. Пьянкова, Г.А. Кошеленко, А.С. Балахванцева и др.) оказался вне поля его зрения.

⁶ Аркадо-кипрская диалектная форма. Ионийский вариант Στησάνωρ см., например, у Геродота (Hdt. V.113). Имя это безусловно, греческое, и потому македонское происхождение, приписанное Стасанору некоторыми авторами (напр.: *Lehmann-Haupt C.F.* Satrap (und Satrapie) // RE. 1921. Reihe 2. Hlbd 3. Sp. 125), — очевидное недоразумение.

⁷ О Солох см.: *Oberhammer E.* Soloi (2) // RE. 1927. Reihe 2. Hlbd 5. Sp. 938–941.

ния⁸, об этом свидетельствует также этникон «солиец» (ὁ Σόλιος / Soleus), зачастую сопровождающий его имя⁹.

Собственно, это единственный достоверный факт ранней биографии Стасанора¹⁰. Пожалуй, можно также достаточно уверенно предположить его аристократическое происхождение, учитывая позднейшее включение Стасанора в число гетайров Александра и занимаемые им высокие должности — военные и административные.

В историографии, однако, прочно утвердилось предположение о возможной принадлежности Стасанора к солийскому царскому дому. Впервые сделанное В.Г. Энгелем¹¹ и подхваченное впоследствии И.Г. Дройзеном¹², оно по сей день воспроизводится с редким единодушием почти всеми авторами¹³, как правило — без серьезной аргументации. Между тем попытки верифицировать эту гипотезу приводят к неутешительным результатам¹⁴. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о солийской династии (династиях?) — письменные, эпиграфические, нумизматические — слишком фрагментарны и не проясняют вопроса¹⁵. Этнохороним «Солиец» (ὁ Σόλιος /

⁸ Strabo. XIV. 6. 3. εἶτα Σόλοι ... ἐντεῦθεν ἦν Στασάνωρ τῶν Ἀλεξάνδρου ἐταίρων, ἀνὴρ ἡγεμονίας ἡξιωμένος.

⁹ Diod. XVIII. 3. 3, 39.6; Arr. Succ. Alex. F. 1. 36; Dexipp. FGrHist. 100. F. 6; а также Iust. XIII. 4. 23 и Oros. III. 23. 13 (у обоих в искаженной форме).

¹⁰ В этом отношении он мало выделяется среди остальных диадохов второго ряда — о большей их части известно и того меньше.

¹¹ Engel W.H. Kypros. Eine Monographie. Teil 1. Berlin, 1841. S. 357.

¹² Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. 2. История диадохов. СПб., 2002. С. 343; в первом издании классического труда (Droysen, J.G. Geschichte des Hellenismus. Bd. 1. Geschichte der Nachfolger Alexanders. Hamburg, 1836), вышедшем раньше монографии В. Энгеля, вопрос о происхождении Стасанора не поднимается.

¹³ Вплоть до новейшей работы: Mendoza Sanabuja M. Stasanor of Soloi. P. 47.

¹⁴ Подробнее см.: Стоянов Е.О. К вопросу о происхождении. С. 101–107.

¹⁵ Для IV в. до н.э. известны цари Стасий и Стасикрат (Masson O. Les inscriptions chypriotes syllabiques. Recueil critique et commenté. Paris, 1961. P. 218–220. № 212), современник Александра (следовательно, и Стасанора) Пасикрат (Plut. Alex. 29; Arr. Succ. Alex. F. 24. 6) и, наконец, некий Эвност — союзник и зять Птолемея (Athen. XIII. 37; Eustaph. Schol. Ad Hom. II. XXIII. 826). Пасикрат правил в Солах как минимум между 331 и 321 гг. до н.э. (Berve H. Das Alexanderreich. S. 307), поэтому очевидно, что сам Стасанор солийским царем быть не мог. К тому же в античной нарративной традиции кипрские цари всегда упоминались с титулом (напр.: Diod. XVI. 46. 1–3; XIX. 62. 6, 79. 4; Arr. Anab. II. 20. 6, 22. 2; Arr. Succ. Alex. F. 24. 6; Plut. Alex. 29. 1–2), тогда как Арриан называет Стасанора «одним из гетайров» (Arr. Anab. III. 29. 5), а Страбон повторяет это определение, добавляя расплывчатую формулировку ἀνὴρ ἡγεμονίας ἡξιωμένος (Strabo. XIV. 6. 3). Если Стасанор и мог принадлежать к царскому дому, то только как один из солийских анактов — ближайших родственников царя (см.: Suidas s.v. ἀνακτες καὶ ἀνασσαι; Isocr. Euag. 72; Athen. VI. 68; Eustaph. Schol. ad Hom. II. XIII. 582; о проблеме в целом: Евдокимов П.А. Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом,

Soleus) также не является, вопреки предположению А. Шиффа¹⁶, надежным маркером принадлежности к правящему дому: все случаи употребления формулы «Стасанор Солийский» связаны исключительно с сообщениями о разделах сатрапий в Вавилоне и Трипарадесе (Diod. XVIII. 3. 3, 39. 6; Arr. Succ. Alex. F. 1. 36; Dexipp. FGtHist. 100. F. 1. 6; Iust. XIII. 4. 23; Oros. III. 23. 13.). Скорее всего, здесь отразился стиль первоисточника — документа из македонской канцелярии¹⁷, различающего греков (этникон указан) и македонян (этникон опущен)¹⁸. Наконец, анализ имени «Стасанор» (Στασάνωρ)

на перекрестке Востока и Запада // С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладьнин (ред.) «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб., 2016. С. 78–85). Из солийских анактов IV в. до н.э. нам известны Стасий, сын Стасикрата (*Masson O. Les inscriptions chypriotes. P. 217–218. № 211*), а также сын Пасикрата Никокл (Arr. Ind. 18. 8; Epit. Mett. 55).

¹⁶ Schiff A. Eunostos (4) // RE. 1907. Hlbd 11. Sp. 1139. А. Шифф, развивая расхожее мнение об Эвносте и / или Стасаноре как сыновьях Пасикрата (среди сторонников, пусть и не безоговорочных: Engel W.H. Kypros. S. 357; Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. 2. С. 343; Berve H. Das Alexanderreich. S. 361; Oberhammer E. Soloi (2) // RE. Reihe 2. Hlbd 5. 1927. Sp. 939; Honigmann E. Στασάνωρ. Sp. 2152; Wotke F. Pasikrates (2) // RE. 1949. Bd. 18. 2. Hlbd 36. 3. 1949. Sp. 2063; Hill G. A History of Cyprus. Vol. 1. To the Conquest by Richard Lion Heart. Cambridge, 1949. P. 165; Billows R.A. Antigonos the One-Eyed. P. 448 etc.), полагал, что старший сын наследовал трон, младший же отправился в поход с Александром (как это произошло с Никокреонтом и Нитафонтом из Саламина). При всем изяществе этой гипотезы родство с Пасикратом как Стасанора, так и Эвноста недоказуемо; у последнего к тому же нехарактерное для Кипра беотийское имя.

¹⁷ Сообщение о разделах империи Александра, согласно общепринятой точке зрения, восходит (прямо или опосредованно) к сочинению Иеронима из Кардии, *maßgebender Historiker* (по меткому определению Ф. Якоби: *Jacoby F. Hieronymos (10) // RE. 1913. Bd. 8. 2. Sp. 1340*), для пятидесятилетия после смерти Александра; см. также: *Reuss F. Hieronymos von Kardia. Studien zur Geschichte der Diadochenzeit. B., 1876. S. 101*; *Brown T.S. Hieronymus of Cardia // AHR. 1947. Vol. 52. 4. P. 692*; *Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981*; *Roisman J. Hieronymus of Cardia: Causation and Bias from Alexander to his Successors // Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives / E. Carney, D. Ogden (eds.). Oxford, 2010. P. 135*; *Смирнов С.В. Пифон, Селевк и традиция Иеронима из Кардии // Мнемон. 2014. Вып. 14. С. 161–162*. Самому Иерониму, вероятно, были доступны официальные документы (*Rosen K. Political Documents in Hieronymus of Cardia (323–302 BC) // Acta Classica. 1967. Vol. 10. P. 45–48; 61–62*), откуда он и мог заимствовать устойчивый оборот Στασάνωρ ὁ Σόλιος.

¹⁸ Помимо самого Стасанора, еще два имени сопровождаются этниконом: Стасандр Кипрский и Лаомедонт Митиленский (см., напр.: Diod. XVIII. 39. 6). Царское происхождение Стасандра сомнительно (аргументы те же, что и для Стасанора; к тому же озадачивает ὁ Κύπριος вместо ожидаемого в таком случае указания на определенное царство), а Лаомедонта — попросту исключено (монархия в Митилене была упразднена несколькими столетиями ранее; см.: *Herbst R. Mytilene // RE. 1935. Bd. 16. Hlbd 23. Sp. 1412–1414*). Объединяет же обоих со Стасанором греческое происхождение — в отличие от остальных сатрапов, македонян и персов, имена которых этниконом в списках не сопровождались. Видимо, перед нами намеренное разделение сатрапов по происхождению, и скорее всего — с точки зрения македонян (любопытная параллель,

в контексте кипрской и общегреческой ономастики показывает, что оно принадлежит к группе массово представленных на острове имен с корнем $\Sigma\tau\alpha\sigma-$ / $\Sigma\tau\eta\sigma-$. Составляя характерную особенность кипрского ономастикона¹⁹, эти имена, однако, не обладают сколь-нибудь выраженной социальной спецификой: из четырех известных нам Стасаноров (среди которых три несомненных киприота), лишь один имел отношение к верховной власти²⁰.

Поэтому хотя и нельзя назвать неправдоподобным предположение о царском происхождении Стасанора — иначе у него не было бы такого количества сторонников, но приходится признать, что эта гипотеза, пусть и освященная авторитетом корифеев антиковедения, все же остается именно гипотезой, причем на сегодняшний день — неверифицируемой.

Стасанор на службе у Александра: военная и политическая карьера

В поле зрения историков Александра Стасанор появляется сравнительно поздно — только во время среднеазиатской кампании²¹. К этому времени он уже входил в число гетайров и пользовался серьезным доверием царя. Так, в 329 г. до н.э., сразу после перехода через Окс, Александр отправляет его арестовать сатрапа ареев Арсака и самому возглавить сатрапию²². Зимой

иллюстрирующая это различие: критянин и гражданин Амфиполя Неарх, охарактеризованный в другом известном списке [Arr. Ind. 18. 10] как $\text{N}\acute{\epsilon}\alpha\rho\chi\omicron\varsigma\ \delta\ \text{A}\nu\delta\rho\omicron\tau\iota\omicron\upsilon\varsigma\ \tau\omicron\ \upsilon\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \text{K}\rho\eta\varsigma\ \delta\ \text{N}\acute{\epsilon}\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$).

¹⁹ Наряду с другой группой имен — с корнем $\text{O}\nu\alpha\sigma-$ / $\text{O}\nu\eta\sigma-$.

²⁰ Это тиран кипрского Курия Стесенор ($\Sigma\tau\eta\sigma\eta\acute{\nu}\omega\rho$; Hdt. V. 113). Также, помимо Стасанора Солийского, известны некий Стасанор ($\Sigma\tau\alpha[\sigma\acute{\alpha}] \nu\omega\rho$, силл. sa-ta-[sa]-no-ro) из Мария (*Masson O. Les inscriptions chypriotes. P. 172–173, № 154b*) и Стасенор ($\Sigma\tau\alpha\sigma\eta\acute{\nu}\omega\rho$) — муж сестры Каллимаха Мегатимы и отец Каллимаха младшего (*Suidas s.v. Καλλιμαχος*). (NB: окончание - $\iota\omega\nu$ в названиях кипрских городов-государств передано нами как — *ии́*, т.е. «Курий» и «Марий», а не «Курион» и «Марион»).

²¹ Это не означает, что Стасанор не участвовал в восточном походе раньше — вполне вероятно, что он присоединился к нему уже на начальном этапе (о переходе киприотов на сторону Александра после Иссы и их участия в дальнейшей кампании см.: Arr. Anab. II. 20. 3; 6; 21. 1; 8); на это косвенно указывает то, что к 329 г. до н.э. он уже был гетайром и командиром достаточно высокого ранга. Любопытно, что в отличие от большинства известных нам представителей кипрской знати Стасанор командовал сухопутными подразделениями.

²² Arr. Anab. III. 29. 5. Свидетельство Диодора (Diod. XVII. 81. 3) об участии Стасанора в экспедиции против Сатибарзана (последнего ахеменидского сатрапа Арееи, поднявшего восстание в тылу Александра) принято считать ошибочным (см., напр.: *Berve H. Das Alexanderreich. S. 361*): видимо, локальная, хотя и ответственная, миссия по аресту не вызывавшего доверия Арсака «наложилась» на куда более масштабный поход против его мятежного предшественника.

329/328 г. до н.э. Стасанор приводит Арсака, закованного в цепи, к царю, зимовавшему в Зариаспах (Арг. Анаб. IV. 7. 1). Следующей зимой ряд сатрапов и военачальников, включая Стасанора, прибывают к Александру в Наутаку, где получают, а затем успешно выполняют ряд поручений (IV. 18. 1: *πεπραγμένων σφίσι πάντων ὅσα ἐξ Ἀλεξάνδρου ἐτέτακτο*). В чем состояли эти поручения — неизвестно, однако в результате Стасанору была отдана в управление еще одна сатрапия — Дрангиана²³. В 325 г. до н.э., когда возвращавшийся из Индии Александр прибыл в Карманию, Стасанор был в числе сатрапов и военачальников, пришедших на помощь царю (VI. 27. 3); в частности, он привел Александру стада вьючных животных, в том числе верблюдов (VI. 27. 6). Аририан отмечает, что дальше Стасанор царя не сопровождал, вернувшись по его распоряжению в свою сатрапию (VI. 29. 1). Неизвестно, оставался ли он там постоянно: есть свидетельство (впрочем, крайне ненадежное), что в дни болезни и смерти Александра Стасанор находился в Вавилоне²⁴.

Оценивая в целом годы, проведенные Стасанором на службе у Александра, нельзя не признать, что он сделал блестящую карьеру — как мало кто из греков и как ни один другой киприот (включая и представителей царских родов)²⁵.

Стасанор после Вавилона и Трипарадуса: укрепление позиций

Стасанор оказался непосредственно вовлечен в политические перемены, затронувшие верхние сатрапии после смерти Александра. Об этом

²³ Арг. Анаб. IV. 18. 3. Аналогичное сообщение Курция (VIII. 3. 17: *Arsami, Drangarum praefecto, substitutus est Stasanor, Arsaces in Mediam missus, ut Oxydates inde discederet*), как не раз отмечалось (*Berve H. Das Alexanderreich. S. 361; Heckel W. Who Was Who. P. 341*), содержит неточности и искажения. К тому же его сложнее атрибутировать хронологически (ясно лишь, что события происходят сразу после окончательной победы над Спитаменом).

²⁴ Псевдо-Каллисфен (Ps. Call. III.31) называет Стасанора в числе участников рокового пира в доме Медия: *ἦσαν δὲ οἱ παρόντες κ'· Περδίκκας Μελέαγρος Πύθων Λεόννατος Κάσανδρος Πευκέστης Πτολεμαῖος Λυσίμαχος, Φίλιππος ὁ ἰατρός, Νέαρχος Κρής, Στασάνωρ, Ἡρακλείδης ὁ Θραξ... Εὐρώπιος, Ἀρίστων Φαρσάλιος, Φίλιππος (ὁ) μηχανικός, Φιλώτας, Μένανδρος*. Ср. тот же фрагмент (сильно поврежденный) в Мецской эпитоме (Epit. Mett. 97). Принимать на веру это свидетельство совсем не обязательно, однако любопытно (и показательно!) представление о вхождении Стасанора в ближний круг царя.

²⁵ Т.С. Браун видит в этом косвенное доказательство высокого происхождения Стасанора: иначе-де такой карьерный рост для грека на македонской службе был возможен лишь при наличии *special qualifications* (*Brown T.S. Hieronymus of Cardia. P. 689*). Странно, что наличие последних вообще подвергнуто сомнению: вся биография Стасанора убедительно свидетельствует об обратном.

свидетельствуют результаты распределения сатрапий в Вавилоне (323 г. до н.э.), а затем в Трипарадесе (321 или 320 г. до н.э.²⁶).

Списки сатрапов дошли до нас в нескольких вариантах²⁷. Старейший, наиболее полный и, вероятно, самый достоверный вариант «вавилонского» списка представлен у Диодора²⁸. Согласно ему, Стасанор в Вавилоне был вновь утвержден сатрапом Арейи и Дрангианы (Diod. XVIII. 3. 3: Στασάνορι δὲ τῷ Σολίῳ τὴν Ἀρίαν καὶ Δραγγίνην). Этому не противоречит и ряд позднейших свидетельств²⁹. Источники отмечают, что правители верхних сатрапий остались теми же, что и при Александре (Diod. XVIII. 3. 2; Curt. X. 10. 4; Iust. XIII. 4. 19 etc.) — по отношению к Стасанору это, как видим, вполне справедливо³⁰.

Для Трипарадеса в нашем распоряжении имеются два текстуально близких варианта списка: у того же Диодора и в эскиптах «Истории после Александра» Арриана. В обоих случаях Стасанор указан уже как сатрап Бактрии и Согдианы³¹ (вместо утвержденного в Вавилоне Филиппа), новым же правителем Арейи и Дрангианы становится Стасандр Кипрский (Diod. XVIII. 39. 6: τὴν δὲ Βακτριανὴν καὶ Σογδιανὴν Στασάνορι τῷ Σολίῳ; Arr. Succ. Alex. F. 1. 36: τῆς δὲ Βακτριανῆς καὶ Σογδιανῆς Στασάνορα τὸν Σόλιον).

²⁶ О датировке собрания в Трипарадесе как частном случае проблемы «высокой» и «низкой» хронологии эпохи диадохов см.: *Boiy T. Between High and Low: a Chronology of the Early Hellenistic Period. Frankfurt am Main, 2007. P. 131–135 etc.*

²⁷ См.: *Klinkott H. Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit. Stuttgart, 2000. S. 17–49; 67–74*; данная работа — наиболее детальное на сегодня источниковедческое исследование списков.

²⁸ *Klinkott H. Die Satrapienregister. S. 102*; обзор мнений: *Brown T.S. Hieronymus of Cardia. P. 692–693*; *Bizière F. Comment travaillait Diodore de Sicile // RÈG. 1974. Vol. 87. P. 369–370*. Известный недостаток писательского метода Диодора — опора на «главный» (зачастую единственный для каждого крупного сюжетного блока) источник при его минимальной стилистической обработке (*Reuss F. Hieronymos von Kardia. S. 115–131*; *Schwartz E. Diodorus (38) // RE. 1905. Bd. 5. Hlbd 10. Sp. 669*; *Bizière F. Comment travaillait. P. 374*) — в данном случае оборачивается явным достоинством.

²⁹ Ср. свидетельство Дексиппа (FGrHist 100. F. 8. 6); то же — в различных версиях «романа об Александре» у псевдо-Каллисфена (Ps.-Call. III. 33), Юлия Валерия (Iul. Val. III. 59) и Мецской эпитафы (Epit. Mett. 121).

³⁰ Если Стасанор действительно мог находиться в Вавилоне накануне и во время смерти Александра, не исключено, что раздел сатрапий происходил при его непосредственном участии. Впрочем, это допущение, шаткое само по себе, мало что дает для понимания ситуации: едва ли гипотетический вклад Стасанора в формулирование принятого решения мог быть здесь определяющим, да и решение, скорее всего, принималось относительно всех верхних сатрапий в целом.

³¹ Бактрия и Согдиана составляли двуединую сатрапию еще с ахеменидских времен. Далее в тексте этот обширный регион может также — для краткости — именоваться просто Бактрией.

Из этой в целом непротиворечивой картины выбивается, однако, сообщение Юстина, воспроизведенное впоследствии Орозием (Iust. XIII. 4. 23; Oros. III. 23. 13): в Вавилоне сатрапом Бактрии оказывается Аминта, Согдиана же получает отдельного наместника в лице некоего Стаганора Сихейского³², Стасанор при этом правит Ареей и Дрангианой; раздел в Трипарадисе вообще не упомянут. Впрочем, странности этой версии вполне объяснимы «изнутри» традиции Иеронима³³ как результат серии интерполяций, не отражающий реального положения дел³⁴.

Изменения, произошедшие в верхних сатрапиях в первые годы после Александра, можно свести в следующую таблицу³⁵:

³² Рукописная традиция дает множество искаженных форм (Scythaeus, Stacanor, Itacanor etc.).

³³ Эти метаморфозы можно объяснить одновременными «архаизацией» и «модернизацией» исходного списка для Вавилона (обе тенденции были отмечены, но без исчерпывающего объяснения: *Klinkott H. Die Satrapienregister. S. 22–23*, там же библиография вопроса). С одной стороны, сюда искусственно добавлен бактрийский сатрап Аминта (видимо, лишившийся власти еще до смерти Александра): основанием, должно быть, послужила оговорка о сохранении прежних наместников, а присутствие неизвестного прежде Филиппа воспринято как ошибка — тем более что в Трипарадисе сатрап с тем же именем фигурировал в другом месте. С другой стороны — там, где данные «вавилонского» и «трипарадического» списков расходились, автор версии Юстина / Орозия контаминировал их. Отсюда искусственное дробление «сдвоенных» сатрапий: Бактрия-Согдиана оказалась поделена между Аминтой (Вавилон) и Стасанором (Трипарадис), Парфиена-Гиркания — между Фратаферном (Вавилон) и Филиппом (Трипарадис). К тому же в обоих сохранившихся вариантах «трипарадического» списка Филипп назван сатрапом Парфиены (без Гиркании!). Видимо, на этом основании прежнему наместнику Фратаферну и была «оставлена» неназванная половина его бывшей сатрапии. Отметим, наконец, что пара «Стасанор — Стаганор Сихейский», очевидно, соответствует паре «Стасандр — Стасанор Солийский», причем не только по занимаемым в списке позициям. Отсутствие этника у «юстиновского» Стасанора коррелирует с расплывчатой характеристикой Стасандра как уроженца Кипра (Diod. XVIII. 39. 6), тогда как *Sicheus* — несомненный результат искажения исходного *Soleus*.

³⁴ Ряд исследователей предполагали существование в этот период отдельной Согдийской сатрапии (напр.: *Мончадская Е.А. О правителях Бактрии и Согдианы VI–IV вв. до н.э. // Культура и искусство народов Востока. 6 (ТГЭ. Т. 5). Л., 1961. С. 114; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 182*) — без достаточных оснований. Г.А. Кошеленко, кроме того, считал Стаганора реальным историческим лицом — еще одним уроженцем Кипра, отличным от Стасанора и Стасандра, действительно возглавившим в 323 г. до н.э. отдельную Согдийскую сатрапию (*он же. Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // РА. 2006. № 3. С. 99*). Но эта оригинальная точка зрения никак не была аргументирована, тем более что имя «Стаганор» в греческом мире вообще неизвестно.

³⁵ Основные источники таблицы: Diod. XVIII. 3. 3, Dextr. FGrHist. 100. F. 1. 6, Epit. Mett. 121 (для Вавилона; реконструкция исходного списка: *Klinkott H. Die Satrapienregister. S. 48*) и Diod. XVIII. 39. 6, Arr. Succ. Alex. F. 1. 36 (для Трипарадиса).

Сатрапия	Сатрап	
	Вавилон	Трипарадис
Персида	Певкест	Певкест
Мидия	Атропат	Пифон
Парфиена ³⁶ и Гиркания	Фратаферн	Филипп (II?)
Бактрия и Согдиана	Филипп (I?)	Стасанор Солийский
Арейя и Дрангиана	Стасанор Солийский	Стасандр Кипрский
Паропамисады	Оксиарт	Оксиарт
Арахосия и Гедросия	Сибиртий	Сибиртий
Кармания	Тлеполем	Тлеполем

Прежде чем объяснить — и попытаться оценить — роль и место Стасанора в этих процессах, необходимо вкратце остановиться на факторах, их обусловивших. В общеимперском масштабе это, безусловно, смерть Александра и последовавшая за ней борьба диадохов, в которую были вовлечены и восточные окраины державы. Но не меньшее значение для верхних сатрапий (и в первую очередь Бактрии) имели восстания греческих колонистов 325 и 323–322 гг. до н.э.³⁷, особенно второе, охватившее несколько областей³⁸ и подавленное карательной экспедицией Пифона (Diod. XVIII. 7.1–9). Характерно, что оба восстания хронологически предшествовали разделам в Вавилоне и Трипарадесе соответственно — очевидно, во многом повлияв на итоги каждого.

Как видим, в половине сатрапий правитель остался прежним. Скорее всего, сатрапы, сохранившие власть (Персида, Паропамисады, Арахосия и Гедросия, Кармания), подтвердили свою лояльность и надежность (под-

³⁶ Здесь и далее эта область, в источниках также именуемая Парфия (Παρθιαία), для сохранения единообразия будет именоваться Парфиеной (но не Парфией — во избежании путаницы с позднейшей державой Аршакидов).

³⁷ Об истории восстаний см. прежде всего: Holt F. Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. Leiden, 1988. P. 82–85, 87–91; Iliakis M. Greek Mercenary Revolts in Bactria: A Re-Appraisal // Historia. 2013. Bd. 62. 2. P. 182–195 (там же библиография вопроса). Об идеологии восставших (поисковые ценности греков против восточной политики Александра): Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 59–78; он же. Греческий полис ... С. 186–197.

³⁸ Второе восстание трудно локализовать — Диодор сообщает лишь о верхних сатрапиях в целом (Diod. XVIII. 4. 8), но судя по вавилонским источникам, центром повстанческого движения была именно Бактрия (Sachs A.J. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Vol. I. Diaries from 652 B.C. to 262 B.C. Wien, 1988. P. 211).

держка Пифона войсками, возможно, личное участие в карательной экспедиции) — а может быть, их областей волнения просто не коснулись. Мидия досталась Пифону, влияние и амбиции которого заметно возросли после успешного подавления восстания³⁹. К тому же судьба его предшественника Атропата, тестя и союзника Пердикки⁴⁰, после гибели последнего была фактически предрешена.

Куда интереснее комбинация со сменой сатрапов в трех оставшихся областях: Стасанор Солийский переместился из Ареи и Дрангианы в Бактрию и Согдиану, при этом Филипп (бывший сатрап Бактрии или его тезка?) стал во главе Парфиены и Гиркании. Не менее интригующие сюжеты — исчезновение влиятельного прежде Фратаферна и появление на политической арене киприота Стасандра. Как интерпретировать эти перемещения?

Информация об обоих Филиппах (прежний сатрап Бактрии и новый сатрап Парфиены) исчерпывается их именами. Нельзя исключать, что речь идет о разных лицах. Но почти одновременное правление в соседних областях двух разных сатрапов по имени Филипп, ни об одном из которых ничего более не известно (причем появление второго странным образом совпало с исчезновением первого) — это слишком похоже на *multiplicatio entium sine necessitate*. Поэтому идентификация «парфянского» Филиппа с «бактрийским», хотя и не может быть строго доказана, выглядит вполне вероятной⁴¹. Добавим, что это был не единственный для империи Александра прецедент перевода сатрапа из одного владения в другое⁴².

Что же тогда случилось с Фратаферном? Один из самых авторитетных сатрапов империи⁴³ сохранил свои владения после Вавилона — но больше

³⁹ Подробности политической биографии Пифона см.: Смирнов С.В. Пифон — наследник Александра. С. 31–46.

⁴⁰ На это обстоятельство как причину падения Атропата указывают: Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 4. 2. Berlin; Leipzig, 1927. S. 314; Bosworth A.B. The Legacy of Alexander: Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford, 2002. P. 105.

⁴¹ Среди ее сторонников: Berve H. Das Alexanderreich. S. 387; Beloch K.J. Griechische Geschichte. S. 315; Treves P. Philippos (62) // RE. 1938. Bd. 19. Hlbd 38. Sp. 2548; Heckel W. Who Was Who. P. 214; Литвинский Б.А. Средняя Азия в селевкидское время // История таджикского народа. Т.1. Древнейшая и древняя история. Душанбе, 1998. С. 323.

⁴² Царь также перевел Сибиртия из Кармании в Арахосию и Гедросию (Арт. Анаб. VI. 27. 1), а одновременно с Филиппом поменял сатрапию Стасанор — о чем подробнее далее.

⁴³ Перс, занимавший должность сатрапа этой области при Дарии III, он оказался в числе представителей высшей ахеменидской аристократии, перешедших на службу к Александру, вскоре вновь был поставлен во главе Парфиены и Гиркании, неоднократно участвовал в военных предприятиях Александра. Общий обзор его биографии см.: Berve H. Das Alexanderreich. S. 400–401; *idem*. Phrataphernes // RE. 1941. Hlbd 39. Sp. 744–745; Heckel W. Who Was Who. P. 223.

о Фратаферне ничего не известно: в Трипарадесе его сатрапия достается Филиппу. Объяснений может быть много⁴⁴, но ни одно из них не обеспечено надежными аргументами⁴⁵. Что до Филиппа, то его перевод в новую сатрапию, очевидно, означал некоторую потерю статуса: Бактрия и Согдиана были куда более престижным трофеем, нежели Парфия и Гиркания. Но сложно представить, что речь шла о выражении недоверия Филиппу (например, за его несостоятельность во время восстания): провинившегося сатрапа, скорее всего, ожидало бы не понижение в должности, а полное политическое небытие.

На наш взгляд, понять эту многоходовую комбинацию можно, лишь рассмотрев ее в ином ракурсе — как возвышение Стасанора Солийского. Действительно, в краткий промежуток между Вавилоном и Трипарадесом он, как и Пифон, смог значительно укрепить свои позиции в верхних сатрапиях. Говоря об этом, следует обратить внимание на еще одного киприота — Стасандра, как раз в это время вышедшего на историческую сцену.

О Стасандре известно еще меньше, чем о Стасаноре, и при этом судьбы обоих тесно связаны. Это обстоятельство, вкупе с очевидным сходством имен и кипрским происхождением сатрапов, заставило многих сомневаться в историчности Стасандра и считать его двойником Стасанора, обязанным своим появлением случайному *lapsus calami*⁴⁶. На наш взгляд, такой подход неоправданно гиперкритичен. Имя *Стасандр* столь же хорошо засвидетельствовано на Кипре, как и *Стасанор*. Никакой путаницы в отношении того и другого античная традиция не обнаруживает: они отдельно фигурируют в списке сатрапов из Трипарадеса (Diod. XVIII. 39. 6; Arr. Succ.

⁴⁴ Он мог быть смещен с должности по тем или иным причинам, мог уйти на покой под предлогом преклонного возраста (как прежде случилось в Бактрии с Артабазом) или просто скончаться. Так, например, К.Ю. Белох предположил, что Фратаферн скомпрометировал себя во время восстания и поэтому был сразу замещен Филиппом (Beloch K.J. Griechische Geschichte. S. 314–315). А.Б. Босворт допускал, что дочь Фратаферна была женой Алкетты, что обусловило приверженность сатрапа Пердикке — с закономерным финалом (Bosworth A.B. Op. cit. P. 105). Впрочем, Пердикка, стоявший за продолжение восточной политики Александра, был естественным союзником иранской аристократии (см., напр.: Olbrycht M.J. Iranians in the Diadochi Period // V. Alonso Troncoso, E.M. Anson (eds.) After Alexander. The Time of the Diadochi [323–281 BC]. Oxford, Oakville, 2013. P. 163).

⁴⁵ Не случайно Г. Берве (Berve H. Das Alexanderreich. Sp. 745) и В. Хекель (Heckel W. Who Was Who. P. 223; 333) разумно уклоняются от однозначных заключений.

⁴⁶ Lehmann-Haupt C.F. Satrap. Sp. 158; Berve H. Das Alexanderreich. Bd. 2. S. 361; Beloch K.J. Griechische Geschichte. S. 315–316; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. Paris, 1949. P. 487; Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 231.

Alex. F. 1. 36), а также в рассказе Диодора о военных действиях в верхних сатрапиях (Diod. XIX. 14. 7; 27. 3; 48. 1).

Важно отметить, что Стасандр, возглавив бывшую сатрапию Стасанора, в дальнейшем действовал в качестве своеобразного союзника-вассала своего предшественника⁴⁷. Если учесть к тому же, что Стасандр был земляком⁴⁸, а возможно, и родственником Стасанора⁴⁹, вывод напрашивается сам собой: переходя в Бактрию, Стасанор смог добиться того, что во главе его прежней сатрапии оказался его ставленник. Фактически Стасанор объединил под своей властью немалую территорию⁵⁰, превратившись на некоторое время в одного из самых влиятельных диадохов⁵¹.

Взлет могущества Стасанора, по нашему мнению, явился прямым продолжением событий 323–322 гг. до н.э. Скорее всего, он был среди тех сатрапов, кому Пердикка поручил усилить армию Пифона (Diod. XVIII. 7. 3); возможно, он лично действовал против мятежников. Однако решающим достоинством Стасанора в этих условиях оказалось его греческое происхождение. Для замирения Бактрии, главного очага мятежа, сатрап-грек был предпочтительнее сатрапа-македонянина⁵². С другой стороны, в отношении

⁴⁷ Во время второй войны диадохов Стасандр командовал не только войском своей сатрапии, но и бактрийскими соединениями — явно по поручению не участвовавшего в войне лично Стасанора (подробно об этом см. далее).

⁴⁸ По крайней мере, оба были уроженцами Кипра. Но если Стасанор происходил из кипрских Сол и его имя часто сопровождалось этниконом «солиец», то происхождение Стасандра Арриан никак не обозначил (Succ. Alex. F.1. 36), а Диодор ограничился неопределенным Κύπριος (XVIII. 39. 6). Если последний вариант восходит к оригинальному списку сатрапов, это вдвойне любопытно: обычно для киприотов в качестве этникона выступало название не самого острова, а одного из царств, на которые был разделен доэллинистический Кипр. Это может означать, что происхождение Стасандра, всецело обязанного своим возвышением Стасанору, было туманным уже для его современников.

⁴⁹ На основании сходства имен делалось предположение, что Стасанор и Стасандр были братьями (Hill G. A History of Sogdiana. P. 151). Делегирование Стасандру военных полномочий (и вообще подчиненное положение) косвенно указывает, что в этой паре он был «младшим» — возможно даже, что и сыном Стасанора.

⁵⁰ На фактическом объединении сатрапий под властью Стасанора акцентировал внимание К.Ю. Белох, отождествлявший, впрочем, Стасанора и Стасандра (Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 4. 1. Berlin; Leipzig, 1925. S. 67). Но, как разумно заметил П. Даффина (Daffinà P. L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana. Roma, 1967. P. 29–30), этот тезис остается верным вне зависимости от историчности второго киприота.

⁵¹ На полунезависимое положение (semi-independent position) Стасанора после смерти Александра пронизательно обратил внимание еще Дж. Роулинсон (Rawlinson G. Bactria. The History of a Forgotten Empire. London, 1912. P. 49).

⁵² Bevan E.R. The House of Seleucus. Vol. 1. London, 1902. P. 277; Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957. P. 7–8. Не исключено также, что он с лучшей стороны проявил себя во время второго восстания как сатрап Арреи и Дрангианы — впрочем, отсутствие

иранцев Стасанор зарекомендовал себя как продолжатель политики Александра, что делало его приемлемой фигурой и для местного населения⁵³. Последнее обстоятельство обеспечивало Стасанору поддержку Пердикки, также хранившего приверженность тем же принципам. Помимо того, Пердикка вполне резонно мог считать укрепление позиций Стасанора хорошим противовесом набирающему силу Пифону. Поэтому, как нам представляется, фактическое назначение Стасанора должно было произойти сразу после подавления второго греческого восстания и еще при жизни Пердикки, тогда как передел сатрапий в Трипарадесе только утвердил эту перемену⁵⁴. Новый регент Антипатр и стратег Азии Антигон Монофталм имели совершенно иные взгляды на восточную политику, да и сам Стасанор как ставленник Пердикки вряд ли вызывал у них доверие, но правители державы в очередной раз предпочли не вмешиваться напрямую в дела верхних сатрапий.

Итак, смерть Александра открыла Стасанору, как и остальным диадохам, путь к власти, и, как видим, этого шанса он не упустил — хотя на первый взгляд дело свелось лишь к перемещению его из одной сатрапии в другую.

Стасанор и вторая война диадохов (319—316 гг. до н.э.)

Контролируя обширную территорию на северо-востоке распадающейся державы Александра, Стасанор неизбежно становился весомой фигурой в конфликтах диадохов.

Достоверно известно о его участии в двух кампаниях⁵⁵. Первой из них было выступление коалиции правителей верхних сатрапий против Пифона, сатрапа Мидии и стратега верхних сатрапий, стремившегося к едино-

---

прямых свидетельств о ходе событий в этих областях оставляет слишком большой простор для спекуляций.

⁵³ М. Ольбрыхт в связи с этим обращает внимание на кипрское происхождение Стасанора: Кипр при Ахеменидах испытывал сильное персидское влияние, в том числе и культурное, что должно было облегчить адаптацию сатрапа к восточноиранским реалиям (*Olbrycht M. Iranians in the Diadochi Period. P. 161*). Это обстоятельство могло сыграть роль и при его назначении в Арею и Дрангиану (*Mendoza Sanabuja M. Stasanor of Soloi. P. 49–50*).

⁵⁴ Такое мнение высказал в свое время еще К.Ю. Белох (*Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd. 4. 1. S. 67*). Утверждения, что Стасанор стал сатрапом Бактрии только в Трипарадесе по решению Антипатра (*Zeimal E.V. The Political History of Transoxiana // The Cambridge History of Iran. Vol. 3.1. Cambridge, 1983. P. 236; Holt F. Alexander the Great and Bactria. P. 91*), на наш взгляд, несправедливы.

⁵⁵ Строго говоря, участвовали в этих кампаниях только бактрийские войска. Лично Стасанор свою сатрапию, судя по всему, не покидал.

личному господству в регионе. Пифон захватил Парфиену, убив ее стратега Филоту и поставив вместо него своего брата Эвдама⁵⁶. Но в результате объединенных усилий сатрапов Парфиена был отбита (Diod. XIX. 14. 2). Диодор сообщает о составе соединенных сил, где, в частности, имелись бактрийские войска, приведенные Стасандром, который располагал также полутора тысячами пехотинцев и тысячью всадников из Ареи и Дрангианы⁵⁷.

Вскоре, когда эпицентр войны Антигона Монофталма с Эвменом сместился в верхние сатрапии, Стасанор оказался среди сатрапов, до конца сохранивших верность Эвмену. Личного участия в боевых действиях он снова не принимал, но известно, что в решающей битве при Габиене участвовал Стасандр, командовавший конницей в 250 человек⁵⁸. Судя по всему, в обоих случаях Стасандр действовал не только как правитель Ареи и Дрангианы, но и от имени Стасанора.

После победы Антигона все верхние сатрапии, включая Бактрию и Согдиану, оказались под его властью. Но если в Арее и Дрангиане он поставил новым наместником Эвита, а вскоре, после его смерти, Эвагора⁵⁹, то ряд других сатрапов (Диодор называет Стасанора, Тлеполема, Сибиртия и Оксиарта) он был вынужден оставить в их владениях: те имели множество сторонников среди населения сатрапий⁶⁰. Под местными жителями (οἱ ἐγχώριοι) подразумевалось, конечно же, коренное население сатрапий⁶¹. Рискнем, однако, предположить, что ситуация с оставшимися в верхних сатрапиях колонистами (если не принимать маловероятную версию их полного истребления в 322 г. до н.э.⁶²) также должна была стабилизироваться

⁵⁶ Diod. XIX. 14. 1: Πίθων σατράλης μὲν ἀπεδέδεικτο Μηδίας, στρατηγὸς δὲ τῶν ἄνω σατραπειῶν ἀπασῶν γενόμενος Φιλώταν μὲν τὸν προὔπαρχοντα Παρθυαίας στρατηγὸν ἀπέκτεινε, τὸν δὲ αὐτοῦ ἀδελφὸν Εὐδαμον ἀντὶ τοῦτου κατέστησεν.

⁵⁷ Diod. XIX. 14. 7. Στάσανδρος δ' ὁ τῆς Ἀρίας καὶ Δραγγίνης σατράλης, προσειληφὼς καὶ τοὺς ἐκ τῆς Βακτριανῆς, εἶχε πεζοὺς μὲν χιλίους πεντακοσίους, ἵππεις δὲ χιλίους.

⁵⁸ Diod. XIX. 27. 3. ἐξῆς δὲ τοῦτοις Στάσανδρον τὸν στρατηγὸν ἔταξεν ἔχοντα τοὺς ἰδίους ἵππεις ἑννακοσίους πεντήκοντα.

⁵⁹ Стасандр мог погибнуть еще в битве при Габиене, хотя не исключено и его позднее отстранение от власти (возможно, и казнь) победившим Антигоном. М. Мендоса склонен считать, что Стасандру удалось бежать: *Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 56.

⁶⁰ Diod. XIX. 48. 1: τὴν μὲν οὖν Καρμανίαν εἶασεν ἔχειν Τληπόλεμον καὶ τὴν Βακτριανὴν ὁμοίως Στασάνορα: οὐ γὰρ ῥάδιον ἦν τοῦτους δι' ἐπιστολῆς ἐκβαλεῖν, εὐ τὰ πρὸς τοὺς ἐγχωρίους πεπολιτευμένους καὶ πολλοὺς ἔχοντας συναγωνιστάς. Любопытно, что ровно теми же обстоятельствами объяснялось убийство Антигоном Певкеста (Diod. XIX. 48. 5).

⁶¹ М. Мендоса справедливо возражает против отождествления их с греческими колонистами (*Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 61).

⁶² Дискуссию на эту тему см.: *Holt F. Alexander the Great and Bactria*. P. 89–91; *Rathmann M. Perdikkas zwischen 323 und 320. Nachlassverwalter des Alexanderreiches oder Autokrat?* Wien, 2005. S. 54; *Кошеленко Г.А. Греческий полис*. С. 185.

к этому времени. В противном случае, Антигон — при хорошо известной эллиоцентричности его политики⁶³ — вряд ли упустил бы возможность использовать греков против Стасанора. Впрочем, власть и влияние Стасанора в целом несколько ослабли: он лишился фактического контроля над Ареей и Дрангианой.

Оценивая действия Стасанора в ходе второй войны диадохов, стоит обратить внимание на несколько обстоятельств. Прежде всего, солиец до конца хранил приверженность «партии» Пердикки, а затем — Эвмена. Был ли в этом только политический расчет? Вполне вероятно, что Стасанора сближало с ними и понимание общих принципов восточной политики, продолжающих линию Александра; по крайней мере, его практическая деятельность как сатрапа (насколько мы можем о ней судить) была именно такова. Не исключено, что Стасанор был также приверженцем сохранения единства империи Александра: во всяком случае, ничто не говорит в это время о его сепаратистских планах или попытках расширить свои владения (даже зависимость Ареей и Дрангианы от бактрийского сатрапа была обеспечена только личными связями Стасанора и Стасандра). Это может свидетельствовать также и о крайней осторожности Стасанора как политика. Именно этим его качеством может объясняться то, что он, опытный военачальник, уклонился от личного участия в боевых действиях⁶⁴.

Так или иначе, Стасанору удалось сохранить Бактрийскую сатрапию при Антигоне, утратив, правда, фактический контроль над Ареей и Дрангианой — что, несомненно, несколько ослабило его власть и влияние.

Завершая этот сюжет, следует остановиться еще на одной проблеме политической биографии Стасанора. В «парфянском» экскурсе Юстина присутствует странный пассаж, не имеющий параллелей в античной традиции: согласно ему, при разделе империи Александра парфяне достались «иноземному союзнику Стаганору», поскольку никто из македонян не захотел ими править⁶⁵. Очевидно, что речь идет о Стасаноре; но когда именно могло это быть — и могло ли вообще? Сомнения в достоверности сообще-

⁶³ «Антигон оставался больше македонянином и филэллином, распространяя свою власть в районах македоно-греческого влияния» (Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 40).

⁶⁴ Впрочем, причин этому может быть множество: от возраста и здоровья (о которых ничего не известно) до факторов военно-политического порядка (активизация кочевой угрозы?).

⁶⁵ Iust. XLI. 4. 1: Post mortem Alexandri Magni cum inter successores eius Orientis regna dividerentur, nullo Macedonum dignante Parthorum imperium Staganori, externo socio, traditur. Затем, по Юстину, парфяне примкнули к Эвмену (XLI. 4. 2).

ния вызывает не только его расхождение с тем, что известно о Стасаноре, но и некоторая литературность мотивировки (*nullo Macedonum dignante*). Характерно, что исследователи редко комментируют этот «темный» пассаж — настолько он труден для интерпретации⁶⁶.

Расхождение само по себе не удивительно: «парфянские» книги Помпея Трога (XLI—XLII) воспроизводят традицию, отличную от традиции Иеронима из Кардии⁶⁷. Сложнее определить, что говорилось у Помпея Трога и насколько это сообщение могло быть искажено впоследствии Юстином. Во всяком случае, нам указан достаточно определенный хронологический интервал: от смерти Александра до начала конфликта Антигона с Эвменом. Но, как уже известно, в это период «сдвоенная» сатрапия Парфиена-Гиркания управлялась сначала Фратаферном, а после Трипарадиза — Филиппом. Сколько продолжалось правление Филиппа (и идентичен ли он убитому Пифоном «стратегу Филоте»), неизвестно⁶⁸. Далее следовали кратковременный захват сатрапии Пифоном и ее освобождение. Кто стоял во главе Парфиены вплоть до победы Антигона (впрочем, и после нее), опять-таки совершенно не ясно.

На наш взгляд, возможен только один способ вписать свидетельство Юстина / Помпея Трога в известный нам исторический контекст: пред-

⁶⁶ Одним из немногих оказался Э. Бивен, считавший, что Парфиена была присоединена к Бактрии после победы Антигона Монофтальма, и обе оказались, таким образом, под властью Стасанора (*Bevan E. The House of Seleucus. P. 267–268*). Поддержка этого мнения: *Диббойз Н.К. Политическая история Парфии*. СПб., 2008. С. 32. Однако у Юстина / Помпея Трога говорится о событиях, *предшествовавших* войне Антигона с Эвменом (если, конечно, Юстин в очередной раз не допустил хронологической путаницы, «спрессовывая» разновременные события, — но эта версия требует обоснования). К тому же маловероятно, чтобы Антигон, вынужденный оставить Стасанора, но едва ли расположенный к нему, совершил подобное.

⁶⁷ О какой именно традиции здесь идет речь — Аполлодора из Артемиды (автора несохранившейся «Парфики»), Посидония или иного автора — достоверно определить сложно. О возможных источниках «парфянских» книг Юстина / Помпея Трога см., напр. (выводы авторов во многом расходятся): *Liebmann-Frankfort Th. L'histoire des Parthes dans le livre XLI de Trogue Pompée: essai d'identification de ses sources // Latomus. 1969. Vol. 28. P. 894–922; Lerouge-Cohen Ch. Les livres 41–42 des Histoires Philippiques de Trogue-Pompée résumées par Justin // Iranica Antiqua. 2009. Vol. 44. P. 361–392; Muccioli F. I Parti (e le regalità greco-battriane e indo-greche) in Pompeo Trogo/Giustino, tra etnografia e storiografia // A cura di A. Galimberti, G. Zecchini. Studi sull'epitome di Giustino. III. Il tardo ellenismo. I Parti e i Romani. Milano, 2016. P. 117–147.*

⁶⁸ Эта конъектура принята сегодня большинством исследователей (см. хотя бы: *Treves P. Philippos. Sp. 2549; Schober L. Untersuchungen zur Geschichte Babylonien und der Oberen Satrapien von 323–303 v.Chr. Frankfurt am Main, 1981. S. 74–75; Heckel W. Who Was Who. P. 214, 220; Смирнов С.В. Пифон. С. 42*). Отметим, однако, что у Диодора речь идет о *сатрапии* Парфиены, а не о ее *campane*, поэтому полностью исключать вероятность существования Филоты все же не стоит (*Bosworth A.B. The Legacy of Alexander. P. 106*).

положить, что Парфиена после Трипарадиса оказалась под фактическим контролем Стасанора. Не исключено, что Филипп, которого Стасанор сменил в Бактрии, был переведен в Парфиену по его инициативе и правил областью под его фактическим контролем — т.е. оказался в положении, сходном с положением Стасандра в Арейе-Дрангиане⁶⁹. Этот своеобразный «протекторат» Стасанора над Парфиеной⁷⁰, скорее всего, продолжался до завоевания верхних сатрапий Антигоном. Едва ли последний, лишив Стасанора влияния в Арейе и Дрангиане, не сделал того же в Парфиене и Гиркании.

Если наша гипотеза верна, придется признать, что власть Стасанора в 321/20–316 гг. до н.э. простиралась шире, чем предполагалось прежде: помимо Бактрии и Согдианы, его фактическая власть распространялась также на Арейю-Дрангиану и Парфиену-Гирканию (с коротким перерывом), т.е. он являлся едва ли не самым влиятельным из правителей верхних сатрапий.

Стасанор и бактрийцы: «реформа» погребального обряда

Существует уникальное свидетельство о внутренней политике Стасанора — правда, довольно позднее. Порфирий сообщает: «Бактрийцы, в свою очередь, живьем бросают [на растерзание] псам тех, кто состарился. Попытавшись это пресечь, Стасанор, ὑπαρχος⁷¹ Александра, едва не лишился власти»⁷². Этот пассаж Порфирия то игнорировали как заведомый вымысел⁷³,

⁶⁹ Если Филота и Филипп все-таки разные лица, не исключено, что вскоре после Трипарадиса Филипп был окончательно отстранен от власти, а Парфиена перешла уже под прямое управление Стасанора, осуществлявшего свою власть там через стратега Филоту.

⁷⁰ К этой версии осторожно склоняется и М. Мендоса, оговаривая ее гипотетичность: *Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 55.

⁷¹ Мы умышленно оставляем пока этот термин без перевода.

⁷² Porphyg. De abstin. IV. 21. 4–5 (καὶ Βάκτριοι μὲντοι κυσὶ παραβάλλουσι ζῶντας τοὺς γεγηρακότας. καὶ τοῦτ' ἐπιχειρήσας καταλύσαι Στασάνωρ ὁ Ἀλεξάνδρου ὑπαρχος μικροῦ τὴν ἀρχὴν ἀπέβαλεν). Это свидетельство содержится в IV книге трактата «О воздержании от одушевленных» (περὶ ἀποχῆς τῶν ἐμψύχων), посвященного философскому обоснованию вегетарианства. Порфирий отмечает, что к употреблению мяса варваров толкает либо нужда, либо природная дикость, и приводит как пример последней погребальный обряд бактрийцев. В усеченном виде — без упоминания Стасанора — данный фрагмент был позже процитирован Евсевием Кесарийским (Euseb. Prer. I. 4. 8).

⁷³ Honigmann E. Στασάνωρ. Sp. 2152.

то принимали на веру⁷⁴, однако до серьезного источниковедческого анализа дело почти никогда не доходило. Именно поэтому начнем с него.

В сообщении Порфирия соединены два характерных топоса античной традиции: экзотические погребальные обряды народов, населяющих край ойкумены (бактрийцев, скифов и т.д.)⁷⁵, а также мотив «культурного героя», исправляющего варварские обычаи. Стасанор фигурирует в этом качестве в первый и последний раз: подобная роль традиционно закреплена за Александром⁷⁶.

Комбинацию этих мотивов, сходную с текстом Порфирия, мы обнаруживаем у Страбона⁷⁷. Близость здесь не только содержательная, но и текстуальная⁷⁸, лишь мотив культуртрегерства вывернут наизнанку: успех Александра — неудача Стасанора.

Первоисточником этих сведений Страбон называет οἱ περὶ Ὀνησίκριτον — т.е. определенную традицию, связанную с именем Онесикрита из Астипалеи. Последний известен как участник походов Александра⁷⁹ и философ-киник, автор апологетического труда (πῶς Ἀλέξανδρος ἤχθη), составленного по образцу Ксенофоновой «Киропедии» (Diog. Laert.

⁷⁴ Такой подход преобладает. См. хотя бы новейшие исследования: *Olbrycht M. Iranians in the Diadochi Period*. P. 168; *Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 50–52.

⁷⁵ Тематически близкие варианты: *Plut. An vitios*. 3.499D; *Cic. Disp. Tuscul. I*. 45. 108 etc. Анализ античной традиции об аналогичных обрядах других народов ойкумены см.: *Schneider P. L'élimination des vieillards et des malades: regard grec sur les sociétés des confins de l'oioumenè // M. Molin (ed.). Les régulations sociales dans l'Antiquité*. Rennes, 2006. P. 43–53.

⁷⁶ Ср. *Plut. De Alex. fort. I*. 5 (=Mor. 328C): «воспитал гирканцев для брака, арахотов научил возделывать землю, согдийцев убедил кормить отцов, а не убивать их, персов же — почитать матерей, а не жениться на них». Обзор фольклорных мотивов, связанных с культуртрегерством Александра: *Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции*. М., 1972. С. 144–150.

⁷⁷ *Strabo. XI*. 11. 3: «В древности образом жизни и обычаями согдийцы и бактрийцы мало отличались от кочевников, но все же бактрийские были немного мягче; однако и о последних Онесикрит и авторы его круга (οἱ περὶ Ὀνησίκριτον) отзываются не лучшим образом: тех, кто ослаблен старостью или болезнью, бросают живьем специально содержимым для этого псам (ζῶντας παραβάλλεσθαι τρεφομένοις κυσί(ν) ἐπίτηδες πρὸς τοῦτο), которых на своем родном языке зовут “погребателями”; снаружи стен столицы бактрийцев всё выглядело чистым, тогда как большая часть внутреннего пространства была полна человеческих костей; упразднил этот обычай Александр (καταλύσαι δὲ τὸν νόμον Ἀλέξανδρον)».

⁷⁸ Ср. ζῶντας παραβάλλειν κυσί(ν) в описании погребального обряда и глагол καταλύω для обозначения действий Александра и намерений Стасанора.

⁷⁹ Известно в первую очередь его участие в плавании Непарха: *Arr. Anab. VII*. 5. 6; *Arr. Ind.* 18. 9; *Plut. Alex.* 66; *Strabo. XV*. 1. 28; *Plin. NH. VI*. 11. 81. Детальное исследование биографии и трудов Онесикрита: *Brown T.S. Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography*. Berkeley; Los Angeles, 1949.

VI. 84) и прославляющего Александра как цивилизатора варваров Востока⁸⁰. Не исключено, что данные Онесикрита Страбон заимствовал через посредство Посидония⁸¹ — одного из главных источников и авторитетов «отца географии»⁸². Именно с Посидонием связано отразившееся в тексте представление о прямой взаимосвязи между суровостью климата и «дикостью» народов⁸³.

Рассказ Порфирия — во всяком случае, «этнографическая» его часть — также, несомненно, восходит к Онесикриту. Прослеживаются здесь и следы подхода Посидония⁸⁴ — но едва ли Порфирий был знаком с творчеством апамейца напрямую⁸⁵.

Как же объяснить — при наличии общего первоисточника — важнейшее расхождение Страбона и Порфирия: замену успеха Александра на провал Стасанора? Что это: вариант той же традиции Онесикрита или вставка иного происхождения? Даже если предположить второе⁸⁶, едва ли эта история вымышлена самим Порфирием: он наверняка взял бы для иллюстрации своего тезиса более известное имя⁸⁷. Видимо, мы имеем дело с воспроизведением ранней традиции, и велика вероятность, что это именно традиция Онесикрита. Если принять во внимание направленность его сочинения, становится ясно, что неудача Стасанора, противопоставленная

⁸⁰ *Strasburger H.* Onesikritos // RE. Hlbd 35. 1939. Sp. 464.

⁸¹ *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 29; *он же.* О погребальном обряде бактрийцев // В.П. Никоноров (ред.). Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. СПб., 2005. С. 360–361 (автор предлагает разделять здесь традиции Онесикрита и Аристубула).

⁸² *Hönigsmann E.* Strabon (3) // RE. Reihe 2. Hlbd7. 1931. Sp. 109–123; *Грацианская А.И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год. М., 1988. С. 81–86. См. прямые ссылки Страбона на Посидония: Strab. I. 3. 9; 12; 16; II. 3. 6; 5. 14; 43; III. 1. 5; 2. 5; 9; 3. 3; 4. 3; 13; 15; 17 etc.

⁸³ Учение Посидония о зональности и его предомление в античной этнографической традиции: *Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 130–140.

⁸⁴ К народам, «диким по природе» (φύσει θηριώδη), симптоматично отнесены массагеты, дербики, тибарены, гирканы, каспии, скифы и бактрийцы (Porphyg. De abstin. IV. 21. 3–4), т.е. племена северного, «скифского», и северной части среднего пояса ойкумены.

⁸⁵ Показательно отсутствие прямых ссылок на Посидония в трактате Порфирия.

⁸⁶ Исследования стиля Порфирия и его метода работы с источниками (см., напр.: *Bouffartigue J., Patillon M.* Introduction // Porphyre. De l'Abstinence. T. I: Introduction. Livre I. Paris, 1977. P. XXV–XXXVII) показали, что философ умело комбинировал различный материал, зачастую сводя воедино данные различных авторов и традиций без видимых «швов».

⁸⁷ Аналогичное мнение: *Mendoza Sanahuja M.* Stasanor of Soloi. P. 51.

успеху Александра и эффектно оттеняющая его, идеально соответствует замыслу Онесикритова энкомия⁸⁸.

Но выявление генеалогии сюжета не снимает вопроса о его историчности — тем более если речь идет об Онесикрите⁸⁹.

Первая трудность — внутренняя противоречивость свидетельства Порфирия. Многое зависит от толкования оборота ὁ Ἀλεξάνδρου ὑπαρχος. Сам термин ὑπαρχος многозначен и семантически расплывчат, что еще более затрудняет задачу⁹⁰. Важно понять: имеет ли эта характеристика Стасанора строго хронологическое значение (т.е. датирует события временем жизни Александра) или просто указывает на его принадлежность к кругу приближенных царя?

Если допустить, что неудачная попытка Стасанора имела место еще при Александре⁹¹, то толкование ὑπαρχος как «сатрап» делает вариант невозможным: тогда Стасанор стоял во главе Арееи и Дрангианы⁹². И.В. Пьянков предложил развернутую аргументацию этой гипотезы. Согласно ему, у Порфирия идет речь о периоде правления Стасанора в Арейе-Дрангиане, и именно неудачными действиями сатрапа могло быть вызвано его перемещение в Бактрию-Согдиану, где он был уже осторожнее⁹³. Но, как мы уже убедились, речь шла не просто о переводе Стасанора, а о существенном укреплении его позиций — что никак не вписывается в данную версию.

Если принять, что ὑπαρχος означал любую другую военную или административную должность, отличную от сатрапа (т.е. Александр поручил

⁸⁸ Так полагал, в частности, В. Тарн: *Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. P. 115–116.*

⁸⁹ Вольность его обращения с фактами была общим местом античной традиции. «Кормчим небылицу» (τῶν παραδόξων ἀρχικυβερνήτης) назвал его Страбон (*Strabo. XV. 1. 28*). Ср. также: *Plut. Alex. 46; Arr. Anab. VI. 2. 3; Aul. Gell. IX. 4. 3.*

⁹⁰ Показателен пример Арриана: с одной стороны, он обозначает этим термином местную аристократию, сохранившую позиции при Александре. Таковы владельцы Бактрии и Согдианы (*Anab. IV. 21. 1; 21. 9*; см. также знаменитый приказ Александра о сборе в Зарияспах *IV. 1. 5*) и индийские князья (*Anab. IV. 22. 6–8; 24. 1; 24. 3; 24. 5; 28. 6; V. 2. 2; 8. 2; 20. 7; 29. 4; VI. 17. 5; Ind. 12. 7; 33. 8; 34. 1; 36. 1; 37. 2*). С другой — это мог быть администратор высокого ранга (*Arr. Anab. IV. 22. 4, Arr. Succ. Alex. F. 1. 2*). В ряде случаев — но далеко не всегда — ὑπαρχος был синонимичен сатрапу. Так, сатрап Вавилонии Мазей именуется то σατράτης (*Arr. Anab. III. 16. 4; VII. 18. 1*), то ὑπαρχος (*IV. 18. 3*); но ср. *VI. 27. 4* (σατράται ἢ ὑπαρχοὶ ἢ νομάρχαι). Часто присутствие этого термина служит индикатором нечеткого представления автора о системе власти.

⁹¹ См., напр.: *Berve H. Das Alexanderreich. S. 361.*

⁹² Но именно к этому периоду относил описанные события Р.Н. Фрай: *Frye R.N. The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 148.*

⁹³ *Пьянков И.В. О погребальном обряде. С. 361–362.*

своему военачальнику «цивилизовать» бактрийцев), то непонятно: какой же власти (ἀρχή) чуть было не лишился Стасанор? Предположение же, что события имели место уже в бытность Стасанора сатрапом Бактрии и Согдианы, находится в вопиющем противоречии со свидетельством Диодора о популярности Стасанора среди бактрийцев⁹⁴ и тоже не выглядит убедительным.

Итак, попытки соотнести свидетельство Порфирия с тем, что достоверно известно о Стасаноре, приводят к неразрешимым противоречиям. Неточность терминологии (ὑπαρχος) и неясность датировки (при Александре или после?) усугубляют подозрение, что перед нами если и не вымысел чистой воды, то, по крайней мере, сильно искаженная информация, которая заслуживает чрезвычайно осторожного отношения к себе.

Сложности в толковании этого фрагмента не отменяют, тем не менее, вопроса об историчности «реформы» погребальной обрядности бактрийцев — или хотя бы попытки ее проведения со стороны Александра и его соратников. В пользу этого могут свидетельствовать и сугубая враждебность к Александру зороастрийской традиции⁹⁵, и ряд археологических⁹⁶ и этнографических аргументов⁹⁷. Но даже если она и имела место,

⁹⁴ См. попытку устранить это противоречие у М. Ольбрыхта (*Olbrycht M. Iranians in the Diadochi Period*. P. 168) через констатацию сложности взаимоотношений греков и македонян с местным населением. Но в таком случае бактрийцы должны были перейти от полного неприятия Стасанора (поставившего его власть под угрозу) до его решительной поддержки (сохранившей ему власть) очень быстро: от раздела сатрапий в Трипарадесе до поражения Эвмена прошло не больше пяти лет. Столь радикальная метаморфоза за столь краткий срок едва ли вероятна.

⁹⁵ См., напр.: *Wiesehöfer J. The 'Accursed' and the 'Adventurer': Alexander the Great in Iranian Tradition // Z. David Zuwiyya (ed.). A Companion to Alexander Literature in the Middle Ages*. Leiden; Boston, 2011. P. 113–132.

⁹⁶ Сводку археологического материала по теме см.: *Grenet F. Les pratiques funéraires dans l'Asie centrale sédentaire de la conquête grecque à l'Islamisation*. Paris, 1984. P. 59–79; 213–279; *idem. Zoroastrianism in Central Asia // M. Stausberg, Y. Sohrab-Dinshaw Vevaina (eds.). The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism*. Hoboken, 2015. P. 142–144; *Mairs R.R. Ethnicity and Funerary Practice in Hellenistic Bactria // H. Scroeder et al. (eds.). Crossing Frontiers: the Opportunities and Challenges of Interdisciplinary Approaches to Archaeology*. Oxford, 2007. P. 111–124; *Пьянкова А.Т., Лившиц В.А., Соколов С.Н., Пьянков И.В. Ранний железный век. Авеста. Древнейшие государственные образования // История таджикского народа*. Т. 1. Душанбе, 1998. С. 201–249.

⁹⁷ Искандар, согласно поверьям горных таджиков, запретил убивать стариков (*Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности [конец XIX — начало XX в.]*. Душанбе, 1993. С. 127). По мнению автора, а также поддержавшего ее И.В. Пьянкова (*Пьянков И.В. О погребальном обряде*. С. 363), это отголосок реальных исторических событий. Следует учитывать, однако, что культ Искандара (Искандера) на Ближнем и Среднем Востоке имеет сложный ге-

в исторической перспективе ее результаты оказались ничтожны⁹⁸. Какова была роль Стасанора в этих событиях — остается вопросом, но принять слова Порфирия на веру буквально все-таки не стоит.

Новую, достаточно оригинальную интерпретацию данных Порфирия предложил М. Мендоса⁹⁹. Он в целом признает историчность «реформы» как Александра, так и Стасанора. Однако действия царя, по его мнению, состояли не в тотальном запрете выставления трупов, а в мерах по постепенной эллинизации бактрийской знати¹⁰⁰, и не касались тем самым большинства местного населения. Стасанор же действовал радикальнее, попытавшись запретить обряд вообще; этот шаг был предпринят им в первые годы пребывания во главе Бактрийской сатрапии в ряду мер по умиротворению мятежных греческих колонистов. Слова Порфирия о едва не утраченной Стасанором власти Мендоса трактует как свидетельство восстания, поднятого рядовыми бактрийцами¹⁰¹. Бактрийская же знать выступление напрямую не поддержала, сыграв, однако, роль посредника между греками и македонянами, с одной стороны, и повстанцами — с другой, что позволило свести реформу на нет и быстро погасить возмущение. В результате интересы всех основных групп населения сатрапии оказались парадоксальным образом удовлетворены (бактрийская знать упрочила свое положение — в глазах как власти, так и простых общинников,

---

незис, восходя в конечном счете к эллинистической традиции «романа об Александре». Поэтому кажется более вероятным, что перед нами результат вторичной апроприации образа Александра, наделяемого чертами типичного «культурного героя». Доказательства позднего происхождения этого культа на этнографическом материале см.: *Абашишв* С.Н. Культ двурогого Искандара у горцев Центральной Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V. К 100-летию со дня рождения О.А. Сухаревой. М., 2006. С. 203–204.

⁹⁸ Нельзя исключать, что от ее последовательного проведения в жизнь отказался в конечном итоге и сам Александр; косвенным доказательством этого может служить тот факт, что в ходе событий 329–327 гг. до н.э. Бактрия в целом сохранила лояльность македонскому царю.

⁹⁹ *Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 50–52.

¹⁰⁰ «The abandonment of this funerary practice must have been restricted to this local elite which began a gradual, voluntary Hellenisation that allowed them to stand out from their fellow countrymen and build bridges with the Hellenic ruling class» (*Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 50). Впрочем, сам факт некоторой эллинизации бактрийской знати, нашедший отражение в том числе в трансформации погребального обряда, археология, кажется, подтверждает: *Пьянков И.В.* О погребальном обряде. С. 362.

¹⁰¹ «The main players in the uprising must have been the local commoners. As already suggested, the privileged class must have already agreed to give up this practice more or less voluntarily for the new authority» (*Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 51).

греки и македоняне объединились перед лицом «варварской» угрозы)¹⁰², а позиции Стасанора укрепились.

Слабые места этой гипотезы очевидны: во-первых, пренебрежение вопросами источниковедческого характера и, как следствие, некритическое принятие свидетельств античной традиции; во-вторых, произвольное домысливание деталей (в социологизирующем ключе), когда одни гипотетические допущения делаются на основе других, столь же неverifiedируемых¹⁰³. Признать эти заключения убедительными невозможно.

Стасанор в Бактрии: следы вне письменной традиции?

Промежуток между утверждением в верхних сатрапиях власти Антигона Монофтальма и вхождением этих областей в державу Селевка Никатора выглядит «темным» даже на общем фоне истории эллинистической Бактрии, очень скупо освещенной античной традицией: мы не располагаем ни одним письменным свидетельством о событиях этого периода. Впрочем, отчасти заполнить информационную лакуну позволяет местный нумизматический материал: именно на последние десятилетия IV в. до н.э. приходятся первые эмиссии, которые могут быть с достаточной степенью убедительности атрибутированы как бактрийские¹⁰⁴.

В этот период в регионе циркулируют монеты нескольких типов¹⁰⁵. Один из них — имитация афинских монет (т. н. «сов»), широко распространенных в IV в. до н.э. На аверсе монет этого типа изображена голова Афины

¹⁰² «The end of the episode had a positive effect for all sides» (*Mendoza Sanabuja M. Stasanor of Soloi*. P. 52).

¹⁰³ Слабость отдельных аргументов, кажется, признает и сам автор. Он замечает, что Стасанор не мог изначально предвидеть удачного разрешения этой коллизии, и поэтому столь радикальная реформа с его стороны выглядит слишком опрометчивым шагом — тем более что за годы, проведенные в Арейе и Дрангиане, он имел возможность ознакомиться со спецификой культов и обрядов местного населения (*Mendoza Sanabuja M. Stasanor of Soloi*. P. 52).

¹⁰⁴ На сегодня сложилась консенсусная — при всех расхождениях в конкретных деталях — точка зрения, согласно которой в последней трети IV в. до н.э. на крайнем северо-востоке античной ойкумены помимо привозных монет начинают циркулировать местные, пока «неофициальные» серии, имитирующие западные образцы (*Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // РА. 2006. № 3. С. 95; 103*). Бактрийский чекан (возможно, не единственный) должен функционировать с этого же времени.

¹⁰⁵ Систематизация нумизматического материала с учетом последних находок: *Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения. С. 97–100; Coloru O. Da Alessandro a Menandro: il regno greco di Battriana. Pisa; Roma, 2009. P. 139–140.*

в шлеме, обращенная вправо; на некоторых экземплярах встречается также надпись ΣΤΑ-ΜΝΑ или ΜΝΑ. На реверсе — сова (туловище изображено в профиль и повернуто вправо, голова анфас) и легенда ΑΘΗ (на оригинальных афинских монетах отсутствующая)¹⁰⁶.

Ж. Ле Ридером было высказано предположение, что монеты этого типа чеканились в Бактрии по распоряжению Стасанора, причем ΣΤΑ — начало имени сатрапа, а ΜΝΑ — начало его патронима¹⁰⁷. Эта версия частично была поддержана Г.А. Кошеленко (отвергшим, правда, интерпретацию ΜΝΑ как патронима¹⁰⁸) и М. Мендосой¹⁰⁹. Действительно, этот шаг идеально соответствует избранной Стасанором тактике: методично укреплять свое влияние, избегая при этом резких шагов и демонстративных жестов¹¹⁰.

Другая попытка обнаружить следы Стасанора была предпринята А.С. Балахванцевым. Он предложил считать изображением Стасанора одну из двух глиняных мужских голов, найденных в Храме Окса (городище Тахти-Сангин)¹¹¹. Справедливо интерпретируя диадемы, украшающие каждую из этих голов, как атрибуты монархической власти, а также отвергая возможность идентификации изображенных с кем-либо из селевкидских или греко-бактрийских царей (на основании несходства с их монетной иконографией), исследователь заключает, что одна из голов должна быть портретом Стасанора¹¹².

К сожалению, эта гипотеза не представляется нам достаточно убедительной. Сопоставление монетных профилей эллинистических правите-

¹⁰⁶ Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения. С. 97–98; *Colori O. Da Alessandro a Menandro*. P. 139.

¹⁰⁷ *Le Rider G. Alexandre le Grand. Monnaie, finance et politique*. Paris, 2003. P. 281–282.

¹⁰⁸ Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения. С. 98: справедливо указано, что ΜΝΑ присутствует и на монетах других серий.

¹⁰⁹ *Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi*. P. 62–64.

¹¹⁰ Какovým, безусловно, оказалась бы чеканка собственной монеты — как притязание на монархический статус.

¹¹¹ Описание обеих голов (с анализом всех существующих на тот момент атрибуций): Литвинский Б.А. Эллинистические скульптуры из храма Окса. Портреты // ВДИ. 2004. № 1. С. 202–208; *он же*. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 255–269. Литвинский датировал их концом IV–III в. до н.э.

¹¹² Балахванцев А.С. К вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. Эллинистические скульптуры. С. 531–534; *он же*. Политическая история ранней Парфии. М., 2018. С. 133–135. Вторая голова атрибутирована при этом как изображение Андрагора, известного по чеканившимся от его имени золотым и серебряным монетам (там же. С. 534–541; Балахванцев А.С. Загадка Андрагора // *Antiquitas Aeterna*. Эллинистический мир: единство многообразия. Вып. 1. 2005. С. 50–58). Эта не-тривиальная гипотеза заслуживает отдельного рассмотрения.

лей с их же скульптурными портретами — интересная исследовательская задача, крайне осложненная, однако, нехваткой последних (а применительно к греко-бактрийской эпохе — фактическим отсутствием). Поэтому заявление об отсутствии сходства таhti-сангинских голов с иными известными изображениями представляется избыточно категоричным¹¹³. Еще больше сомнений вызывает диадема на голове Стасанора: ее появление означало бы претензию на верховную власть¹¹⁴ — что и недоказуемо по имеющимся источникам, и плохо согласуется с осторожной тактикой Стасанора. Поэтому принять эту гипотезу — при всем ее изяществе — мы не можем.

Конец правления Стасанора: как и когда?

Последнее свидетельство письменной традиции, касающееся Стасанора, — его утверждение сатрапом Бактрии при победившем Антигоне — относится к 316 г. до н.э. До завоевания Бактрии Селевком Никатором оставалось около десятилетия¹¹⁵. Дожил ли Стасанор до этого времени?¹¹⁶ Если да — какова была его судьба? Мог ли он пережить эти события и сохранить — хотя бы на время — власть над сатрапией при новом правителе?

Интересна в этом отношении судьба Сибиртия, сатрапа Арахосии и Гедросии, так же, как и Стасанор, оставленного в свое время Антигоном. Туманное свидетельство Арриана (Мегасфен, часто приходивший к Сан-

¹¹³ Так, например, К. Абдуллаев, не принимающий версию Балахванцева (в частности, исходя из датировки Храма Окса временем не раньше селевкидского), предлагает атрибутировать головы как изображения бактрийских царей Эвтидема и Деметрия (*Abdullaev K. The Royal Portrait in Hellenistic Bactria // D. Boschung und F. Queyrel (Hrsgg.). Bilder der Macht. Das griechische Porträt und seine Verwendung in der antiken Welt. Paderborn, 2017. P. 226–230*).

¹¹⁴ О царском титуле Стасанора, сошедшего с политической сцены еще до «года царей», естественно, не может быть речи. А.С. Балахванцев делает оговорку, что диадема не была исключительно царским атрибутом (*Балахванцев А.С. К вопросу. С. 532–533; он же. Политическая история. С. 133–135*), однако приведенные им исключения (Филетер Пергамский, Аршак I, Наштен, Герай) все равно не выстраиваются в один типологический ряд со Стасанором.

¹¹⁵ *Смирнов С.В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013. С. 62–68* (там же историография вопроса). См. также: *Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi. P. 61*.

¹¹⁶ Допускают такую возможность, напр.: *Tarn W.W. The Greeks in Bactria. P. 72* («... the satrap Stasanor was able to make a fight against Seleucus») и *Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения. С. 99*.

дракотту, бывал у Сибиртия)¹¹⁷ оставляет простор для предположений о судьбе сатрапа, в том числе довольно оптимистичных¹¹⁸. Впрочем, судьбу Стасанора это все равно не проясняет.

Единственным, на наш взгляд, аргументом в этом вопросе может быть уже упомянутая серия имитаций афинских монет, приписываемая Стасанору. Если она и вправду связана с его именем, то, скорее всего, он лишился власти еще до восточного похода Селевка, поскольку хронологически за этой серией монет следует новая, выпускавшаяся от имени некоего Софита¹¹⁹. Чеканиться эта серия могла лишь до завоевания Бактрии Селевком Никатором — следовательно, правление Стасанора закончилось еще раньше, возможно, к концу 310-х гг. до н.э. Была ли причиной этого естественная смерть, или Стасанор был низложен Софитом — судить сложно.

Заключение

Итак, можно ли, подводя итог, набросать — хотя бы в общих чертах — «портрет» Стасанора как человека и политика¹²⁰? Сознвая неизбежную рискованность этого намерения, все же отметим следующее.

Стасанор являлся действительно крупной фигурой в ряду соратников и наследников Александра Македонского — более крупной, чем это может показаться при поверхностном взгляде на те крупицы письменных свиде-

¹¹⁷ Arr. Anab. V. 6. 2: καὶ Μεγασθένης, ὃς ξυνην μὲν Σιβυρτίῳ τῷ σατράπῃ τῆς Ἀραχωσίας, πολλάκις δὲ λέγει ἀφικέσθαι παρὰ Σανδράκωτον τὸν Ἰνδῶν βασιλέα. Ср. при этом: ὁ συγγραφεὺς ὁ Σελεύκῳ Νικᾶτορι συμβεβηκώς (Clem. Alex. Strom. I.15.72).

¹¹⁸ Главная сложность состоит в отсутствии надежной хронологической привязки описываемых событий. См. обзор имеющихся версий: Бухарин М.Д., «Индика» Мегасфена в литературе древности и историографии нового и новейшего времени // Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М., 2002. С. 48–59. О возможном сохранении Сибиртием своих владений при Селевке см.: Geyer. Sibyrtios (1) // RE. 1923. Reihe Bd. 2. Sp. 2184; Heckel W. Who Was Who. P. 249.

¹¹⁹ О преемственности серий: Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie centrale // JS. 2004. P. 283; Кошеленко Г.А. Указ. соч. С. 100. Характеристику монет Софита и обоснование их преемственности по отношению к бактрийским имитациям афинских монет см., напр.: Кошеленко Г.А. Указ. соч. С. 99–100; Mendoza Sanahuja M. Stasanor of Soloi. P. 62–64. О личности Софита письменные источники ничего не сообщают. Судя по имени, узурпатор был индийского происхождения (Coloru O. Op. cit. P. 140–142).

¹²⁰ Ср. серию выразительных портретов «больших диадохов»: Шофман А.С. Распад империи. С. 33–51.

тельств, что дошли до нас¹²¹. Сколь бы высоким ни было происхождение Стасанора, своим успехам он обязан в первую очередь собственным способностям как военачальника и администратора. При этом на всех этапах карьеры он постоянно проявлял осторожность и расчет. Он сумел взять власть над обширной территорией — и удержать ее в сложнейших перипетиях политической борьбы, даже оказываясь на проигравшей стороне. В этом отношении он был удачливее многих своих современников, в том числе и из числа «больших диадохов». Но ситуативная гибкость и осмотрительность Стасанора все же не переходили в беспринципность: он проявил себя твердым приверженцем восточной политики Александра, на практике демонстрируя ее эффективность. У нас достаточно оснований утверждать, что Стасанор был не просто одним из эфемерных владык верхних сатрапий в промежутке между Александром и Селевкидами: период, связанный с его именем, имеет самостоятельное значение как важная веха в истории становления бактрийского эллинизма.

---

¹²¹ Косвенным доказательством этого может служить «романтическая» традиция о Стасаноре (Ps.-Call. III.31; Epit. Mett. 97; Porphyg. De abst. IV.21.4–5.) — заурядный деятель такого не удостоивается.

REFERENCES

1. *Abashin S.N.* The Cult of Iskandar the Two-Horned among the Central Asian Highlanders [Kul't dvurogogo Iskandara u gorcev Central'noj Azii] // *Sredneaziatskij etnograficheskij sbornik*. Vol. V. To the 100th Anniversary of O.A. Suhareva. M., 2006. P. 190–208.
2. *Abdullaev K.* The Royal Portrait in Hellenistic Bactria // D. Boschung und F. Queyrel (Hrsgg.). *Bilder der Macht. Das griechische Porträt und seine Verwendung in der antiken Welt.* (Morphomata. Bd. 34). Paderborn, 2017. P. 213–253.
3. *Babaeva N.S.* The Mountain Tajiks' Ancient Beliefs Concerning the Funeral Rites (the End of the 19th — the Beginning of the 20th Cent.) [Drevnie verovanija gornyh tadjhikov Juzhnogo Tadjhikistana v pohoronno-pominal'noj obrjadnosti (konec XIX — nachalo XX v.)]. Dushanbe, 1993.
4. *Balakhvantsev A.S.* The Mystery of Andragoras [Zagadka Andragora] // *Antiquitas Aeterna*. Vol. 1. 2005. P. 50–58.
5. *Balakhvantsev A.S.* On the Issue of the Takhti-Sangin Clay Heads' Attribution [K voprosu ob atribucii glinjanyh golov iz Tahti-Sangina] // *Litvinskij B.A.* The Temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan). Vol. 3. Arts, Fine Arts, Musical Instruments [Hram Oksa v Baktrii (Juzhnyj Tadjhikistan)]. T. 3. *Hudozhestvennoe remeslo, muzykal'nye instrumenty*. M., 2010. P. 531–544.
6. *Balakhvantsev A.S.* The Political History of Early Parthia [Politicheskaja istorija rannej Parfii. Diss.]. M., 2018.
7. *Beloch K.J.* *Griechische Geschichte*. 2. Aufl. Bd. 3. 2. Berlin; Leipzig, 1923; Bd. 4. 1. Berlin; Leipzig, 1925; Bd. 4. 2. Berlin; Leipzig, 1927.
8. *Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G.* Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie centrale // *JS*. 2004. P. 227–356.
9. *Berve H.* *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. 1–2. München, 1926.
10. *Berve H.* Phrataphernes // *RE*. 1941. Hlbd 39. Sp. 744–745.
11. *Bevan E.R.* *The House of Seleucus*. Vol. 1–2. London, 1902.
12. *Billows R.A.* *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley, 1999.
13. *Bizière F.* Comment travaillait Diodore de Sicile // *REG*. 1974. Vol. 87. P. 369–374.

14. *Boiy T.* Between High and Low: a Chronology of the Early Hellenistic Period. Frankfurt am Main, 2007.
15. *Bosworth A.B.* The Legacy of Alexander: Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford, 2002.
16. *Bouffartigue J., Patillon M.* Introduction // Porphyre. De l'Abstinence. T. I: Introduction. Livre I / Texte établi et traduit par J. Bouffartigue et L. Patillon. Paris, 1977. P. XI–LXXXIV.
17. *Brown T.S.* Hieronymus of Cardia // AHR. 1947. Vol. 52. 4. P. 684–696.
18. *Brown T.S.* Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography. Berkeley; Los Angeles, 1949.
19. *Buharin M.D.* Megasthenes' «Indica» in the Literature of the Antiquity and the Modern Time [«Indika» Megasthena v literature drevnosti i istoriografii novogo i novejshego vremeni] // *Bongard-Levin G.M., Buharin M.D., Vigin A.A.* India and the Ancient World [Indija i antichnyj mir]. M., 2002. P. 48–137.
20. *Coloru O.* Da Alessandro a Menandro: il regno greco di Battriana. Pisa; Roma, 2009.
21. *Daffinà P.* L'immigrazione dei Sakā nella Drangiana. Roma, 1967.
22. *Dibvojs N.K.* The Political History of Parthia [Politicheskaja istorija Parfii]. SPb., 2008.
23. *Drojsen I.G.* The History of the Hellenism [Istorija ellinizma]. Vol. 2. The History of the Diadochi [Istorija diadohov]. SPb., 2002.
24. *Droysen J.G.* Geschichte des Hellenismus. Bd. 1. Geschichte der Nachfolger Alexanders. Hamburg, 1836.
25. *Engel W.H.* Kypros. Eine Monographie. Teil 1. Berlin, 1841.
26. *Evdokimov P.A.* The Kings of Pre-Hellenistic Cyprus: between Men and Gods, between Bronze and Iron, on the Carrefour of East and West [Tsari dojellinisticheskogo Kipra: mezhdu bogami i ljud'mi, mezhdu bronzoj i zhelezom, na perekrestke Vostoka i zapada] // S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.). «The Gods among Men»: Rulers' Cult in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman World [«Bogi sredi ljudej»: kul't pravitelej v jellinisticheskom, postjellinisticheskom i rimskom mire]. M.; SPb., 2016. P. 76–118.
27. *Fiehn.* Stasandros // RE. 1929. Reihe 2. Hlbd 6. Sp. 2152.
28. *Frye R.N.* The History of Ancient Iran. München, 1984.
29. *Geyer.* Sibyrtios (1) // RE. 1923. Reihe 2. Bd. 2. Sp. 2183–2184.
30. *Gracianskaja L.I.* Strabo's Geography. Problems of Source-Studying [«Geografija» Strabona. Problemy istochnikovedenija] // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija. 1986 god. M., 1988. P. 6–175.

31. *Grenet F.* Les pratiques funéraires dans l'Asie centrale sédentaire de la conquête grecque à l'Islamisation. Paris, 1984.
32. *Grenet F.* Zoroastrianism in Central Asia // M. Stausberg, Y. Sohrab-Dinshaw Vevaina (eds.). The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism. Hoboken, 2015. P. 129–146.
33. *Heckel W.* Who Was Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006.
34. *Herbst R.* Mytilene // RE. 1935. Bd. 16. Hlbd 23. Sp. 1411–1427.
35. *Hill G.* A History of Cyprus. Vol. 1. To the Conquest by Richard Lion Heart. Cambridge, 1949.
36. *Holt F.* Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. Leiden, 1988.
37. *Holt F.* Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan. Berkeley; Los Angeles, 2005.
38. *Honigmann E.* Στασάνωρ // RE. 1929. Reihe 2. Hlbd 6. Sp. 2152–2153.
39. *Honigmann E.* Strabon (3) // RE. 1931. Reihe 2. Hlbd 7. Sp. 76–155.
40. *Hornblower J.* Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981.
41. *Iliakis M.* Greek Mercenary Revolts in Bactria: a Re-Appraisal // Historia. 2013. Bd. 62. 2. P. 182–195.
42. *Jacoby F.* Hieronymos (10) // RE. 1913. Bd. 8. 2. Sp. 1540–1560.
43. *Klinkott H.* Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit. Stuttgart, 2000.
44. *Koshelenko G.A.* The Greek Revolt in Bactria and Sogdiana and Some Aspects of the Greek Political Thought of the 4th Cent. B.C. [Vosstanie grekov v Baktrii i Sogdiane i nekotorye aspekty grecheskoj politicheskoj mysli IV v. do n.je.] // Vestnik drevnej istorii. 1972. № 1. P. 59–78.
45. *Koshelenko G.A.* The Greek Polis in the Hellenistic East [Grecheskij polis na jellinisticheskom Vostoke]. M., 1979.
46. *Koshelenko G.A.* Formation of Monetary Circulation in the Hellenistic East [Stanovlenie denezhnogo obrashhenija na jellinisticheskom Vostoke] // Rossijskaja arheologija. 2006. № 3. P. 95–105.
47. *Kostjuhin E.A.* Alexander the Great in the Literary and Folklore Tradition [Aleksandr Makedonskij v literaturnoj i fol'klornoj tradicii]. M., 1972.
48. *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Paris, 1949.
49. *Le Rider G.* Alexandre le Grand. Monnaie, finance et politique. Paris, 2003.
50. *Lehmann-Haupt C.F.* Satrap (und Satrapie) // RE. Reihe 2. Hlbd3. 1921. Sp. 82–188.
51. *Lerouge-Cohen Ch.* Les livres 41–42 des *Histoires Philippiques* de Trogue-Pompée résumées par Justin // Iranica Antiqua. 2009. Vol. 44. P. 361–392.

52. *Liebmann-Frankfort Th.* L'histoire des Parthes dans le livre XLI de Trogue Pompée: essai d'identification de ses sources // *Latomus*. 1969. Vol. 28. P. 894–922.
53. *Litvinskij B.A.* Central Asia in the Seleucid Time [Srednjaja Azija v selevkidskoe vremja] // *Istorija tadjihskogo naroda*. T. 1. Drevnejshaja i drevnjaja istorija. Dushanbe, 1998. P. 322–337; 660–664.
54. *Litvinskij B.A.* The Hellenistic Sculpture from the Oxus Temple. The Portraits [Jellinisticheskie skulptury iz hrama Oksa. Portrety] // *Vestnik drevnej istorii*. 2004. № 1. P. 202–223.
55. *Litvinskij B.A.* The Temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan). Vol. 3. Arts, Fine Arts, Musical Instruments [Hram Oksa v Baktrii (Juzhnyj Tadjikistan)]. T. 3. Hudozhestvennoe remeslo, muzykal'nye instrumenty]. M., 2010.
56. *Mairs R.R.* Ethnicity and Funerary Practice in Hellenistic Bactria // H. Schroeder et al. (eds.). *Crossing Frontiers: the Opportunities and Challenges of Interdisciplinary Approaches to Archaeology*. Oxford, 2007. P. 111–124.
57. *Masson O.* Les inscriptions chypriotes syllabiques. Recueil critique et commenté. Thèse principale pour le doctorat ès lettres, présentée à la Faculté des Lettres et Sciences humaines de l'Université de Paris. Paris, 1961.
58. *Mendoza Sanahuja M.* Stasanor of Soloi and the Government of Bactria during the Wars of the Diadochi // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 2017. Vol. 8. P. 44–70.
59. *Monchadskaja E.A.* On the Rulers of Bactria and Sogdiana in the 6th–4th Cent. B.C. (From the Ancient History of the Peoples of Central Asia) [O praviteljah Baktrii i Sogdiany VI–IV vv. do n.je. (Iz drevnej istorii narodov Srednej Azii)] // *Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka*. 6 (Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. Vol. 5). L., 1961. P. 110–116.
60. *Muccioli F.* I Parti (e le regalità greco-battriane e indo-greche) in Pompeo Trogo/Giustino, tra etnografia e storiografia // A cura di A. Galimberti, G. Zecchini. *Studi sull'epitome di Giustino*. III. Il tardo ellenismo. I Parti e i Romani. Milano, 2016. P. 117–147.
61. *Narain A.K.* *The Indo-Greeks*. Oxford, 1957.
62. *Oberhammer E.* Soloi (2) // *RE*. 1927. Reihe 2. Hlbd 5. Sp. 938–941.
63. *Olbrycht M.J.* Iranians in the Diadochi Period // V. Alonso Troncoso, E.M. Anson (eds.). *After Alexander. The Time of the Diadochi (323–281 BC)*. Oxford; Oakville, 2013. P. 159–182.
64. *Pjankov I.V.* Central Asia in the Ancient Geographical Tradition. A Source Analysis [Srednjaja Azija v antichnoj geograficheskoj tradicii. Istochnikovedcheskij analiz]. M., 1997.

65. *Pjankov I.V.* On the Bactrians' Funeral Customs [О погребал'ном obrjade baktrijcev] // V.P. Nikonorov (red.). Central'naja Azija ot Ahemenidov do Timuridov: arheologija, istorija, jetnologija, kul'tura. SPb., 2005. P. 360–364.
66. *Pjankova L.T., Livshic V.A., Sokolov S.N., Pjankov I.V.* The Early Iron Age. The Avesta. The Earliest State Formations [Rannij zheleznyj vek. Avesta. Drevnejšie gosudarstvennye obrazovanija] // *Istorija tadzhikskogo naroda*. T. 1. Drevnejshaja i drevnjaja istorija. Dushanbe, 1998. P. 201–249; 611–635.
67. *Rathmann M.* Perdikkas zwischen 323 und 320. Nachlassverwalter des Alexanderreiches oder Autokrat? (ÖAW. Ph.-hist. Kl. Sitzungsberichte. Bd.724) Wien, 2005.
68. *Rawlinson G.* Bactria. The History of a Forgotten Empire. London, 1912.
69. *Reuss F.* Hieronymos von Kardia. Studien zur Geschichte der Diadochenzeit. Berlin, 1876.
70. *Roisman J.* Hieronymus of Cardia: Causation and Bias from Alexander to his Successors // E. Carney, D. Ogden (eds.). Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives. Oxford, 2010. P. 135–148.
71. *Rosen K.* Political Documents in Hieronymus of Cardia (323–302 BC) // *Acta Classica*. 1967. Vol. 10. P. 41–94.
72. *Sachs A.J.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Vol. I. Diaries from 652 B.C. to 262 B.C. / H. Hunger (Ed.). (ÖAW. Phil.-hist. Kl. Denkschriften, Bd. 195). Wien, 1988.
73. *Schneider P.* L'élimination des vieillards et des malades: regard grec sur les sociétés des confins de *loicoumenê* // M. Molin (ed.). Les régulations sociales dans l'Antiquité. Rennes, 2006. P. 43–53.
74. *Schiff A.* Eunostos (4) // RE. 1907. Hlbd 11. Sp. 1138–1140.
75. *Schober L.* Untersuchungen zur Geschichte Babyloniens und der Oberen Satrapien von 323–303 v.Chr. Frankfurt am Main, 1981.
76. *Schwartz E.* Diodorus (38) // RE. 1905. Bd.5. Hlbd 10. Sp. 663–704.
77. *Shofman A.S.* The Disintegration of the Empire of Alexander the Great [Raspad imperii Aleksandra Makedonskogo]. Kazan, 1984.
78. *Smirnov S.V.* The State of Seleucus I (Politics, Economics, Society) [Gosudarstvo Selevka I (politika, jekonomika, obshhestvo)]. M., 2013.
79. *Smirnov S.V.* Peithon, an Alexander's Successor in the Shadow of Great Contemporaries [Pifon — naslednik Aleksandra v teni velikih sovremennikov] // *Vestnik drevnej istorii*. 2014. № 3. P. 31–46.
80. *Smirnov S.V.* Peithon, Seleucus and the Tradition of Hieronymus of Cardia [Pifon, Selevk i tradicija Ieronima iz Kardii] // *Mnemon*. 2014. Vol. 14. P. 161–170.

81. *Stojanov E.O.* On the Issue of Stasanor the Solian's Origin [K voprosu o proishozhdenii Stasanora Solijskogo] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 2 (52). P. 100–110.
82. *Stojanov E.O.* The Satraps of Bactria of the 2nd Half of the 320s B.C. [Satrapy Baktrii vtoroj poloviny 20-h gg. IV v. do n.je.] // Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Istorija. Politologija. 2016. № 8 (229). Vol. 38. P. 5–11.
83. *Stojanov E.O.* Stasanor the Solian and the Bactrians (Porphyr. De abstin. IV. 21. 4–5): The Problem of Historicity [Soliec Stasanor i baktrijcy (Porphyr. De abstin. IV.21.4–5): problema istorichnosti sjuzheta] // Ot drevnosti k novomu vremeni (problemy istorii i arheologii): mezhvuzovskij sbornik nauchnyh rabot. Vol. XXI. Ufa, 2014. P. 14–24.
84. *Strasburger H.* Onesikritos // RE. 1939. Hlbd 35. Sp. 460–467.
85. *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
86. *Tolstov S.P.* The Ancient Khorezm. An Essay of the Historical and Archaeological Study [Drevnij Horezm. Opyt istoriko-arheologicheskogo issledovanija]. M., 1948.
87. *Treves P.* Philippos (62) // RE. 1938. Bd.19. Hlbd 38. Sp. 2548–2549.
88. *Wiesehöfer J.* The 'Accursed' and the 'Adventurer': Alexander the Great in Iranian Tradition // Z. David Zuwiyya (ed.). A Companion to Alexander Literature in the Middle Ages. Leiden; Boston, 2011. P. 113–132.
89. *Wotke F.* Pasikrates (2) // RE. Bd. 18.2. 1949. Hlbd 36. 3. Sp. 2062–2063.
90. *Zeimal E.V.* The Political History of Transoxiana // The Cambridge History of Iran. Vol. 3. 1. Cambridge, 1983. P. 232–262.

Ключевые слова:

диадихи, Стасанор, биография, политическая деятельность, Бактрия, Центральная Азия, греки, иранцы.

Evgeniy O. Stoyanov

STASANOR THE SOLIAN: A RECONSTRUCTION OF THE POLITICAL BIOGRAPHY

he author attempts to reconstruct a political biography of Stasanor the Solian — one of the lesser known figure among the *Diadochi*, who nevertheless played an important role in the history of the early Hellenistic Bactria and adjacent lands.

A Greek by birth and a native of Cyprian Soloi (the widespread opinion about his royal origin is plausible but has no convincing proof), Stasanor became one of Alexander's *hetairoi* and participated in his campaign (at least in the conquest of the north-eastern Achaemenid satrapies) both as soldier and statesman. Appointed by Alexander to Areia and Drangiana, after the king's death Stasanor took power in Bactria and Sogdiana, keeping however control over his former satrapy (ruled by another Cypriot, Stasander) and probably extending his influence on Parthyaea and Hyrcania. Thus he became a prominent figure whose might was only restricted but not eliminated by Antigonus the One-Eyed after his conquest of the Upper Satrapies. The end of Stasanor is obscure, but it seems that he lost his power even before Seleucus' eastern campaign, having been overthrown by a certain Sophytes.

As a ruler Stasanor was a partisan of Alexander's eastern policy and a prudent political player. These qualities let him to obtain a strong loyalty of the indigenous population and, on the other hand, to reach a reconciliation of the rebellious Greek colonists.

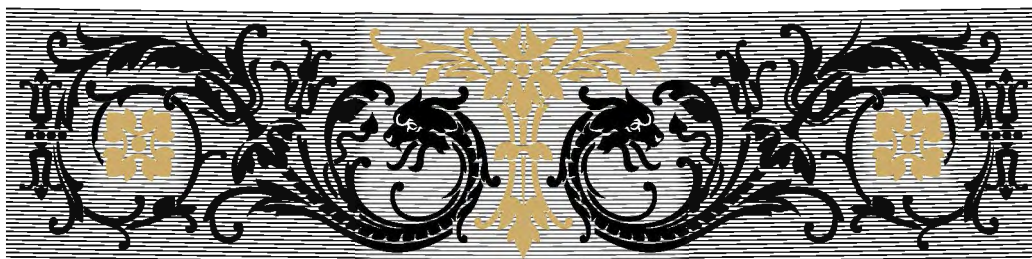
The paper also contains a source-studying investigation of some controversial accounts of the written sources, including a «funeral reform» supposedly undertaken by Stasanor in Bactria.

Key words: the Diadochi, Stasanor, political biography, Bactria, Central Asia, the Greeks, the Iranians.

Evgeniy O. Stoyanov — research scholar at Department of History of Ancient Greece and Rome of the Saint-Petersburg State University.

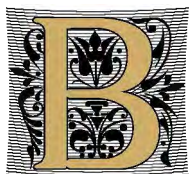
 Стоянов Евгений Олегович

соискатель кафедры истории Древней Греции и Рима
Санкт-Петербургского государственного университета

А.А. Зелинский

АРСИНОЯ ФИЛАДЕЛЬФА И ПТОЛЕМЕЙ ФИЛАДЕЛЬФ: САКРАЛИЗАЦИЯ И КОНСТАТАЦИЯ ИНЦЕСТА¹

274 г. (здесь и далее — до н.э.) эллинистический мир был взбудоражен небывалым известием. Властитель эллинистического Египта, сын основоположника александрийской династии Птолемей II, развелся со своей супругой Арсиноей I и женился на собственной полнородной сестре Арсиное II.

Илл. 1. События, достойные стать сюжетом трагедии Еврипида, имели длительную предысторию¹. Шестнадцатилетняя Арсиноя² была выдана в 299 г.

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ/РГНФ «Неофициальные имена и прозвища политических деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен», код проекта 16-01-00297. Я искренне благодарен Е. Данелевичу (Познань), Д. Клейман (Нью-Йорк), Ю.Н. Кузьмину (Самара), М.В. Панову (Новосибирск) и в особенности — О.Л. Габелко (Москва) за помощь, оказанную при сборе материалов для этого исследования и непосредственной работе над его текстом. При этом никто из них, разумеется, не несет ответственности за выводы, сделанные мной на страницах данной работы.

Для ознакомления с основными вехами жизни Арсинои II рекомендую обратиться к недавней работе Э. Карни: *Carney E.D. Arsinoe of Egypt and Macedon: A Royal Life (Women in Antiquity)*. Oxford, 2013, а также к соответствующей странице электронного проекта К. Беннетта (*Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Arsinoe II*).

² О недавней попытке оспорить общепринятую дату рождения будущей Арсинои II см.: *van Oppen de Ruiter B. The Birth-Date of Arsinoe II Philadelphus // AncSoc. 2012. Vol. 42. P. 61–69.*

Илл. 1. Камень Гонзага (Александрия, III в. до н.э.): парное изображение Птолемея II и Арсиной II с элементами древнегреческого апофеоза

за царя Лисимаха, одного из диадохов Александра Македонского. Дворцовые интриги царицы, призванные приблизить ее первенца, Птолемея, к престолонаследию в обход старшего царского сына, Агафокла³, окончились гибелью Лисимаха и крахом его империи в 281 г. Самой царице удалось сохранить свою жизнь лишь при помощи трюка с переодеванием (Polyaen. VIII. 16). С целью удержаться у власти в принадлежавшей покойному супругу Македонии, Арсиноя в 280 г. вышла замуж за своего единокровного брата, Птолемея Керавна, провозглашенного царем упомянутой страны. Этот кратковременный брак окончился убийством двух младших сыновей царицы на глазах у матери и изгнанием ее самой из пределов Македонии⁴.

³ Об этом эпизоде см., напр.: Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999. P. 57–62.

⁴ Я разделяю точку зрения исследователей, полагающих, что Керавн убил своих младших пасынков в ответ на выступление против него Птолемея, сына Лисимаха, поддерживаемого иллирийским царем Монунием (Trog. Prol. XXIV); см.: Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts V. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Kerawnos und zum Chremonidischen Krieg. Wiesbaden, 1972. S. 81–87; Hazzard R. Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. Toronto; Buffalo, 2000. P. 83–84; Ager S. An Uneasy Balance: From the Death of Seleucus to the Battle of Raphia // A. Erskine (ed.). A Companion to the Hellenistic World. Malden (MA) Oxford, 2005. P. 36.

Примерно в 278–277 гг. Арсиноя оказалась в Египте⁵, где правил ее родной брат Птолемей II.

Вернувшись к александрийскому двору, Арсиноя продолжила плести интриги. На этот раз их жертвой стала ее падчерица и тезка, жена Птолемея II Арсиноя I⁶. В результате действий вездесущей мачехи Арсиноя I была обвинена в подготовке дворцового переворота, утратила статус царицы и царской жены, после чего была отправлена в ссылку в верхнеегипетский Копт (Schol. Theosr. XVII. 128; ср. Diog. Laert. VII. 186)⁷. Впрочем, действия Арсинои II в тот момент могли носить и превентивный характер: падчерица, у которой не было ни малейшего повода любить мачеху, и

⁵ См.: Hazzard R. *Imagination of a Monarchy*. P. 84–85; Hölbl G. *A History of the Ptolemaic Empire*. London; New York, 2001. P. 36; van Oppen de Ruiter B. *Notes on Arsinoe I: A Study of a Shadowy Queen // CDE*. 2014. Vol. 89. P. 164. При этом следует учитывать, что перед прибытием в Египет Арсиноя некоторое время провела на Самофракии (Iust. XXIV. 3. 9; также см. прим. 7).

⁶ Подробнее об Арсиное I, дочери Лисимаха, см.: Bennett Ch. *Egyptian Royal Genealogy. Arsinoe I*; van Oppen de Ruiter B. *Notes on Arsinoe I*. P. 158–181.

⁷ См. также: Ogden D. *Polygamy, Prostitutes and Death*. P. 74; 107. Not. 44; Hazzard R. *Imagination of a Monarchy*. P. 42; Tunny J. *Ptolemy «the Son» Reconsidered: Are There Too Many Ptolemies // ZPE*. 2000. Bd. 131. P. 83–84; Hölbl G. *A History of the Ptolemaic Empire*. P. 36; Huss W. *Ägypten in hellenistischer Zeit (332–30 v. Chr.)*. München, 2001. S. 265–266; 307; van Oppen de Ruiter B. *Notes on Arsinoe I*. P. 168–172; Müller S. *Das hellenistische Königspaar in der medialen Repräsentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II*. Berlin; New York, 2009. S. 91–94. Э. Райс, а вслед за ней С. Мюллер и Э. Карни, с различной степенью категоричности, высказали точку зрения о возможной непричастности будущей Арсинои II к опале первой жены Птолемея II. По их мнению, во время драматических событий, разыгравшихся при александрийском дворе, Арсиноя II могла все еще находиться на Самофракии (Rice E.E. *The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus*. Oxford, 1983. P. 39; Müller S. *Das hellenistische Königspaar*. S. 91–94; Carney E.D. *Arsinoe of Egypt*. P. 68–70). Однако этому предположению противоречит ряд соображений. Прежде всего, нам не известно ни одного повода, способного побудить Птолемея II к столь кардинальному шагу, как развод с первой женой (ср.: van Oppen de Ruiter B. *Notes on Arsinoe I*. P. 168–172). Помимо того, даже если предположить, будто Арсиноя II находилась на Самофракии с 280 по 275 г. (ср.: Bouché-Leclercq A. *Histoire des Lagides*. Vol. 1. Paris, 1903. P. 160. Not. 1), что маловероятно (см. вышеприведенную литературу), то по возвращении в Египет она в любом случае застала бы падчерицу восседающей на александрийском престоле. Существует одна любопытная кипрская надпись, датированная 275/274 г., в которой некий Ятонбаал ставит себе в заслугу сделанные ранее пожертвования за Птолемея II и Арсиною I (Honeyman A. *Observations on a Phoenician Inscription of Ptolemaic Date // JEA*. 1940. Vol. 26. P. 57–67). Таким образом, на момент появления данной надписи Арсиноя I либо сохраняла свой царский статус, либо, что тоже вероятно, известия о ее недавней опале еще не достигли Кипра (ср.: Bennett Ch. *Three Notes on Arsinoe I // A Delta-Man in Yebu / A. Еума, Ch. Bennett (eds.)*. Parkland, 2003. P. 71–72; van Oppen de Ruiter B. *Notes on Arsinoe I*. P. 165–168).

в самом деле вполне могла готовить покушение на последнюю⁸. Не стоит забывать, что Арсиноя II во многом была виновна в гибели царства отца своей падчерицы (см. выше), повлекшей за собой снижение ее «династической ценности». Помимо этого, первая жена Птолемея II, скорее всего, была полнокровной сестрой изведенного мачехой Агафокла (см. выше)⁹, что должно было сделать взаимоотношения между двумя женщинами еще более напряженными.

В любом случае, нельзя не признать, что из сложившейся ситуации именно Арсиноя II (а не ее брат) извлекла наибольшую выгоду. Как уже было сказано выше, в 274 г.¹⁰ она неожиданно для всего эллинистического мира стала следующей супругой Птолемея II и, соответственно, — новой царицей империи Лагидов (Callim. F. 392; Theocr. Idyl. XVII. 128–130; P. Haun. 6. F. 1; Schol. Theocr. XVII. 128; Paus. I. 7. 1, 3; IX. 31. 1; Plut. Quaest. Conv. IX. I. 2; De Lib. Ed. 14; Lucian. Icar. 15; Athen. XIV. 620f–621a; Herodian. I. III. 3)¹¹. Исходя

⁸ *Bouché-Leclercq* A. Histoire des Lagides. Vol. 1. P. 162. Not. 3; *Bagnall* R. Archagathos Son of Agathocles, Epistates of Libya // *Philologus*. 1976. Bd. 2. P. 207.

⁹ Помимо всего прочего, на то, что Арсиноя I доводилась дочерью матери Агафокла, Никеи (см.: *Ogden* D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 57–59; *van Oppen de Ruiter* B. Notes on Arsinoe I. P. 160–161), указывает сравнительная мягкость ее наказания. Можно предположить, что заговорщица отделалась ссылкой, поскольку доводилась кузиной по материнской линии тогдашнему царю Македонии, Антигону Гонату (ср.: *Bagnall* R. Archagathos Son of Agathocles. P. 208), с которым Птолемей II на тот момент не хотел портить отношения.

¹⁰ На 274 г. указывают три дошедших до нас свидетельства. Во-первых, согласно упомянутой кипрской надписи Ятонбаала, в 275 г. Арсиноя I еще оставалась царицей государства Птолемеев (см. прим. 7). Во-вторых, в описании Великой александрийской процессии, датированной зимой 275/274 г., ничего не говорится ни об Арсиное I, ни о ее мачехе (Athen. V. 196a–206c; ср.: *Kuzmin* Yu. New Perspectives on the Date of the Great Festival of Ptolemy II // *Klio*. 2017. Bd. 99. P. 513–527 с предыдущей библиографией), что указывает на отсутствие в это время у Птолемея официальной жены. В-третьих, в иероглифической Пифомской надписи упоминается посещение августейшими супругами-сиблингами (Птолемеем II и Арсиноей II) восточной границы Египта, датированное концом 274 г. (CG. 22183, сткк. 15–16 = *Schäfer* D. Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven; Paris; Walpole (Ma), 2011. S. 218), см. также: *Hölbl* G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 40; *Huss* W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 269; *van Oppen de Ruiter* B. Notes on Arsinoe I. P. 164–165; иначе: *Bennett* Ch. Egyptian Royal Genealogy. Arsinoe II not. 14.

¹¹ Подробнее о различных предположениях по поводу датировки и причин вышеупомянутого брака, а также о его инициаторе см.: *Wiedemann* A. Die Ehe des Ptolemaeus Philadelphus mit Arsinoe II // *Philologus*. 1889. Bd. 47. S. 81–91; *Bagnall* R. Archagathos Son of Agathocles. P. 207; *Criscuolo* L. Philadelphos nella dinastia lagide // *Aegyptus*. 1990. No 1/2. P. 92–95; *Ogden* D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 74–79; *Hazzard* R. Imagination of a Monarchy. P. 85–93; *Huss* W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 308–309; *Bresciani* E. et al. Ancora sull'iscrizione demotica di Elefantina // *EVO*. 2003. Vol. 26.

из вышеупомянутых соображений, подавляющее большинство исследователей полагает, что инициатива в вопросе заключения брака принадлежала Арсиное¹². Основные расхождения в современной историографии вызывает вопрос о причинах, побудивших царя, который, к слову сказать, был на 8 лет младше своей сестры-супруги¹³, согласиться на этот экстраординарный шаг¹⁴. Среди таковых, как правило, называются следующие.

1. Гипотетическая созвучность подобного брака с исконно египетской царской практикой.

2. Лишение Арсиной статуса невесты с целью обеспечения дому Лагидов внутрдинастической стабильности.

3. Потребность Птолемея II в энергичной помощнице, прежде всего, во внешнеполитических делах.

4. Заинтересованность александрийского властителя в малоазийском и отчасти европейском «наследстве» Арсиной как вдовы Лисимаха.

5. Возможность использования по сути табуированного брачного союза (см. прим. 14) для достижения прижизненного апофеоза.

6. Подлинное эротическое влечение Птолемея¹⁵ к сестре (см. прим. 11).

P. 33–39; *Ager S. Familiarity Breeds: Incest and the Ptolemaic Dynasty // JHS. 2005. Vol. 125. P. 1–34; eadem. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty // Anthropologica. 2006. Vol. 2. P. 165–186; van Oppen de Ruiter B. The Religious Identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. Dis. PhD. New York, 2007. P. 212–219; 237–244; idem. The Birth-Date. P. 65–66; idem. Notes on Arsinoe I. P. 164–168; Thiers Ch. Le mariage divin des Dieux Adelphees dans la stèle de Mendès (Caire CG 22181) // ZÄSA. 2007. Bd. 134. P. 64–65; Buraselis K. The Problem of the Ptolemaic Sibling Marriage: A Case of Dynastic Acculturation? // Ptolemy II Philadelphus and his World / P. McKechnie, Ph. Guillaume (eds.). Leiden; Boston, 2008. P. 291–302; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 84–89; 112–115; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 65–82; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 2013. P. 109; 203–208; также см. прим. 10.*

¹² По поводу противоположной точки зрения см.: *Hazzard R. Imagination of a Monarchy. P. 85, 90–93; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 65–82.*

¹³ Ср.: *Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 307; также см. прим. 11.*

¹⁴ В различных регионах доэллинистической Греции и Македонии допускались лишь браки между сводными братом и сестрой, да и то в виде исключения (*Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 8–10; 14–15; 78; Hazzard R. Imagination of a Monarchy. P. 85–90; Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 309; Ager S. The Power of Excess. P. 166–167; van Oppen de Ruiter B. The Religious Identification. P. 186–192; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 85; 112–115; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 58–59; 73–75; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 204–205*). Примером тому может служить хотя бы вышеупомянутый брак между все той же Арсиноей и ее братом по отцу Птолемеем Керавном (см. выше).

¹⁵ Об эротической (причем исключительно гетеросексуальной) неводержанности второго представителя александрийской династии свидетельствует впечатляющее количество приписываемых ему любовниц. Среди них упоминаются: Билистиха, Клино, Дидима, Стратоника, Мнесида, Пофина, Миртион, а также, с меньшей степенью достоверности:

В свете тематики этого исследования следует обратить особое внимание на два последних фактора. В отличие от первых трех¹⁶, они, на мой взгляд, действительно содержат рациональное зерно. К тому же, как мы увидим далее, они имеют непосредственное отношение к природе формирования эпитета «Филадельфа/Филадельф» (соответственно, «Братолюбивая» и «Сестролюбивый»), под которым интересующие нас супруги-сублинги вошли в историю (см. ниже; илл. 2). Нет ни малейшего сомнения в изначальных религиозных коннотациях брачного союза, заключенного в Александрии между полнородными братом и сестрой. Прежде всего, упомянутый брак приравнивал августейших супругов с Зевсом и Герой. На это обстоятельство уже во время брачного пира завуалированно намекал некий придворный александрийский рапсод (Plut. Quaest. Conv. IX. I. 2)¹⁷; впоследствии же об этом более откровенно писали такие известные поэты, как Феокрит, Ликофрон, Каллимах и, вероятно, Посидипп (Theocr. Idyl. XVII. 128–134; Tzetz. Vit. Lycophr. 5. 7 Scheer)¹⁸. Помимо того, напрашивалась параллель с другой, на

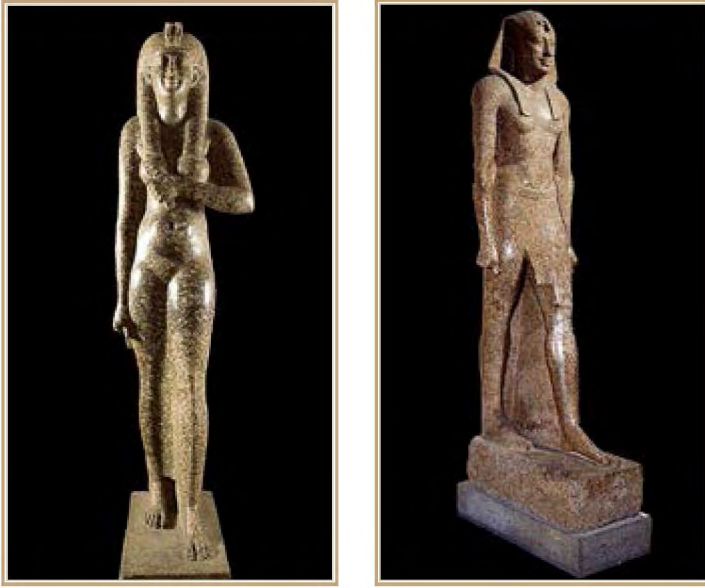
Главка, Аглая, Гиппа и Агафоклея (AP. V. 202; 210; Polyb. XIV. 11. 2–5; Plut. Amat. 9; Clem. Alex. Protr. IV. 48; Athen. X. 415a–b; 425e–f, XIII. 576e–f; 596e; Ael. De Nat. Anim. I. 6; V. 29; VIII. 11; Schol. Theocr. IV. 31), ср.: *Pomeroy S. Women in Hellenistic Egypt: From Alexander to Cleopatra. New York, 1984. P. 54–55; Cameron A. Callimachus and His Critics. Princeton, 1995. P. 233–262; Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 73–74; 107. Not. 38; 221; 224; Whiteley R. Courtesans and Kings: Ancient Greek Perspectives on the Hetairai. Calgary, 2000. P. 116–124; Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 330; Aulbach A. Die Frauen der Diadochendynastien. Eine prosopographische Studie zur weiblichen Entourage Alexanders des Grossen und seiner Nachfolger. München, 2015. S. 122–127; а также соответственные страницы электронного проекта К. Беннетта: Egyptian Royal Genealogy.*

¹⁶ Четвертый из вышеперечисленных факторов, не относящийся к данной работе, также имеет рациональное зерно, особенно если учесть, что на момент брака с Арсиной Птолемей II владел территориями, некогда временно уступленными ему Лисимахом (Зелінський А.А. Інкорпорація південних областей Малої Азії до складу держави Птолемеїв: нова інтерпретація подій // СхСв. 2013. Т. 4. С. 16–26); ср.: *Габелко О.А., Кузнецова Е.В. Синойклизм Амастрии и амфорное производство в полисах южного Понта (2-я пол. IV — 1-я треть III в. до н.э.) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 331–333; Meadows A. Deditio in Fidem: The Ptolemaic Conquest of Asia Minor // P. Derow, C. Smith, L. Yarrow (eds.). Imperialism, Cultural Politics, and Polybius. Oxford; New York, 2012. P. 113–133.*

¹⁷ В свое время А. Свидерек ошибочно назвала его Эратоном, перепутав с одним из персонажей «Застольных бесед» Плутарха (*Swiderek A. Hellada królów. Warszawa, 1967. S. 175.*).

¹⁸ См. также: *Weber G. Dichtung und höfische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemäer. Stuttgart, 1993. S. 272–275; 348; 423; 425; Cameron A. Callimachus. P. 19–20; 151–152; 286; 290; Burton J. Theocritus's Urban Mimes: Mobility, Gender, and Patronage. Berkeley; Los Angeles; London, 1995. P. 149–153; 230. Not. 84; 238. Not. 154; Bleisch P.R. On Choosing a Spouse: Aeneid 7.378–84 and Callimachus' Epigram 1 // AJPh. 1996. Vol. 3. P. 453–472; Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 79; Hazzard R. Imagination of a Monarchy. P. 89–93; Stephens S. Battle of the*

Илл. 2. Парная скульптурная композиция (Гелиополь, 270–246 гг. до н.э.): Птолемей II и обожествленная Арсиноя II в образе древнеегипетских властителей

этот раз египетской божественной супружеской парой: Осирисом (Сараписом¹⁹) и Исидой (ср. Diod. I. 21, 27; Plut. De Is. 27)²⁰.

И действительно, обожествления новоявленной супружеской пары долго ожидать не пришлось. Уже в 272/271 г. Птолемей II и Арсиноя II стали объектами официального прижизненного культа богов-адепфов (P. Hib. 199; ср. АВ. 74)²¹, т.е. богов-сиблингов. При этом вскоре после смерти, на-

---

Books // The New Posidippus: A Hellenistic Poetry Book // K. Gutzwiller (ed.). Oxford, 2005. P. 243–244; Gutzwiller K. A Guide to Hellenistic Literature. Oxford, 2007. P. 135; 191–192; van Oppen de Ruiter B. The Religious Identification. P. 28; 85–86; 129–131; 205–206; 208–209; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 129–131; Prioux E. Callimachus' Queens // B. Acosta-Hughes, L. Lehnus, S. Stephens (eds.). Brill's Companion to Callimachus. Leiden; Boston, 2011. P. 201; 204–205; 215–218; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 73–74; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 203; Barbantani S. Lyric for the Rulers, Lyric for the People: The Transformation of Some Lyric Subgenres in Hellenistic Poetry // Trends in Classics. 2017. No 2. P. 355–356.

¹⁹ Ср.: Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 79; Hölbl G. Aussagen zur Ägyptischen Religion in den Zenon Papyri // Papyrologica lupiensia. 1993. No 2. S. 23–26; idem. A History of Ptolemaic Empire. P. 96.

²⁰ См. также: Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 79; Pfeiffer S. The God Serapis, His Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt // Ptolemy II Philadelphus and his World. P. 399–400; 408; Caneva S. Arsinoe divinizzata al fianco del re vivente Tolemeo II: uno studio di propaganda greco-egiziana (270–246 A. C.) // Historia. 2013. Bd. 62. Ht. 2. P. 283; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 203.

²¹ См. также: Weber G. Dichtung und höfische Gesellschaft. S. 272; Hölbl G. A History of Ptolemaic Empire. P. 94–95; Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 325; Buraselis K. The Problem

ступившей в 270 г.²², Арсиноя удостоилась дополнительной особой почести. Она официально получила персональную культовую эпиклесу «Филадельфа» (Братолюбивая)²³ и собственную эпонимную жрицу-канефору (P.Sorb. 71)²⁴. При этом, что немаловажно, Птолемей II, также, вероятно,

---

of the Ptolemaic Sibling Marriage. P. 299; Pfeiffer S. The God Serapis. P. 398–400; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 262; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. Passim; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 111. В течение последних нескольких десятилетий странную неуверенность в прижизненном обожествлении Арсинои высказывали А. Свидерек, Э. Випшицка, А. Ханиотис и С. Стивенс (*Świderkówna* A. Bogowie zeszedli z Olimpu. Bóstwo i Mit w greckiej Literaturze Świata hellenistycznego. Warszawa, 1991. S. 52; 192; Bravo B., Wipszycka E. Historia starożytnych Greków. W III t. T. III: Okres hellenistyczny. Warszawa, 1992. S. 514; Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers // A Companion to the Hellenistic World. P. 436–437; Stephens S. (ed.) Callimachus. The Hymns. New York, 2015. P. 15.

²² На сегодня существуют два варианта датировки смерти Арсинои II. Согласно первому из них (классическому), это событие произошло в июле 270 г. (Minas M. Die Pithom-Steile. Chronologische Bemerkungen zur frühen Ptolemäerzeit // M. Minas, J. Zeidler (Hrsgg.). Aspekte Stätägypischer Kultur. Festschrift für Erich Winter zum 65. Geburtstag. Mainz, 1994. S. 207–209; 211. Anm. 43; Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 78; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 40; Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 310–311. Anm. 41; Ager S. An uneasy balance. P. 40; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 287; 327–329; Ладьянин И.А., Понцова Е.А. Египетская подвеска, найденная на городище Чайка (Северо-западный Крым), и посмертное обожествление Арсинои II Филадельфы // ВДИ. 2010. № 2. С. 76с. Прим. 26; Schäfer D. Makedonische Pharaonen. S. 23. Anm. 83; 24. Anm. 91; 264–265; 267; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 111. Not. 412; Crisculo L. Ptolemy the Son: A Pretended Co-regency? // AncSoc. 2017. Vol. 47. P. 2n. Not. 9; ср.: Scheuble-Reiter S., Cadell H., Clarrysse W., Robic K. (Hrsgg.). Papyrus de la Sorbonne (P.Sorb. III nos 70–144) (Papyrologica Parisina 1). Paris: Presses de l'Université Paris Sorbonne 2011, XXIV + 189 S. mit 11 Taf. und CD-Rom // Tyche. 2012. Bd. 27. P. 246; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 104–105; 168. Not. 192–194; 169. Not. 2); согласно второму (модернистскому) — летом 268 г. (Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // A. Bulloch, E. Gruen, A. Long, A. Stewart (eds.). Images and Ideologies. Self-definition in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 51. Not. 61; 56; Weber G. Dichtung und höfische Gesellschaft. S. 172. Anm. 1; van Oppen de Ruiter B. The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered // ZPE. 2010. Bd. 174. P. 139–150; Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Arsinoe II. Not. 17; ср.: Buraselis K. The Problem of the Ptolemaic Sibling Marriage. P. 299; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 328. Anm. 1101; Caneva S. Arsinoe divinizzata. P. 284. Not. 14; 301. Not. 88; Clayman D. Berenice II and the Golden Age of Ptolemaic Egypt. Women in Antiquity. Oxford; New York, 2014. P. 74; 200. Not. 46. 205. Not. 135).

²³ О возможности неофициального или полуофициального использования упомянутой эпиклесы еще при жизни царицы см.: Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. Oxford, 1972. P. 217; Розанова Н.П. Новые надписи Кипра IV до н.э. — VII н.э. // ВДИ. 1970. № 3. С. 201; Pfeiffer S. The God Serapis. P. 399; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 280–281; Wallensten J., Pakkanen J. A New Inscribed Statue Base from the Sanctuary of Poseidon at Kalauria // Opuscula. 2009. No 2. P. 159; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 79; 123; 161. Not. 97–98; ср.: Caneva S. Arsinoe divinizzata. P. 281. Not. 2.

²⁴ Scheuble-Reiter S. et al. P. 246; Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Arsinoe II not. 18. См. также: Koenen L. The Ptolemaic King. P. 57; Bailey D. The Canephore of Arsinoe Philadelphos: What Did She Look Like? // CdE. 1999. Vol. 74. P. 156–160; Hölbl G. A

использовавший при жизни эпитет «Филадельф»²⁵, отказался от учреждения идентичного собственного культа²⁶.

Несмотря на утверждения, высказанные рядом более ранних исследователей, ни в коем случае нельзя игнорировать эротическую подоплеку интересующего нас брака²⁷. Хотя недвусмысленные указания на интимную близость Птолемея и его сестры впервые появляются в известных нам античных нарративах лишь через четыре века после описываемых здесь событий (Paus. I. 7. 1; Lucian. Icar. 15; Herodian. I. III. 3), существует ряд более ранних свидетельств, говорящих в пользу отнюдь не фиктивного характера заключенного в Александрии брачного союза. В первую очередь в этой связи следует вспомнить довольно известную статую, заказанную римским императором из династии Юлиев-Клавдиев: Гаем Цезарем Калигулой, и посвященную им своей полнородной сестре: Друзилле ил. 3. Согласно распространенной сегодня точке зрения, эта статуя является репликой скульптурного изображения Арсиной II, вывезенного из Египта вместе с парной статуей Птолемея II по приказу того же Калигулы. Данное же об-

---

History of the Ptolemaic Empire. P. 95; Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 326; Buraselis K. The Problem of the Ptolemaic Sibling Marriage. P. 298–299; Müller S. Das hellenistische Königspaar. S. 280–300; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 78–79; 100–110; 123; 127; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 109–113.

²⁵ Согласно свидетельству Стефана Византийского, город Филадельфия, располагавшийся на восточном берегу реки Иордан, получил свое название именно в честь Птолемея Филадельфа (Steph. Byz. s.v.); также см.: Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 110. Not. 407; ср.: Cohen G. The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley, 2006. P. 268.

²⁶ Культ Птолемея Филадельфа был учрежден лишь в 165/164 г. праправнуком этого царя Птолемеем VI Филометором в Птолемаиде, получив распространение только на территории Верхнего Египта (см.: P.Dem.Brit.Muz. 10515; P. Grenf. II. 15), ср.: Hazzard R. Imagination of a Monarchy. P. 62–63; Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Ptolemy II not. 1; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 109. Скорее всего, шестой представитель Александрийской династии, в свое время женившийся на собственной сестре (Whitehorne J. Cleopatras. London; New York, 1994. P. 90–91; Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 84; 110. Not. 98; Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 541; Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Cleopatra II), путем учреждения нового культа одного из своих выдающихся предков хотел подчеркнуть неразрывность связей с семейными традициями времен расцвета империи Лагидов. Любопытно, что через год после учреждения культа Птолемея Филадельфа младший брат Филометора, будущий Птолемей VIII, присвоил себе эпиклесу Эвергет (P.Dem.Munch. 4), тем самым апеллируя к другому известному предку — Птолемею III Эвергету I (Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 183, 214. Not. 16–18; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 184–185.

²⁷ Ср.: Gutzwiller K. Callimachus' Lock of Berenices: Fantasy, Romance, and Propaganda // AJPh. 1992. No 3. P. 366–368; van Oppen de Ruiter B. The Religious Identification. P. 212–213; также см. прим. 11 и ниже. По поводу исследователей, отрицавших эротическую составляющую брака Птолемея II и Арсиной II, см., напр.: библиографию, приведенную Б. ван Оппен де Руйтером — van Oppen de Ruiter B. The Religious Identification. P. 213. Not. 10.

Илл. 3. Копия гелиопольской статуи Арсинои II (Рим, 40 г. н.э.); предположительно заказана Калигулой и посвящена его сестре Друзилле

стоятельство, по мнению ряда исследователей, свидетельствует о желании необузданного императора подчеркнуть параллель между его страстным влечением к Друзилле и такими же отнюдь не братскими чувствами второго александрийского властителя к своей сестре-супруге²⁸.

На страсть, испытываемую Птолемеем к Арсиное, скорее всего, тонко намекает современник августейшей четы, эвбейский поэт Ликофрон (*Suda s.v.*), некоторое время подвизавшийся при александрийском дворе (см. ниже). Как известно, этот искусный словесный эквилибрист создал две весьма забавные анаграммы. Из букв, составляющих имя («Птолемей») (*Ptolemaios*), он соорудил определение «медовый» (*apo melitos*); тогда как имя «Арсиноя» (*Arsinoe*) он превратил в «пурпур Геры» (*Ion Heras*) (*Tzetz. Vit. Lycophr. 5. 7 Scheer*)²⁹. Вне всякого сомнения, эпитет «медовый» сблизжал Птолемея II с Зевсом, в чей «детский рацион» входил мед священных пчел (*Callim. Hymn. I. 49–50; Diod. V. 70. 3; 5*)³⁰. В свою очередь, анаграмма «пурпур Геры», вероятно, имеет

²⁸ *Thiers Ch.* Ptolémée II Philadelphie et les prêtres de Sais: La stèle de Codex Ursinianus, fol. 6 ro + Naples 1034 + Louvre C.123 // BIFAÖ. 1999. Vol. 99. P. 423. Not. 4; *Ладвинин И.А., Попова Е.А.* Египетская подвеска. С. 83; *Carney E.D.* Arsinoe of Egypt. P. 130; 175. Not. 162. О страсти, испытываемой к Друзилле Калигулой, см.: *Sueton. De vita. IV. 24; Dio Cass. LIX. 11. 1*; ср.: *Vict. Aur. De Caes. III. 4–5; Eutrop. VII. 12.*

²⁹ Ср.: *Cameron A.* Ancient Anagrams // *AJPh.* 1995. No 3. P. 481–482; *Prioux E.* Callimachus' Queens. P. 215; *Danielewicz J.* Arsinoe-Anagram in Callimachus' Ektheosis Arsinoes (P.Berol. 13417 = Fr. 228 Pf.) // *AFP.* 2017. Bd. 63. P. 11–12.

³⁰ Ср.: *Stephens S.* Seeing Double. Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria. Berkeley; Los Angeles; London, 2003. P. 105–108. Невзирая на скепсис моих коллег-египтологов, Е.А. Романовой (Киев) и М.В. Панова (Новосибирск), я не исключаю наличия в

отношение к гомеровскому эпизоду, связанному с волшебным поясом Афродиты, с помощью которого владычица Олимпа отвлекла Зевса от троянских дел, пробудив в нем неодолимую страсть (Ном. II. XIV. 159–360). Несколько лет назад Б. Акоста-Хьюс остроумно отождествил подарок Афродиты, упомянутый в «Илиаде», с пурпурным поясом, принадлежащим Гере, как о том сообщает Вакхилид (Vacc. Epin. XI. 48–49)³¹. Затем Э. Прио сделала вполне логичное предположение о том, что под пурпуром Геры у Ликофрона также мог подразумеваться все тот же приворотный пояс³². Таким образом, я допускаю, что вышеуказанные анаграммы эвбейского поэта со свойственным александрийской школе изяществом отображали подлинный характер чувств, испытываемых Птолемеем по отношению к сестре.

Помимо всего прочего, следует учитывать и ряд соображений, высказываемых современными исследователями по поводу отчетливых параллелей, просматривающихся в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, между александрийскими супругами-сиблингами и мифической царской четой феаков Алкиноем и Аретой³³. В нашем случае речь идет о сцене, в которой царь и его жена, пребывая на супружеском ложе, решают судьбу отдавшейся под их покровительство колхидской царевны Медеи. В итоге они приходят к заключению, что избежать выдачи Медеи разгневанному отцу можно лишь путем немедленного замужества царевны с последующей консуммацией брака (Apol. Rhod. IV. 1068–1127). Эротический подтекст данного конфиденциального совещания позволяет домыслить логический его перевод в более игривое русло, в ходе которого царственные супруги демонстрируют друг другу, что именно представляет собой консуммация брака³⁴. Особый

анаграмме «аро melitos» и египетских коннотаций, связанных с использованием обозначения пчелы в иероглифическом написании титула «Царь Нижнего Египта» (*ns-wbt*). Вероятнее всего, эллинизированные иммигранты в Египте, а вслед за ними и другие обитатели греко-римской ойкумены восприняли используемый при написании данного титула иероглиф «пчела» не в сугубо фонетическом, а в символическом смысле (Amm. Marc. XVII. IV. 11; Horapollo, I. 72; ср.: Sen. De Clem. I. 19. 1; Dio Chrys. Or. IV. 62–63); также см.: Stephens S. Seeing Double. P. 1–3; 107. При этом вполне вероятно, что именно вышеупомянутая анаграмма Ликофрона может послужить самым ранним примером подобного восприятия.

³¹ Acosta-Hughes B. Arion's Lyre. Archaic Lyric into Hellenistic Poetry. Princeton, 2010. P. 65.

³² Prioux E. Callimachus' Queens. P. 215.

³³ См., напр.: Hunter R. The Argonautica of Apollonius: Literary Studies. Cambridge, 1993. P. 161–162; *idem*. Hellenistic Poetry and its Reception. Berlin; New York, 2008. P. 269–273; Fantuzzi M., Hunter R. Tradition and Innovation in Hellenistic Poetry. Cambridge, 2004. P. 127; Mori A. The Politic of Apollonius Rhodius' Argonautica. Cambridge, 2008. P. 127. Not. 148; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 102–103.

³⁴ Ср.: Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 105; Mori A. The Politic of Apollonius. P. 130. Not. 160. О возражении по поводу присутствия эротических аллюзий в данной сцене см.:

интерес эта своеобразная альковная сцена приобретает в свете оговорки некоего александрийского автора схолий к «Одиссее». Этот схолиаст, ссылаясь на приписываемый Гесиоду «Каталог женщин», ошибочно — либо даже умышленно (см. прим. 35) называет Алкиноя и Арету братом и сестрой³⁵, тем самым окончательно сближая их с Птолемеем II и Арсиной II.

Наконец, имеются некоторые основания предположить, что интимные отношения между вторым александрийским властителем и его сестрой, возможно даже завершившиеся беременностью будущей египетской царицы³⁶,

Hunter R. The Argonautica. P. 71; *Fantuzzi M., Hunter R.* Tradition and Innovation. P. 127; *Mori A.* The Politic of Apollonius. P. 130.

³⁵ Schol. Hom. Od. VII. 54 = Hes. Mul. Cat. F49; Ср.: *Hunter R.* The Argonautica. P. 71; 161; *Jackson S.* Apollonius of Rhodes: Endymion // QUCC. 2006. No 2. P. 17. Not. 2; *Mori A.* The Politic of Apollonius. P. 97; *Barbantani S.* Callimachus on Kings and Kingship // Brill's Companion to Callimachus. P. 185; *Clayman D.* Berenice II and the Golden Age. P. 211. Not. 12. Согласно канонической гомеровской традиции, Арета доводилась Алкиною не сестрой, а племянницей (Hom. Od. VII. 53–68). Впрочем, комментарий неизвестного схолиаста вполне отвечает принципам александрийской поэтико-филологической школы, чьи представители отдавали предпочтение малоизвестным мифологическим сюжетам и генеалогиям перед избитыми общеизвестными клише — ср.: *Świderkówna A.* Bogowie zesli z Olimpu. S. 165–171; *Hutchinson G.* The «Aetia»: Callimachus' Poem of Knowledge // ZPE. 2003. Bd. 145. P. 47–59; *Morrison A.* The Narrator in Archaic Greek and Hellenistic Poetry. Cambridge, 2007. Passim; *Завьялова В.П.* Каллимах и его гимны. М., 2009. С. 9–11; 127–129.

³⁶ Сорокалетний возраст Арсиной (см. выше) отнюдь не является неоспоримым свидетельством в пользу отсутствия у нее репродуктивных способностей. По словам Аристотеля, большинство его современниц действительно утрачивали способность к деторождению в возрасте сорока лет; но если уж этого не происходило, то репродуктивные способности не покидали их до пятидесяти (Arist. Hist. Anim. VII. 42; ср.: Solin. I. 59), также см.: *Amundsen D., Diers C.* The Age of Menopause in Classical Greece and Rome // Human Biology. 1970. Vol. 42. P. 79–86. На высокую вероятность отнесения Арсиной II к этой второй группе указывает пример некоторых женщин, состоявших с ней в генетическом родстве. Так, ее старшая современница и троюродная бабка, Фила (ср.: *van Oppen de Ruiter B.* The Marriage and Divorce of Ptolemy I and Eurydice: An Excursion in Early-Hellenistic Marital Practices // CdE. 2015. Vol. 90. P. 158), примерно в том же возрасте родила своему третьему мужу Деметрию Полиоркету будущего царя Македонии Антигона Гоната (см. прим. 9) и дочь Стратонику (Demetr. 31; 53); см. также: *Bosworth A.A.* New Macedonian Prince // CQ. 1994. No 1. P. 61–62; *Rose Th.* A Historical Commentary on Plutarch's Life of Demetrius. Diss. PhD. Iowa City, 2015. P. 178–179. Праправнучатая племянница Арсиной, египетская царица Клеопатра II, своего последнего ребенка Птолемея Мемфисца (Diod. XXXIV/XXXV. 14; Iust. XXXVIII. 8) родила, когда ей было чуть более сорока (Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. P. 87; 90; *Huss W.* Ägypten in hellenistischer Zeit. S. 606; *idem.* Noch ein Mord im Haus des Ptolemaios? // ZPE. 2002. Bd. 140. S. 40–42; *Bennett Ch.* Egyptian Royal Genealogy. Cleopatra II. Наконец, сюда же следует добавить внучку последней, Клеопатру Селену, которая, разменяв пятый десяток, произвела на свет двух селевкидских царевичей (ср.: Cic. In Verr. II. 4. 61–67; App. Syr. 69; Euseb. Chron. I. 259–261 Schoene), см. также: *Whiteborne J.* Cleopatras. P. 116, 167; *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. P. 152–158; *Dumitru A.*

начались еще до свадьбы³⁷. По моему мнению, некоторые указания на это обстоятельство можно обнаружить в частично сохранившейся элегии Каллимаха «Аконтий и Кидиппа» и в XV идиллии Феокрита.

Описывая в «Аконтии и Кидиппе» один любопытный наксосский свадебный обряд³⁸, Каллимах якобы ненароком упоминает о некоей истории, связанной с Герой, после чего картинно упрекает себя за излишнюю болтливость (Cal. F 75. 1–9)³⁹. Как правило, предполагается, что в этом отрывке поэт с продуманной демонстративностью намекал на преисполненный страсти первый тайный (по сути, добрачный) любовный акт, некогда свершившийся между Зевсом и Герой (Hom. Il. XIV. 295–296; Nonnus. XXXII. 29–31; также см. прим. 39). Вместе с тем, по мнению П. Фрейзера, Каллимах имел в виду менее известный мифологический сюжет, согласно которому добрачная связь интересующих нас небожителей привела к зачатию бога-кузнеца, Гефеста⁴⁰.

Полагаю, что тема добрачных отношений между Зевсом и Герой, возможно, даже сопряженных с беременностью последней, также легла в основу шутки, использованной еще одним александрийским поэтом, Феокритом, в его XV идиллии. Одна из героинь этого произведения утверждает, что женщинам известно даже то, как Зевс женился на Гере (Theocr. Idyl. XV. 64). Не думаю, что Феокрит намекал всего лишь на известный каждому эллину кровосмесительный характер брака между властителем Олимпа и его сестрой⁴¹. Вероятно, эта загадочная фраза подразумевала некие более таинственные, если не скандальные обстоятельства, связанные с женитьбой Зевса на Гере.

Kleopatra Selene — A Look at the Moon and Her Bright Side // A. Coşkun, A. McAuley (eds.). Seleukid Royal Women: Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire. Stuttgart, 2016. P. 264–266.

³⁷ К слову сказать, о тайном характере связи Птолемея и Арсиной вскользь упоминает Лукиан (Lucian. Icar. 15).

³⁸ Речь идет о локальном обычае, согласно которому невеста должна была последнюю ночь перед свадьбой провести на одном ложе с неполовозрелым мальчиком, имевшим полный комплект живущих родителей.

³⁹ Ср.: Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 726; Hutchinson G. Hellenistic Poetry. Oxford, 1988. P. 28–29; *idem*. Talking Books. Readings in Hellenistic and Roman Books of Poetry. Oxford, 2008. P. 54; Fantuzzi M., Hunter R. Tradition and Innovation. P. 61–62; Jackson S. Apollonius of Rhodes. P. 14–17; Morrison A. The Narrator. P. 191–192.

⁴⁰ Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 726, Vol. II. P. 1014f not. 69. Следует отметить, что, по мнению Д. Клейман, Каллимах имел в виду другой столь же малоизвестный сюжет об изнасиловании девственной Геры гигантом Эвримедом, вследствие чего появился на свет титан Прометей (Schol. Il. IV. 256) (Clayman D. Berenice II and the Golden Age. P. 72–73; 92).

⁴¹ Именно так трактуют упомянутый пассаж современные исследователи: Weber G. Dichtung und höfische Gesellschaft. S. 273 f. Anm. 6; Burton J. Theocritus's Urban Mimes. P. 39; 152.

Если же учесть чуть ли не обыденный характер параллелей, проводимых современниками между четой олимпийских властителей и александрийскими богами-Адельфами (см. выше)⁴², то исчезают какие-либо препятствия для перенесения на последних истории о добрачной связи Зевса и Геры. При этом вопрос наличия/отсутствия добрачной беременности у Арсиной в нашем случае особой роли не играет⁴³. Повторюсь, что существенной для меня в данном контексте представляется смысловая разница, сопряженная с использованием хорошо известного эпитета «Филадельфа/Филадельф» в отношении Арсиной II и ее брата-супруга (илл. 4).

Как уже было сказано выше, в случае Арсиной эпитет «Филадельфа» носил ярко выраженную религиозную смысловую нагрузку. Речь идет не только о его превращении в культовую эпиклесу, но и о подчеркивании ассоциативной связи между братолюбивой Арсиной, с одной стороны, и несколькими высокочтимыми богинями — с другой. Среди них в первую очередь следует упомянуть владычицу Олимпа Геру (см. выше) и сестру-супругу Осириса Исиду (см. прим. 20)⁴⁴. С последней новую египетскую царицу

⁴² К слову сказать, А. Кэмерон, Р. Хантер и С. Джексон придерживаются точки зрения о существовании отчетливой ассоциативной связи между фразой, демонстративно брошенной Каллимахом (см. выше), и острой сатирой поэта Сотата из Маронеи, высмеивавшей непристойность брака Птолемея II и Арсиной II (Cameron A. Callimachus. P. 19–22; Fantuzzi M., Hunter R. Tradition and Innovation. P. 62; Jackson S. Apollonius of Rhodes. P. 16–17; ср.: Morrison A. The Narrator. P. 192. Not. 477). О Сотате и его сатире на александрийских супругов-сиблингов см.: Plut. De Lib. Ed. 14; Athen. XIV. 621a; Weber G. The Hellenistic Rulers and Their Poets. Silencing Dangerous Critics? // AncSoc. 1998–1999. Vol. 29. P. 147–174; особ. 162–165.

⁴³ Должен отметить, что я придерживаюсь точки зрения, согласно которой Птолемей II и Арсиной II имели общего ребенка, впоследствии ставшего соправителем отца: речь идет о так называемом Птолеме-сыне (Зелінський А.Л. Птолемей III і Анубіс: можливість неофіційного ототожнення // СхСв. 2009. № 4. С. 26–38, с предшествующей библиографией). Среди более поздних работ, касающихся проблемы идентификации Птолемея-сына, см.: van Oppen de Ruiter B. The Death of Arsinoe II. P. 147–148; *idem*. Notes on Arsinoe I. P. 163; 173; Grainger J. The Syrian Wars. Leiden; Boston, 2010. P. 119–121; Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Nios_i; Caneva S. Arsinoe divinizzata. P. 287–288; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 124–126; 144–145; Clayman D. Berenice II and the Golden Age. P. 70; 196. Not. 69; 203. Not. 113; Stephens S. (ed.) Callimachus. P. 15; 87; Coşkun A. Ptolemaioi as Commanders in 3rd-Century Asia Minor and Some Glimpses on Ephesos and Mylasa during the Second and Third Syrian Wars // B. Takmer, E. Akdoğan Arca, N. Gökalp (eds.). Vir doctus anaticus. Studies in Memory of Sencer Şahin. Istanbul, 2016. P. 211–233; Criscuolo L. Ptolemy the Son. P. 1–18. В будущем я также планирую вернуться к этому вопросу.

⁴⁴ К этому перечню, помимо всего прочего, стоит добавить еще одну Зевсову сестру, Деметру, с которой также иногда могла отождествляться Арсиной (см. прим. 52). Наконец, в нашем случае возможны коннотации с бракосочетанием Геракла и его сводной сестры Гебы, упомянутым в нескольких произведениях Феокрита (Theocr. Idyl. XVII. 32–33; XXIV. 84–85; ср.: van Oppen de Ruiter B. The Religious Identification. P. 259).

Илл. 4. Золотая пентеконтадрахма (Александрия, 270–246 гг. до н.э.):
 одиночное изображение Арсиной II с рожком Амона как символом обожествления

в особенности сближало усыновление ею детей Птолемея от первого брака (Schol. Theocr. XVII. 128–130)⁴⁵; этот акт напоминал взятие на воспитание Исидой Анубиса, порожденного от случайной связи Осириса с Нефтидой (Plut. De Is. 14; 38; 44)⁴⁶.

В свою очередь, ни при жизни Птолемея II, ни в течение более восьми-десяти лет после его смерти⁴⁷ не наблюдается ни малейших попыток возведения присущего ему эпитета «Филадельф» в разряд культовой эпиклесы. Учреждение же соответствующего культа Птолемеем VI в Птолемаиде Египетской (P.Dem. Brit.Mus. 10515; P.Grenf. II. 15) состоялось исходя из прагматических потребностей самого учредителя, да к тому же культ этот получил лишь сугубо локальное распространение (см. прим. 26). Светский характер вышеупомянутого эпитета второго представителя Александрийской династии, начиная с середины II в., получает широкое отображение

⁴⁵ Также см.: *Зелінський А.Л.* Птолемей III і Анубіс. С. 27; 31 прим. 5 (с предшествующей библиографией). Среди последующих работ, чьи авторы высказывались как «за», так и «против» возможности прижизненного усыновления детей Птолемея II его второй супругой, см.: *Bennett Ch.* Egyptian Royal Genealogy. Arsinoe II not. 15; *Carney E.D.* Arsinoe of Egypt. P. 70; 75; 125; 140; 158. Not. 28; *Clayman D.* Berenice II and the Golden Age. P. 76; 171; 205. Not. 137; *van Oppen de Ruiter B.* Notes on Arsinoe I. P. 173–174; 176. Справедливости ради необходимо отметить, что первое известное нам упоминание о законном статусе «царских детей», сделанное составителями иероглифической надписи, запечатленной на Мендесской стеле (CG. 22181. 21–22), относится лишь к 264 г. (*Schäfer D.* Makedonische Pharaonen. S. 251; 276).

⁴⁶ Подробнее об этой параллели: *Зелінський А.Л.* Птолемей III і Анубіс. С. 26–38.

⁴⁷ Птолемей II умер в начале 246 г. (*Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. P. 46; 71. Not. 71; *Huss W.* Ägypten in hellenistischer. S. 331; *Bennett Ch.* Egyptian Royal Genealogy. Ptolemy II not. 10).

в античных нарративах (Satyr. FGrHist 631. F1 = P.Oxy. XXVII. 2465. F1 = Theoph. Ad Autol. II. 7; Strabo. XVI. IV. 7; Schol. in Callim. IV. 175–187; Flav. Ant. Jud. XII. II. 1; Athen. V. 203b, XI. 497b; Euseb. Praep. Evang. XIII. 12. 2; Chron. I. 161 Schoene)⁴⁸.

Вместе с тем, как при жизни Птолемея II, так и при ближайших его преемниках, ничто не мешало превращению данного царского эпитета во вполне официальное тронное имя. Скорее даже наоборот: существовали все предпосылки для успешного осуществления данного мероприятия. Как следует из «Этники» Стефана Византийского, интересующий нас эпитет мог использоваться уже самим Птолемеем, выступающим в харизматической полубожественной роли ктиса-градооснователя⁴⁹ (см. прим. 25)⁵⁰. Интересно, что даже в некоторых демотических документах, составленных еще до введения культа Птолемея Филадельфа в Птолемаиде, египетские писцы вместо термина «боги-Адельфы» ошибочно писали «боги-Филадельфы» (см. P.Dem. Brit.Mus. 10589)⁵¹ (илл. 5).

На мой взгляд, обрисованное выше положение вещей можно объяснить лишь разницей в приоритетных ожиданиях обоих супругов, связанных с заключенным ими браком. Для Арсинои наряду со статусными дивидендами имел большую важность религиозный аспект данного замужества, и это обстоятельство несомненно учитывалось Птолемеем как при жизни,

⁴⁸ Также см.: Świderkówna A. Bogowie zesšli z Olimpu. S. 52; Bravo B., Wipszycka E. Historia starożytnych Greków. S. 155; Koenen L. The Ptolemaic King. P. 61; Hazzard R. Imagination of a Monarchy. P. 62–63; 176–179; van Nuffelen P. The Name Game: Hellenistic Historians and Royal Epithets // P. van Nuffelen (ed.) Faces of Hellenism. Studies in the History of the Eastern Mediterranean (4th Century B.C. — 5th Century A.D.). Leuven; Paris; Walpole (MA), 2009. P. 96–98; Müller S. Das hellenistische Königspar. S. 280. Anm. 808; Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Ptolemy II not. 1; Carney E.D. Arsinoe of Egypt. P. 161. Not. 97; Muccioli F. Gli epiteti ufficiali. P. 109–110. По поводу сомнительного характера эпиграфического свидетельства времен Птолемея IV Филопатора (SEG XX. 467) см.: Hazzard R. Imagination of a Monarchy. P. 176–179; Bennett Ch. Egyptian Royal Genealogy. Ptolemy II not. 1.

⁴⁹ О воздаянии ктисам посмертных и даже прижизненных религиозных почестей на примере македонского царства см.: Кузьмин Ю.Н. Культ правителей Македонии в доэллинистическую эпоху // С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.). «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб., 2016. С. 119–135.

⁵⁰ Менее аргументированно о возможности непосредственного использования Птолемеем II эпитета «Филадельф» писала С. Барбантани (Barbantani S. Callimachus on Kings. P. 179; 195).

⁵¹ Shore A., Smith H. Two Unpublished Demotic Documents from the Asyut Archive // JEA. 1959. Vol. 45. P. 53–55; также см.: Johnson C. Ptolemaic Royal Titulature in Royal and Civil Documents (304–116 B.C.). Diss. PhD. Toronto, 1994. P. 318. Not. 56.

Илл. 5. Октодрахма Птолемея II. На аверсе: парный портрет Птолемея II и Арсинои II.
На реверсе: парный портрет Птолемея I и Береники I

так и после смерти царицы⁵². Для самого же александрийского властителя, судя по всему, во главе угла стоял сам факт осуществления физической близости с сестрой, не нуждавшийся в чрезмерной сакрализации обретенного им эпитета. По этой причине царь довольствовался констатацией свершившегося инцеста, в итоге войдя в историю именно как физический супруг собственной сестры; что, вероятно, его вполне устраивало.

⁵² На исключительную важность обожествления для Арсинои II указывает значительное количество разнокалиберных небожителей, с которыми отождествлялась, ассимилировалась или ассоциировалась упомянутая царица. Помимо Геры и Исиды (см. выше), среди них следует назвать: Афродиту, Деметру, Афины, Селену, Нику, Агате Тюхе, Ио и Елену; кроме того, Арсиноя причислялась к сонму харит и именовалась десятой музой — см., напр.: *Зелинский А.Л. Птолемей III и Анубис*. С. 26. В свою очередь, Птолемей II, которому идея апофеоза, разумеется, также была не чужда, воплощал ее в жизнь с несколько меньшим размахом. В частности, среди богов, с которыми он в той или иной мере был отождествляем, стоит указать Зевса, Посейдона, Диониса/Осириса/Сараписа, Аполлона/Гелиоса/Гора, Геракла и, возможно, Зефира (*Koenen L. The Ptolemaic King*. P. 83; *Weber G. Dichtung und höfische Gesellschaft*. S. 238; 248; 306; 377–388; *Cameron A. Callimachus*. P. 53–55; *Burton J. Theocritus's Urban Mimes*. P. 237 not. 142; *Selden D. Alibis // ClAnt*. 1998. No 2. P. 384–405; *Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire*. P. 68. Not. 19; 111; *Huss W. Ägypten in hellenistischer Zeit*. S. 325, 327; *Stephens S. Seeing Double*. P. 114–121; 138–139; *van Oppen de Ruiter B. The Religious Identification*. P. 419–425; 427; *Müller S. Das hellenistische Königspaar*. S. 188–189; 270–271; *Prioux E. Callimachus' Queens*. P. 216; *Laukola I. Macedonian Kings, Egyptian Pharaohs. The Ptolemaic Family in the Encomiastic Poems of Callimachus: diss. PhD. Helsinki, 2016*. P. 49–85.

REFERENCES

1. *Acosta-Hughes B.* Arion's Lyre. Archaic Lyric into Hellenistic Poetry. Princeton, 2010.
2. *Ager S.* An Uneasy Balance: From the Death of Seleucus to the Battle of Raphia // *A. Erskine (ed.). Companion to the Hellenistic World . Malden (MA) Oxford, 2005. P. 35–50.*
3. *Ager S.* Familiarity Breeds: Incest and the Ptolemaic Dynasty // *JHS. 2005. Vol. 125. P. 1–34.*
4. *Ager S.* The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty // *Anthropologica. 2006. Vol. 2. P. 165–186.*
5. *Amundsen D., Diers C.* The Age of Menopause in Classical Greece and Rome // *Human Biology. 1970. Vol. 42. P. 79–86.*
6. *Aulbach A.* Die Frauen der Diadochendynastien. Eine prosopographische Studie zur weiblichen Entourage Alexanders des Grossen und seiner Nachfolger. München, 2015.
7. *Bagnall R.* Archagathos Son of Agathocles, Epistates of Libya // *Philologus. 1976. Bd. 2. P. 195–209.*
8. *Bailey D.* The Canephore of Arsinoe Philadelphos: What Did She Look Like? // *CdE. 1999. Vol. 74. P. 156–160.*
9. *Barbantani S.* Callimachus on Kings and Kingship // *Brill's Companion to Callimachus. P. 178–200.*
10. *Barbantani S.* Lyric for the Rulers, Lyric for the People: The Transformation of Some Lyric Subgenres in Hellenistic Poetry // *Trends in Classics. 2017. No 2. P. 339–399.*
11. *Bennett Ch.* Egyptian Royal Genealogy.
12. *Bennett Ch.* Three Notes on Arsinoe I // *A Delta-Man in Yebu / A. Eyma, Ch. Bennett (eds.). Parkland, 2003. P. 64–72.*
13. *Bleisch P.R.* On Choosing a Spouse: Aeneid 7.378-84 and Callimachus' Epigram 1 // *AJPh. 1996. Vol. 3. P. 453–472.*
14. *Bosworth A.A.* New Macedonian Prince // *CQ. 1994. No 1. P. 57–65.*
15. *Bouché-Leclerq A.* Histoire des Lagides. Vol. 1. Paris, 1903.
16. *Bravo B., Wipszycka E.* Historia starożytnych Greków. W III t. T. III: Okres hellenistyczny. Warszawa, 1992.

17. *Bresciani E. et al.* Ancora sull'iscrizione demotica di Elefantina // *EVO*. 2003. Vol. 26. P. 33–39.
18. *Buraselis K.* The Problem of the Ptolemaic Sibling Marriage: A Case of Dynastic Acculturation? // *Ptolemy II Philadelphus and his World* / P. McKechnie, Ph. Guillaume (eds.). Leiden; Boston, 2008. P. 291–302.
19. *Burton J.* Theocritus's Urban Mimes: Mobility, Gender, and Patronage. Berkeley; Los Angeles; London, 1995.
20. *Cameron A.* Ancient Anagrams // *AJPh*. 1995. No 3. P. 477–484.
21. *Cameron A.* Callimachus and His Critics. Princeton, 1995.
22. *Caneva S.* Arsinoe divinizzata al fianco del re vivente Tolemeo II: uno studio di propaganda greco-egiziana (270–246 A. C.) // *Historia*. 2013. Bd. 62. Ht. 2. P. 280–322.
23. *Carney E.D.* Arsinoe of Egypt and Macedon: A Royal Life (Women in Antiquity). Oxford, 2013.
24. *Chaniotis A.* The Divinity of Hellenistic Rulers // *A Companion to the Hellenistic World*. P. 431–446.
25. *Clayman D.* Berenice II and the Golden Age of Ptolemaic Egypt. Women in Antiquity. Oxford; New York, 2014.
26. *Cohen G.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley, 2006.
27. *Coşkun A.* Ptolemaioi as Commanders in 3rd-Century Asia Minor and Some Glimpses on Ephesos and Mylasa during the Second and Third Syrian Wars // B. Takmer, E. Akdoğu Arca, N. Gökalp (eds.). *Vir doctus anaticus. Studies in Memory of Sencer Şahin*. Istanbul, 2016. P. 211–233.
28. *Criscuolo L.* Philadelphos nella dinastia lagide // *Aegyptus*. 1990. No 1/2 P. 92–95.
29. *Criscuolo L.* Ptolemy the Son: A Pretended Co-regency? // *AncSoc*. 2017. Vol. 47. P. 1–18.
30. *Danielewicz J.* Arsinoe-Anagram in Callimachus' Ektheosis Arsinoes (P.Berol. 13417 = Fr. 228 Pf.) // *AFP*. 2017. Bd. 63. P. 11–15.
31. *Dumitru A.* Kleopatra Selene — A Look at the Moon and Her Bright Side // A. Coşkun, A. McAuley (eds.). *Seleukid Royal Women: Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire*. Stuttgart, 2016. P. 253–272.
32. *Fantuzzi M., Hunter R.* Tradition and Innovation in Hellenistic Poetry. Cambridge, 2004.
33. *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. I. Oxford, 1972.
34. *Gabelko O.L., Kuznetsova E.V.* The Synoecism of Amastris and Amphora Production in the Poleis of Southern Pontus (2-nd half of IV-th — 1-st

- third of III-rd Cent. BC) // [Synoykizm Amastrii i amfornoe proizvodstvo v polysakh yuzhnoho Ponta (2-ya pol. IV — 1-ya tret' III v. do n.e.) // АМА. 2010. Т. 14. Р. 320–338.
35. *Grainger J.* The Syrian Wars. Leiden; Boston, 2010.
  36. *Gutzwiller K.* A Guide to Hellenistic Literature. Oxford, 2007.
  37. *Gutzwiller K.* Callimachus' Lock of Berenices: Fantasy, Romance, and Propaganda // *AJPh.* 1992. No 3. P. 359–385.
  38. *Hazzard R.* Imagination of a Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. Toronto; Buffalo, 2000.
  39. *Heinen H.* Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts V. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Kerawnos und zum Chremonidischen Krieg. Wiesbaden, 1972.
  40. *Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. London; New York, 2001.
  41. *Hölbl G.* Aussagen zur Ägyptischen Religion in den Zenon Papyri // *Papyrologica lupiensia.* 1993. No 2. S. 7–36.
  42. *Honeyman A.* Observations on a Phoenician Inscription of Ptolemaic Date // *JEA.* 1940. Vol. 26. P. 57–67.
  43. <http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/ptolemies.htm>. Дата обращения: 20.09.2018.
  44. *Hunter R.* The Argonautica of Apollonius: Literary Studies. Cambridge, 1993.
Hunter R. Hellenistic Poetry and its Reception. Berlin; New York, 2008.
  45. *Huss W.* Ägypten in hellenistischer Zeit (332–330 v. Chr.). München, 2001.
  46. *Huss W.* Noch ein Mord im Haus des Ptolemaios? // *ZPE.* 2002. Bd. 140. S. 40–42.
  47. *Hutchinson G.* Hellenistic Poetry. Oxford, 1988.
  48. *Hutchinson G.* Talking Books. Readings in Hellenistic and Roman Books of Poetry. Oxford, 2008.
  49. *Hutchinson G.* The «Aetia»: Callimachus' Poem of Knowledge // *ZPE.* 2003. Bd. 145. P. 47–59.
  50. *Jackson S.* Apollonius of Rhodes: Endymion // *QUCC.* 2006. No 2. P. 11–21.
  51. *Johnson C.* Ptolemaic Royal Titulature in Royal and Civil Documents (304–116 B.C.). Diss. PhD. Toronto, 1994.
  52. *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // A. Bulloch, E. Gruen, A. Long, A. Stewart (eds.). Images and Ideologies. Self-definition in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 26–116.
  53. *Kuzmin Yu.N.* The Cult of the Rulers of Macedonia in the Pre-Hellenistic Era [Kul't praviteley Makedonii v doellinisticheskuyu epokhu] // S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (ed.). «Gods among Men»: The Cult of Rulers in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman Worlds [«Bogi sredi lyudei»: kul't pravitelei v

- ellinistischeskom, postellinistischeskom y rimskom mire]. Moscow; Saint-Petersburg, 2016. P. 119–135.
54. *Kuzmin Yu.* New Perspectives on the Date of the Great Festival of Ptolemy II // *Klio*. 2017. Bd. 99. P. 513–527.
  55. *Ladynin I.A., Popova E.A.* An Egyptian Pendant Found on the Site Chaika (NorthWest Crimea), and the Posthumous Deification of Arsinoe II Philadelpa [Egipetskaya podveska, naidennaya na gorodyshche Chaika (Severo-Zapadnyi Krym), I posmertnoe obozhestvlenie Arsynoi II Filadel'fy] // *Vestnik Drevnej Istorii*. 2010. № 2. P. 71–85.
  56. *Laukola I.* Macedonian Kings, Egyptian Pharaohs. The Ptolemaic Family in the Encomiastic Poems of Callimachus: diss. PhD. Helsinki, 2016.
  57. *Meadows A.* Deditio in Fidem: The Ptolemaic Conquest of Asia Minor // P. Derow, C. Smith, L. Yarrow (eds.). *Imperialism, Cultural Politics, and Polybius*. Oxford — New York, 2012. P. 113–133.
  58. *Minas M.* Die Pithom-Stele. Chronologische Bemerkungen zur frühen Ptolemäerzeit // M. Minas, J. Zeidler (Hrsgg.). *Aspekte Stätäggyptischer Kultur. Festschrift für Erich Winter zum 65. Geburtstag*. Mainz, 1994. S. 203–212.
  59. *Mori A.* The Politic of Apollonius Rhodius' Argonautica. Cambridge, 2008.
  60. *Morrison A.* The Narrator in Archaic Greek and Hellenistic Poetry. Cambridge, 2007.
  61. *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 2013.
  62. *Müller S.* Das hellenistische Königspaar in der medialen Repräsentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II. Berlin; New York, 2009.
  63. *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999.
  64. *Pfeiffer S.* The God Serapis, His Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt // *Ptolemy II Philadelphus and his World*. P. 387–408.
  65. *Pomeroy S.* Women in Hellenistic Egypt: From Alexander to Cleopatra. New York, 1984.
  66. *Prioux E.* Callimachus' Queens // B. Acosta-Hughes, L. Lehnus, S. Stephens (eds.). *Brill's Companion to Callimachus*. Leiden; Boston, 2011. P. 201–224.
  67. *Rice E.E.* The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. Oxford, 1983.
  68. *Rose Th.* A Historical Commentary on Plutarch's Life of Demetrius. Diss. PhD. Iowa City, 2015.
  69. *Rozanova N.P.* New Inscriptions of Cyprus IV BC — VII AD // *VDI*. 1970. №. 3. P. 201–208.
  70. *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven; Paris; Walpole (Ma), 2011.

71. *Scheuble-Reiter S., Cadell H., Clarrysse W., Robic K.* (Hrsgg.), *Papyrus de la Sorbonne* (P.Sorb. III nos 70–144) (*Papyrologica Parisina* 1), Paris: Presses de l'Université Paris Sorbonne 2011, XXIV + 189 S. mit 11 Taf. und CD-Rom // *Tyche*. 2012. Bd. 27. S. 245–248.
72. *Selden D.* *Alibis* // *ClAnt*. 1998. No 2. P. 384–405.
73. *Shore A., Smith H.* *Two Unpublished Demotic Documents from the Asyut Archive* // *JEA*. 1959. Vol. 45. P. 52–60.
74. *Stephens S.* (ed.) *Callimachus. The Hymns*. New York, 2015.
75. *Stephens S.* *Battle of the Books* // *The New Posidippus: A Hellenistic Poetry Book* // *K. Gutzwiller* (ed.). Oxford, 2005. P. 229–248.
76. *Stephens S.* *Seeing Double. Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria*. Berkeley; Los Angeles; London, 2003.
77. *Świderek A.* *Hellada królów*. Warszawa, 1967.
78. *Świderkówna A.* *Bogowie zesli z Olimpu. Bóstwo i Mit w greckiej Literaturze Świata hellenistycznego*. Warszawa, 1991.
79. *Thiers Ch.* *Le mariage divin des Dieux Adelphe dans la stèle de Mendès* (Caire CG 22181) // *ZÄSA*. 2007. Bd. 134. P. 64–65.
80. *Thiers Ch.* *Ptolémée II Philadelphie et les prêtres de Sais: La stèle de Codex Ursinianus, fol. 6 ro + Naples 1034 + Louvre C.123* // *BIFAO*. 1999. Vol. 99. P. 423–445.
81. *Tunny J.* *Ptolemy «the Son» Reconsidered: Are There Too Many Ptolemies* // *ZPE*. 2000. Bd. 131. P. 83–92.
82. *van Nuffelen P.* *The Name Game: Hellenistic Historians and Royal Epithets* // *P. van Nuffelen* (ed.) *Faces of Hellenism. Studies in the History of the Eastern Mediterranean (4th Century B.C. — 5th Century A.D.)*. Leuven; Paris; Walpole (MA), 2009. P. 93–111.
83. *van Oppen de Ruiter B.* *The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered* // *ZPE*. 2010. Bd. 174. P. 139–150.
84. *van Oppen de Ruiter B.* *Notes on Arsinoe I: A Study of a Shadowy Queen* // *CdE*. 2014. Vol. 89. P. 158–181.
85. *van Oppen de Ruiter B.* *The Birth-Date of Arsinoe II Philadelphus* // *AncSoc*. 2012. Vol. 42. P. 61–69.
86. *van Oppen de Ruiter B.* *The Marriage and Divorce of Ptolemy I and Eurydice: An Excursion in Early-Hellenistic Marital Practices* // *CdE*. 2015. Vol. 90. P. 147–173.
87. *van Oppen de Ruiter B.* *The Religious Identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis*. Dis. PhD. New York, 2007.
88. *Wallensten J., Pakkanen J.* *A New Inscribed Statue Base from the Sanctuary of Poseidon at Kalaureia* // *Opuscula*. 2009. No 2. P. 155–165.

89. *Weber G.* Dichtung und höfische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemäer. Stuttgart, 1993.
90. *Weber G.* The Hellenistic Rulers and Their Poets. Silencing Dangerous Critics? // *AncSoc.* 1998–1999. Vol. 29. P. 147–174.
91. *Whitehorne J.* Cleopatras. London; New York, 1994.
92. *Whiteley R.* Courtesans and Kings: Ancient Greek Perspectives on the Hetairai. Calgary, 2000.
93. *Wiedemann A.* Die Ehe des Ptolemaeus Philadelphus mit Arsinoe II // *Philologus.* 1889. Bd. 47. S. 81–91.
94. *Zavyalova V.P.* Callimachus and His Hymns [Kallymakh i ego hymny]. Moscow, 2009.
95. *Zelinsky A.L.* Incorporation of the Southern Regions of Asia Minor into the State of the Ptolemies: A New Interpretation of Events [Inkorporatsiya pivdennykh oblastey Maloi Azii do skladu derzhavy Ptolemeyiv: nova interpretatsiya podiy] // *Shidnyi Svit.* 2013. No. 4. P. 16–26.
96. *Zelinsky A.L.* Ptolemy III and Anubis: The Possibility of Unofficial Identification [Ptolemey III i Anubis: mozhlyvist' neofitsynogo ototozhnennya] // *Shidnyi Svit.* 2009. No. 4. P. 26–38.

Ключевые слова:

Птолемей II, Арсиноя II, брак, инцест, династическая политика, Филадельфы, культ.

Andrii L. Zelinskyi

ARSINOE PHILADELPHUS AND PTOLEMY PHILADELPHUS: SACRALIZATION AND STATEMENT OF THE INCEST

he epithet «Philadelphus» had a different semantic meaning for the royal spouses-siblings: Ptolemy II and Arsinoe II. This circumstance is connected with two possible reasons of the marriage of a above-stated king of Hellenistic Egypt and his sister: first, the aspiration of the siblings to the deification and second, the factor of a sexual attraction of Arsinoe for Ptolemy.

Arsinoe considered this epithet as the part of her divine image. First of all, it united her with some brother-loving goddesses: Hera, Isis and, possibly, Demeter. Therefore, the epithet «Philadelphus» has turned into personal posthumous cultic epiclesis of Arsinoe II pretty naturally.

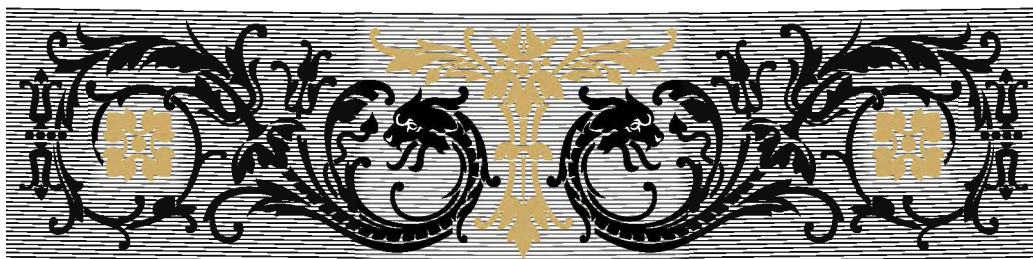
In turn, the brother-spouse of Arsinoe has avoided the creation of his own cult of Ptolemy Philadelphus consciously. At the same time, according to the evidence of Stephanus of Byzantium (s.v. Philadelpheia), Ptolemy II has used his own epithet «Philadelphus» for refounding of city Rabbat-Amman to Philadelphia. So, Ptolemy II didn't consider above-stated epithet as a religious mark, but only as statement of fact of sexual possession of his sister.

Key words: Ptolemy II, Arsinoe II, marriage, incest, dynastic policy, «Philadelphus», divine image.

Andrii L. Zelinskyi — Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Kiev.

 Зелинский Андрей Леонидович

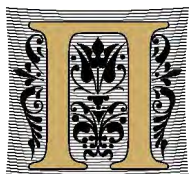
кандидат исторических наук, независимый исследователь, Киев.

Ю.Н. Кузьмин

КОГДА И ПОЧЕМУ АНТИГОНА III СТАЛИ НАЗЫВАТЬ ДОСОНОМ?¹

Τιμόθεος, χαίρε

Прозвища царей из династии Антигонидов (306–168 гг. до н.э.) были связаны как с их физическими характеристиками, так и с некоторыми аспектами политической и военной деятельности. Наиболее известные прозвища Антигонидов (Монофтальм, Гонат, Досон и, судя по всему, даже Полиоркет) не являлись почетными и официальными. Исключение составляют только локальные эпитеты (Сотер, Эвергет и др.), засвидетельствованные для некоторых царей из этой династии главным образом в ряде союзных, дружественных или зависимых государств.

В настоящее время следует отказаться от попыток списать сложные для понимания прозвища Антигонидов (например, Гонат или Досон) на якобы негреческое происхождение македонян. В свете современных научных знаний очевидно, что древняя Македония развивалась в ареале эллинской

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФНФ (№ 16-01-00297) «Неофициальные имена и прозвища государственных деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен». За обсуждение ряда аспектов я благодарен О.А. Габелко, И.Г. Гурину, С.К. Сизову и И.Е. Сурикову, которые, конечно же, не несут ответственности за представленные выводы.

цивилизации, в том числе и в языковом плане². С другой стороны, некоторые прозвища Антигонидов можно объяснить через призму диалектных особенностей речи македонян.

* * *

Антигон III, правивший только девять лет (с 229 по 221 г. до н.э.), тем не менее стал одним из самых выдающихся македонских монархов эллинистической эпохи. Он вошел в историю как спаситель Македонии, стоявшей на грани военной катастрофы после разгрома его предшественника Деметрия II дарданами и неудачной войны против этолийско-ахейского альянса, а также победитель спартанского царя Клеомена III и создатель Эллинского союза, объединившего на два с половиной десятилетия под гегемонией Антигонидов большую часть греческих государств на Балканах³.

Антигон III принадлежал к боковой ветви династии Антигонидов. Он был сыном Деметрия Красивого, сводного брата Антигона II Гоната, и внуком Деметрия I Полиоркета. Его матерью была Олимпиада из Ларисы.

В источниках для Антигона III засвидетельствовано несколько прозвищ. Из них почетными и официальными, хотя применявшимся локально и явно по инициативе «снизу», были лишь Сотер (Спаситель) и Эвергет (Благодетель). Данные культовые эпитеты зафиксированы (как по отдельности, так и вместе) для Антигона на Пелопоннесе; они были связаны с его победой в Клеоменовой войне⁴. Также Антигон III мог именоваться Сотером в Амфиполе, т.е. в одном из городов собственно Македонского царства (SEG

² См., напр.: *Hatzopoulos M.B.* La Macédoine: Géographie historique — Langue — Cultes et croyances — Institutions. Paris, 2006. P. 38–50; *idem.* Recent Research in the Ancient Macedonian Dialect: Consolidation and New Perspectives // *Studies in Ancient Greek Dialects. From Central Greece to the Black Sea* / G. Giannakis, E. Crespo, P. Filos (eds.). Berlin; Boston, 2017. P. 299–328.

³ Базовой работой об истории Македонского государства в правление Антигона III является монография С. Ле Боэж (*Le Voëc S. Antigone Dôsôn, roi de Macédoine.* Nancy, 1993; уже после ее публикации были изданы несколько надписей, важных для изучения некоторых аспектов политики этого царя: ЕКМ I. 2; *Tziafalias A., Helly B.* Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn // *SE.* 2010. Vol. 24. P. 94–125 = SEG LX. 585–586). Об Антигоне III см. также: *Will Éd.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). 2e éd. T. 1. Nancy, 1979. P. 359–401; *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 337–364; *Errington R.M.* A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; London, 1990. P. 175–184.

⁴ По поводу наименования Антигона III Сотером и Эвергетом см.: IG V 1. 1122 (Лаконика: Сотер); IG V 2. 299 (Мантиния-Антигония: Сотер и Эвергет); ср.: Polyb. V. 9. 10; IX. 36. 5; Suda s.v. Ἀντίγονος. Подробнее см.: *Le Voëc S. Antigone Dôsôn.* P. 458–459.

XLVIII. 812)⁵, но здесь причина появления данного эпитета должна была быть какой-то иной (к тому же нельзя исключать, что «царем Антигоном Сотером» в надписи из района Амфиполя был Антигон II).

Если говорить о других прозвищах Антигона III, то его наименование Опекуном (Ἐπίτροπος) совершенно ясно, однако трактовка прозвищ Φοῦσκος и Δῶσων вызывает немало вопросов.

К моменту смерти царя Деметрия II в 229 г. до н.э. его сыну Филиппу V было только около девяти лет, что привело к тому, что «первые из македонян» призвали в качестве «опекуна и стратега» царского родственника Антигона. Затем Антигон III принял царский титул; при этом он женился на матери Филиппа и усыновил его, объявив своим наследником, что, очевидно, было следствием какого-то политического компромисса при македонском дворе⁶.

Прозвище Ἐπίτροπος, засвидетельствованное для Антигона III уже его современником Филархом, писателем второй половины III в. до н.э. (Phylarch. ap. Athen. VI. 58. 251d = FGrHist. IIa 81. F. 46 [ср. лат. *tutor* — Liv. XL. 54. 4]), отражало характер отношений между царем и усыновленным им Филиппом V, а также, может быть, и первоначальный статус Антигона (до принятия им царского титула) как регента и опекуна Филиппа (Plut. Aem. 8.2: ἐπίτροπος καὶ στρατηγός).

Однако в свете опубликованных недавно писем Антигона III из Перрехии (SEG LX. 585–586), датированных восьмым и девятым годами его правления (что свидетельствует о том, что он исчислял царствование со времени смерти Деметрия II в 229 г. до н.э.), популярная теория о продолжительном регентстве (до трех лет) без царского титула⁷ должна быть отвергнута.

⁵ *Κουκούλη-Χρυσανθάκη Χ.* Διὸς καὶ βασιλέως Αντιγόνου // Μνείας χάριν. Τόμος στη μνήμη Μαίρης Σιγανίδου / Μ. Λιλιπλάκη-Ακαμάτη, Κ. Τσακάλου-Τζαναβάρη (επιμ.). Θεσσαλονίκη, 1998. Σ. 401–411; *Mari M.* The Ruler Cult in Macedonia // SE. Vol. 20. 2008. P. 256.

⁶ Plut. Aem. 8. 2–3; Iust. XXVIII. 3. 9–10; Euseb. Chron. I. 237–238 Schoene; ср.: Paus. VII. 7. 4; Sync. 267b, p. 508 Dindorf; EM 294 s.v. Δῶσων. См. подробнее: *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. P. 337–338; *Le Bohec S.* Antigone Dôsôn. P. 113–149. В рамках данной работы не место разбирать проблему идентификации личности матери Филиппа V (см.: *Габелко О.А., Кузьмин Ю.Н.* Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 2008. № 1. С. 153–164).

⁷ Основой этой концепции являются указания ряда античных и византийских авторов о первоначальном статусе Антигона III как «опекуна» (регента), а также определение продолжительности его правления Евсевием (Chron. I. 239–242 Schoene) 12 годами (ιβ'), хотя Антигон, несомненно, правил только девять лет (с 229 по 221 г. до н.э.). С другой стороны, в списке фессалийских правителей у Евсевия (Chron. I. 243, 247 Schoene) Антигону отводится именно девять лет. Следуя Евсевию, 12 лет правления Антигона III упоминает и Георгий Синкелл, хотя следом он приводит версию Диодора (XXV. 18) о девяти годах (Sync. 267b, p. 508; 282a, p. 535 Dindorf). Ч. Эдсон допустил, что Евсевий к

Портрет Филиппа V на тетрадрахме.

Берлин, Государственные музеи, Нумизматический кабинет, 18203040

В крайнем случае, период регентства Антигона был непродолжительным⁸ и не сказался на датировке царских документов⁹.

О том, что Филипп V воспринимался в царствование Антигона III как наследник престола, свидетельствует посвятельная надпись из Деметриады, адресованная «царю Антигону и Филиппу» (SEG XII. 308: Ἐτέαρχος Πύρρου Κρής βασιλεῖ Ἀντιγόνω[ι] καὶ Φιλίππῳ). В биографии Арата Сикионского Плутарх, основываясь на воспоминаниях самого Арата, говорит о Филиппе в конце царствования Антигона как о διάδοχος τῆς βασιλείας (Plut. Arat. 46. 2)¹⁰.

девяти годам правления Антигона III в целом приплюсовал три года регентства (которые должны быть включены в этот срок), и отсюда ошибочно получилось 12 лет (Dow S., Edson Ch.F. Chryseis: A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. 1937. Vol. 48. P. 172–176; ср.: Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 11. Not. 4; Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944. S. 387. Anm. 1; Ehrhardt C.T.H.R. Studies in the Reigns of Demetrius II and Antigonus Doson. Vol. 1. Diss. SUNY, Buffalo, 1975. P. 142; Will Éd. Histoire politique. P. 359; Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 249; Hammond N.G.L., Walbank F.W. A History of Macedonia. P. 344–345; Errington R.M. A History of Macedonia. P. 176–177).

⁸ Ср.: Le Bobec S. Antigone Dôsôn. P. 113–133.

⁹ Конечно, можно допустить, что начав правление без царского титула, после его принятия Антигон III стал ретроспективно отсчитывать свое царствование с момента прихода к власти.

¹⁰ Из приенской надписи начала II в. до н.э. известно, что в свое время некий царь Антигон выступал одним из арбитров в многолетнем территориальном споре между Приеной и

В литературных и эпиграфических источниках в случаях, когда упоминается имя его отца, Филипп V всегда фигурирует как «сын Деметрия»¹¹. Однако известны примеры, когда Филипп как своего отца (πατήρ) упоминал явно Антигона III¹², не называя, впрочем, его по имени. Об этом свидетельствуют не только Полибий (IV. 24. 7; ср.: IV. 87. 6)¹³, но и эпиграфические документы. В первую очередь это надписи из Лабраунды в Карию — письма Филиппа V жителям г. Миласа и стратегу Олимпиху, в которых упоминаются решения «отца» царя (таковым мог быть только Антигон III, совершивший ок. 227 г. до н.э. экспедицию в Карию)¹⁴. Видимо, именно Антигон упоминается как «отец» и в письме Филиппа V из Амфиполя (SEG XXVII. 245; XXXIII. 499)¹⁵.

Итак, принимая царский титул, Антигон усыновил Филиппа и дал клятву, что именно он станет его наследником¹⁶. Подобный статус Филиппа V, очевидно, был подтвержден и в завещании Антигона, которое царь подготовил незадолго до смерти (Polyb. IV. 87. 7)¹⁷.

Самосом. Наиболее вероятно, что это был Антигон III. В этой же надписи упоминается и «наследник царской власти Филипп» — διάδοχος τῆς βασιλείας Φίλιππος] (L'arbitrato di Rodi fra Samo e Priene / A cura di A. Magnetto. Pisa, 2008. P. 133–137; ср.: *Le Bobec S. Antigone Dòsòn*. P. 50–51).

¹¹ Напр.: а) литературные источники: Polyb. I. 3. 1; II. 2. 5; II. 70. 8; IV. 2. 5; VII. 9. 1; Strabo IX. 5. 20; Paus. I. 36. 5–6; II. 8. 4; IV. 29. 1. VI. 16. 3; VII. 7. 4–5; 17. 5; 6) надписи: ЕКМ I. 17 (Бероя); ЕКМ II. 2. 400, 442 (Пелла); IG X 2. 1. 25 (Фессалоника); IG IV. 427 (Сикион); IG IV.2 590, сткк. 1–2 (Эпидавр); Syll.³ II. 573–575 (Делос).

¹² Ср.: *Le Bobec S. Antigone Dòsòn*. P. 330.

¹³ Полибий дважды (IV. 2. 5; IV. 25. 6) специально отмечает, что Филипп V был родным (κατὰ φύσιν) сыном Деметрия II.

¹⁴ Цитаты из надписей и комментарий: *Le Bobec S. Antigone Dòsòn*. P. 329–330.

¹⁵ *Piejko F. A Letter of Philip V to Amphipolis // ZPE. 1983. Bd. 50. P. 225–226; Le Bobec S. Antigone Dòsòn*. P. 475; *Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1. Athens, 1996. P. 404*. Надписи, в которых Антигон III фигурирует как «отец» Филиппа V, относятся к первым годам правления Филиппа (3-й год в письмах Олимпиху и в Амфиполь), т.е. ко времени, когда политическое наследие Антигона, в том числе и его относительно частные решения (которые упоминаются в этих документах) были еще весьма актуальны.

¹⁶ Согласно Евсевию, у Антигона III были и родные дети (Chron. I. 237–238 Schoene). Однако в других источниках они не фигурируют, хотя царствование преемника Антигона Филиппа V и его двор хорошо освещены как в литературной традиции, так и в эпиграфике. Известно, например, что у Антигона III был брат Эхекрат, сын которого Антигон играл важную роль при дворе Филиппа V в конце его правления (Liv. XL. 54. 4–6). Возможно, что упоминание родных детей Антигона, которых он «не воспитал, сохраняя власть для Филиппа», было риторическим приемом Евсевия.

¹⁷ Так как Филиппу в это время было только 17 лет, Антигон в завещании назначил ему опекунами группу царских «друзей» во главе с Апеллой (Polyb. IV. 87. 8). Через несколько лет молодой царь устранил большинство из них.

Еще одно прозвище Антигона III — Φοῦσκος (Euseb. Chron. I. 237–238 Schoene; ср.: Synс. 282a, p. 535 Dindorf) — обычно комментируют, как «загадочное», «трудное для понимания» и т.д. или ищут объяснение ему в созвучных словах и топонимах, как греческих, так и латинских (φύσκων, Φύσκος, *fuscus*)¹⁸. Однако, кажется, все обстоит гораздо проще: Гесихий объясняет слово φοῦσκος как «остроголовый» (Hesych. s.v. φοῦσκος· ὀξυκέφαλος). Изображения Антигона III (по крайней мере, идентифицированные) или описания его внешности не сохранились, но вероятно, что прозвище Фуск могло отражать его облик (ср. с прозвищем Перикла Σχίνοκέφαλος — Plut. Per. 3. 3–4; 13. 10)¹⁹.

«Остроголовым», если объяснение Гесихия подходит для истолкования прозвища Антигона III Фуск, его именовали, несомненно, еще при жизни. Видимо, это было самое раннее прозвище Антигона, возможно, бытовавшее при македонском дворе еще до его прихода к власти. Если говорить о прозвище «Опекун», то Ливий, основываясь явно на труде Полибия, отмечает, что Антигона «называли опекуном греки, чтобы отличать его от других царей» (Liv. XL. 54. 5). Подобная формулировка может навести на мысль, что данное прозвище было посмертным, однако, скорее всего, оно возникло в Македонии уже в начале правления Антигона III, получив широкое распространение и за пределами его царства.

* * *

В научной литературе за Антигоном III давно и прочно закрепилось прозвище Досон (Δώσων), засвидетельствованное Плутархом и в византийском словаре XII в. «Большой этимологикон» (Plut. Aem. 8. 3; Coriolan. 11. 3–4; EM 294 s.v. Δώσων)²⁰.

¹⁸ Напр.: Hoffmann O. Die Makedonen: ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906. S. 213; Bettingen W. König Antigonos Doson von Makedonien (229–220 v. Chr.). Diss. Jena, 1912. S. 15; Ehrhardt C. Demetrius ὁ Αἰτωλικός and the Antigonid Nicknames // Hermes. 1978. Bd. 106. 1. P. 253; Le Bohec S. Antigone Dôsôn. P. 469–470; Muccioli F. Gli eretiti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 2013. P. 150. Not. 634.

¹⁹ Габелко О.А. Антигон Монофталм и Антигон Фуск: к интерпретации двух прозвищ эллинистических монархов // Antiquitas aeterna. Вып. 4. История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / А.В. Махлаяук, О.А. Габелко (ред.). Н. Новгород, 2014. С. 126–129. О.А. Габелко допускает, что слово φοῦσκος было македонским вариантом (хотя Гесихий это специально не оговаривает) — глоссой — греческого φοξός (ср.: Hesych. s.v. φοξός· λιπόδεμος, ὀξυκέφαλος).

²⁰ В словаре «Суда» (X в.) слово δώσων упоминается только как личное имя (Suda s.v. Δώσων· ὄνομα κύριον), к Антигону III оно не применяется (Suda s.v. Ἀντίγονος). В «Лексиконе греческих личных имен» (LGN I–V) имя Δώσων не зафиксировано.

Представляет интерес, что Плутарх называет Антигона III Досоном в биографиях двух римлян — Эмилия Павла и Кориолана, где македонский царь лишь упоминается, но в жизнеописаниях Арата Сикионского и Клеомена III, в которых Антигону и его политике уделено значительное место, он фигурирует только по имени²¹. Очевидно, эта ситуация отражает привлечение Плутархом разных источников и, видимо, прозвище Досон было зафиксировано в источниках сравнительно поздних. Судя по всему, Арат Сикионский и Филарх, чьи труды были использованы Плутархом в жизнеописаниях самого Арата, а также Клеомена, не именовали Антигона III Досоном (см. выше по поводу того, что Филарх называл царя Ἐπίτρολος).

Н. Хаммонд допустил, что источником Плутарха в его рассказе о династии Антигонидов в начале биографии Эмилия Павла был Полибий²². Однако мегалопольский историк называет Антигона III (*passim*) или просто по имени, или «царь Антигон». С другой стороны, Полибий несколько раз говорит об опеке Антигона над Филиппом (Polyb. II. 45. 2; XX. 5. 7), возможно, имея в виду как раз его прозвище Опекун; отголосок этого можно найти, как указывалось выше, у Ливия (XL. 54. 5; ср.: Paus. II. 8. 4; VI. 16. 3; VII. 7. 4; VIII. 8. 11). Есть мнение, что экскурс Плутарха об Антигониде основан на сочинении некоего Посидония о царе Персее (Plut. Aem. 19. 7, 10; 20. 6–7)²³, но это только гипотеза, уязвимая для сомнений²⁴. Несомненно лишь то, что Плутарх в данном случае использовал источник, относившийся ко времени, когда династии Антигонидов уже не существовало.

В жизнеописании Эмилия Павла Плутарх объясняет прозвище Δώσων, как «много обещающий, но мало дающий» (Plut. Aem. 8. 3: ...ἐπεκλήθη δὲ Δώσων ὡς ἐπαγγελτικὸς <μέν>, οὐ τηλεσιουργὸς δὲ τῶν ὑποσχέσεων). Плутарх еще раз упоминает прозвище Досон в биографии Кориолана с ремаркой, что оно было шуточным (Plut. Coriolan. 11.3–4: ...καὶ σκώμματα παρέσχεν ἐπικλήσεις, ὡς Ἀντιγόνῳ τὸν Δώσωνα).

Противоположное объяснение прозвища Досон имеется в «Большом этимологиконе» (294 s.v. Δώσων: ... εἶρηται δε διὰ τὸ φιλότιμον, καὶ διὰ τὸ πολλὰ δίδοναι καὶ χαρίζεσθαι: «...из-за великодушия и потому, что многое

²¹ Ср.: Dow S., Edson Ch. F. Chryseis. P. 160. Not. 2; Le Bobec S. Antigone Dôsôn. P. 468.

²² Hammond N.G.L. The Macedonian State. Oxford, 1989. P. 319.

²³ См. подробнее: Le Bobec S. Antigone Dôsôn. P. 32.

²⁴ В обзоре истории Антигонидов Плутарх помимо Антигона III упоминает прозвище лишь еще одного царя из этой династии — Антигона II Гоната (Plut. Aem. 8. 2). Интересно, что Деметрий I фигурирует здесь лишь по имени, а не как Полиоркет (это прозвище Плутарх использует в отдельной биографии Деметрия: Plut. Demetr. 7. 1; 42. 11).

даровал и угождал»)²⁵. Скорее всего, источник сведений об Антигоне III в византийском словаре не тождествен источнику Плутарха²⁶, хотя они и упоминают одно и то же прозвище этого царя.

Из двух приведенных взаимоисключающих по смыслу трактовок тем не менее проистекает то, что прозвище Δώσων связано с глаголом δίδωμι (*fut. part. δώσων* [LS]⁹ s.v.] — «тот, кто даст»). Встает вопрос: в связи с чем и когда у македонского царя появилось данное прозвище?

Можно допустить, что прозвище Антигона III было связано с дарениями, сделанными им наряду с некоторыми другими эллинистическими царями и династами (Гиерон и Гелон Сиракузские, Птолемей III, Селевк II, Олимпих и др.), жителям Родоса, пострадавшим от землетрясения, случившегося ок. 228–227 г. до н.э. Согласно Полибию (V. 89. 6–7), «Антигон дал им десять тысяч кольев длиною от восьми до шестнадцати локтей на сваи, пять тысяч семилоктевых балок, три тысячи талантов железа, тысячу талантов смолы и тысячу метретов смолы в сыром виде, сверх того обещал сто талантов серебра (ἀργυρίου πρὸς τοῦτοισ ἐκατὸν ἐπιπυεῖλατο τάλαντα). Супруга его Хрисеида подарила сто тысяч артаб хлеба, три тысячи талантов свинца» (пер. Ф.Г. Мищенко)²⁷.

Однако могла ли помощь Родосу привести к появлению прозвища только у македонского монарха, к тому же зафиксированному, видимо, лишь в поздних источниках? И остается неизвестным — если следовать объяснению Плутарха, указывающему на ироничный характер прозвища — дал ли Антигон родосцам меньше, чем обещал, т.е., например, не прислал упомянутые сто талантов серебра..

Если попытаться развить данное предположение, можно вспомнить, что вскоре после помощи родосцам Антигон начал подготовку к войне против Клеомена III, и это, естественно, требовало значительных финансовых затрат, которые в принципе могли привести к невыполнению данного обещания. Однако Полибий наверняка отметил бы это, ведь пассаж о помощи жителям Родоса завершается едкой ремаркой о скупости современных ему царей (Polyb. V. 90. 5–6). Также следует отметить, что в рассказе о помощи

²⁵ Мнение, что якобы македонское слово δώσων было синонимом греческого ἐπίτροπος (напр.: *Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 4. 2. Berlin; Leipzig, 1927. S. 139*), неприемлемо в свете современных представлений о языке древних македонян.

²⁶ Ср.: *Dow S., Edson Ch.F. Chryseis. P. 51–152.*

²⁷ Обширный экскурс Полибия об оказании помощи Родосу основан на местной историографии, в которой, очевидно, были использованы документальные источники (см.: *Wiemer H.-U. Rhodische Traditionen in der hellenistischen Historiographie. Frankfurt am Main, 2001. S. 33–39*; ср.: *Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer Tl. 1. Hrsg. von K. Bringmann, H. von Steuben. Berlin, 1995. S. 235*).

Родосу Полибий упоминает обещания не только Антигона, но и некоторых других правителей (например, Птолемея III — Polyb. V. 89. 1)²⁸.

Представляется, что «родосская версия» появления прозвища Досон тем не менее имеет право на существование. Но ее допустимо связать и с традицией о щедрости Антигона III, зафиксированной в «Большом этимологиконе». В этом контексте можно вспомнить о важности *эвергесии* для имиджа эллинистических монархов (показательно, что для Антигона III *эвергесия* напрямую засвидетельствована только в эпизоде с помощью Родосу²⁹).

Многие исследователи склонны соотносить прозвище Δῶσων с тем, что Антигон III, выполняя обет, данный при принятии царского титула, передал (точнее — завещал) трон Филиппу V³⁰. В свете того, что мы знаем о политике Антигона и его личных качествах, данное объяснение представляется наиболее вероятным.

Вызывает удивление то, что, как уже было отмечено выше, в трудах современников этого царя — Филарха и Арата, а также в «Истории» Полибия, во многом следовавшего данным авторам, но использовавшего и другие источники³¹, прозвище Досон, очевидно, не фигурировало. Однако грамматическая форма прозвища Антигона III должна, скорее, указывать на то, что оно было прижизненным, а не посмертным³². К тому же Филипп

²⁸ Ср.: *Wiener H.-U. Rhodische Traditionen. S. 37–38.*

²⁹ В надписи из Мантиней (IG V 2. 299) Антигон именуется Сотером и Эвергетом в контексте последствий Клеоменовой войны. В 223 г. до н.э. Мантиней, перешедшая на сторону Спарты, была захвачена македонянами и ахейцами, а ее жители, ранее перебившие ахейский гарнизон, были либо уничтожены, или проданы в рабство. Город заселили ахейские колонисты, и он был переименован в Антигонию в честь македонского царя (Polyb. II. 56–58; Plut. Arat. 45. 6–9). Именно новые жители Мантиней и именовали Антигона III Спасителем и Благодетелем.

³⁰ Напр.: *Bettingen W. König Antigonos Dason. S. 15: «derjenige, <der seine Regierung> abgeben wird»; Volkman H. Antigonos (3) // Der kleine Pauly. Bd. 1. Stuttgart, 1964. Sp. 482: «der seine Herrschaft abgeben wird»; Бенитсон Г. Правители эпохи эллинизма. С. 249: «*тот, кто вернет власть*» (пер. Э.Д. Фролова). Ср.: *Hammond N.G.L., Walbank F.W. A History of Macedonia. P. 327. Not. 3; Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death: The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999. P. 182–183.**

³¹ *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 27.*

³² Пример посмертного прозвища с некоторой вероятностью можно найти для одного из царей из династии Аргеадов-Теменидов — Александра I Филэлина (ок. 498–454 гг. до н.э.). Данный эпитет зафиксирован только в поздних источниках (Schol. in Thuc. I. 57. 2; I. 137. 1; Schol. in Demosth. III. 115a; Harpocr. s.v. Ἀλέξανδρος), которые, очевидно, отражали восходящую к Геродоту традицию о благодеяниях Александра I по отношению к элинам во время вторжения в Грецию Ксеркса (Hdt. VII. 173–175; VIII. 121; IX. 44–45; ср.: V. 19–22), тогда как сам галикарнасский историк не называл Александра Φιλέλληρ. Однако в свете того, что македонский царь, будучи вассалом Ксеркса, был все-таки вынужден воевать против элинов на стороне персов и выполнять их дипломатические поручения, прозвище Филэлин могло иметь и ироничный оттенок.

уже в начале правления Антигона был объявлен его наследником и воспринимался таковым как в Македонии, так и за ее пределами.

Возможно, что неофициальное прозвище Досон, возникшее в Македонии, не стало столь популярным, как Опекун. Впрочем, Досоном Антигона могли именовать преимущественно на родине, а Опекуном — в более широком географическом контексте (можно вспомнить ремарку Ливия [XL. 54. 5] о том, что так его называли эллины). Однако в какой-то момент прозвище Досон появилось в античной историографии, откуда — из неизвестного нам сочинения — Плутарх почерпнул информацию о династии Антигонидов, которую он использовал в биографии римлянина Эмилия Павла, положившего конец этому царскому дому.

Можно только догадываться, присутствовало ли ироничное толкование прозвища Досон в источнике Плутарха, или же это была его собственная трактовка. Например, во времена Полибия оценка деятельности Антигона, судя по всему, была в целом положительной (Polyb. V. 9. 10; IX. 36. 5; ср.: Liv. XL. 54. 4; 56. 3–4; Suda s.v. Ἀντίγονος). Подобная тенденция, уже в контексте объяснения прозвища Досон, засвидетельствована и в источнике информации об этом царе, использованном в «Большом этимологиконе». Так что, возможно, «много обещающим, но мало дающим» Антигона III сделал сам Плутарх.

Столетия спустя, видимо, именно популярность и авторитет Плутарха привели к тому, что уже ко времени Б.-Г. Нибура и И.-Г. Дройзена оформилась традиция наименования Антигона III именно Досоном, а не Эпитропом или Фуском.

REFERENCES

1. *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 4. 2. Berlin; Leipzig, 1927.
2. *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944.
3. *Bengtson H.* The Rulers of the Hellenistic Epoch [Praviteli epokhi ellinizma]. Moscow, 1982.
4. *Bettingen W.* König Antigonos Doson von Makedonien (229–220 v. Chr.). Diss. Jena, 1912.
5. *Le Bohec S.* Antigone Dôsôn, roi de Macédoine. Nancy, 1993.
6. *Dow S., Edson Ch.F.* Chryseis: A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. 1937. Vol. 48. P. 127–180.
7. *Ehrhardt C.T.H.R.* Studies in the Reigns of Demetrius II and Antigonos Doson. Vol. 1–2. Diss. SUNY, Buffalo, 1975.
8. *Ehrhardt C.* Demetrius ὁ Αἰτωλικός and the Antigonid Nicknames // Hermes. 1978. Bd. 106. 1. P. 251–253.
9. *Errington R.M.* A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; London, 1990.
10. *Gabelko O.L.* Antigonus Monophthalmos and Antigonus Phouskos: A Interpretation of Nicknames of the two Hellenistic Monarchs [Antigon Monoftal'm i Antigon Fusk: k interpretatsii dvukh prozvishch ellenisticheskikh monarkhov] // Antiquitas aeterna. Iss. 4. The History of Concepts, Categorical Apparatus of Modern Historical Science and the Problems of the (Re) construction of the Past / A.V. Makhlayuk, O.L. Gabelko (eds.). Nizhniy Novgorod, 2014. P. 119–130.
11. *Gabelko O.L., Kuzmin Yu.N.* The Matrimonial Policy of Demetrius II of Macedon: New Solutions of Old Problems [Matrimonial'naya politika Demetriya II Makedonskogo: novye resheniya starykh problem] // VDI (Journal of Ancient History). № 1. 2008. P. 141–164.
12. *Hammond N.G.L.* The Macedonian State. Oxford, 1989.
13. *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988.
14. *Hatzopoulos M.B.* Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1. Athens, 1996.
15. *Hatzopoulos M.B.* La Macédoine: Géographie historique — Langue — Cultes et croyances — Institutions. Paris, 2006.

16. *Hatzopoulos M.B.* Recent Research in the Ancient Macedonian Dialect: Consolidation and New Perspectives // *Studies in Ancient Greek Dialects. From Central Greece to the Black Sea / G. Giannakis, E. Crespo, P. Filos (eds.).* Berlin; Boston, 2017. P. 299–328.
17. *Hoffmann O.* Die Makedonen: ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906.
18. *Κουκούλη-Χρυσανθάκη Χ.* Διὸς καὶ βασιλέως Ἀντιγόνου // Μνείας χάριν. Τόμος στη μνήμη Μαίρης Σιγανίδου / Μ. Λιλιμπάκη-Ακαμάτη, Κ. Τσακάλου-Τζαναβάρη (επιμ.). Θεσσαλονίκη, 1998. Σ. 401–411.
19. *L'arbitrato di Rodi fra Samo e Priene / Edizione critica, commento e indici a cura di A. Magnetto.* Pisa, 2008.
20. *Mari M.* The Ruler Cult in Macedonia // *SE.* 2008. Vol. 20. P. 219–268.
21. *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 2013.
22. *Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death: The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999.
23. *Piejko F.* A Letter of Philip V to Amphipolis // *ZPE.* 1983. Bd. 50. P. 225–226.
24. *Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer* Tl. 1. Hrsg. von K. Bringmann, H. von Steuben. Berlin, 1995.
25. *Tziafalias A., Helly B.* Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn // *SE.* 2010. Vol. 24. P. 71–125.
26. *Volkman H.* Antigonos (3) // *Der kleine Pauly.* Bd. 1. Stuttgart, 1964. Sp. 482.
27. *Walbank F.W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.
28. *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1. Oxford, 1957.
29. *Wiemer H.-U.* Rhodische Traditionen in der hellenistischen Historiographie. Frankfurt am Main, 2001.
30. *Will Éd.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). 2e éd. T. 1. Nancy, 1979.

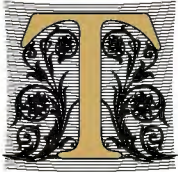

Κλυχέβυε σλόβα:

Μακεδονία, Αντιγον ΙΙΙ, Φιλιππ V, πρὸζβιςσα.

Yuri N. Kuzmin

WHEN AND WHY ANTIGONUS III WAS NAMED DOSON?

The article deals with one of the nicknames of the Macedonian King Antigonos III, Δῶσων, attested by Plutarch (*Aem.* 8. 3; id. *Coriolan.* 11. 3–4) and in the «Etymologicum Magnum» (294 s.v. Δῶσων). It is to be assumed that it is related to the verb διδωμι (*fut. part.*: δῶσων, i.e. «the man who will give»). In the biography of Aemilius Paullus Plutarch explains the nickname Doson as «one who is about to give but never does». A contradictory explanation is given in the «Etymologicum Magnum»: «because of his generosity and because he gave many gifts and favors».

The first version analyzed is whether the nickname Doson could have been related to the gifts made by Antigonos, as was the case with many other Hellenistic rulers, to Rhodes that had suffered from the earthquake *ca.* 228–227 BC (Polyb. 5. 89. 6–7). It seems that the «Rhodian version» is fairly plausible. It may be related to the tradition attested in the «Etymologicum Magnum» on the generosity of Antigonos (which might be regarded in connection with such an activity as *euergesia*, so important for the image and propaganda of the Hellenistic kings).

On the other hand, many classicists are inclined to relate the nickname Doson with the fact that Antigonos III, in fulfillment of the promise given at the moment of accepting the royal title, passed (more precisely: gave in his will) the throne to Philip V, the biological son of his predecessor Demetrius II (Plut. *Aem.* 8. 2–3; Just. 28. 3. 9–10; Euseb. *Chron.* 1. 237–238 Schoene). In the light of what we know about the policy of Antigonos and his personal qualities, this explanation seems most probable.

One might be surprised at the fact that in the works of the King's contemporaries, Phylarchus and Aratus of Sycion, as well as in the «Histories» of Polybius (who in many aspects followed those two authors but used other sources as well), the nickname Doson most likely was not used (Phylarchus [*ap.* Athen. 6. 58, p. 251d] called the king Ἐπίτροπος, i.e. Guardian; one other nickname of Antigonos III, Φοῦσκος [Euseb. *Chron.* 1. 237–238 Schoene; *cf.* Sync. 282a, p. 535 Dindorf], probably means «the man with a peaked head» [*cf.* Hesych. s.v. φοῦσκος· ὀξυκέφαλος] as O.L. Gabelko has suggested).

Yet the form of the nickname *Doson* should indicate that it had been a lifetime one, not *post mortem*. Besides, as early as in the beginning of Antigonus's reign Philip had been nominated his heir and was accepted as such both inside Macedonia and abroad (Plut. *Arat.* 46. 2; cf. SEG 12. 308).

It is also probable that the unofficial nickname *Doson* which originated in Macedonia had not become as popular as *Epitropos*. Yet the name *Doson* could be used for Antigonus more in his homeland, whereas *Epitropos* could be used in a broader geographical context (one may remember Livy's [40. 54. 4] having mentioned that it had been in this way [*tutor*] that the Greeks called him).

At some moment the nickname *Doson* appeared in ancient historiography, from which — from a work unknown to us — Plutarch had taken the information about the Antigonid dynasty that he used in the biography of Aemilius Paullus. However, the interpretation of *Doson* as «one who is about to give but never does» likely belongs to Plutarch himself.

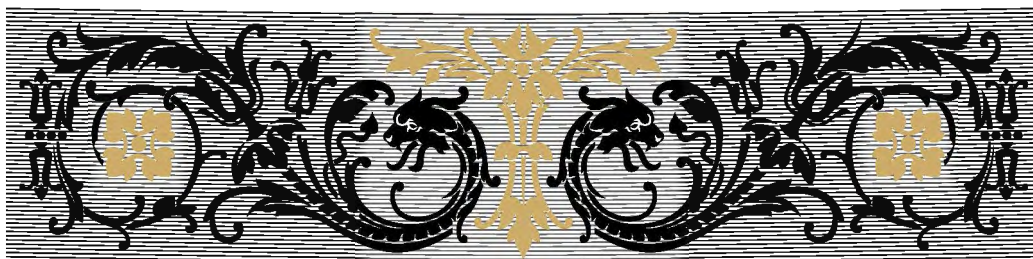
Ages later, it was probably the popularity and the authority of Plutarch that resulted in the fact that by the time of B.-G. Niebuhr and J.-G. Droysen the tradition of the naming of Antigonus III by classicists exclusively as *Doson* (not *Epitropos* or *Phouskos*) had already been finally formed.

Key words: Macedonia, Antigonus III, nicknames, Philip V.

Yuri N. Kuzmin — Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at Samara Branch of Moscow City University, History department.

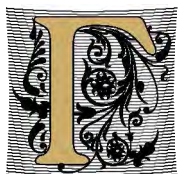
 Кузьмин Юрий Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета

Е.В. СМЫКОВ

ПОРТРЕТ ГРАЖДАНИНА И ПОРТРЕТ ВЛАСТИТЕЛЯ: ИЗОБРАЖЕНИЯ ПОМПЕЯ, IMITATIO ALEXANDRI И РИМСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

ней Помпей Магн — пожалуй, один из тех римских политиков, о подражании которого Александру Великому говорят чаще всего и на первый взгляд основательнее всего. Действительно, его когномен, который одинаков с прозвищем великого завоевателя, соотносят с прямым сообщением Плутарха

о том, что он был внешне похож на Александра, рядом его поступков, которые способствовали подобной ассоциации, наконец, материальными свидетельствами *imitatio Alexandri* — соответствующим образом интерпретированными монетной чеканкой и портретами. Казалось бы, сомнения места не остается. Тем не менее в рамках этой статьи постараемся внимательнее присмотреться к «несомненному» — изображениям Помпея.

Наиболее подробный анализ с точки зрения поисков *imitatio Alexandri* осуществила Дороти Михель¹; от ее аргументов я буду отталкиваться в дальнейшем. Сильная сторона ее работы — попытка комплексного анализа источников, причем нумизматическому материалу и произведениям искусства уделяется особое внимание. Логика исследовательницы здесь та-

¹ *Michel D. Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967. S. 50–66.*

кова: из Плутарха мы знаем, что молодой Помпей был похож на Александра и выставлял это подобие на вид. Было бы совершенно нелогично, если бы он этого не делал, так как он сравнивал свою триумфальную карьеру с карьерой Александра и исходил при этом не только из тщеславия, но и из политических интересов. Следовательно, это показное сходство определенно должно было быть зафиксировано в официальных портретах Помпея. Поэтому именно в таком свете следует рассматривать даже мелкие отличительные черты. К этим чертам исследовательница относит присутствующий на всех портретах локон надо лбом (*Stirnlocken*), типичный также для портретов Александра; то, что на монетах взгляд Помпея часто направлен вверх (хотя сами глаза у него не большие, как у Александра на монетах, а маленькие и запавшие); длинные виски на портретах Помпея напоминают узкие бакенбарды Александра; в копенгагенском и венецианском портретах мы находим типичную черту портретов Александра — наклон головы и, одновременно, взгляд, направленный вверх². После этого подвергаются рассмотрению конкретные памятники — денарии Гн. Помпея-младшего и М. Минация Сабина (46–45 гг.), монеты Секста Помпея, выпускавшиеся в 45–38 гг., аквамарин из собрания Девоншира, гемма из красного яхонта из Берлинского антиквариума, копенгагенский и венецианский портреты, терракотовая головка из Штутгарта.

Начнем с монет. Хотя они выпущены уже после гибели самого Помпея, Д. Михель справедливо указывает, что портрет на них восходит к прижизненным изображениям полководца. Таким образом, это — наиболее ранние его изображения, которые имеются в нашем распоряжении. Прижизненных монетных изображений Александра тоже нет, за исключением портрета на одном типе мелких бронзовых монет из Мемфиса³. Тем интереснее особенности изображения двух Великих. На монетах диадох Александр сразу приобретает идеализированные черты — завоевателя Индии в шлеме из слоновой кожи у Птолемея (рис. 1), Зевса-Амона с бараньими рогами у Лисимаха (рис. 2). Эти изображения восходят к прижизненным портретам и несут индивидуальные черты — большие глаза, пухлые губы и т.п.⁴ При этом на монетах Лисимаха из-под рогов, символа божественности, выбиваются густые вьющиеся локоны, характерные для прически Александра.

² *Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius. P. 55–56.

³ *Price M.J.* *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus.* Zürich; London, 1991. P. 496.

⁴ Подробнее см.: *Bieber M.* *The Portraits of Alexander // Greece and Rome.* 2nd ser. 1965. Vol. 12/2. P. 185–186.

Рис. 1. Тетрадрахма Птолемея I
с изображением Александра
в головном уборе из шкуры слона

Рис. 2. Тетрадрахма Лисимаха
с портретом Александра
в виде Зевса-Амона

Как мне кажется, при сравнении монетных портретов формально-искусствоведческий подход не является продуктивным. Отмечая отдельные черты сходства или технические приемы, он игнорирует важные нюансы исторической реальности, без учета которых правильная интерпретация вряд ли возможна. Прежде всего, стоит учитывать, что, независимо от того, использовал ли сам Помпей в своей политике образ Александра, напоминание об этом в политическом контексте гражданских войн в Риме было для его сыновей крайне невыгодным. Александр был образом царя, величайшего из царей, а сыновья Помпея выступали, по крайней мере на словах, как борцы за сенатскую республику. Поэтому в их интересах было не подчеркивать «александровские черты» в портрете их отца, а, наоборот, сглаживать подобные особенности. При этом если приглядеться к монетному портрету Помпея (рис. 3, 4) и сравнить его с типичным монетным портретом Александра, сходство окажется не столь уж и значительным. В первую очередь оно касается прически. Стоит вспомнить, что Плутарх указывает именно на нее и на глаза как на черты сходства двух полководцев: «Мягкие откиннутые назад волосы и живые, блестящие глаза придавали ему сходство с изображениями царя Александра» (Ромр. 2. 1. Пер. Г.А. Стратановского). И действительно, на монетах четко изображены откиннутые назад волосы, выступающие вперед надо лбом Помпея — но это единственное сходство. В остальном прическа римского полководца достаточно аккуратна, состоит из тщательно уложенных коротких прядей, что резко отличает ее от того живописного беспорядка, который царит на голове Александра, где длинные пряди извиваются подобно змеям. Кстати, сравнение со скульптурными портретами Помпея

Рис. 3. Денарий Секста Помпея с портретом отца. Ок. 42–39 г. до н.э.

Рис. 4. Денарий Кв. Назидия с портретом Помпея. Ок. 43 г. до н.э.

показывает, что это именно откиннутые назад, а не разделенные на пробор, как у Александра, волосы. Прическа Помпея, таким образом, слегка напоминает прическу Александра, но не является ее точным воспроизведением.

Что касается самого монетного портрета римского полководца, то он очень реалистичен, и это само по себе говорит не в пользу подражания Александру. Все-таки молодость и неудержимое, вдохновенное стремление вперед — это важнейшие черты образа македонского завоевателя. Стоит в связи с этим вспомнить: на монетной чеканке Митридата Евпатора, подражание которому Александру не вызывает сомнения, царский портрет развивался от реалистического в ранних выпусках к возвышенно-романтическому в период борьбы с Римом (рис. 5, 6): на протяжении лет царь не делался старше, а, наоборот, как будто бы молодел, его изображение приобретало александровский пафос⁵. На римских же монетах с портретом Помпея перед нами лицо немолодого, полного человека, который смотрит вперед не широко раскрытыми глазами, как Александр или Митридат, а слегка прищурившись. На монетном портрете Александра прямой нос и лоб составляют практически одну линию, переносица лишь слегка намечена, и эти «острые» черты лица еще усиливают впечатление устремленности вперед; у Помпея — крупный, мясистый нос и четко выраженная переносица, а массивная шея с затылком, не прикрытым волосами, еще более усиливает впечатление приземленности образа. Нужно обладать воображением современного искусствоведа, чтобы увидеть в этом портрете черты Александра!

⁵ Bohm C. *Imitatio Alexandri im Hellenismus. Untersuchungen zum politische Nachwirker Alexanders des Grossen in hoch- und spathellenistischen Monarchien.* München, 1989.

Рис. 5. Молодой Митридат. Портрет на медной монете Амиса. Конец II в. до н.э.

Рис. 6. Портрет Митридата на тетрадрахме 75–74 г. до н.э. Царю в это время 57–58 лет

Число скульптурных портретов Помпея гораздо меньше, чем число дошедших до нас портретов Александра. Всего известно три портрета: хранящийся в Лувре портрет молодого Помпея (рис. 7), венецианский портрет (рис. 8) и самый известный — портрет, хранящийся в галерее Нью Карлсберг в Копенгагене (рис. 9), на котором мы и сосредоточим внимание, поскольку он чаще всего привлекается в контексте *imitatio Alexandri*. Он был найден в 1885 г. в гробнице Лициниев близ Порта Пиа в Риме вместе с другими памятниками, что исключает всякое сомнение в его подлинности. Это копия эпохи императора Клавдия с оригинала, который датируют периодом Первого триумvirата. Время создания копии, несомненно, наложило отпечаток на нее, но в основе лежит республиканский портрет со всеми его характерными особенностями⁶. Д. Михель видит в нем отчетливые следы подражания Александру, вновь делая упор на прическу и взгляд. То, что глаза Помпея трактованы совершенно иначе, чем у Александра, ее не смущает: по ее мнению, некая «завуалированность» взгляда могла напоминать *ύρότης* взгляда Александра⁷. Однако постараемся отойти от формальных признаков. Взглянем на портреты Александра, относящиеся к тому времени, когда его иконография уже сложилась (рис. 10, 11). Какое общее впечатление производят портреты, взятые в целом? Помпей, даже молодой, кажется человеком приземленным, может быть, несколько капризным и брюзгливым. Впечатление от портретов Александра можно характеризовать по-разному, но вот приземленности,

⁶ Сидорова Н.А. Скульптурный портрет времени республики (I в. до н.э.) // Брито-ва Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 23.

⁷ Michel D. Alexander als Vorbild für Pompeius. S. 56; 62.

Рис. 7. Портрет молодого Помпея.
Ок. 70 г. до н.э. Лувр

Рис. 8. Портрет Помпея. Копия
сер. I в. н.э. с портрета, выполненного
ок. 61–60 г. до н.э. Венецианский
Национальный археологический музей

Рис. 9. Портрет Помпея.
Копия сер. I в. н.э. с портрета,
выполненного в 50-е гг. до н.э.
Копенгаген, галерея Нью Карлсберг

Рис. 10. Портрет Александра.
Сер. II в. до н.э. Стамбул,
Археологический музей

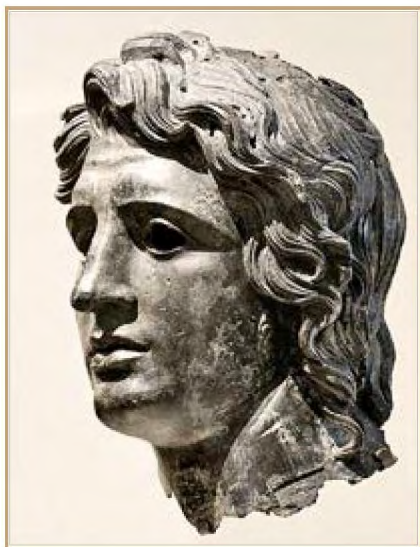

Рис. 11. Портрет
Александра. Между
150 г. до н.э. и 138 г. н.э.
Метрополитен-музей,
Нью-Йорк

обыденности изображенной личности в них усмотреть невозможно. Особо подчеркиваю: речь идет о самом общем впечатлении, которое складывается при первом взгляде на портрет. Что касается конкретных оценок личности Помпея, то разнобой мнений в высшей степени показателен.

Уже А. Хеклер в своем классическом труде давал ему следующую характеристику: «Чертам Помпея недостает отблеска великой личности; полное, довольно одутловатое лицо с маленькими глазами на нем указывает на мягкий, благодушный характер, явно эмоционального, несколько нерешительного типа. Во взгляде нет никаких следов твердости и решительности характера. Низкий лоб выдает посредственность интеллекта. Невозможно найти лучшее свидетельство тщеславия и завышенной самооценки Помпея, чем его сознательное подражание прическе Александра, с локоном, зачесанным вверх надо лбом». Затем, сравнивая портреты Помпея и Цезаря, он отмечает «незначительное впечатление, производимое этим недалеким обывателем (narrow Philistine)»⁸. Трудно отделаться от впечатления, возможно, справедливого, что эта характеристика портрета навеяна тем образом Помпея, который рисует Т. Моммзен. В дальнейшем авторы, дающие характеристику копенгагенского портрета, в сущности, поступали так же, перенося на портрет свою оценку личности Помпея и в соответствии с ней характеризую предпологаемое наличие в портрете «александровских» черт.

Так, Н.Н. Бритова писала: «К позднему периоду республиканской эпохи относятся превосходные по точности индивидуальной характеристики портреты Цицерона и Помпея, дающие чрезвычайно наглядное представ-

⁸ Hekler A. Greek and Roman Portraits. New York, 1912. P. XXIX.

ление о личных качествах этих исторических деятелей. Например, громадная слава и авторитет Помпея, прозванного еще при жизни Великим, не заслонили от художника истинных качеств личности Помпея, и мастер создал портрет, в котором с предельной отчетливостью показаны ничтожество и ограниченность незаслуженно прославившегося полководца. Подобные произведения, свидетельствующие о глубокой проницательности художника, являются драгоценными историческими документами»⁹.

По мнению Г.И. Соколова, «скульптор запечатлел в мраморе черты лица Помпея — трезвого, практичного римлянина, внешне открытого, простодушного, но с хитроватыми глазами, смекающего свою выгоду землевладельца, хозяина обширных поместий. Мастер выразил и другую сторону деятельности Помпея, показал его как полководца с гордо посаженной головой, завоевавшего всеобщий почет и славу героя. В подобных сложных образах видны различные проявления характера и качеств одного человека. Расчетливость и дальновидность деловитого хозяина сочетаются с выражением властности и значительности крупного государственного деятеля»¹⁰.

Б.И. Ривкин отгалкивается от характеристики Помпея Саллюстием: «В портрете знаменитого полководца Помпея скульптора привлекает не только своеобразие внешности, но и общее впечатление, которое рождает некрасивое, но по-своему значительное лицо. Перед нами предстает молодой человек с небрежной прической, мясистым носом, двойным подбородком и короткой шеей. В гордой постановке головы чувствуются самодовольное упоение властью и туповатая ограниченность. В чертах лица — во взгляде глубоко посаженных глаз и упрямой складке губ — мастер показал индивидуальность облика Помпея и раскрыл различные стороны его характера. Он создал образ энергичного и деятельного полководца, опытного оратора, осторожного и холодного в своей жестокости политика, который активно участвовал в кровопролитной схватке за власть...» Далее автор приводит слова Саллюстия («честный на словах и лживый душой»¹¹) и заявляет, что «эти его качества нашли выражение в скульптурном портрете»¹².

Н.А. Сидорова принимает сходство с Александром, но с существенными оговорками: «Портрет относится к последним годам жизни Помпея, когда он, находясь на вершине славы после завоевания Малой Азии, возомнил себя

⁹ Бритова Н.Н. Искусство Древнего Рима // Всеобщая история искусств: В 6 т. / Под ред. А.Д. Чегодаева. М., 1956. Т. 1. С. 306.

¹⁰ Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. М., 1971. С. 77.

¹¹ Б.И. Ривкин дает совершенно неясную ссылку на это место: «Саллюстий, фр. 75». На самом деле это: Sall. Hist. II. 16 Maur. — II. 17 McGush.

¹² Ривкин Б.И. Античное искусство. М., 1972. С. 254.

вторым Александром Македонским, которого он, как рассказывает Плутарх, немного напоминал внешне... Действительно, трактовка волос на голове, хранящейся в Копенгагене, в какой-то мере схожа с живописностью прически Александра Македонского. В лице Помпея, в его покрытом морщинами невысоком лбе, в выражении легкого страдания также заметно подражание портретам Александра. Но, несмотря на это, героизация не получилась; напротив, доминирует трезвая будничность римских портретов. Будничность не только во внешних чертах Помпея, в некрасивом, обрюзгшем лице с толстым носом и маленькими, как бы заплывшими глазками; внутренний облик этого человека — хотел этого или нет художник, исполнивший его портрет, — лишен героического подъема. Помпей периода создания этого портрета, времени его борьбы с Цезарем, сначала тайной, а затем открытой, — это человек беспринципный, обуреваемый тщеславием, мнящий себя вершителем судеб Римской республики, но уже утративший широту кругозора крупного государственного деятеля, совершивший ряд ошибок, приведших к его гибели. Именно таким, самодовольно ограниченным, но в то же время властным и еще сильным повелителем изобразил его ваятель»¹³.

А.А. Трофимова тоже принимает версию о подражании Помпея Александру, но при этом отмечает контраст между прической полководца и его общим обликом: «...Фразеологию, связанную с Александром-Дионисом, освободителем Азии, использовал Помпей, что выражало царский аспект, связанный с эллинистической эпохой и чуждый римской идеологии. По сообщению Плутарха, Помпей подражал внешности македонского царя, что косвенно подтверждается его портретами. Приземленный облик полководца, представленного немолодым, умудренным опытом человеком, контрастирует с мальчишеской прической (с локоном надо лбом в виде анастола), заимствованной из иконографии Александра»¹⁴.

Ю.Д. Колпинский считал, что эллинистические черты связаны с художественными вкусами того времени, когда создавалась копия: «Элементы живописно-пластической трактовки формы и обобщения ее массы, странно сочетаемые с прозаически спокойной и вместе с тем художественно выразительной передачей ограниченной самодовольности душевного состояния и банальной обыденности облика Помпея, следует отнести за счет того, что дошедшая до нас голова, по-видимому, справедливо, считается лишь копией с оригинала, выполненной в I в. н.э., когда в сложной и многозначной

¹³ Сидорова Н.А. Скульптурный портрет. С. 23–24.

¹⁴ Трофимова А.А. *Imitatio Alexandri*. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма. СПб., 2012. С. 169–170.

картине развития портрета временно усилилось влияние приемов, присущих эпохе эллинизма»¹⁵.

На сходство с Александром делает упор Ф. Кляйнер: «В соответствии с нормами республиканского веризма, скульптор тщательно передает круглое лицо полководца, его изрезанный глубокими морщинами лоб, маленькие глаза и мясистый нос. Но, в отличие от других портретов I в. до н.э., Помпей имеет шевелюру, которая скомбинирована над центром его лба в виде арки — черта, заимствованная у портретов Александра Великого, полководца, с которым Помпей часто себя сравнивал. ... Портрет здесь служил для того, чтобы визуально подчеркнуть связи, которые Помпей стремился установить с Александром в своих делах и словах»¹⁶.

Пожалуй, наиболее тщательно разрабатывает тему эллинистического влияния на портрет Помпея П. Цанкер. С его точки зрения, в римской скульптуре вообще, в том числе и в портрете, существовала комбинация «простого физиономизма» с героическими страстями, которые передавались при помощи эллинистических формул. В портрете Помпея локон волос над лбом напоминает зрителю об анастолэ Александра, тем самым указывая на его собственные победы и помогая перенести на него почетное прозвище «Великий»¹⁷. В копенгагенском портрете «столкновение двух противоположных систем ценностей выражено ... конкретным художественным языком (in concrete artistic terms). Римляне одновременно и чтит великих харизматических лидеров эллинистического Востока, и прочно держались за исконные (enduring) ценности республики, настойчиво стремясь

¹⁵ Коллинский Ю.Д., Бритова Н.Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1982. С. 72. Практически о том же самом говорит Д. Стронг, отмечая, что копия придает портрету оттенок карикатуры (air of caricature), которого, возможно, не было в оригинале (Strong D. Roman Art. Norwich, 1980. P. 77).

¹⁶ Kleiner F.S. A History of Roman Art. Wadsworth, 2010. P. 56. Д. Файфер тоже обращает внимание на прическу, правда, соотнося ее не с Александром, а с эллинистическими царями вообще: «Военные лидеры республики, подобные Помпею, примеру которого следовал молодой Октавиан, укладывали свои прически в живой манере, с волосами, расчесанными над лбом, — аллюзия на эллинистических царей, которая подчеркивала положение новых лидеров в качестве героев» (Feifer D. Roman Portraits in Context. Berlin; New York, 2008. P. 268). Это довольно спорное утверждение — то, что Октавиан следовал примеру Помпея, нужно еще доказать, да и вообще прически римских политиков конца республики весьма отличаются от причесок эллинистических царей.

¹⁷ Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. P. 9–10. Сразу же отметим, что критика источников П. Цанкера не занимает, более того, он допускает ошибку, говоря, что Помпей облачился для триумфа в хламиду Александра в возрасте 25 лет, т.е. относя это к его первому триумфу! Да и утверждение, что он надел плащ Александра вместо традиционного одеяния, источниками не подтверждено — он вполне мог надеть его *поверх* тоги.

удержать в их рамках своих лидеров. Как странно ниспадающие волосы, подобные львиной гриве, обрамляют (*descent over*) простое крестьянское лицо Помпея с его самодовольной улыбкой. Этот поздний портрет Помпея имеет двусмысленный эстетический эффект по сравнению с более ранним типом, в котором, с точки зрения пафоса и сокрытия индивидуальных черт, эллинистическое влияние проявляется более равномерно»¹⁸.

Итак, практически все авторы отмечают определенную двойственность впечатления, создаваемого портретом. А теперь зададимся вопросом: что было бы, если бы мы не знали, что это Помпей, если бы это был просто один из множества замечательных, но анонимных скульптурных портретов, которые дошли до нас от Древнего Рима? Думаю, что все рассуждения о значительности образа, крупном государственном деятеле, подражании Александру утратили бы всякий смысл. Осталось бы «простое крестьянское лицо» — и только¹⁹.

Вопрос о том, насколько значительным было действительное влияние эллинистического портрета на римский республиканский портрет, был поставлен Р.Р.Р. Смитом более трех десятилетий назад²⁰, и основные положения, выдвинутые им, кажутся мне в высшей степени важными для корректной интерпретации портрета Помпея. Прежде всего, исследователь настаивает на этническом своеобразии римского портрета: как правило, греков и римлян легко отличить чисто внешне. При этом предположение, что некоторые римские аристократы изображались в стиле эллинистических монархов, часто используется как утвердившееся общее правило без подтверждения примерами (р. 33). Сама по себе эта идея имеет историческую вероятность, поскольку великие полководцы времени Республики унаследовали могущество и богатства эллинистических монархов, и в частной жизни они лелеяли эллинистическую культуру и эллинистические амбиции. Но их портреты, их общественный образ (*public image*) не были прямым подражанием эллинистическим царским портретам, как это часто утверждают ныне. Там, где римские полководцы могут быть надежно идентифицированы, явные отличия от эллинистических портретов гораздо более замечательны и значительны, чем любое сходство. Иногда они могли несколько повернуть в сторону голову или

¹⁸ *Zanker P. The Power of Images. P. 10.*

¹⁹ Кстати говоря, даже в научно-популярном фильме студии ВВС «Сокровища Древнего Рима» (2012 год) появление на экране в первой серии портрета Помпея сопровождается следующим комментарием: «больше похож на упитанного фермера, чем на командира легионов» (13:03).

²⁰ *Smith R.R.R. Greeks, Foreigners, and Roman Republican Portraits // JRS. 1981. Vol. 71. P. 24–38.* Далее, при изложении содержания этой работы, ее страницы указываются непосредственно в тексте статьи.

направление взгляда, у Помпея могла быть небольшая анастола в стиле Александра — и на этом все (р. 34). Если сравнить портреты двух современников, Митридата Евпатора и Помпея, то разница подходов совершенно очевидна. Митридат, хотя и не был на самом деле греком, воспринимался как таковой греками Малой Азии. Соответственно, портреты изображали его как чистого грека, до крайности идеализированного как нового Александра-Геракла. Что касается Помпея, то «даже наиболее эллинистический по своему исполнению из его портретов, венецианский, никак не может быть по ошибке принят за портрет какого-нибудь эллинистического правителя, не говоря уже об Александре. Внешне он имеет эллинистический “*pathos formulae*” — поворот головы и шеи, взгляд, направленный вверх — но греческий скульптор, вместо того чтобы приспособить черты римского полководца к идеалу эллинистического правителя, сконцентрировался на показе круглого мясистого лица, слабого подбородка, маленьких поросячьих глаз и напоминающей футбольный мяч (football-shape) головы. Скульптор хорошо известного копенгагенского Помпея развил это еще дальше, почти до комического эффекта» (р. 35).

Общий вывод статьи заслуживает того, чтобы процитировать его *in extenso*: «Они (римляне. — *E.C.*) считали себя простыми и прямодушными (*straightforward and literal-minded*), не нуждающимися в хитростях искусства; их следовало изображать на портретах такими, какими они были, безыскусно (*without artifice*), поскольку это лучше всего передало бы их честность и прямоту, их *simplicitas*. Они не хотели выглядеть на своих портретах подобно лживым грекам. Поэтому им требовался реалистический портрет. Грекам нравилось, чтобы их правители выглядели героически или подобными богам и, если возможно, молодо; и портретный стиль греческих правителей имел в виду непосредственно их приверженцев. Римский лидер гораздо больше заботился о поддержании своего имиджа среди равных, о своих позициях в непрерывном аристократическом состязании за престиж. Чтобы достигнуть высшей цели этого состязания (*pinnacle of competition*), консульства, римлянину должно было быть по меньшей мере сорок два года; поэтому его полный возраст должен был быть представлен и в его портрете. На хорошего консула смотрели как на родителя и стража государства; его портрет поэтому должен был выглядеть сурово и патриархально. Возраст его изображения должен был отображать *auctoritas* римского политика, его суровость — свойственную ему *severitas*» (р. 37)²¹.

²¹ О том же самом пишет Н. Ханнстад: «Римский нобилитет эпохи Республики испытывал к фигуре Александра, так сказать, роковое влечение. В культурном отношении эта конфронтация имела результатом столкновение двух несовместимых идеалов: богоподобного молодого царя-воителя и сурового старца. Римский сенатор был, по опре-

Итак, скульптурные портреты Помпея не могут служить бесспорным доказательством его подражания Александру. Их интерпретация весьма субъективна и зависима от античной литературной традиции и магической фразы «общеизвестно, что Помпей и другие римские полководцы подражали Александру».

Да и могло ли такое подражание иметь место в принципе? Стоит вспомнить, что, несмотря на типологическое сходство греческого полиса и римской цивитас как политических форм, менталитет греков и римлян сохранял значительные различия²². Для нашей темы важно наличие у греков культа героев, возможность героизации не только мифологических персонажей, но и реальных личностей, наличие у «старших» тиранов того, что И.Е. Суриков удачно назвал «личной сакральностью»²³. Всего этого в Риме не было. Несколько упрощая, можно сказать, что Элладу воспитал Гомер, а Рим — Энний и Эней. В данном случае не имеет значения, что поэмы Гомера — это эпос, а «Анналы» Кв. Энния и «Энеида» Вергилия — продукт сознательного литературного творчества: важна та роль, которую они играли как хрестоматийные школьные произведения, те представления о доблести, которые в них были воплощены — бешеная героическая эгоцентричность Ахилла, с одной стороны, *virtutes populi Romani* у Энния и «школа самоотречения»²⁴, которую проходит Эней ради будущего величия Рима, — с другой.

Если продолжить это сравнение более конкретно и, учитывая, что идеал доблести в «Илиаде» воплощал Ахилл (один из любимейших героев Александра Великого!), поискать в римской легендарной традиции героя, которого можно с ним сопоставить, то это окажется не герой, а, скорее, антигерой —

делению и, несомненно, в своем собственном сознании, человеком в возрасте, мудрым, и умелым командиром, который никогда не бросался в центр схватки, как это делает Александр на мозаике, носящей его имя. Более того, он был прилично одет. Облаченный в тогу, одеяние, которое маркировало его как римлянина, он никогда не позволил бы, чтобы его изобразили в героической наготе. Его концепция общества включала в себя геронтократию, представителем которой он был, и царская власть была непереносима — даже хуже демократии!» (*Hannestad N. Imitatio Alexandri in Roman Art // J. Carlsen (ed.). Alexander the Great: Reality and Myth. Roma, 1993. P. 62*).

²² См. принципиально важные наблюдения: Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. С. 15–32.

²³ Эти особенности выделены и подробно рассмотрены в работе: Суриков И.Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // *Он же. Античная Греция: ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I)*. М., 2015. С. 98–123.

²⁴ Выражение М.А. Гаспарова (*Гаспаров М.А. Вергилий, или Поэт будущего // Он же. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 132*). Кстати говоря, именно это самоотречение Энея во имя будущего долгое время оставалось непонятным для многих европейских ученых XIX в., выросших в мире, основанном на индивидуализме (*Топоров В.Н. Эней — человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. М., 1993. Ч. 1. С. 140*).

Кориолан. Сравнение это проводится уже достаточно давно, основанием для него служат воинская доблесть обоих героев, их аристократическая гордость, гнев как движущая сила их действий²⁵. Имея в виду и это сходство, которое все-таки является современной конструкцией, обратим внимание на то, как сами римляне оценивали индивидуализм подобных героев. Греческая параллель, которую проводили с Кориоланом они сами, — это Фемистокл. «Были в Греции человек, более знаменитый и могущественный, чем Фемистокл? Командуя греками в Персидской войне, он избавил страну от рабства, потом был изгнан по проискам завистников, но не простил неблагодарной родине оскорбления, хотя обязан был его простить, и поступил так же, как за двадцать лет до того поступил у нас Кориолан. Ни тот ни другой не нашли в борьбе против родины ни одного помощника, и оба наложили на себя руки», — говорит устами Лелия Цицерон (Cic. Lael. 42. Пер. Г.С. Кнабе)²⁶. Для нашей темы важно подчеркнуть, что для греков Ахилл всегда оставался героем, несмотря на то, что его гнев «ахеенам тысячи бедствий соделал»; бегство Фемистокла в Персию тоже ему в вину не ставилось — но, с точки зрения римлян, поступок Кориолана не имел никаких извинений²⁷.

Даже если речь идет об эпохе кризиса и гражданских войн, не следует забывать о той глубокой характеристике римской доблести и ее зависимо-

²⁵ Davies M. Coriolanus and Achilles // Prometheus. 2005. Vol. 31. P. 141–150 (с указанием на предшествующую литературу).

²⁶ Ср.: «Этим двум знаменитым людям, Фемистоклу и Кориолану, выпала одинаковая судьба: оба были выдающимися гражданами у себя на родине, оба были изгнаны неблагодарным народом, оба перешли к врагам и смертью подавили порыв своего гнева» (Cic. Brut. 41. Пер. И.П. Стрельниковой). Кстати, в письме Аттику Цицерон ничего не говорит о самоубийстве Кориолана, напротив, противопоставляет его поведение поведению Фемистокла: «бесчестно [поступил] Кориолан, который обратился за помощью к вольскам, правильно — Фемистокл, который предпочел умереть» (Att. IX. 10. 3. Пер. В.О. Горенштейна).

²⁷ Об античной традиции о Кориолане см.: Lehman A.D The Coriolanus Story in Antiquity // The Classical Journal. 1952. Vol. 47/8. P. 329–336. Автор не только убедительно показывает отношение римской традиции к Кориолану как к предателю, но и демонстрирует более благоприятное суждение о нем греческих авторов. Впрочем, А. Леман преувеличивает степень благоприятного отношения к Кориолану Тита Ливия, на которого, как он считает, опираются более поздние греческие авторы. Для того чтобы это обосновать, автор идет даже на явные натяжки — например, утверждает, что в конечном счете «национальная солидарность торжествует (*prevailed*)», и Кориолана уговаривают снять осаду некие «римские послы» (р. 331). О том, что Кориолан, согласно Ливию, снял осаду лишь под влиянием просьб матери (устами которой, кстати, Ливий дает его действиям очень суровую оценку!), автор здесь не упоминает. Как мне кажется, более мягкое отношение греков к этому герою лишний раз иллюстрирует ту мысль, которую я пытаюсь здесь проиллюстрировать: для греков и римлян пределы допустимого в политическом поведении были различны, а иногда и прямо противоположны.

сти от мнения сограждан, которую более полувека назад дал С.Л. Утченко: «Древнеримская *virtus* измерялась и определялась ее непосредственным отношением к благу народа, государства; если же *virtus* не могла быть поставлена на службу обществу непосредственно, то она не имела никакой цены. Отсюда, конечно, следует, что указанную добродетель проявляли на деле не ради ее самой, но для блага Римской республики, что ожидалось признание и подтверждение *virtus* не личным мнением, а той корпорацией, которой *virtus* и была поставлена на службу, т.е. римской гражданской общиной. Только община и может даровать человеку честь, отличия, славу, только она является единственной и высшей инстанцией для признания и апробации *virtus*. Поэтому *virtus* не существует в отрыве от римской государственной жизни и не может быть независимой от приговора граждан»²⁸.

Конечно, эта идеология сформировалась в рамках традиционной гражданской общины, а ко времени жизни Помпея изменилось уже очень многое. Тем не менее аристократическая борьба знатных семей за первенствующее влияние в политической жизни сохранялась, враждующие группировки и кланы ревниво следили друг за другом, стремление к тирании оставалось тягчайшим обвинением, и человек, который активно изображал бы в своей публичной деятельности «нового Александра», стал бы просто политическим самоубийцей. Мы знаем, что Цицерон, с недоверием относившийся к Помпею, в ряде писем 59 г., т.е. именно тогда, когда прозвище «Магн» становится вполне обычным, именуется его «Сампсикерам» (так звали арабского царя Эмессы), намекая на его стремление к единоличной власти.

Наиболее красноречив в этом отношении он в письме Аттику, написанном между 2 и 5 мая 59 г.: «Мое мнение совершенно такое же, как и твое: Сампсикерам мугит. Следует опасаться всего: *по общему мнению, он подготавливает тиранию*. В самом деле, что означает это внезапное заключение родственных уз, что означают земли в Кампании, что означает поток денег? Если бы это было последним, то все же зло было бы слишком велико. Но природа дела такова, что это не может быть последним. Чем это само по себе может доставить им удовольствие? Они никогда не дошли бы до этого, если бы не подготавливали себе путь к другим пагубным делам» (Att. II. 17.1. Пер. В.О. Горенштейна).

Любопытно, что Цицерон называет Помпея именем мелкого династа — уж не в противоположность ли его величественному когномену «Магн»? Однако, даже если это и не так, легко представить, какую реакцию

²⁸ Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (Из истории политических идей I в. до н. э.). М., 1958. С. 56.

у оратора и его единомышленников вызвали бы действия, недвусмысленно напоминающие поступки Александра, попытки внешне подражать ему и т.п. Это могло полностью разрушить политическую карьеру Помпея.

Что же касается самого «римского Александра», то все, что мы знаем о его политическом поведении, показывает, что, несмотря на его честолюбие, склонность приписывать себе чужие успехи (даже нарываясь тем самым на жестокую конфронтацию с сенатским большинством!)²⁹, он был несомненным республиканцем. Как подчеркивал П. Гринхол, автор наиболее фундаментальной на сегодняшний день биографии Помпея, «Помпей не мог быть идеальным защитником идеальной республики, как предусматривал Цицерон, но если и необходим был защитник для той весьма несовершенной республики, в которой Цицерон жил, то для ее сохранения намного больше подходили амбиции Помпея, нежели Цезаря. Он хотел стать первым гражданином не меньше, чем Цезарь, но для этих двух людей первенство в государстве означало разные вещи»³⁰. И — в качестве последнего штриха — позволю себе привести еще одну обширную цитату из С.Л. Утченко: «Это был крупный римский вельможа, в меру образованный и просвещенный... и, видимо, с ранних лет воспитанный в духе аристократического уважения к римским законам и обычаям. Его наиболее характерной чертой было отсутствие авантюризма, т.е. того качества, которое весьма импонирует многим историкам, как древним, так и новейшим. Отсюда безусловная лояльность, выполнение всего, что должно и как должно. <..> ...Сам Помпей по своей собственной инициативе ни разу не нарушил ни законов, ни традиции и поступал так, “как должно”. Конечно, ему иногда приходилось искать “окольные пути”, но он ни разу не действовал “антиконституционно”. Поэтому вся его карьера — редчайший в истории Рима пример завоевания чрезвычайно крупных успехов абсолютно “честным” путем... Думается, что эта гипертрофированная лояльность и стремление поступать “как должно” не могут быть

²⁹ С крайней ядовитостью эту черту Помпея в свое время охарактеризовал К. Маркс: «Помпей же — настоящая дрянь; он незаслуженно прославился благодаря тому, что присвоил себе сначала успехи Лукулла (против Митридата), затем успехи Сертория (в Испании) и т.п., наконец, в качестве “юного наперсника” Суллы и т.д. Как полководец, он — римский Одион Барро. Как только ему пришлось показать в борьбе против Цезаря, чего он стоит, обнаружилось его ничтожество. Цезарь совершал крупнейшие военные ошибки, намеренно нелепые, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой заурядный римский полководец, какой-нибудь Красс, шесть раз разбил бы Цезаря во время Эпирской войны. Но с Помпеем можно было себе все позволить» (Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 27 февраля 1861 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947. С. 121–122).

³⁰ Greenhalgh P. Pompey: The Republican Prince. London, 1981. P. 268. Цитата приведена в переводе Е.В. Аляустиной.

признаны сами по себе ни чертой гениальности, ни чертой посредственности. Но, тем не менее, они являются характерной чертой самого Помпея»³¹.

Итак, если законопослушность Помпея признавал не только благосклонный к нему Э. Мейер, но и такой лютой недруг, как Т. Моммзен³², если в настоящее время ««республиканизм» Помпея стал вполне общим местом и не оспаривается, оценивается положительно»³³, — остается ли здесь место подражанию Александру? Как мне кажется, приверженность политическим ценностям Республики и подражание в общественном поведении «величайшему из царей» — вещи не менее несовместные, чем гений и злодейство.

Так что же, *imitatio Alexandri* является чистым историографическим мифом и не имеет под собой никакой исторической основы? Конечно, нет! Это было бы чрезмерным упрощением. На самом деле, рассматривая отношение к Александру в Риме, нужно иметь в виду очень важный момент: оно отнюдь не сводилось к одной только *imitatio*. Александр, независимо от отношения к нему как к политическому прототипу, произвел колоссальное впечатление на всю последующую древность, и в этом смысле ни один из римских политиков, даже сам Цезарь, и близко к нему не стоял. Они не были выше или ниже, они просто действовали в иной плоскости. В общем и целом, Александр, создавший эфемерную державу, распавшуюся немедленно после его смерти, для древности (да и последующих веков) был образцом завоевателя по преимуществу; Цезарь, пусть и не при жизни, а по мере укрепления в Риме монархического режима, все больше и больше воспринимался как основатель этого режима, символ имперского и императорского величия, мудрый законодатель и цивилизатор, а его военные деяния играли при этом далеко не главную роль³⁴. Поэтому нужно соблюдать предельную

³¹ Утченко С.А. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 84. Принципиально важное дополнение к этой характеристике сделал Я.Ю. Межеричкий: «Лояльность Помпея по отношению к “республике” представляется не “гипертрофированной”, а самой что ни на есть естественной, пусть и отличающейся от поведения других вождей сравнительно неиспорченным традиционализмом». Республиканский менталитет «порожденный *civitas*, живущий в ее традициях, ...был характерен для политического мировоззрения римского гражданства. Во времена Помпея, Цезаря, Цицерона это был все еще полный внутренней энергии мир социально-психологических установок и взглядов...» (Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная Республика» императора Августа. М., 2016. С. 211–212).

³² О их оценках см.: Утченко С.А. Юлий Цезарь. С. 80–82; 84.

³³ Ляпустина Е.В. Гений власти — власть образа // Этьен Р. Цезарь. М., 2003. С. 30.

³⁴ См. любопытный материал по этому поводу: Suerbaum A. The Middle Ages // M. Griffin (ed.). A Companion to Julius Caesar. Oxford, 2009. P. 317–334. Можно вспомнить и о том, что Данте, по известному выражению, «последний поэт Средневековья и первый поэт Нового времени», считал Цезаря воплощением земного величия и поместил его убийц, предателей этого величия, в пасть Люцифера, рядом с предателем небесного величия — Иудой. Сам «хищноокий Цезарь, друг сражений» находится, по Данте, в Лимбе, с до-

терминологическую осторожность — ведь, как показал П. Грин на примере Александра и Цезаря, *imitatio* в строгом смысле нужно отличать, с одной стороны, от *comparatio*, а с другой — от *aemulatio*³⁵.

Сравнение (*comparatio*) основывается на наличии определенных аспектов, в которых личности могут быть сопоставлены. В сущности, это тот самый метод, который положен в основу «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, при котором сравниваемые персонажи лично не имеют к сравнению никакого отношения. Такое сравнение может быть прижизненным, а может отстоять на несколько десятилетий или даже столетий, сравнение может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус³⁶. Если обратиться к Античности, то развернутого сравнения с Александром удостоились только Цезарь и Германик. Пример Цезаря — деятеля, которому очень часто и без достаточных к тому оснований приписывают «подражание Александру» — здесь очень показателен. Наверное, самый важный пункт сопоставления, вполне очевидный уже для древних, — это то, что и Александр, и Цезарь являются полководцами, чья деятельность преобразовала существующий мир, положила начало новым политическим формам. Их личные качества и деятельность провоцировали сравнение, которое, как справедливо отмечает С.С. Аверинцев, «было избитой темой, автоматически приходившей на ум историку»³⁷.

Самое обширное из таких сравнений, дошедших до нас, принадлежит Аппиану (BC. II. 149–154). Оно носит панегирический характер — в нем и речи нет о недостатках и недостойных поступках Александра или Цезаря. Напротив — Цезарь был «счастливейший человек во всех отношениях, гениальный, широкого размаха, справедливо сопоставляемый с Александром. Оба были весьма честолюбивы, воинственны, быстры в проведении своих решений, отважны в опасностях, не щадили своего здоровья и не столько полагались на стратегию, сколько на решимость и счастье»³⁸.

бродетельными нехристианами, а вот Александр помещен в седьмой круг. Там он по брови погружен в огненный поток Флегетон, где находится «не один тиран, который жаждал золота и крови: все, кто насильем осквернил свой сан» (пер. М. Лозинского).

³⁵ Green P. Caesar and Alexander: Aemulatio, Imitatio, Comparatio // АЖАН. 1978. Vol. 3. № 1. P. 2.

³⁶ Позволю себе привести пример из совсем другой эпохи. Когда А.С. Пушкин именует императора Александра «наш Агамемнон», он очевидным образом сравнивает двух властителей, принадлежавших разным эпохам и народам, и вкладывает в это сравнение иронический смысл. Поэт сопоставил «пастырей народов», древнего и современного ему, но это не значит, что сам Александр I имеет хоть какое-то отношение к такому сравнению.

³⁷ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 225 + с. 251, прим. 9.

³⁸ Более краткие сопоставления мы находим у Веллея Патеркула и в поэтической форме у Лукана, но не подлежит сомнению, что параллели между Александром и Цезарем были распространены достаточно широко.

Именно такого рода сравнения и являются, в сущности, одной из важнейших основ, на которых покоится представление о политическом феномене *imitatio Alexandri*. Ход рассуждений здесь достаточно прост: сравнивают — значит, сходство всем было очевидно уже в древности; величины сопоставимые — значит, более поздний персонаж подражал более раннему. Поиск дальнейших обоснований — вопрос эрудиции исследователя и навыков интеллектуальной эквилибристики, которыми он обладает. Однако сорок лет назад П. Грин специально подчеркивал: «Сравнение двух личностей, А и Б, особенно когда основанием служит их характер или *ethos*, не требует, чтобы Б копировал свой нрав с А, как если бы у него не было собственного ума»³⁹. К этому можно добавить, что подражатель, именно в силу своей политической вторичности, должен был оказаться в довольно проигрышном положении, он как бы пытается догнать свой находящийся на расстоянии идеал⁴⁰. Помпей поступил поистине мудро: соотнося свои действия на Востоке с походами Александра, он подчеркивал свое превосходство над ним. Но в данном случае, по терминологии П. Грина, мы имеем дело уже с *aemulatio* — соревнованием или соперничеством, которое имеет целью превзойти соперника, причем не обязательно путем подражания.

Итак, подражание находится между сравнением и соперничеством. Но закономерен вопрос — а остается ли для него вообще место как для политического феномена, учитывая особенности политического менталитета римлян? Как мне кажется, тут нужна некоторая корректировка общих представлений, связанных с отношением римлян к тому, что мы называем «гибелью республики», «установлением монархии» и т.п. Основа наших взглядов на принципат Августа и его преемников как на монархическую систему, открывающую собой период единовластия в истории Рима, сложилась уже давно. Соответственно, предшествующие ему десятилетия гражданских войн рассматриваются в свете борьбы за единовластие, которую вели римские политики, начиная еще со времен Суллы. При этом эллинистическая монархия рассматривается зачастую как одна из возможных альтернатив традиционной республике⁴¹. Однако не является ли такая альтернатива историографи-

³⁹ Green P. Caesar and Alexander. P. 11.

⁴⁰ Вспомним, что для римлян Митридат, монарх, у которого *imitatio Alexandri* как политическая линия выражена предельно четко, — царь, величайший *после* Александра. Мог ли римский политик, будь то Помпей или Цезарь, Антоний или Октавиан, согласиться на заведомо второе место, отдав первое чужеземному царю?

⁴¹ Не вдаваясь в подробное обсуждение проблемы, приведу только ряд примеров. Ф. Фадингер, рассматривая прозвище Суллы «Эпафродит», без всяких оговорок приписывает ему монархическую власть, причем сакрализованную, власть царя-жреца, любимого супруга Венеры/Афродиты, «священный брак» с которой — это наследие справляв-

ческим мифом? Ведь невозможно не согласиться с Э. Грюэном: все протагонисты гражданских войн, независимо от того, какие цели они преследовали, выступали под лозунгами защиты традиционных римских ценностей⁴². Переход от республики к монархии в нашем понимании этого слова не был одномоментным актом, это в настоящее время вполне очевидно; не случайно о характере принципата Августа идут дискуссии — он просто не поддается определению в привычной нам дихотомии республика/монархия⁴³. Но в контексте наших построений стоит обратить внимание на одно обстоятельство. Конечно, принципат как политическая форма был затянувшимся на десятилетия компромиссом, сохранявшим внешние формы республики. Но на общем более или менее благостном фоне, когда конфликты принцепса и элиты остаются в рамках нормы, резко выделяются три «плохих» принцепса: Калигула, Нерон, Домициан. При всем различии их как личностей и как правителей, их объединяет то, что они пытались использовать в оформлении своей власти монархические элементы, заимствованные с Востока. Эта попытка оказалась неприемлемой даже спустя десятилетия после того момента, которым мы обычно датируем гибель республики. Как же должны были отреагировать на явную демонстративную отсылку к образу «величайшего из царей» современники Цицерона и Катона, готовые во всем усмотреть тайные замыслы против любимой ими республики? И какие политические выгоды мог обрести политик, решившийся бы пойти по пути подражания эллинистическому царю, тем более величайшему?

Иное дело сфера искусства, хотя здесь, вероятно, правильнее было бы говорить не об *imitatio Alexandri*, а об *imitatio imaginis Alexandri*. Действительно, та стилизация под Александра, которая появляется в портретах Помпея,

---

шегося еще в Шумере брака Иннаны и Думмузи (см.: *Fadinger V. Sulla als Imperator Felix und «Ephroditos» (=«Liebling der Aphrodite») // L.-M. Günther, N. Ehrhardt (eds.). Widerstand — Anpassung — Integration. Die Griechischen Staatenwelt und Rom. Stuttgart, 2002. S. 155–188; более подробная оценка этой статьи: Короленков А.В., Смыков Е.В. Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 2010. № 1. С. 224–225). Э. Мейер категорически утверждал: «Монархия Цезаря, по ее идее, является возобновлением и полным осуществлением мировой монархии Александра» (*Meyer E. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Berlin, 1922. S. 472*). Что касается Марка Антония, то здесь вообще царит полное единодушие в признании его носителем «эллинистической альтернативы» (некоторые критические соображения по этому поводу я высказал в статье: *Смыков Е.В. А был ли властитель? Размышления над некоторыми аспектами карьеры и политики триумвира М. Антония // АМА. 2017. Вып. 18. С. 165–190*).*

⁴² *Gruen E.S. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley; Los Angeles; London, 1974. P. 504.*

⁴³ Подробный обзор оценок см.: *Межеричукский Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 61–122.*

как и в других случаях, которые рассматривают историки искусства, всецело относится к сфере художественного творчества, причем, скорее всего, по-смертного, когда политические страсти уже улеглись. Это ставит вопрос о степени точности копирования и возможности добавления отдельных деталей копиистом. Как известно, в Античности не требовалась абсолютная точность копии, поэтому легко представить, например, такой вариант: отдельные мелкие черты сходства с Александром были добавлены копиистом (который, кстати говоря, с большой долей вероятности мог быть греком). Однако даже такая стилизация под Александра осуществлялась достаточно осторожно.

Действительно, что можно соотнести с Александром в портрете Помпея? Анастолэ? Но мы видим, в лучшем случае, намек на эту деталь прически, не вполне ясно, оригинальную или добавленную копиистом⁴⁴. Наклон головы или ее легкий поворот в сторону? Но эти приемы изображения использовались греческими скульпторами еще в эпоху классики, о чем писал еще О.Ф. Вальдгауэр⁴⁵. Морщины на лбу, как выражение «легкого страдания»? Но они-то как раз укладываются в каноны римского республиканского портрета (рис. 12, 13), когда «резкие складки у крыльев носа и уголков губ, вертикальные морщинки на переносице и горизонтальные на лбу передают преклонный возраст изображенных и сообщают им особенно суровый характер»⁴⁶. Кстати, возможно, именно эти особенности, столь характерные для «типичных римлян», были для портрета Помпея важнее, чем черты реального или мнимого сходства с Александром: если его оригинал создан в 50-е г. I в. до н.э., когда происходило сближение Помпея с

⁴⁴ Кстати, на портретах, изображающих более молодого Помпея, анастолэ выражена еще менее четко, хотя, казалось бы, все должно быть наоборот, поскольку Плутарх говорит о его сходстве с Александром именно в молодые годы. Однако ни портрет молодого Помпея, находящийся в Лувре, ни венецианский портрет этого сходства не подчеркивают. Даже искусствоведы, убежденные во влиянии образа Александра на венецианский портрет Помпея, вынуждены сделать оговорку: «подражание, или, лучше сказать, попытка подражания фигуре Александра Великого» (*Favaretto I., De Paoli M., Dossi M.C. Museo Archeologico Nazionale di Venezia. Electa. Milano, 2004. P. 107*).

⁴⁵ «Несомненно, портрет Помпея исполнен греческим мастером, изучившим детально приемы лисипповского искусства, которое являлось для него классическим» (*Вальдгауэр О.Ф. Этюды по истории античного портрета. Л., 1938. С. 229*). Признание влияния школы Лисиппа на портрет Помпея особенно интересно: поскольку Лисипп является создателем канонического портрета Александра (Plut. Alex. 4. 1), вполне естественно, что прическа на портрете Помпея очень отдаленно похожа на прическу лисипповского Александра. Речь здесь идет о художественной манере — и не более того.

⁴⁶ *Сидорова Н.А. Скульптурный портрет. С. 20–21.* Строго говоря, процитированная характеристика относится к надгробным рельефам, но эти изображения оказали значительное влияние на республиканский скульптурный портрет, передав ему каноны изображения достойного римского гражданина.

Рис. 12. Портрет римлянина эпохи республики. Сер. I в. до н.э. Палаццо Массимо алле Терме, Рим

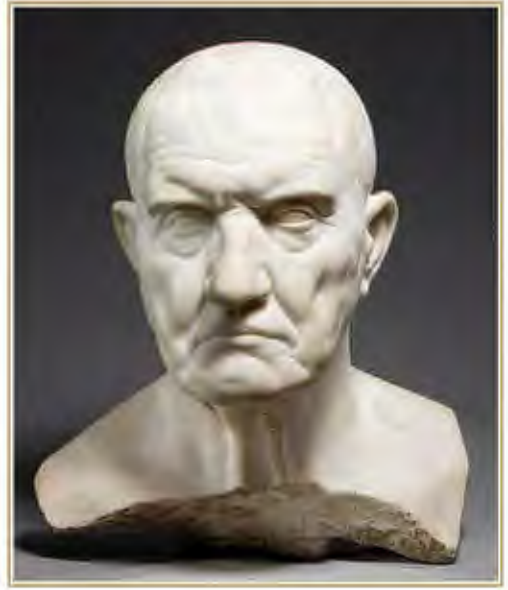

Рис. 13. Портрет римлянина эпохи республики. Сер. I в. до н.э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

сенатом и нарастала его вражда с Цезарем, то, конечно, гораздо логичнее и политически выгоднее для него было подчеркивать свою приверженность традициям, а не намекать на сходство с чужеземным царем.

Таким образом, в итоге в изображениях Помпея не остается ничего, что с уверенностью можно принять за выражение *imitatio Alexandri* как некой линии публичного поведения и публичного образа Гн. Помпея Магна. Остается лишь набор стилистических приемов, разработанных греческими скульпторами и широко применявшихся в римском портрете времени поздней республики. Эти приемы смягчали исконную жесткость линий, присущую римским портретам, усиливали психологизм образа, но не покушались на его римскую идентичность. Римский гражданин всегда оставался римским гражданином.

REFERENCES

1. *Averincev S.S.* Plutarch and Ancient Biography [Plutarkh i antichnaja biografija]. Moscow, 1973.
2. *Bieber M.* The Portraits of Alexander // Greece and Rome. 2nd ser. 1965. Vol. 12/2. P. 183–188.
3. *Bohm C.* Imitatio Alexandri im Hellenismus. Untersuchungen zum politische Nachwirker Alexanders des Grossen in hoch- und spathellenistischen Monarchien. München, 1989.
4. *Britova N.N.* The Art of Ancient Rome // General Art History: in 6 vols. [Iskusstvo drevnego Rima // Vseobshhaya istoriya iskusstv: v 6-ti t. / Pod red. A.D. Chegodaeva]. Moscow, 1956. Vol. 1. P. 289–348.
5. *Davies M.* Coriolanus and Achilles // Prometheus. 2005. Vol. 31. P. 141–150.
6. *Fadinger V.* Sulla als Imperator Felix und «Epaphroditos» (=«Liebling der Aphrodite») // L.-M. Günther, N. Ehrhardt (Hrsgg.). Widerstand — Anpassung — Integration. Die Griechischen Staatenwelt und Rom. Stuttgart, 2002. S. 155–188.
7. *Favaretto I., De Paoli M., Dossi M. C.* Museo Archeologico Nazionale di Venezia. Electa. Milano, 2004.
8. *Feifer D.* Roman Portraits in Context. Berlin; New York, 2008.
9. *Gasparov M.L.* Virgil, or the Poet of the Future // *Gasparov M.L.* Selected Works. Volume 1. On the poets [Vergilij ili poet budushhego // *Gasparov M.L.* Izbrannye trudy. Tom 1: O poehtakh]. Moscow, 1997.
10. *Green P.* Caesar and Alexander: Aemulatio, Imitatio, Comparatio // AJAH. 1978. Vol. 3. № 1. P. 2.
11. *Greenhalgh P.* Pompey: The republican Prince. London, 1981.
12. *Gruen E.S.* The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley; Los Angeles; London, 1974.
13. *Hannestad N.* Imitatio Alexandri in Roman Art // J. Carlsen (ed.). Alexander the Great: Reality and Myth. Roma, 1993.
14. *Hekler A.* Greek and Roman portraits. New York, 1912.
15. *Kleiner F.S.* A History of Roman Art. Wadsworth, 2010.
16. *Kolpinskij Yu.D., Britova N.N.* Art of Etruscans and Ancient Rome [Kolpinskij Yu.D., Britova N.N. Iskusstvo ehtruskov i Drevnego Rima]. Moscow, 1982.

17. *Korolenkov A.V., Smykov E.V.* From the Latest Literature about Sulla [Iz novejshej literatury o Sulle] // VDI. 2010. № 1.
18. *Lehman A.D.* The Coriolanus Story in Antiquity // The Classical Journal. 1952. Vol. 47/8. P. 329–336.
19. *Lyapustina E.V.* The Genius of Power — the Power of the Image [Genij vlasti — vlast' obraza] // *Etienne R. Caesar.* Moscow, 2003.
20. *Marx K., Ehngels F.* Selected Letters [Izbrannye pisma]. Moscow, 1947.
21. *Meyer E.* Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Berlin, 1922.
22. *Mezheritskij Ya.Yu.* «Restored Republic» of Emperor Augustus [«Vosstanovlennaja respublica» imperatora Avgusta]. Moscow, 2016.
23. *Michel D.* Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967.
24. *Price M.J.* *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus.* Zürich; London, 1991.
25. *Rivkin B.I.* Ancient Art [Antichnoe iskusstvo]. Moscow, 1972.
26. *Sidorova N.A.* Sculptural Portrait of the Rime of the Republic (1st century BC) // *Britova N.N., Losev N.M., Sidorova N.A.* Roman sculptural portrait [Skul'pturnyj portret vremeni respubliki (I v. do n.eh.) // *Britova N.N., Loseva N.M., Sidorova N.A.* Rimskij skul'pturnyj portret]. Moscow, 1975.
27. *Smith R.R.R.* Greeks, Foreigners, and Roman Republican Portraits // JRS. 1981. Vol. 71. P. 24–38.
28. *Smykov E.V.* Was there a Sovereign? Reflections on Some Aspects of the Career and Politics of Triumvir M. Anthony [A byl li vlastitel'? Razmyshleniya nad nekotorymi aspektami kar'ery i politiki triumvira M. Antoniya] // AMA. 2017. Vol. 18.
29. *Sokolov G.I.* The Art of Ancient Rome [Iskusstvo drevnego Rima]. Moscow, 1971.
30. *Strong D.* Roman Art. Norwich, 1980.
31. *Suerbaum A.* The Middle Ages // M. Griffin (ed.). A Companion to Julius Caesar. Oxford, 2009. P. 317–334.
32. *Surikov I.E.* Ancient Greece: Politics in the Context of the Era. On the Threshold of a New World [Antichnaya Greciya: politiki v kontekste ehpochi. Na poroge novogo mira]. Moscow, 2015.
33. *Surikov I.E.* Status Versus charisma: Sacralization of a Ruler in Greece and the Greek world I millennium BC // *Surikov I.E.* Ancient Greece: mentality, religion, culture [Status versus charisma: sakralizaciya pravatelya v Grecii i grecheskom mire I tys. do n.eh. // *Surikov I.E.* Antichnaya Greciya: mental'nost', religiya, kul'tura (Opuscula selecta I)]. Moscow, 2015.

34. *Toporov V.N.* Aeneas is a Man of Fate. To the «Mediterranean» personology [Enej — chelovek sud'by. K «sredizemnomorskoj» personologii]. Moscow, 1993. Vol. 1.
35. *Trofimova A.A.* Imitatio Alexandri. Portraits of Alexander the Great and Mythological Images in the art of the Hellenistic era [Imitatio Alexandri. Portrety Aleksandra Makedonskogo i mifologicheskie obrazy v iskusstve ehpokhi ehllinizma]. St. Petersburg, 2012.
36. *Utchenko S.L.* Julius Caesar [Yulij Cezar]. Moscow, 1976.
37. *Utchenko S.L.* The Ideological and Political Struggle in Rome on the Eve of the Fall of the Republic (From the history of political ideas in the first century BC) [Idejno-politicheskaya bor'ba v Rime (Iz istorii politicheskikh idej I v. do n.eh.)]. Moscow, 1958.
38. *Val'dgauehr O.F.* Studies on the History of the Ancient Portrait [Etyudy po istorii antichnogo portreta]. Leningrad, 1938.
39. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.

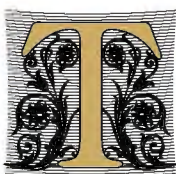

Ключевые слова:

эллинизм, Рим, Помпей, Александр Македонский, imitatio Alexandri, политика, идеология, пропаганда, скульптурные портреты.

Yevgeniy V. Smykov

PORTRAIT OF A CITIZEN AND PORTRAIT OF A RULER: IMAGES OF POMPEY, IMITATIO ALEXANDRI AND ROMAN POLITICAL TRADITIONS

The article discusses coin and sculptural portraits of Gn. Pompey Magnus in the context of the alleged «imitation of Alexander» by this Roman Statesman. Based on the analysis of Pompey's images, an attempt was made to show that, unlike Alexander's portraits, there is no idealization in them; on the contrary, they are realistic in Roman terms.

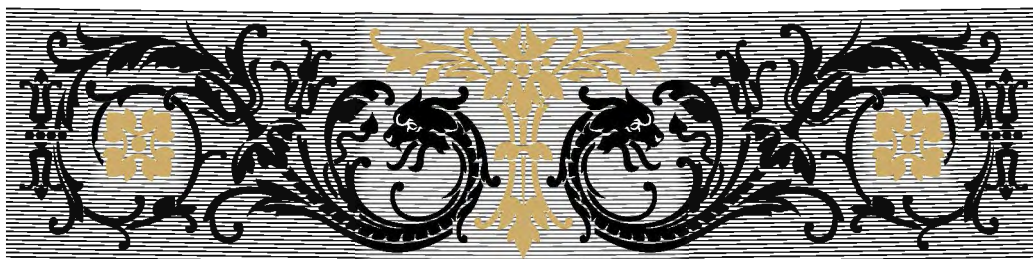
Interpretation of the sculptural portraits of Pompey is very subjective and largely based on the general attitude of researchers to his person and activity. Thus, there is no material evidence of Pompey's imitation of Alexander. Based on this fact, it is possible to raise the question: whether there could have been such an imitation in Rome in principle? Given the significant differences in the mentality of the Greeks and Romans, the lack of a hero's cult, quite familiar to the Greeks, in Rome during the historical epoch, the general attitude of the Romans to the monarchy, the imitation of the «greatest of kings» could not bring any political benefits, because Pompey acted as a defender of the republic and its traditions. He himself could be compared with Alexander, and his deeds could compete with king's achievements (therefore, by relating his actions in the East to the campaigns of Alexander, Pompey emphasized his own superiority over him); but there was no direct imitation. Thus, imitatio Alexandri is, rather, imitatio imaginis Alexandri, a phenomenon not related to politics, but to artistic creation, and the phenomenon is not necessarily modern to Pompey himself, since his portraits came to us in copies a hundred years. Despite the features added to the Pompey's sculptural portrait by Greek masters, the Roman citizen remained in representations a Roman citizen first of all.

Key words: Hellenism, Rome, Pompey, Alexander the Great, imitatio Alexandri, politics, ideology, the sculptural portraits.

Yevgeniy V. Smykov — Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at the Institute of History and International Relations, Saratov State University.

 Смьков Евгений Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
древнего мира Института истории и международных отношений
Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

С.К. Сизов

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИСНЫХ ИНСТИТУТОВ В ГОРОДАХ ПЕЛОПОННЕСА В III—II ВВ. ДО Н.Э.

*Памяти дорогого учителя,
Эдуарда Давидовича Фролова,
посвящается*

конца V в.¹ во многих государствах Греции достаточно заметными стали явления, подробно описанные и убедительно охарактеризованные в научной литературе как «кризис полиса»²: наступившая вместе с оживлением товарно-денежных отношений (и особенно крупного предпринимательства — хрематистики) заметная имущественная дифференциация внутри гражданских коллективов, усугубляемая разорением значительных масс населения в ходе опустошительных войн и приводившая к внутренним социальным конфликтам, хронический дефицит бюджета городов-государств, некоторое снижение уровня престижности и исключительности статуса гражданина и возрастание роли неграждан (метеков) в экономической, да и не только экономической жизни полиса, уменьшение военной

¹ Здесь и далее — до н.э.

² Ограничимся ссылкой на некоторые наиболее известные работы отечественных антиковедов: *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975; *Глускина А.М.* Проблемы кризиса полиса // Е.С. Голубцова и др. (ред.). *Античная Греция*. Т. 2. М., 1983. С. 5–42; *Фролов Э.Д.* Огни Диоскуров. Л., 1984. С. 34–59; *он же.* Исторические предпосылки эллинизма // Е.С. Голубцова (ред.). *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 14–58.

мощи гражданского ополчения и рост наемничества, возвышение лидеров авторитарного склада и повсеместные отступления от демократических принципов, включая возрождение тирании в ее «младшем» варианте, распространение панэллинских и космополитических настроений среди образованной элиты, определенный сдвиг в массовой психологии, направление которого И.Е. Суриков кратко определил следующим образом: «от гражданина к подданному»³.

С наступлением эллинистической эпохи большинство городов греческого мира оказалось в той или иной степени зависимости от монархов, возглавлявших крупные, а по греческим меркам огромные государства Средиземноморья и Передней Азии, в устройстве которых отчетливо проявлялись определенные черты восточной деспотии. Около полутора сотен гражданских общин стали частью иных государственных образований — федераций, расцвет которых пришелся на III—II вв. Утрата полной независимости города-государства обозначила новый рубеж в истории греческой цивилизации, который видные ученые прошлого века нередко именовали «концом полиса»⁴, или, в лучшем случае, началом перехода от свободного полиса к муниципию Римской империи⁵. В отечественной историографии такая оценка также нашла свое отражение: в свое время В.А. Яковсон, оспаривая тезис Э.Д. Фролова относительно удивительной жизнестойкости греческого полиса⁶, отметил, что полис в его обычном виде не мог сохраняться долго, поскольку магистральный путь истории вел к созданию иного типа государства⁷; а недавно мысль о «конце полиса» с наступлением эллинизма высказал и И.Е. Суриков: по его словам, в новую эпоху «полис как система, как стройная, напоминающая произведение искусства система, возникшая и развившаяся до логических пределов на протяжении предыдущих нескольких столетий, больше не существовал»⁸.

³ Суриков И.Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. С. 19–68.

⁴ «Das Ende der Polisidee» (*Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. T1.1. Leipzig, 1957. S. 100*); «das Ende jener Periode griechischer Geschichte, die durch die Polis ihr Charakteristikum erhalten hat» (*Bengtson H. Griechische Geschichte. 5.Aufl. München, 1977. S. 285*).

⁵ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 76.

⁶ Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 227.

⁷ Яковсон В.А. Государство и социальная психология // ВДИ. 1989. № 4. С. 78.

⁸ Суриков И.Е. Античная Греция. С. 356. См. по этому поводу критические замечания в работе: Габелко О.А. Полемиические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма // О.А. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын (ред.). ПЕНΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. СПб., 2018. 180–190.

Тем не менее в научной литературе последних десятилетий безусловно доминирует иная точка зрения: даже в изменившихся внешнеполитических условиях полис как социально-политический организм и даже как тип государственного образования продолжал существовать, претерпев, однако, определенную эволюцию, утратив некоторые черты, свойственные ему в классическую эпоху, и взамен приобретая новые, но не подрывающие полностью основные принципы полисного устройства⁹. Если исходить из этой оценки, полис в эллинистическое время не деградировал, а преобразился и, по выражению Дж. Дэвиса, получил импульс к новой жизни¹⁰. Разумеется, обобщение такого масштаба нуждается в многочисленных оговорках, поскольку судьбы полисов в разных частях громадного эллинистического мира существенно различались. Поэтому было бы бесполезно проследить за эволюцией полисных институтов в отдельных регионах и тем самым уточнить общую картину развития полиса эллинистического времени¹¹, какой она представлена в исследованиях обобщающего характера. В данной работе речь пойдет о Пелопоннесе — регионе, который был ареной важнейших событий и процессов архаического и классического периодов греческой истории, но в эпоху эллинизма оказался, в известной степени,

⁹ *Davies J.K. Cultural, Social and Economic Features of the Hellenistic World // CAH. Ed. 1. Vol. VII. 1984. P. 304–315; Gauthier P. Les cités hellénistique // M.H. Hansen (ed.). The Ancient Greek City State. Copenhagen, 1993. P. 211–231; Gruen E. The Polis in the Hellenistic World // R. Rosen, J. Farrell (eds.). Nomodeiktēs. Greek studies in honour of Martin Ostwald. Ann Arbor, 1993. P. 339–354; Rhodes P.J. The Polis and the Alternatives // CAH. Ed. 1. Vol. VI. 1994. P. 589–591; Billows R. The Cities // A. Erskine (ed.). A Companion to the Hellenistic World. Oxford, 2003. P. 196–215; Chamoux F. Hellenistic Civilization. Oxford, 2003. P. 165–213; Shipley G., Hansen M.H. The Polis and Federalism // G.R. Bugh (ed.). The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Cambridge, 2006. P. 52–72. Wiemer H.-U. Hellenistic Cities: The End of Greek Democracy? // H. Beck (ed.). A Companion to Ancient Greek Government. Malden, 2013. P. 54–69; Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 359–360.*

¹⁰ *Davies J.K. Cultural, Social and Economic Features. P. 304: «Polis transformed and revitalized».*

¹¹ По-видимому, упомянутые различия в развитии гражданских общин греческого мира в интересующий нас период должны заставить нас по возможности избегать термина «эллинистический полис», особенно в применении к Балканской Греции, где, по справедливому замечанию Г.А. Кошеленко, наиболее яркие черты эллинизма как исторического феномена проявились довольно слабо (Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности // Е.С. Голубцова (ред.). Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 13). Более обобщенное выражение «полис эллинистического времени», как кажется, позволит избежать отождествления Александрии и Мессении или Антиохии и Навпакта как одного и того же унифицированного «эллинистического» типа гражданской общины.

периферийным районом новой цивилизации, возникшей в Восточном Средиземноморье.

В политическом отношении историю государств Пелопоннеса в III—II вв. можно разделить на следующие этапы:

1. Первая половина III в.: почти все города полуострова сохраняют статус независимых полисов, но в Коринфе находится македонский гарнизон, а в некоторых других городах правят тираны, зависимые от Македонии; общины Ахайи постепенно восстанавливают свою древнюю федерацию.

2. 251—224 гг. Значительная часть полисов Пелопоннеса, включая Коринф, включается в состав Ахейского союза, который выходит далеко за этнические рамки Ахайи. Македонское влияние сводится на нет, зато возрождаются военная мощь и гегемонистские устремления Спарты.

3. 224—196 гг. По призыву ахейцев, терпящих поражение в войне со Спартой, в Пелопоннес входит македонская армия. Основная часть полуострова оказывается под прямым (гарнизоны в Коринфе и некоторых других городах) или косвенным (участие Ахейского союза в симмахии под главенством македонского царя) контролем Македонии.

4. 196—146 гг. В результате Второй римско-македонской войны и римской декларации о «свободе эллинов» пелопоннесцы перестают зависеть от Македонии, однако внешняя политика греческих государств отныне находится под все более и более жестким контролем со стороны Рима. Практически весь Пелопоннес входит в состав Ахейского союза.

5. Ахейская война 146 г. заканчивается фактическим включением Южной Греции в состав Римской державы.

В ходе всех этих событий (вплоть до римского завоевания) гражданские общины Пелопоннеса в подавляющем большинстве могли по-прежнему считаться самостоятельными городами-государствами и сохраняли многие признаки таковых. Исключение составляли те немногие города, где был поставлен македонский гарнизон и назначен — постоянно, как в Коринфе, или временно, как в Спарте в 222 г. — царский наместник¹². Прочие государства Пелопоннеса в периоды их зависимости от Македонии, в том числе и весь Ахейский союз в 224—199 гг., считались союзниками того или иного царя из династии Антигонидов и с точки зрения

¹² О македонском управлении Коринфом см.: Dixon M. Late Classical and Early Hellenistic Corinth, 338—196 B.C. London; New York, 2014. P. 81—86, 91—99, 203—211. Назначение беотийца Брахила наместником (ἐπιστάτης) Спарты: Ρολύβ. XX. 5. 12 (см.: Сивкина Н.Ю. Наместник Спарты Брахилл // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 67—72).

государственной самостоятельности находились в положении, ничуть не менее, а в некотором отношении (отсутствие необходимости регулярно платить дань) даже более благоприятном, чем, например, участники Первого Афинского морского союза. Такие отношения едва ли могли привести к сдвигам в общественном сознании пелопоннесцев в направлении «от гражданина к подданному». Укоренившиеся в эллинистических монархиях формы почитания царя как верховного владыки так и не проявились в Южной Греции. Приведем два характерных примера. Единственную аналогию верноподданническим ритуалам эллинистической эпохи можно усмотреть лишь в учреждении в Ахейском союзе праздника «Антигоний» после победы над Спартой в 222 г. (Polyb. XXVIII. 19. 3; XXX. 29. 3; Plut. Cleom. 16. 7), которое, однако, никоим образом не привело к развитию царского культа ни в Сикионе, где «Антигонии» проводились, ни в других городах. Антигон Досон вскоре умер, но аналогичное празднество в честь его преемника Филиппа V организовано так и не было, зато сами «Антигонии» продолжали проводиться даже в то время, когда союз ахейцев с Македонией был уже разорван. Понятно, что для участников праздника смысл проведения торжеств заключался не в излипании верноподданнических чувств, а в сохранении памяти об исторической битве при Селласии, в которой македоняне и ахейцы под командованием Антигона сражались в одних рядах.

Второй характерный случай имел место в 199 г., когда на союзном собрании ахейцев решался жизненно важный вопрос: сохранить верность союзу с Македонией или перейти на сторону Рима. Когда стало ясно, что будет принято второе решение, собрание покинули представители Мегалополя, Димы и часть аргосцев. Для нас сейчас особенно важны мотивы этого шага: граждане Мегалополя и Димы не хотели присутствовать при том, как будут разорваны союзнические отношения с династией, последние представители которой оказали этим городам неоценимые услуги, возвратив жителям захваченный врагами родной город (Мегалополь) или выкупив из рабства множество попавших в плен сограждан (Дима). Что касается Аргоса, то значительная часть местной элиты была связана с домом Антигонидов узами гостеприимства и наследственной дружбы (Liv. XXXII. 22. 8–12). Очевидно, те из представителей Аргоса, которые принадлежали к семьям, свободным от подобных обязательств, все-таки решили остаться и присоединиться к общему мнению ахейцев. Оставляем на усмотрение читателя судить, характерно ли подобное поведение для людей, приученных считать себя «подданными», или для свободных граждан.

Вступление того или иного города в Ахейский союз, пусть даже в результате принуждения¹³, также не следует считать актом отказа от собственной государственности и принципов существования свободного полиса. Присоединение гражданской общины к федерации каждый раз скреплялось двусторонним договором, где новому участнику союза давались определенные гарантии, как специфические для данного полиса (например, временное освобождение от уплаты федерального налога: Polyb. XXIV. 2. 3), так и общие для всех участников федерации, прежде всего обещание «автономии и сохранения отеческого государственного строя»¹⁴. Сведения нарративных и эпиграфических источников о реальном положении дел в том или ином ахейском городе демонстрируют, что эти гарантии в общем и целом соблюдались. Гражданские общины Ахейского союза жили по собственным законам, имели свои суды, которые выносили решения в последней инстанции, сохраняли свое местное гражданство и регулировали порядок его предоставления иноземцам, по собственному усмотрению формировали и расходовали городской бюджет, самостоятельно чеканили монету, комплектовали и готовили к военным действиям отряды местного гражданского ополчения, которые в случае необходимости должны были присоединиться к союзной армии, поддерживали официальные двусторонние отношения с иностранными государствами, правда, лишь в той мере, в которой это не противоречило внешней политике федерации¹⁵. Нетрудно заметить, что ахейские города имели гораздо

¹³ Сведения о времени и обстоятельствах присоединения каждого из полисов Пелопоннеса к Ахейскому союзу полностью собраны в недавно вышедшей работе, которая изобилует подробными хронологическими таблицами: *Kralli I. The Hellenistic Peloponnese: Interstate Relations. A Narrative and Analytic History, from the Fourth Century to 146 BC.* Swansea, 2017. Что касается «аналитической» стороны, то автор чрезмерно преувеличивает элемент принуждения в ходе создания эллинистической Ахейской федерации и придает несоразмерно большое значение борьбе Мегалополя против Спарты как едва ли не главному фактору федеративного движения в Пелопоннесе. Однако в справочных целях эту книгу использовать очень удобно.

¹⁴ Эта стереотипная формулировка содержится в сткк. 3–4 надписи о договоре с Эпидавром (SVA III. 489): [αὐτόνομοι ὄν]τες καὶ ἀφροῦρατοι καὶ πολιτεῖαι [χ]ρῶμ[ενοι τῆι πατρίωι]. Нет сомнений, что аналогичная фраза содержалась и в других договорах, хотя обещание не занимать город федеральным гарнизоном, очевидно, давалось не всем.

¹⁵ Подробные сведения о правах полисов-участников Ахейского союза с указанием источников см. в работах: *Swoboda H. Studien zu den griechischen Bünden, III: Die Städte im achäischen Bunde // Klio. 1912. Bd. 12. S. 17–37; Larsen J.A.O. The Rights of Cities within the Achaean Confederacy // ClPh. 1971. Vol. 66. P. 81–86; Mackil E. Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek Koinon.* Berkeley; Los Angeles; London, 2013. P. 384–390; *Сизов С.К. Ахейский союз.* М., 1989. С. 70–78.

больше признаков самостоятельной государственности, чем субъекты современных федераций, даже тех, которые в доктрине конституционного права именуются «децентрализованными», например, США. В этой связи можно вспомнить, что американские штаты во множестве научных работ признаются суверенными государствами¹⁶, хотя Конституция США это прямо не провозглашает. Если понятие суверенитета, родившееся в Новое время, можно применять к античным государствам¹⁷, то имеются основания утверждать, что полисы Пелопоннеса в большинстве своем, как и Ахейский союз в целом, сохраняли государственный суверенитет на протяжении эллинистического времени вплоть до 146 г.

Отсюда следуют два вывода. Во-первых, важно подчеркнуть, что гражданские общины Южной Греции, по крайней мере, до римского завоевания оставались самостоятельными полисами, а не превратились в административные подразделения более крупных государств, уподобившись, например, аттическим демам¹⁸. Во-вторых, следует полагать, что изменения полисных институтов в городах Пелопоннеса до 146 г. были прежде всего следствием внутренних социально-экономических и политических процессов, а не были навязаны извне некоей доминирующей силой, будь то македонская монархия¹⁹ или правительство Ахейского союза. Факторы, вызвавшие кризис классического полиса, и отдельные проявления этого кризиса по-прежнему порождались внутренними причинами и лишь иногда усугублялись воздействием великих держав эллинистического мира. Так, нет сомнений в том, что поступление денег с Востока, начавшееся после того, как Александр пустил в оборот персидские сокровища, способствовало дальнейшему оживлению товарно-денежных отношений в Пелопонне-

¹⁶ См., напр.: *Wheare K.C. Federal Government. Oxford, 1946. P. 11–18; Vile M.J.C. The Structures of American Federalism. Oxford, 1961. P. 199; J.O. Boogman, G.N. van der Plaats (eds.). Federalism: History and Current Significance of a Form of Government. The Hague, 1980. P. 4–5, 79; Laski H.J. Studies in the Problem of Sovereignty. London; New York, 2015. P. 267–275; Ewing C.M. The Politics of Sovereignty: Federalism in American Political Development. Austin, 2016. P. 12–27.*

¹⁷ Сомнения в этом высказал Дж. Дэвис, ссылаясь главным образом на невозможность найти адекватный эквивалент данному понятию в греческом языке: *Davies J.K. On the Non-usability of the Concept of «Sovereignty» in an Ancient Greek Context // A cura di L. Aigner Foresti, A. Barzan, C. Bearzot, L. Prandi, G. Zecchini. Federazione e federalismo nell'Europa antica. Milano, 1994. P. 51–66.*

¹⁸ Как утверждал в свое время А. Джованнини (*Giovannini A. Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitie in Griechenland. Göttingen, 1971. S. 81*).

¹⁹ *Shipley G., Hansen M.H. The Polis. P. 54: «there is no evidence that the Macedonian rulers of Greece attempted to reshape polis societies and economies for their own ends».*

се²⁰ и, соответственно, увеличению разницы в доходах между различными слоями граждан одного и того же полиса. Тиранические режимы, время от времени возникавшие в отдельных городах полуострова еще при Александре и диадохах²¹, установились всерьез и надолго в таких крупнейших полисах, как Мегалополь, Аргос и Сикион после 272 г., когда Антигон Гонат и Деметрий II стали оказывать тиранам финансовую, а иногда и военную поддержку в обмен на промакедонскую внешнюю политику²². Отметим, впрочем, что одного лишь покровительства Антигонидов было явно недостаточно для установления и выживания тиранических режимов в Южной Греции: так, откровенно террористическая диктатура Аристотима в Элиде продержалась всего около пяти месяцев (Iust. XXVI. 1. 10), и когда тиран был убит заговорщиками, македонское войско, направлявшееся ему на помощь, повернуло назад (Plut. Mor. 253 A). Впоследствии, когда был свергнут последний тиран Сикиона, а тираны Мегалополя и Аргоса добровольно сложили с себя власть, это произошло при полном невмешательстве Антигонидов. Поэтому, несмотря на утверждения Полибия, согласно которому, «как кажется, большинство тиранов у эллинов насадил (ἐμφυτεύσαι δοκεῖ) Антигон Гонат» (II. 41. 10), а его сын Деметрий II оставался для этих тиранов как бы «поставщиком содержания и нанимателем» (II. 44. 3), типологически эти режимы представляли собой типичное проявление так называемой «младшей тирании», порожденное прежде всего местными условиями. В наибольшей степени это относится к тирании в Спарте в последней четверти III в. и в начале II в., от Клеомена III до Набиса, существование которой не имеет никакого отношения к македонской политике²³.

²⁰ О денежном обращении в эллинистическом Пелопоннесе см.: *Hackens T. A propos de la circulation monétaire dans le Péloponnèse au IIIe siècle av. J.-C.* // (ed.) *Antidorum W. Peremans oblatum*. Louvain, 1968. P. 69–96. О значении притока средств с Востока для усиления «монетизации» (monetization) греческой экономики см.: *Reger G. Hellenistic Greece and Western Asia Minor* // W. Scheidel, I. Morris, R. Saller (eds.). *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World*. Cambridge, 2007. P. 470–472.

²¹ *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen*. München, 1967. S. 307–308; 389–390; 676.

²² См. подробнее: *Сизов С.К. Тирании в Пелопоннесе в эллинистическое время (272–229 гг. до н.э.)* // *Социальная борьба и политическая идеология в античном мире*. Л., 1989. С.76–96.

²³ Об организации власти в Спарте в этот период существует обширная литература; ограничимся перечнем некоторых специальных исследований: *Africa Th. Phylarchus and the Spartan Revolution*. Berkley, 1961; *Shimron B. Late Sparta: The Spartan Revolution 243–146 B.C.* Buffalo, 1972; *Texier J.G. Nabis*. Paris, 1975; *Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta*. London; New York, 2002. P. 46–72; *Marasco G. Cleomene III fra rivoluzione e reazione* // A cura di C. Bearzot, F. Landucci. *Contro le «leggi immutabili»*. Gli Spartani fra tradizione e innovazione. Milano, 2004. P. 191–207; *Geske N. Agis IV und Kleomenes III. Ihre sozialen Reformen und das Volk von Sparta* // J.-F. Eckholdt,

Продолжением прежних, обнаружившихся еще в IV в. тенденций следует считать и дальнейшее распространение наемничества, и возникавшие в ряде городов острые социальные конфликты внутри гражданских коллективов, и другие кризисные явления, которые можно проследить в истории Пелопоннеса в течение первого столетия эллинизма. Сравнительно новым социально-экономическим фактором, сказавшимся на жизни южногреческих полисов, стал, пожалуй, лишь демографический кризис, вызванный отчасти реалиями новой эпохи, т.е. массовыми переселениями греков Пелопоннеса на Восток²⁴, отчасти опять-таки внутренними причинами, связанными с падением уровня рождаемости, по крайней мере, среди зажиточных слоев гражданского населения (Polyb. XXXVI. 15. 5–7)²⁵.

Не следует, однако, считать, что кризисные явления, восходящие к позднеклассическому времени, в III–II вв. усугубились настолько, что экономические и социальные основы существования полиса в Пелопоннесе были окончательно подорваны. Во-первых, разорительные войны, сопровождавшиеся большими человеческими жертвами и хозяйственным ущербом, действительно, периодически возобновлялись в течение всего III в., но наибольший урон от военных действий несли города Аркадии, Арголиды, Лаконики и, в меньшей степени, Ахайи, в то время как, например, Мессения и Элида крайне редко становились ареной боевых столкновений. Когда Полибий заявляет, что имущество пелопоннесцев к 20-м гг. III в. было в результате непрерывных войн уже «вконец уничтожено» (ἄρδην κατέφθαρτο: Polyb. II. 62. 3), он допускает явно преувеличенное обобщение, имея в виду действительно плачевное состояние экономики отдельных сильно пострада-

---

M. Sigismund, S. Sigismund (Hrsgg.). *Geschehen und Gedächtnis. Die hellenistische Welt und ihre Wirkung*. Berlin, 2009. S. 45–92; *Пирова В.И.* Спарта в III–II вв. до н.э.: полис или монархия? // *Политическая история и историография от античности до современности*. Петрозаводск, 1998. С. 31–36. Начало тирании было положено Клеоменом III путем переворота, совершенного им в 227 г. Полибий (II. 47. 3; IX. 23. 3; 29. 8; 36. 4) прямо называет Клеомена тираном, а современные исследователи обычно указывают, что установленный им режим обнаруживал почти все важнейшие признаки т.н. позднегреческой тирании (Berve H. *Die Tyrannis*. S. 40–407; *Shimron B.* Late Sparta. P. 44; *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta. P. 47).

²⁴ Достаточно такого примера: один лишь Аристодем, военачальник Антигона Одноглазого, завербовал в Пелопоннесе ни много ни мало 8 тысяч наемников: Diod. 19.60.1.

²⁵ Утверждения Полибия о снижении рождаемости в эллинистической Греции в литературе обычно, с известными оговорками, признается достаточно достоверным: *Salmon P.* La population de la Grèce antique (Essai de démographie appliquée à l'Antiquité) // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1959. No 18. P. 472–476; *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford, 1979. P. 680; *Reger G.* The Economy // *Erskine A.* (ed.). *A Companion*. P. 334–335; *Hansen M.H.* The Shotgun Method. The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. London, 2006. P. 12.

давших от войн городов наподобие Мегалополя, но безосновательно распространяя такую оценку на весь полуостров. С этим утверждением контрастирует упоминание того же историка, относящееся примерно к тому же времени, о зажиточности и хозяйственной самодостаточности сельского населения Элиды (Polyb. IV. 73. 6–7). Кроме того, следующее столетие принесло Пелопоннесу мир, обеспеченный объединением всего полуострова в составе Ахейского союза и лишь изредка прерываемый короткими военными кампаниями, вызванными сепаратистскими выступлениями Спарты и Мессении. Закончившаяся римским завоеванием Ахейская война 146 г. не сопровождалась тотальным разорением Пелопоннеса, в сущности, по-настоящему пострадал лишь несчастный Коринф. Таким образом, в течение почти всего II в. Южная Греция переживала такой период мира и спокойствия, которого она не знала за всю свою предшествующую историю. Это не могло не привести к позитивным сдвигам в экономике. Слова Полибия (II. 62. 4) о том, что во время его жизни пелопоннесцы достигли невиданного благосостояния (μεγίστην καρποῦσθαι δοκοῦσιν εὐδαιμονίαν), конечно, содержат элемент риторического преувеличения, но должны иметь под собой и реальные основания²⁶.

В описанных выше условиях гражданские общины Пелопоннеса вполне могли продолжать свое существование, сохраняя основные принципы полисного устройства, заложенные в классический период. Согласно Аристотелю, полис представлял собой прежде всего сообщество граждан (Aristot. P. polit. 3.1276b1), которые являлись не просто правящим привилегированным сословием, но и своеобразным олицетворением города-государства. Институт гражданства в общинах Пелопоннеса несколько не утратил своего значения и в эллинистический период. Участие в федеративном Ахейском государстве привело к обретению гражданами пелопоннесских полисов определенных

²⁶ К сожалению, данные других источников об экономической ситуации в Пелопоннесе III—II вв. настолько отрывочны и случайны, что не могут служить основанием для серьезных выводов. Археологические раскопки, к примеру, показывают, что некоторые сельские дома и даже поселения в Ароглиде и Юго-Западной Аркадии в этот период прекратили свое существование, в то время как в Мессении такого явления не наблюдается (Alcock S. *Graecia Capta: the Landscapes of Roman Greece*. Cambridge, 1993. P. 40–46). Однако к этим сведениям следует относиться с осторожностью, поскольку они могут свидетельствовать не о том, что земля в этих местах была заброшена, а только об изменении способа хозяйствования, например, о переселении собственников в другие, защищенные стенами города и поселения и практике использования на земельном участке временных строений, которые «археологически невидимы» (Shipley G. *Rural Landscape Change in Hellenistic Greece* // K. Ascani, V. Gabrielsen, K. Kvist, A. Rasmussen (eds.). *Ancient History Matters: Studies Presented to Jens Erik Skydsgaard on his 70th Birthday*. Rome, 2002. P. 39–45).

прав и обязанностей в качестве «ахейцев», т.е. граждан союзного государства, но гражданские коллективы отдельных городов продолжали оставаться обособленными друг от друга. Никуда не исчез полисный патриотизм: «родиной» (πατρίς) любого ахейца считался полис, уроженцем и гражданином которого он являлся, а не федерация в целом (Polyb. IV. 58. 12; V. 93. 2; VIII. 12. 7; Plut. Arat. 24.5; 37. 3; Philop. 13. 1). Полисы имели исключительное право регулировать порядок приобретения гражданства в своем городе и лишения гражданских прав, причем и то и другое автоматически приводило к приобретению или утрате федерального гражданства²⁷. Напротив, фактов предоставления гражданства в том или ином полисе решением федеральных органов власти в эпиграфике не зафиксировано. Переезд ахейца на постоянное место жительства в другой город союза не мог повлечь за собой перемену полисного гражданства, подобно тому как современный американец самым фактом переселения в другой штат приобретает его гражданство, если, конечно, речь не шла о процедуре индивидуального пожалования гражданских прав тому или иному лицу. В надписи из Эпидавра, где содержится список жителей города, погибших в битве на Истме в 146 г., отдельно перечислены граждане города с указанием филы каждого, отдельно — Ἀχαιοὶ καὶ σύνοικοι, к филам не приписанные (IG IV². 1. 28). Отсюда вытекает, что граждане других городов федерации, проживавшие в Эпидавре, не пользовались здесь, по крайней мере, политическими гражданскими правами. Возможно, они имели некие привилегии по сравнению с выходцами из городов, не входивших в союз (σύνοικοι), но в целом имели в Эпидавре статус метеков, а не граждан.

Нередко предполагается, что вступление полиса в Ахейский союз, как и в любую другую федерацию, влекло за собой утрату монополично-го права местных граждан иметь в собственности недвижимость²⁸. Глав-

²⁷ Это явствует из декретов, изданных Димой, Тритеей и Аргосом: Syll.³ 529; 531; SEG XVI. 255; Rizakis A.D. Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes, 2008. P. 36–40. No 1; P. 134–137. No 94. См. подробный анализ этих документов в работах: Rizakis A.D. La politeia dans les cités de la confédération achéenne // Tyche. 1990. Bd. 5. P. 109–134; *idem*. La double citoyenneté dans le cadre des koina grecs: l'exemple du koinon achéen // A. Heller, A.-V. Pont (eds.). Patrie d'origine et patries sélectives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine. Paris; Bordeaux, 2012. P. 23–38; Lasagni Ch. Politeia in Greek Federal States // L. Cecchet, A. Busetto (eds.). Citizens in the Graeco-Roman World. Leiden; Boston, 2017. P. 88–92.

²⁸ Kolbe W. Das griechische Bundesbürgerrecht der hellenistischen Zeit // ZRG. 1929. Bd. 49. S. 129–154; Schwahn W. Συμπολιτεία // RE. Bd. IV A 1. 1931. Sp. 1175–1178; Larsen J.A.O. Greek Federal States. Oxford, 1968. P. XVIII–XIX; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. S. 97; Rizakis A.D. La double citoyenneté. P. 36–38; Mackil E. Creating a Common Polity. P. 259–260; Close E. Megalopolis and the Achaian Koinon: Local Identity and the Federal State. Edinburgh, 2017. P. 104; Lasagni Ch. Politeia in Greek Federal States. P. 95.

ным аргументом здесь является пример Халкидского союза IV в., где всем гражданам федерации было предоставлено право приобретать землю и дом (ἔυκτησις) в любом городе Халкидики (Xen. Hell. V. 2. 19). Следует заметить, что строго централизованный под главенством Олинфа Халкидский союз не может служить образцом равноправной федерации, где строго соблюдались суверенные права полисов. Сведения о возможности предоставления права ἔυκτησις всем гражданам федерации на всей ее территории, касающиеся других союзов, очень противоречивы и допускают разные толкования²⁹. В Ахейском союзе известны случаи, когда отдельные граждане имели в собственности дом на территории другого, не своего родного полиса³⁰, однако эти факты легко объяснить возможностью индивидуального пожалования права ἔυκτησις в том или ином городе, тем более что речь идет об очень известных и влиятельных людях. Еще один довод, недавно приведенный Э. Макил, является результатом ошибки: в надписи о вступлении Орхомена в Ахейский союз вовсе не говорится, как утверждает эта исследовательница³¹, что ахейцам предоставлялось право приобретать участки земли и дома в Орхомене. Фраза, на которую ссылается Э. Макил, буквально звучит так: «Из тех, кто приобрел в Орхомене участок или дом с того момента, когда орхоменяне стали ахейцами, пусть никому не будет разрешено отчуждать это в течение двадцати лет»³². Ни о каких покупателях-«ахейцах» здесь речи не идет, напротив, из каких-то соображений регулируются сделки между орхоменянами. Делать на столь зыбких основаниях вывод о том, что граждане полисов, вступивших в Ахейский союз, утрачивали одну из важнейших привилегий — исключительное право собственности на землю было бы неправильно.

²⁹ Сизов С.К. Права *enktesis* и *epigamia* в федерациях эллинистической Греции // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 209–226; Swoboda H. Zwei Kapitel aus dem griechischen Bundesrecht // SAWW. 1924. Bd. 199. Abh. 2. S. 3–38; Hennig D. Immobilienerwerb durch Nichtburger in der klassischen und hellenistischen Polis // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 305–344.

³⁰ Арат из Сикиона имел дом в Коринфе (Plut. Arat. 41. 4; 42. 3; Cleom. 19. 7–9), а Гиерон из Эгиры — в Аргосе (Syll.³ 675, стк. 17).

³¹ Mackil E. Creating a Common Polity. P. 259.

³² Syll.³ 490, сткк. 11–13: τῶν δὲ λαβόντων ἐν Ὀρχομενῶϊ κλαρον ἢ οἰκίαν, ἀφ' οὗ Ἀχαιοὶ ἐγένοντο, μὴ ἐξέστω μῆθηνὶ ἀπαλλοτριω[σα]ι ἐτέων εἴκοσι. Неверный перевод Э. Макил: «Any of the Achaians who take up a parcel of land or a house in Or[chomenos] may not sell it for twenty years» (Mackil E. Creating a Common Polity. P. 464). Фраза «ἀφ' οὗ Ἀχαιοὶ ἐγένοντο» повторяется в документе еще два раза, причем с уточнением «οἱ Ὀρχομένιοι Ἀχαιοὶ ἐγένοντο» (сткк. 13–14, 16–17) и означает момент, когда «орхоменяне стали ахейцами», т.е. вступили в союз.

Тем не менее в эллинистическое время исключительные права граждан, как известно, перестали быть совершенно недостижимыми для иноземцев, и получение гражданства в чужом полисе стало не таким редким событием, как, например, в Афинах или Спарте классического периода. Речь идет не только и не столько о бесчисленных почетных декретах в адрес иноземцев, которым за те или иные заслуги даровались всевозможные привилегии, а иногда и гражданство. Надо полагать, в подавляющем большинстве случаев обладатели почетных прав оставались жить у себя на родине и не собирались реально использовать предоставленные им в другом городе возможности. Наиболее интересны не эти велеречивые постановления, а сухие деловые документы, каковыми являлись, например, уже упомянутые надписи из ахейских городов Димы и Тритеи. Одна из них — декрет Димы (Syll.³ 531), устанавливавший условия приобретения гражданства в Диме местными метеками (ἔλλοικοι), главным из которых была уплата крупного денежного взноса в казну города. Точно так же, с обязательством ежегодных платежей в казну, можно было приобрести гражданские права и в Тритее³³. Второй документ из Димы (Syll.³ 529) содержит список из пятидесяти двух имен: этих людей, на сей раз бесплатно, «город сделал гражданами, приняв решение отдельно по каждому, так как они сражались вместе с нами во время войны и участвовали в спасении города». Все эти надписи относятся к III в., когда Ахайя, как уже отмечалось, испытывала трудные времена. Откровенная торговля гражданскими правами свидетельствует прежде всего о финансовых проблемах городов, характерных для кризисного периода в истории греческого полиса; возможно, эти проблемы, существовавшие в более развитых государствах Греции еще в IV в., Ахайя начала испытывать только теперь. Следует, однако, принять во внимание и демографический фактор: если в небольшой Диме могло найтись пространство для поселения и обустройства хозяйством сразу пятидесяти двух новых граждан-собственников, это означает, что количество граждан исконных заметно уменьшилось, а городу были нужны рабочие руки и защитники. Недостаток граждан-воинов испытывал в конце III в. и Мегалополь, по каковой причине на исходе Союзнической войны в городе возникло целое движение, представители которого требовали пополнения (ἀναπλήρωσις) гражданского коллектива новыми людьми, причем земельные собственники должны были уступить им треть своих владений (Polyb. V. 93. 6). Неизвестно, в какой мере была реализована (или в конечном счете отвергнута) эта идея, но тот факт, что гражданские коллективы многих полисов Пелопоннеса в III в. отчаянно

³³ Rizakis A.D. Achaïe III. P. 134–137. No 94.

нуждались в притоке «свежей крови», совершенно очевиден. Даже если не принимать во внимание совершенно исключительную ситуацию в Спарте, где в результате постепенной деградации «общины равных», а затем реформ Клеомена III и Набиса выходцы из старых спартанских родов стали составлять явное меньшинство новой гражданской общины, у нас есть достаточно оснований для вывода, что стабильность состава гражданских коллективов, характерная для периода расцвета полисного строя, отныне перестала быть незыблемым принципом.

Далеко в прошлом осталась и еще одна особенность идеальной модели классического полиса: ограничение имущественного расслоения гражданского коллектива и внутреннее социальное сотрудничество между различными группами граждан, обеспечивающие полное единство и сплоченность гражданской общины. Как известно, кризис классического полиса проявлялся, помимо прочего, в поляризации собственности и обострении социальных конфликтов. Эти процессы не обошли стороной и Пелопоннес, однако нельзя не подчеркнуть, что в разных областях и общинах полуострова они приняли разные масштабы. Крайним проявлением поляризации собственности было положение, которое к середине III в. сложилось в Спарте, где, согласно Плутарху (Agis 5. 6–7), «спартиатов было теперь не более семисот, да и среди тех лишь около ста владели землею и наследственным имуществом, а все остальные нищею и жалкою толпой сидели в городе, вяло и неохотно поднимаясь на защиту Лакедемона от врагов...» (пер. С.П. Маркиша)³⁴. Подобная концентрация огромного земельного фонда в руках сотни магнатов, в том числе женщин (Plut. Agis. 4. 1–2; 7. 5), была вызвана специфическими условиями Спарты. Ведь здесь граждане традиционно не занимались производительным трудом, товарно-денежные отношения долгое время искусственно сдерживались, а когда после принятия так называемой ретры Эпитадея эта «плотина рухнула»³⁵, процесс поляризации собственности принял лавинообразный характер. В других городах Пелопоннеса даже зажиточные граждане испокон веков повседневно управляли своим хозяйством, были привязаны к нему и даже

³⁴ Комментарии к этой фразе, включая рассуждения о том, имелись ли земельные наделы у шестисот обедневших, но полноправных спартиатов, и какова была численность *ύπομειβες* и, возможно, других неполноправных групп гражданского населения, см. в работах: *Shimron B.* Late Sparta. P. 7–8; *Marasco G.* Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. Vol. 1. Roma, 1981. P. 221; *Fuks A.* Social Conflict in Ancient Greece. Jerusalem; Leiden, 1984. P. 230–248; *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta. P. 39–40; *Печатнова Л.Г.* Первый этап реформ в эллинистической Спарте // Мнемон. 2011. Вып. 10. С. 176–178.

³⁵ *Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 438.

лично участвовали в крестьянских работах³⁶, так что расстаться со своими наследственными владениями, продав их кучке богачей, столь легко, как это произошло в Спарте, они вряд ли могли. Конечно, имущественное неравенство среди граждан было очевидным и, возможно, увеличивалось, но обладателей действительно огромных частных состояний, таких, как Агис IV (600 талантов: *Plut. Agis* 9. 5) или этолиец Александр (200 талантов: *Polyb. XXI. 26. 14*), в Пелопоннесе не могло быть много. Характерно, что среди декретов, обнаруженных в разных частях греческого мира, которые прославляют местных благодетелей («эвергетов»), оплачивавших из собственных средств значительные расходы на нужды родного полиса³⁷, а иногда и фактически содержавших город, нет ни одного, относящегося к Пелопоннесу III–II вв. Арат из Сикиона принадлежал к очень состоятельной семье, но когда ему потребовалось собрать 60 талантов для организации нападения на Акрокоринф, он, не располагая подобными деньгами, собрал в доме все драгоценные предметы и выдал участникам предприятия в качестве задатка (*Plut. Arat* 19.1), который, разумеется, стоил гораздо меньше указанной суммы. Когда 580 «богатейших» (*Cic. De off.* 2.23) граждан Сикиона вернулись в 250 г. из изгнания, тот же Арат добился,

³⁶ Несколько идеализированный, но в целом вполне реалистичный портрет зажиточного земельного собственника из Мегалополя эллинистического времени рисует нам Плутарх в биографии Филопемена (*Plut. Philop.* 4. 2–3), основанной на сведениях Полибия. Располагая имением в нескольких километрах от города, Филопемени обывало проводить там ночь, а утром занимался сельскохозяйственным трудом вместе со своими работниками, после чего отправлялся в город ради общественных дел. Подобно Исхомаху, персонажу «Экономики» Ксенофонта, который имел те же обыкновения (11. 14–17), Филопемени представлял собой образец «ancient gentlemen farmers» (*Chandezon C. Some Aspects of Large Estate Management in the Greek World during Classical and Hellenistic Times // Z.H. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen (eds.). The Economies of Hellenistic Societies, Third to First Centuries BC. Oxford, 2011. P. 98*), знатоков и любителей сельского хозяйства, которые лично участвовали не только в управлении имением, но и в самих сельских работах.

³⁷ См. обзор сведений о таких людях в работе: *Gauthier Ph. Les cités grecques et leurs bienfaiteurs. Paris, 1985* (о местных благодетелях в городах эллинистического времени, кроме Афин, см. специальную главу, р. 66–76). Едва ли следует на основании отдельных примеров эвергетизма делать далеко идущие выводы о всеобщем распространении этого явления и, как следствие, о деградации полисного народовластия во всем эллинистическом мире (см.: *Грушевой А.Г. Народовластие в греческих полисах эллинистического периода по почетным декретам в честь эвергетов // Мнемон. 2016. Вып. 16. 1. С. 67–80, особенно спорное утверждение на с. 77: «У нас есть достаточно оснований считать такой вариант эволюции политической жизни и политической системы полисов в рассматриваемое время универсальным для всех регионов, населенных греками»). Относительно того, что эвергетизм, по крайней мере до римского завоевания, вовсе не приводил к упадку полисного самоуправления, см. также: *Gruen E. The Polis in the Hellenistic World. P. 349–352.**

чтобы за счет египетской казны им была компенсирована стоимость их недвижимости, перешедшей в чужие руки. В итоге на каждого пришлось в среднем примерно по 2 тысячи драхм (Plut. Arat. 9. 3; 13. 4; 14. 1–2), что соответствует гоппитскому цензу в Афинах 332 г. (Diod. 18. 18. 4). Выше уже упоминалось о том, что в Диме 52 человека одновременно получили гражданство и, надо полагать, право собственности на земельные участки, а в Мегалополе приобрела популярность идея пополнить ряды граждан новыми людьми и выделить им треть земельного фонда, находившегося во владении частных лиц. Характерно здесь то, что жители обоих городов готовы были поделиться землей с новыми поселенцами, в то время как о другом способе укрепления гражданского коллектива — перераспределении земли в пользу неимущих граждан местного происхождения — речи не шло³⁸. Очевидно, проблема нехватки земли у граждан местного происхождения не была столь острой, чтобы исключить возможность приглашения новых граждан «со стороны».

Показательно, что даже в трудные времена III в. в Пелопоннесе (за пределами Спарты) почти неизвестны массовые социальные движения под лозунгом «передела земли и отмены долгов». Даже в годы Клеоменовой войны (229–222 гг.) серьезные волнения на этой почве в городах Ахейского союза в источниках прямо не упоминаются. Историк Филарх, поклонник Клеомена III и любитель драматизации исторических собы-

³⁸ Часто доказательством вопиющего социального неравенства и распространения уравнилельных идей в Мегалополе примерно этого же времени считают мелиамб Керкида, уроженца этого города и влиятельного местного политика (Cercid. F. 1 Diehl3; сведения об авторе и его произведениях см. в работах: *Нахов И.М.* Поэзия протеста и гнева (Согад, Феникс, Керкид) // Вопросы классической филологии. 1973. Вып. 5. С. 34–38; *Lomiento L.* Cercida. Introduzione, testimonianze, testo critico, traduzione e commento. Roma, 1993. P. 9–85; *López Cruces J.L.* Les méliambes de Cercidas de Mégapolis. Politique et tradition littéraire. Amsterdam, 1995. P. 3–15, 39–53; *Williams F.* Cercidas: The Man and the Poet // M.A. Harder, R.F. Regtuit, G.C. Wakker (eds.). Beyond the Canon. Leuven; Paris, 2006. P. 345–356). Керкид действительно выражает возмущение несправедливо нажитыми богатствами и расточительным образом жизни некоторых своих сограждан и призывает на их головы месть богов, в том числе «изобретенного» им самим божества Μετάδως (от глагола «делиться» — стк. 30). Однако усматривать здесь призыв к переделу земли едва ли следует: обличаемого персонажа поэт именует «грязным мошенником-ростовщиком» (стк. 7), богатство которого воплощается в золоте и другом «невидимом имуществе». Сам Керкид принадлежал к местной элите, и едва ли ему были близки идеи всеобщего передела земли напоподобие осуществленного Клеоменом в Спарте. Как представитель кинической школы, Керкид осуждал роскошь, расточительство и социальное неравенство, но декларируемый им лозунг «поделись!» означает скорее призыв не к революционным мерам, а к филантропии в киническом духе со стороны зажиточных верхов (*Davies J.K.* Cultural, Social and Economic Features. P. 295; *Lomiento L.* Cercida. P. 210; *López Cruces J.L.* Les méliambes de Cercidas. P. 123–130).

тий, по-видимому, пытался создать впечатление, что социальные реформы Клеомена в Спарте вызвали симпатии к нему со стороны бедняков во всем Ахейском союзе, которые желали передела земли и отмены долгов и способствовали переходу ахейских городов под власть лакедемонян³⁹. Поддавшись такому впечатлению, некоторые исследователи связывали кризис Ахейского союза в годы Клеоменовой войны с «революционным движением» низов, охватившим огромную часть Пелопоннеса⁴⁰. Однако если провести тщательный анализ сведений всех источников о ходе Клеоменовой войны и рассмотреть ситуацию в каждом городе отдельно, то окажется, что одни ахейские полисы перешли на сторону Клеомена еще до начала социальных реформ в Спарте, другие имели свои особенные причины (исторические, внешнеполитические, связанные с борьбой партий внутри местной элиты) поддержать лакедемонян⁴¹. Пожалуй, лишь в Аргосе важным мотивом поддержки Клеомена являлись ожидания отмены долгов, которые были распространены среди τὸ πλῆθος, т.е. простонародья (Plut. Cleom. 20. 5). Поэтому успехи Клеомена не следует считать доказательством вопиющего социального неравенства в пелопоннесских полисах и наличия в них массы склонных к «революции» обездоленных граждан, хотя, разумеется, появление множества «клеоменистов» в разных городах Ахейского союза свидетельствует не только о военной слабости федерации под главенством Арата и о глубоких исторических корнях той тяги, которую испытывали многие пелопоннесцы к возрожденной Спарте, но и об обострении политической борьбы внутри гражданских коллективов, расколовшихся на враждующие партии⁴². Впрочем, в более

³⁹ Это отражено во фразе Плутарха, который при написании биографии Клеомена пользовался трудом Филарха как главным источником: «Города стали стремиться к выходу из союза, так как простой народ (δῆμος) возымел надежды на передел земли и отмену долгов» (Plut. Cleom. 17. 5).

⁴⁰ «A rising of revolution of the poorer classes», «a wave of revolutionary enthusiasm such as Greece have never seen» (Tarn W.W. The Social Question of the Third Century // J.V. Bury, E.A. Barber, E. Bevan, W. Tarn. The Hellenistic Age. Cambridge, 1925. P. 136); «a comprehensive revolutionary movement» (Fuks A. Social Conflict. P. 74). Другие исследования с подобными же оценками указаны в работе: Сизов С.К. Ахейский союз. С. 165. Прим. 54.

⁴¹ См. подробнее: Сизов С.К. Ахейский союз. С. 111–120; Urban R. Wachstum und Krise des Achäischen Bundes. Wiesbaden, 1979. S. 159–214.

⁴² Другие свидетельства о внутрполисных конфликтах III в. — уже упоминавшиеся факты, связанные с установлением тиранических режимов, репрессиями, которые проводили тираны, и борьбой части граждан против них, а также сведения об обострении политической борьбы по поводу нового законодательства и возможных реформ в Мегалополе в 217 г. (Polyb. V. 93. 1–10); рассказ Полибия (IV. 17. 4–18. 8), о непрерывных распрях, борьбе партий и изгнаниях, сопровождавшихся переделами имущества,

спокойном и благополучном II в. внутренние конфликты в полисах (кроме той же Спарты), кажется, утихли, и политическая борьба велась скорее между партиями «федерального уровня».

В течение III в. явный кризис испытывал еще один из важнейших институтов полисного строя — гражданское ополчение. У нас отсутствуют данные о том, как была налажена военная подготовка эфебов, проводились ли военные учения, успешно ли происходила мобилизация ополчения в случае необходимости (а все эти задачи даже после вступления полисов в Ахейский союз должны были решаться городами, а не федерацией). Однако тяжелые поражения ахейской армии в битвах с Клеоменом, а затем с этолийцами свидетельствуют скорее о плачевном состоянии гражданского ополчения в полисах Пелопоннеса. Дело дошло до того, что последняя кампания Союзнической войны (217 г.) велась со стороны ахейцев почти исключительно профессиональной армией, которая состояла из наемников и корпуса из трех тысяч отборных воинов («эпилектов»), которые были набраны в городах союза и несли службу на постоянной основе (Polyb. V. 91–92; 94–95). Впрочем, ближе к концу III в. начались перемены к лучшему, и гражданское ополчение стало вновь обретать свои боевые качества, что было связано с реформами Филопемена. В 210/9 г. Филопемени, будучи союзным гиппархом, реорганизовал кавалерию, объезжая города, устраивая смотры, учения и состязания всадников (Polyb. X. 23; Plut. Philop. 7. 3–7). До него гиппархи либо не имели достаточного опыта, либо рассматривали свою должность лишь как ступень в политической карьере (Polyb. X. 22. 8–10), отчего дисциплина и боевая подготовка конницы оставляли желать лучшего. Нажим со стороны Филопемени подстегнул городские власти, что быстро принесло плоды: уже летом 209 г. ахейская кавалерия вместе с македонской нанесла поражение элейской коннице (Liv. XXVII. 31. 9–11; Plut. Philop. 7. 6–7). Через два года, оказавшись на посту стратега, Филопемени начал перевооружение пехоты по образцу македонской фаланги и стал проводить регулярные учения пеших подразделений (Polyb. 11.8–10.8; Plut. Philop. 8–9; Paus. VIII. 50. 1). В сентябре 207 г. его армия одержала решительную победу над войском спартанского тирана Маханида (Polyb. XI. 10. 9–18. 6; Plut. Philop. 10; Paus. VIII. 50. 2). Вначале бои завязались между наемниками, но главный и сокрушительный удар нанесла фаланга, созданная Филопемени из граж-

---

в Кинифе (Северная Аркадия); отрывочная информация о перевороте (по-видимому, даже двух переворотах — 219 и 215 гг.) в Мессении, где «демократическая» партия свергла власть «олигархов» и отправила их в изгнание (источники и их интерпретация: Mendels D. Messene 215 BC: An Enigmatic Revolution // Historia. 1980. Bd. 29. Nr. P. 246–250).

дан (Polyb. XI. 15. 2 — 17. 2). Следует отметить, что это была первая битва, в которой ахейцы наголову разбили лакедемонян без всякой помощи со стороны Македонии⁴³.

В 197 г. ахейское войско, составленное аналогичным образом, нанесло под Коринфом поражение македонскому военачальнику Андросфену. Ахейский стратег Никострат, имея при себе постоянное войско из 2100 человек (Liv. XXXIII. 14. 6) — видимо, наемников⁴⁴, — вызвал из ближайших городов отряды гражданского ополчения, увеличив свою армию до 5300 воинов (14. 10–12), и внезапно напал на врага. Наемников при этом он использовал отчасти для охраны ущелья, ведущего к полю боя, отчасти в самом сражении в качестве легковооруженных; решающую же роль сыграла гоплитская фаланга (15. 3–5), явно составленная из воинов-граждан. По сравнению с временами Клеоменовой и Союзнической войн ситуация явно изменилась. По словам Полибия (XXIX. 24. 8), численность ахейской армии после того, как в состав союза вошел практически весь Пелопоннес, могла достигать 30–40 тысяч человек⁴⁵. Понятно, что профессиональные воины могли составлять лишь небольшую часть этого огромного по греческим меркам войска. Это означает, что усилия Филопемена и его преемников принесли свои плоды: под давлением федеральной власти полисы Пелопоннеса возродили пришедшую было в упадок систему подготовки и мобилизации гражданского ополчения. Как ни парадоксально это звучит, но ахейцы в значительной мере осуществили тот план, который лежал в основе преобразований Агиса и Клеомена в Спарте. Впрочем, в новую эпоху любое, даже прекрасно подготовленное и многочисленное ополчение греческого государства не могло тягаться с армиями великих держав, что и продемонстрировали неудачи спартанцев в заключительной фазе Клеоменовой войны, а затем разгром ахейской армии римлянами в 146 г.

Что касается организации власти в городах Пелопоннеса эллинистического времени, то эволюцию их политических институтов можно разделить на три этапа. Первый из них, который условно можно назвать «до-

⁴³ О военной реформе Филопемена и ее значении см. подробнее: *Anderson J.K. Philoemen's Reform of the Achaean Army // CPh. 1967. Vol. 62. P. 104–106; Errington R.M. Philoemen. Oxford, 1969. P. 49–64.*

⁴⁴ *Aymard A. Les premiers rapports de Rome et de la confédération achaienne. Paris, 1938. P. 166. Not. 25.*

⁴⁵ В литературе это считается вполне реальной оценкой: *Beloch K.J. Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. Leipzig, 1886. S. 156; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. I. Paris, 1949. P. 139; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. P. 400.*

ахейским», охватывал для большинства полисов первую половину и середину III в., но для некоторых (Спарта, Мессения, Элида) продолжался до начала II в. Внутривнутриполитическую ситуацию этого периода в городах Пелопоннеса вкратце можно охарактеризовать следующим образом. Целый ряд полисов, как уже говорилось, оказался под властью тиранов, которая в отдельных городах продолжалась десятилетиями, однако к началу 20-х гг. данного столетия все тиранические режимы так или иначе прекратили свое существование. Освобожденные от тирании полисы сразу же вступали в Ахейский союз⁴⁶, который гарантировал им, как и другим участникам федерации, восстановление и сохранение *πάτριος πολιτεία* (SVA III. 489, сткк. 3–4), т.е. того политического строя, который существовал до установления тирании. Те города-государства, которые избежали тирании и в то же время оставались вне Ахейского союза, предположительно в основном сохраняли свои политические институты позднеклассической эпохи. По крайней мере, у нас нет сведений о том, что македоняне изменяли государственный строй полисов, где стояли их гарнизоны, а относительно тех гражданских общин, которые оставались полностью независимыми до вступления в Ахейский союз, мы имеем слишком мало точно датированного эпиграфического материала, чтобы судить о каких-либо переменах в политической организации в этот период их истории⁴⁷. В нарративных источниках также нет упоминаний о таких изменениях почти во всех южно-греческих полисах, кроме Спарты (упоминавшиеся выше переворот 227 г. и последующие события) и Мессении, где за некоторое время до 220 г., в неизвестный нам момент в рамках III в., к власти пришли «олигархи» (Polyb. IV. 31. 2; 32. 1)⁴⁸, свергнутые затем сторонниками «демократии»

⁴⁶ Подробный обзор исторических событий, о которых идет речь, можно найти в работах: *Сизов С.К.* Ахейский союз. С. 20–48; *Urban R.* Wachstum und Krise. S. 5–96; *Kralli I.* The Hellenistic Peloponnese. P. 156–204.

⁴⁷ Редкое исключение — серия из 11 декретов на бронзовых табличках из аркадского Орхомена, среди которых есть отдельные документы с более или менее обоснованными датировками (*Plassart A., Blum G.* Orchomène d'Arcadie. Fouilles de 1913. Inscriptions // BCH. 1914. T. 38. P. 451–470). Судя по формулировкам постановлений, и в первой половине III в., и в конце этого столетия в Орхомене верховная власть принадлежала народному собранию, существовали одни и те же названия магистратур, и лишь название городского совета по неизвестным причинам менялось (*βωλά* или *ἀλιαία*). В течение всего этого времени Орхомен то сохранял независимость, то участвовал (недолго) в Ахейском союзе, то оказывался оккупирован македонским гарнизоном (последние два десятилетия III в.). Если в политическом строе города на протяжении этого столетия и происходили какие-то перемены, их направленность определить невозможно.

⁴⁸ В конце IV в. верховная власть в Мессении принадлежала «демосу» (IG V. 1. 1425; SEG XLIII. 135), т.е. олигархии в классическом виде не существовало. Если она и была установлена Антипатром по окончании Ламийской войны (*Luraghi N.* The Ancient

(VII. 10. 1)⁴⁹. Показательно, что это единственный режим в Пелопоннесе III в., который Полибий именует олигархическим: по-видимому, время классической олигархии уже прошло.

Второй («ахейский») этап эволюции политических институтов в городах Южной Греции в интересующий нас период — время участия пелопоннесских полисов в Ахейском союзе. Как уже неоднократно упоминалось, новым членам федерации ахейцами давалась гарантия сохранения «отечественного строя», что подразумевало воздержание от каких-либо попыток изменить конституции полисов со стороны федеральных органов власти. В источниках упомянут лишь один случай, когда политическая организация пелопоннесского полиса была изменена ахейцами насильственным образом: в 188 г., после подавления мятежа в Спарте, ахейские власти заставили лакедемонян «отменить законы Ликурга и приучиться к ахейским законам и учреждениям»⁵⁰. Два спартанских декрета, изданных после 188 г. (IG V. 1. 4; 5), демонстрируют, что политический строй Спарты действительно был изменен кардинальным образом: отсутствуют упоминания о герусии и эфорах (не говоря уже о царях), появляются названия коллегий должностных лиц, распространенных в городах Ахайи⁵¹. Другие случаи подобного рода в истории Ахейского союза неизвестны, однако в литературе нередко высказываются предположения, согласно которым политические институты в городах федерации все же подвергались некоей унификации — то ли под давлением союзных властей, то ли по собственному желанию городов, желавших подражать ахейцам в отношении политического устройства. Популярности этой гипотезы немало

Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. Cambridge, 2008. P. 255), то просуществовала недолго, поскольку Полиперхонт в 319 г. призвал пелопоннесских греков заключить с ним союз и свергнуть поставленные Антипатром олигархические правительства (Diod. XVIII. 69. 3–4), а надпись SEG XLIII. 135 показывает, что мессеняне перешли на его сторону. Таким образом, установление упомянутой Полибием олигархии должно относиться уже к следующему столетию.

⁴⁹ Установление демократии сопровождалось переменами в иерархии должностных лиц: вместо эфоров (Polyb. IV. 4. 2; 32. 1) высшими магистратами Мессении стали стратеги (Plut. Arat. 49. 4). О вероятной подоплеке этой перемены см. разные мнения в работах: Roebuck C.A. A History of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P. 78; Mendels D. Messene 215 BC. P. 248; Grandjean C. Les Messéniens de 369 au 1er siècle de notre ère. Monnayages et histoire. Athènes; Paris, 2003. P. 78–79.

⁵⁰ Liv. XXXVIII. 34. 3: uti <..> Lycurgi leges moresque abrogarent, Achaeorum adsuescerent legibus institutisque. См. также: Liv. XXXVIII. 34. 9; XXXIX. 36. 4; 37. 2–8; Plut. Philop. 16. 8; Tit. 22. 6.

⁵¹ Подробнее об этой реформе см.: Сизов С.К. Реформа политического строя Спарты в 188 г. до н.э. // Боспор и античный мир. Н. Новгород, 1997. С. 201–213 и указанную там библиографию.

способствовала работа Х. Свободы, которая уже более столетия остается единственным обобщающим исследованием этой проблемы во всех ее подробностях⁵². С точки зрения этого исследователя, ахейцы навязали полисам Пелопоннеса целый ряд собственных учреждений взамен местных исконных институтов: внедрили в городах за пределами Ахайи коллегии дамиургов, полемархов, номографов, ввели обычай совместного заседания всех магистратов города в коллегии *συναρχίαи* с пробулевтическими функциями, учредили в полисах «советы старейшин» (герусии), способствовали превращению обычного городского совета (*βουλή*) в гораздо более могущественное учреждение под названием *συνέδριον* и возвысили скромную доселе фигуру секретаря совета до положения одного из главных должностных лиц города. Отдельные выводы Х. Свободы до сих пор принимаются в исследованиях, особенно тех, которые касаются истории отдельных полисов или политических институтов⁵³.

Впрочем, уже достаточно давно А. Эймар подверг сомнению целый ряд утверждений Х. Свободы⁵⁴, и внимательный анализ эпиграфического материала в его нынешнем состоянии подтверждает, что Свобода сильно преувеличил тенденцию к унификации политических институтов в городах федерации. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь, что, как сейчас доказано, «синедрион» с его влиятельным секретарем появился в городах Пелопоннеса в результате римских реформ 146 г.⁵⁵; к римскому же времени относится распространение «советов старейшин» как государствен-

⁵² *Swoboda H.* Studien zu den griechischen Bünden. S. 38–50.

⁵³ *Niccolini G.* La confederazione Achea. Pavia, 1914. P. 255–262; *Tarn W.W.* The Greek Leagues and Macedonia // САН. Ed. 1. Vol. VII. 1928. P. 736; *Schwahn W.* Συμπολιτεία. Sp. 1259–1261; *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. S. 97–98; *Touloumakos J.* Der Einfluss Roms auf die Staatsform der griechischen Stadtstaaten des Festlandes und der Inseln in ersten und zweiten Jhdt v.Chr. Göttingen, 1967. S. 12–16; *Veligianni-Terzi Ch.* Damiurgen. Zur Entwicklung einer Magistratur. Heidelberg, 1977. S. 63; 65–66; 75; 77; *Desbours N.* Les institutions civiques de Messène à l'époque hellénistique tardive // ZPE. 2004. Bd. 150. S. 136–13; 142; 144–145; *Robu A.* Recherches sur l'épigraphie de la Mégaride: le décret d'Aigosthènes pour Apollodoros de Mégare (IG VII, 223) // N. Badoud (ed.). Philologos Dionysios. Mélanges offerts au professeur Denis Knoepfler. Genève, 2011. P. 88–90.

⁵⁴ *Aymard A.* Les assemblées de la confédération achaienne: étude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux, 1938. P. 171–175.

⁵⁵ См. подробнее: *Сизов С.К.* Senatus populusque Graecus: реформа политического устройства городов Пелопоннеса в 146 г. до н.э. // ВДИ. 2017. № 1. С. 45–49; *Piérart M.* Penser Rome en Grec... Penser Rome en grec // O. Curty (ed.). Épigraphie romaine et historiographie antique et modern. Fribourg, 2013. P. 27–32; *idem.* Une nouvelle proxénie argienne de la basse époque hellénistique et les synèdres d'Argos // А.И. Иванчик (ред.). Monumentum Gregorianum. Сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. М., 2013. С. 283–287.

ных органов в ряде полисов, где их не было прежде⁵⁶. Коллегия полемархов, действительно, существовала в городах Ахайи⁵⁷, но едва ли ее упоминание в документах из Арголиды (IG IV. 752, сткк. 8–12; SEG XXIII. 178, стк. 3) того времени, когда Аргос, Клеоны и Трезен, где зафиксирована эта магистратура, входили в Ахейский союз, свидетельствует о заимствовании этого института у ахейцев: полемархи существовали в Арголиде (Флиунте и Аргосе) еще в классический период⁵⁸. В полисах Мессении (Мессене и Фурии) полемархи впервые упоминаются только в римское время (Syll.³ 736, сткк. 160–165; IG V. 1. 1379, сткк. 9–12), но нам настолько мало известно о политическом устройстве Мессении в период до ее вхождения в Ахейский союз, что с уверенностью приписывать появление этой коллегии в мессенских общинах ахейскому влиянию никак нельзя. Кроме того, характерно, что в Спарте после 188 г., когда лакедемонянам были навязаны «ахейские учреждения», полемархи неизвестны.

Впрочем, есть некоторые основания считать, что городские органы власти ряда областей Пелопоннеса все же подверглись определенному реформированию под влиянием ахейских образцов. В частности, коллегия дамиургов, которые были высшими должностными лицами в городах Ахайи и представляли собой важную часть правительства Ахейской федерации, выступает во многих документах из городов Ахейского союза за пределами собственно Ахайи в качестве очень влиятельных или даже высших магистратов этих полисов. При внимательном рассмотрении оказывается, что нет ни одного неоспоримого свидетельства (кроме надписи IG. V. 1. 5 из Спарты, где ахейцы в приказном порядке внедрили свои учреждения) того, что сама по себе коллегия дамиургов, являвшаяся очень распространенным институтом в разных областях Пелопоннеса еще в классическую эпоху, была впервые учреждена в каком-либо городе только в период его участия в Ахейском союзе. С другой стороны, можно утверждать, что в некоторых полисах (Аргос, Мессения, Эгосфены в Мегариде, возможно, также Орхо-

⁵⁶ Надписи из городов, где герусия появляется впервые во II–I вв. (IG IV. 579 — Аргос; V. 2. 22 — Тегея; 324 — Мантинейя; 345 — Орхомен; 443 — Мегалополь; Syll.³ 736 — Мессения), точно датируются временем после римского завоевания. Единственный документ ахейского времени, где упоминается этот термин, происходит из Димы и имеет в виду совет старейшин не города, а частного сообщества *ἔρανος* (Rizakis A.D. *Achaïe* III. P. 36–40. No 1). О подоплеке появления «советов старейшин» в греческих общинах именно в римское время см.: Spawforth A.J.S. *Greece and the Augustan Cultural Revolution*. Cambridge; New York, 2012. P. 169–176.

⁵⁷ Rizakis A.D. *Achaïe* III. P. 134–137. No 94, сткк. 18–20.

⁵⁸ Athen. V. 210b; Kritzas Ch. *Nouvelles inscriptions d'Argos: les archives des comptes du Trésor sacré (IVe s. av. J.-C.)* // CRAI. 2006. T. 150. P. 422.

мен) дамиурги именно в это время возвысились и превратились в высшую коллегию должностных лиц, оттеснив с этой позиции стратегов или других магистратов⁵⁹. Ахейское влияние можно усмотреть также в том, что в ряде городов именно в III—I вв. впервые оставляет эпиграфические следы своей деятельности, заключающейся в составлении, редактировании и систематизации текстов законов, коллегия номографов («законописцев»)⁶⁰. Подобная коллегия существовала у ахейцев и на федеральном уровне⁶¹, что могло послужить примером для отдельных полисов, учредивших у себя орган с тем же названием и примерно теми же функциями. Другое дело, что коллегия номографов как таковая могла и не являться ахейским изобретением: в соседнем Этолийском союзе она существовала и работала, самое позднее, уже в 260-х гг. (IG IX. 1². 1. 176, сткк. 16–17), когда возрожденная Ахейская федерация еще только складывалась. Тем не менее представляется более вероятным, что города Пелопоннеса внедрили в свою политическую организацию этот институт, используя опыт не иноземных государств, а своей собственной федерации.

Наконец, очень вероятно, что многие полисы Ахейского союза, расположенные за пределами собственно Ахайи, заимствовали у федерации или коренных ахейских городов практику устраивать совместные заседания всех или наиболее влиятельных коллегий должностных лиц под общим названием *συναρχίαι*. Задача этого представительного совещания состояла главным образом в том, чтобы предварительно рассматривать ходатайства о предоставлении почестей или другие вопросы и давать соответствующие рекомендации совету и народу. Следует заметить, что собрание федеральных магистратов подобными пробулеватическими функциями не обладало, так что местные *συναρχίαι* не являлись точной копией союзного органа; однако есть резоны полагать, что обычай созывать объединенную коллегию разных магистратов первоначально возник на федеральном уровне, а затем распространился и в полисах⁶².

Таким образом, политическое устройство ахейских полисов не было полностью стандартизированным. Напротив, имеются многочисленные

⁵⁹ Этот вывод вытекает из материала, приведенного в статье: Sizov S. The Damiourgoi in the Cities of the Peloponnese and the Achaian Koinon // DHA. 2017. Vol. 43. P. 11–32.

⁶⁰ Мегалополь: Syll.³ 559, сткк. 45–50 (208 г.); IG V. 2. 433, сткк. 16–17 (II в.); Гермiona: IG IV. 679, сткк. 23–25 (не ранее конца III в.); Дима: Syll.³ 684, сткк. 18–19, 23–24 (144/3 г.); Спарта: IG V. 1. 7 (II в.); Тегея: IG V. 2. 24, сткк. 4–5 (предположительно, I в.); Фурия: SEG XI. 974, сткк. 29–32 (I в.).

⁶¹ I Magnesia 39, сткк. 43–45; IG IV. 12. 73; Rizakis A.D. Achaïe III. P. 168–170. No 116.

⁶² Подробнее см.: Sizov S. The *συναρχίαι* in the Achaian Federation and its Member Cities // Tyche. 2017. Bd. 32. P. 225–234.

подтверждения тому, что местные традиционные институты, унаследованные от классической эпохи, благополучно продолжали функционировать и после вступления того или иного города в Ахейский союз. Прежними остались, в частности, должности эпонимных магистратов: феокол в Диме (Syll.³ 529; 530), жрец Асклепия в Эпидавре (IG IV² 1. 60; 61; 71), базилей в Мегарах (SEG XIII. 327); в Аргосе продолжали играть важную роль стратеги (Plut. Arat. 44. 5; Liv. XXXII. 25. 2; SEG XVI. 255), неизвестные в городах исконной Ахайи, а также старинная коллегия восьмидесяти⁶³, в Мегарах сохранилась столь же древняя коллегия эсимнетов (IG VII. 15) и т.д. Тем не менее общие принципы политического устройства в различных городах союза были идентичными. Верховным органом власти везде являлось народное собрание, которое выступает в роли последней инстанции при принятии решений во всех сохранившихся полисных декретах ахейского времени⁶⁴. Большинство дошедших до нас народных постановлений составляют почетные декреты, что вообще характерно для нынешнего состояния греческих эпиграфических источников, однако некоторые решения народных собраний касаются вопросов, существенных для любого полиса: территориальных споров с соседями (SEG LVIII. 370), сбора средств на укрепление городских стен (IG IV. 757), установления дружеских связей с другим городом (IG IV. 679), признания панэллинского статуса религиозного праздника (SEG XII. 371; IMagnesia 38; 40; 41), предоставления гражданства иностранцам (Syll.³ 529). В Диме народное собрание выступает даже в роли высшей судебной инстанции по делу фальшивомонетчиков (Syll.³ 530). В литературных источниках иногда упоминается, что народные собрания ахейских полисов (ἔκκλησιαι, contiones) обсуждают даже вопросы внешней политики союза (Polyb. XXXVIII. 11. 7; Liv. XLII. 37. 7). Ни разу окончательное решение не принимают выборный совет (βουλά) или совещание магистратов (συναρχίαι); их задача, судя по формулировкам постановлений, сохранившимся в городских декретах, состояла в подготовке

⁶³ Коллегия οἱ ὀγδοήκοντα упоминается еще у Фукидида (V. 47. 9). Она продолжала существовать и накануне римского завоевания, судя по данным неопубликованной пока надписи, которая цитируется в работе: *Rhodes P.J., Lewis D.M. Decrees of the Greek States. New York, 1997. P. 69.*

⁶⁴ В одних надписях местное народное собрание называется δᾶμος; IMagnesia 40; SEG XVI. 255 (Аргос); SEG LVIII. 370 (Мессения), IMagnesia 41 (Сикион); IG VII. 223 (Эгосфены); IG IV. 756; 757 (Трезен); IG VII. 15 (Мегары), в других — πόλις или πολιται: IG IV. 679 (Гермиона), Syll.³ 559; 624 (Мегалополь), *Plassart A., Blum G. Orchomène d'Arcadie. P. 457–458, No II, 3 (Орхомен), SEG XII. 371 (Эгира), IG IV 2 1. 60 (Эпидавр); IG V 2. 394 (Лусы). Syll.³ 529, 530 (Дима).*

рекомендаций народному собранию, как и было принято в любом демократическом греческом полисе. Процедура выборов должностных лиц в ахейских городах в источниках не описана, но нет никаких сомнений в том, что они избирались народным собранием и были ему подотчетны.

В целом политический режим, существовавший в полисах Пелопоннеса в период их участия в Ахейской федерации, можно охарактеризовать как типичную для эллинистического периода умеренную демократию, свободную от крайностей как олигархического (цензовые ограничения политических прав граждан⁶⁵, замена народного собрания олигархическим органом ограниченного состава), так и радикально-демократического характера (замещение должностей по жребию, уплата жалованья за исполнение общественных обязанностей). Что касается социальной подоплеки ахейской «истинной демократии», превозносимой Полибием (II. 38. 6), то в литературе давно укоренилось мнение, согласно которому подлинная власть и решающее влияние в Ахейском союзе принадлежали представителям зажиточной элиты, навязывавшим демосу свою волю⁶⁶, и в источниках имеются недвусмысленные подтверждения этому выводу (Polyb. X. 22. 9; XXXVIII. 12. 5; Plut. Philop. 7. 4). Однако следует принять во внимание, что такая оценка относится прежде всего к федеральным органам власти. Определявшие политику союза федеральные собрания (синоды), проводимые четыре раза в год в Эгии, а после 188 г. — и в других городах Пелопоннеса, посещали главным образом состоятельные граждане, поскольку человек невысокого достатка никак не мог себе позволить четырежды в год совершать путешествия в другие города, иногда на противоположный конец полуострова, что занимало несколько дней и отрывало его от повседневного труда и ведения хозяйства. Что же ка-

⁶⁵ Имеется достаточно правдоподобное и косвенно подтверждаемое другими источниками свидетельство Павсания (VII. 16. 9), согласно которому имущественный ценз для занятия должностей в городах Пелопоннеса был введен только после римского завоевания. См. далее.

⁶⁶ См., в частности: *Niccolini G.* La confederazione Achea. P. 216; 262; *Aymard A.* Les assemblées. P. 335–336; *Wehwei K.-W.* Demokratie und Masse bei Polybios // *Historia*. 1966. Bd. 15. Ht. S. 284–288; *Larsen J.A.O.* Greek Federal States. P. 232; *Mendels D.* Polybius and the Constitution of the Achaean League: A Note // *SCI*. 1979/1980. Vol. 5. P. 85–93; *Walbank F.W.* The Hellenistic World. Brighton, 1981. P. 157; *O'Neil J.L.* The Political Elite of the Achaean and Aitolian leagues // *AncSoc*. 1984/1986. Vol. 15/17. P. 42; *Scholz P.* Demokratie in hellenistischer Zeit im Licht der literarischen Überlieferung // *Chr. Mann, P. Scholz* (Hrsgg.). «Demokratie» im Hellenismus: von der Herrschaft des Volkes zur Herrschaft der Honoratioren? Mainz, 2012. S. 34–36; *Grieb V.* Polybios' Wahre Demokratie und die politeia von Poleis und Koina in den Historien // *V. Grieb, C. Koehn* (Hrsgg.). Polybios und seine Historien. Stuttgart, 2013. S. 215–217.

сается городских собраний и даже участия в выборных органах отдельного полиса, то на местном уровне подобные трудности уже не играли роли. Поэтому нет оснований считать, что рядовые, небогатые граждане пассивно относились к проблемам общественной жизни родного полиса и их мнение ничего не значило. Суждение о «деградации народовластия» в гражданских общинах Пелопоннеса эллинистического времени, таким образом, было бы слишком поспешным и не нашло бы прямых подтверждений в источниках.

Последний («римский») период эволюции политического строя в городах Пелопоннеса III–II вв. наступил после 146 г., когда римляне, завоевавшие Южную Грецию, провели нужные им преобразования органов власти в бывших полисах Ахейского союза. Вкратце изменения политической организации, произведенные консулом Луцием Муммием и сенатской комиссией сразу же по окончании Ахейской войны, охарактеризованы Павсанием так: «Муммий упразднил в тех краях демократические режимы и назначил власти на основании имущественного ценза» (VII. 16. 9: *δημοκρατίας μὲν κατέλαυε, καθίστα δὲ ἀπὸ τιμμάτων τὰς ἀρχάς*). Подробно содержание этой реформы рассмотрено нами в специальной статье⁶⁷, где приведена необходимая аргументация; здесь же можно ограничиться кратким перечнем основных выводов. По всей видимости, римляне не только ввели в городах Пелопоннеса цензовый строй, но и сделали средоточием власти в каждом полисе орган под названием *συνέδριον*, представлявший собой своеобразное подобие римского сената с пожизненным членством и огромными полномочиями. Теперь решающая роль имущих слоев в общественной жизни была утверждена институционально. Дальнейшая история полисных институтов в городах Южной Греции относится уже к иной сфере исследований, связанной с изучением устройства гражданских общин в грекоязычных провинциях Римской державы.

В заключение можно отметить, что с начала III в. и до римского завоевания города-государства Пелопоннеса сохраняли многие признаки и принципы полисного строя, так что вряд ли следует считать этот период временем деградации или упадка полиса в Южной Греции. Кризис полиса, с одной стороны, привел к определенной эволюции его политических и иных институтов, однако, с другой стороны, полисы не просто выжили и приспособились к новой ситуации, но и предпринимали некоторые, причем успешные попытки преодолеть последствия кризиса (свержение тираний,

⁶⁷ Сизов С.К. *Senatus populusque Graecus*. С. 42–65.

восстановление гражданского ополчения и т.д.). Характерно, что данный период ознаменовался не только яркими проявлениями континуитета в развитии уже существовавших полисов, но и рождением новых самостоятельных гражданских общин, каковыми пожелали стать, с санкции Ахейского союза, небольшие городки Мегариды, Мегалополитиды, Арголиды, Мессении, входившие прежде в состав крупных полисов⁶⁸. Так что до «конца идеи полиса»⁶⁹ было еще далеко. Полисный строй продолжал оставаться основой общественного устройства у пелопоннесских греков и в эллинистическое время.

⁶⁸ См. подробнее: *Сизов С.К.* Ахейский союз. С. 78.

⁶⁹ *Ehrenberg V.* Op. cit. S. 100.

REFERENCES

1. *Africa Th.* Phylarchus and the Spartan Revolution. Berkley, 1961.
2. *Alcock S.* Graecia Capta: the Landscapes of Roman Greece. Cambridge, 1993.
3. *Anderson J.K.* Philopoemen's Reform of the Achaean army // *ClPh.* 1967. Vol. 62. P. 104–106.
4. *Aymard A.* Les assemblées de la confédération achaienne: étude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux, 1938.
5. *Aymard A.* Les premiers rapports de Rome et de la confédération achaienne. Paris, 1938.
6. *Beloch K.J.* Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. Leipzig, 1886.
7. *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 5.Aufl. München, 1977.
8. *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967.
9. *Billows R.* The Cities // *A Companion to the Hellenistic World.* Ed. by A. Erskine. Malden; Oxford, 2003. P. 196–215.
10. *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta. London; New York, 2002.
11. *Chamoux F.* Hellenistic Civilization. Oxford, 2003.
12. *Chandezon C.* Some Aspects of Large Estate Management in the Greek World during Classical and Hellenistic Times // *The Economies of Hellenistic Societies, Third to First Centuries BC.* Ed. by Z.H. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen. Oxford, 2011. P. 96–121.
13. *Close E.* Megalopolis and the Achaian Koinon: Local Identity and the Federal State. Edinburgh, 2017.
14. *Davies J.K.* Cultural, Social and Economic Features of the Hellenistic World // *CAH.* 2nd ed. Vol. VII. Cambridge, 1984. P. 257–320.
15. *Davies J.K.* On the Non-usability of the Concept of «Sovereignty» in an Ancient Greek Context // *Federazioni e federalismo nell'Europa antica.* A cura di L. Aigner Foresti, A. Barzanò, C. Bearzot, L. Prandi, G. Zecchini. Milano, 1994. P. 51–66.
16. *Deshours N.* Les institutions civiques de Messène à l'époque hellénistique tardive // *ZPE.* 2004. Bd. 150. P. 134–146.
17. *Dixon M.* Late Classical and Early Hellenistic Corinth, 338–196 B.C. London; New York, 2014.
18. *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Tl.1. Leipzig, 1957.

19. *Errington R.M.* Philopoemen. Oxford, 1969.
20. *Ewing C.M.* The Politics of Sovereignty: Federalism in American Political Development. Austin, 2016.
21. Federalism: History and Current Significance of a Form of Government. Ed. by J.O. Boogman, G.N. van der Plaats. The Hague, 1980.
22. *Frolov E.D.* The lights of Dioscuri [Ogni Dioskurov]. Leningrad, 1984.
23. *Frolov E.D.* The birth of the Greek polis [Rozhdenie grecheskogo polisa]. Leningrad, 1988.
24. *Frolov E.D.* The historical preconditions of Hellenism // Hellenism: economics, politics, culture [Istoricheskie predposylki ellinizma // Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura]. Moscow, 1990. P. 14–58.
25. *Fuks A.* Social Conflict in Ancient Greece. Jerusalem; Leiden, 1984.
26. *Gabelko O.L.* Polemic remarks on the historical destinies of the Greek polis in the Hellenistic age // ПЕНТΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Issledovaniya po antichnoj istorii i kul'ture. Pod red. O.L. Gabelko, A.V. Mahlayuka i A.A. Sinicyna [Polemicheskie zametki ob istoricheskikh sud'bah grecheskogo polisa v epohu ellinizma // ПЕНΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies on ancient history and culture. Ed. by O.L. Gabelko, A.V. Mahlayuk, A.A. Sinicyan]. St.Petersburg, 2018. P. 180–190.
27. *Gauthier Ph.* Les cités grecques et leurs bienfaiteurs. Paris, 1985.
28. *Gauthier Ph.* Les cités hellénistique // The Ancient Greek City State. Ed. by M. H. Hansen. Copenhagen, 1993. P. 211–231.
29. *Geske N.* Agis IV und Kleomenes III. Ihre sozialen Reformen und das Volk von Sparta // Geschehen und Gedächtnis. Die hellenistische Welt und ihre Wirkung. Hrsg. von J.-F.Eckholdt, M.Sigismund, S.Sigismund. Berlin, 2009. S. 45–92.
30. *Giovannini A.* Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitie in Griechenland. Göttingen, 1971.
31. *Gluskina L.M.* The problems of the crisis of the polis // The Ancient Greece [Problemy krizisa polisa // Antichnaya Greciya]. Moscow, 1983. Vol.2. P. 5–42.
32. *Grandjean C.* Les Messéniens de 369 au 1er siècle de notre ère. Monnayages et histoire. Athènes; Paris, 2003.
33. *Grieb V.* Polybios' Wahre Demokratie und die politeia von Poleis und Koina in den Historien // Polybios und seine Historien. Hrsg. von V. Grieb, C. Koehn. Stuttgart, 2013. S. 183–218.
34. *Gruen E.* The Polis in the Hellenistic World // Nomodeiktēs. Greek studies in honour of Martin Ostwald. Ed. by R. Rosen, J. Farrell. Ann Arbor, 1993. P. 339–354.

35. *Grushevoj A.G.* Democracy in the Greek poleis of the Hellenistic period according to decrees in honor of the euergetai // *Mnemon*. 2016. Issue 16–1 [Narodovlastie v grecheskih polisah ellinisticheskogo perioda po pochyotnym dekretam v chest' evergetov // *Mnemon*. 2016. Vyp. 16–1]. P. 67–80.
36. *Habicht Chr.* Athens. History of the city in the Hellenistic age [Afiny. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epohu]. Moscow, 1999.
37. *Hackens T.* A propos de la circulation monétaire dans le Péloponnèse au IIIe siècle av. J.-C. // *Antidorum W. Peremans oblatum*. Louvain, 1968. P.69–96.
38. *Hansen M.H.* The Shotgun Method. The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. London, 2006.
39. *Hennig D.* Immobilienerwerb durch Nichtburger in der klassischen und hellenistischen Polis // *Chiron*. 1994. Bd. 24. S. 305–344.
40. *Kralli I.* The Hellenistic Peloponnese: Interstate Relations. A Narrative and Analytic History, from the Fourth Century to 146 BC. Swansea, 2017.
41. *Kolbe W.* Das griechische Bundesbürgerrecht der hellenistischen Zeit // *ZRG*. 1929. Bd. 49. S. 129–154.
42. *Koshelenko G.A.* Hellenism: on the disputes about its essence // *Hellenism: economics, politics, culture [Ellinizm: k sporam o sushchnosti // Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura]*. Moscow, 1990. P. 7–13.
43. *Kritzas Ch.* Nouvelles inscriptions d'Argos: les archives des comptes du Trésor sacré (IVe s. av. J.-C.) // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2006. T. 150. P. 397–434.
44. *Larsen J.A.O.* Greek Federal States. Oxford, 1968.
45. *Larsen J.A.O.* The Rights of Cities within the Achaean Confederacy // *Classical Philology*. 1971. Vol. 66. P. 81–86.
46. *Lasagni Ch.* Politeia in Greek Federal States // *Citizens in the Graeco-Roman World*. Ed. by L. Cecchet, A. Busetto. Leiden; Boston, 2017. P. 78–109.
47. *Laski H.J.* Studies in the Problem of Sovereignty. London; New York, 2015.
48. *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. I. Paris, 1949.
49. *Lomiento L.* Cercida. Introduzione, testimonianze, testo critico, traduzione e commento. Roma, 1993.
50. *López Cruces J. L.* Les méliambes de Cercidas de Mégalopolis. Politique et tradition littéraire. Amsterdam, 1995.
51. *Luraghi N.* The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. Cambridge, 2008.
52. *Mackil E.* Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek Koinon. Berkeley; Los Angeles; London, 2013.
53. *Marasco G.* Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. Vol.1. Roma, 1981.

54. *Marasco G.* Cleomene III fra rivoluzione e reazione // Contro le «leggi immutabili». Gli Spartani fra tradizione e innovazione. A cura di C. Bearzot, F. Landucci. Milano, 2004. P. 191–207.
55. *Marinovich L.P.* The Greek mercenarism in the 4th century BC. and the crisis of the polis [Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n.e. i krizis polisa]. Moscow, 1975.
56. *Mendels D.* Polybius and the Constitution of the Achaian League: a Note // Scripta classica israelica. 1979/1980. Vol. 5. P. 85–93.
57. *Mendels D.* Messene 215 BC: An Enigmatic Revolution // Historia. 1980. Bd. 29. S. 246–250.
58. *Nahov I.M.* The poetry of protest and anger (Sotades, Phoenix, Cercidas) // The questions of classical philology. 1973. Issue 5 [Poeziya protesta i gneva (Sotad, Feniks, Kerkid) // Voprosy klassicheskoy filologii. 1973. Vyp. 5]. P. 34–38.
59. *Niccolini G.* La confederazione Achea. Pavia, 1914.
60. *O'Neil J. L.* The Political Elite of the Achaian and Aitolian leagues // Ancient Society. 1984/6. Vol. 15/17. P. 33–61.
61. *Pechatnova L.G.* The first stage of the reforms in Hellenistic Sparta // Mnemon. 2011. Issue 10 [Pervyj etap reform v ellinisticheskoy Sparte // Mnemon. 2011. Vyp. 10]. P. 173–200.
62. *Pechatnova L.G.* The history of Sparta (the archaic and classical periods) [Istoriya Sparty (period arhaiki i klassiki)]. St. Petersburg, 2001.
63. *Perova V.I.* Sparta in the 3rd and 2nd centuries BCE: polis or monarchy? // Political history and historiography from antiquity to modern times [Sparta v III–II vv. do n.e.: polis ili monarhiya? // Politicheskaya istoriya i istoriografiya ot antichnosti do sovremennosti]. Petrozavodsk, 1998. P. 31–36.
64. *Piérart M.* Penser Rome en Grec... Penser Rome en grec // Épigraphie romaine et historiographie antique et modern. Ed. par O. Curty. Fribourg, 2013. P. 21–34.
65. *Piérart M.* Une nouvelle proxénie argienne de la basse époque hellénistique et les synèdres d'Argos // Monumentum Gregorianum. Moscow, 2013. P. 275–289.
66. *Plassart A., Blum G.* Orchomène d'Arcadie. Fouilles de 1913. Inscriptions // BCH. 1914. An. 38. P. 447–478.
67. *Reger G.* Hellenistic Greece and Western Asia Minor // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Ed. by W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. Cambridge, 2007. P. 460–483.
68. *Reger G.* The Economy // A Companion to the Hellenistic World. A Companion to the Hellenistic World. Ed. by A. Erskine. Malden; Oxford, 2003. P. 331–353.

69. *Rhodes P.J.* The Polis and the Alternatives // CAH. 2nd ed. Vol. VI. Cambridge, 1994. P. 565–592.
70. *Rhodes P.J., Lewis D.M.* Decrees of the Greek States. New York, 1997.
71. *Rizakis A.D.* La politeia dans les cités de la confédération achéenne // Tyche. 1990. Bd. 5. P. 109–134.
72. *Rizakis A.D.* Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes, 2008.
73. *Rizakis A.D.* La double citoyenneté dans le cadre des koina grecs: l'exemple du *koinon* achéen // Patrie d'origine et patries sélectives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine. Ed. par A. Heller, A.-V. Pont. Paris; Bordeaux, 2012. P. 23–38.
74. *Robu A.* Recherches sur l'épigraphie de la Mégaride: le décret d'Aigosthènes pour Apollôdoros de Mégare (IG VII, 223) // Philologos Dionysios. Mélanges offerts au professeur Denis Knoepfler. Ed. par N. Badoud. Genève, 2011. P. 79–101.
75. *Roebuck C.A.* A History of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941.
76. *Salmon P.* La population de la Grèce antique (Essai de démographie appliquée à l'Antiquité) // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1959. N° 18. P. 448–476.
77. *Scholz P.* Demokratie in hellenistischer Zeit im Licht der literarischen Überlieferung // «Demokratie» im Hellenismus: von der Herrschaft des Volkes zur Herrschaft der Honoratioren? Hrsg. von Chr. Mann, P. Scholz. Mainz, 2012. S. 28–55.
78. *Schwahn W.* Συμπολιτεία // RE. Bd. IV A1. 1931. Sp. 1171–1266.
79. *Shimron B.* Late Sparta: The Spartan Revolution 243–146 B.C. Buffalo, 1972.
80. *Shipley G.* Rural Landscape Change in Hellenistic Greece // Ancient History Matters: Studies Presented to Jens Erik Skydsgaard on his 70th Birthday. Ed. by K. Ascani, V. Gabrielsen, K. Kvist, A. Rasmussen. Rome, 2002. P. 39–45.
81. *Shipley G., Hansen M.H.* The Polis and Federalism // The Cambridge Companion to the Hellenistic World. Ed by G.R. Bugh. Cambridge, 2006. P. 52–72.
82. *Sivkina N.Yu.* Brachyllos, the governor of Sparta // The Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod [Namestnik Sparty Brahilla // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo]. 2016. № 1. P. 67–72.
83. *Sizov S.K.* The Achaian league [Ahejskij soyuz]. Moscow, 1989.
84. *Sizov S.K.* Tyranny in the Peloponnese in Hellenistic time (272–229 BCE) // Social struggle and political ideology in the ancient world [Tiranii v Peloponnese v ellinisticheskoe vremya (272–229 gg. do n.e.) // Social'naya

- bor'ba i politicheskaya ideologiya v antichnom mire]. Leningrad, 1989. P. 76–96.
85. *Sizov S.K.* The reform of the political system of Sparta in 188 BCE // *Bosporus and the ancient world [Reforma politicheskogo stroya Sparty v 188 g. do n.e. // Bospor i antichnyj mir]*. N. Novgorod, 1997. P. 201–213.
  86. *Sizov S.K.* The rights of enktesis and epigamia in the federations of Hellenistic Greece // *The ancient world: Problems of history and culture [Prava enktesis i epigamia v federacijah ellinisticheskoy Grecii // Antichnyj mir: problemy istorii i kul'tury]*. St. Petersburg, 1998. P. 209–226.
  87. *Sizov S.K.* Senatus populusque Graecus: the reform of political organization of the cities of Peloponnes in 146 BCE // *Journal of Ancient History [Senatus populusque Graecus: reforma politicheskogo ustrojstva gorodov Peloponnesa v 146 g. do n.e. // Vestnik drevnej istorii]*. 2017. № 1. P. 42–65.
  88. *Sizov S.K.* The συναρχίαι in the Achaian Federation and its Member Cities // *Tyche*. 2017. Bd. 32. P. 225–234.
  89. *Sizov S.K.* The Damiourgoi in the Cities of the Peloponnes and the Achaian Koinon // *Dialogues d'Histoire Ancienne*. 2017. Vol. 43. P. 11–32.
  90. *Spawforth A.J.S.* Greece and the Augustan Cultural Revolution. Cambridge; New York, 2012.
  91. *Surikov I.E.* Ancient Greece: Politicians in the context of the age. On the threshold of a new world [Antichnaya Greciya: Politiki v kontekste epohi. Na poroge novogo mira]. Moscow, 2015.
  92. *Swoboda H.* Studien zu den griechischen Bünden, III: Die Städte im achäischen Bunde // *Klio*. 1912. Bd. 12. S. 17–50.
  93. *Swoboda H.* Zwei Kapitel aus dem griechischen Bundesrecht // *SAWW*. 1924. Bd. 199. Abh. 2. S. 1–74.
  94. *Tarn W.* The Social Question of the Third Century // *The Hellenistic Age*. Ed. by J.B. Bury, E.A. Barber, E. Bevan, W. Tarn. Cambridge, 1925. P. 108–140.
  95. *Tarn W.* The Greek Leagues and Macedonia // *САН*. Vol. VII. Cambridge, 1928. P. 732–768.
  96. *Tarn W.* The Hellenistic civilization [Ellinisticheskaya civilizaciya]. Moscow, 1949.
  97. *Texier J.G.* Nabis. Paris, 1975.
  98. *Touloumakos J.* Der Einfluss Roms auf die Staatsform der griechischen Stadtstaaten des Festlandes und der Inseln in ersten und zweiten Jhd v.Chr. Göttingen, 1967.
  99. *Urban R.* Wachstum und Krise des Achäischen Bundes. Wiesbaden, 1979.
  100. *Veligianni-Terzi Ch.* Damiurgen. Zur Entwicklung einer Magistratur. Heidelberg, 1977.

101. *Vile M.J.C.* The Structures of American Federalism. Oxford, 1961.
102. *Walbank F.A.* Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford, 1979.
103. *Walbank F.W.* The Hellenistic World. Brighton, 1981.
104. *Welwei K.-W.* Demokratie und Masse bei Polybios // *Historia*. 1966. Bd. 15. S. 282–301.
105. *Wheare K.C.* Federal Government. Oxford, 1946.
106. *Wiemer H.-U.* Hellenistic Cities: The End of Greek Democracy? // *A Companion to Ancient Greek Government*. Ed. by H. Beck. Malden, 2013. P. 54–69.
107. *Williams F.* Cercidas: The Man and the Poet // *Beyond the Canon*. Ed. by M.A. Harder, R.F. Regtuit, G.C. Wakker. Leuven; Paris, 2006. P. 345–356.
108. *Yakobson V.A.* State and social psychology // *Journal of Ancient History* [Gosudarstvo i social'naya psihologiya // *Vestnik drevnej istorii*]. 1989. № 4. P. 75–78.

Ключевые слова:

полис, Пелопоннес, эллинизм, Ахейский союз, гражданство.

Sergey K. Sizov

THE EVOLUTION OF THE POLIS INSTITUTIONS IN THE CITIES OF PELOPONNESE IN THE 3rd AND 2nd CENTURIES B.C.

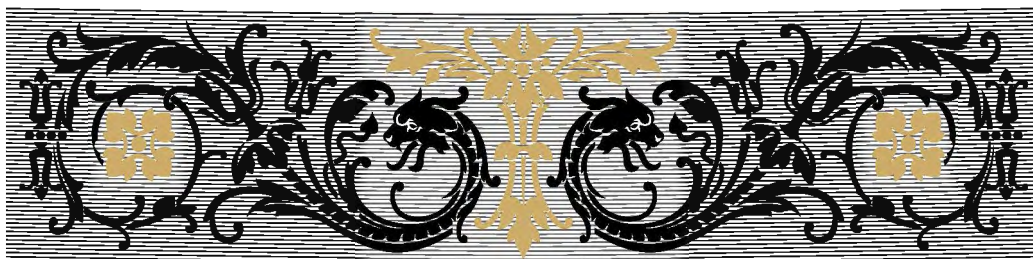
during the Hellenistic period the *polis* in the Peloponnese, as a socio-political organism and even as a type of state, continued to exist, but underwent a certain evolution, having lost some of the features peculiar to it in the classical age and in return having acquired some new ones, which did not completely undermine the basic principles of the *polis* system. The changes that took place in the cities were to a large extent a continuation of the crisis of the *polis* that began in the classical era, and were due mainly to internal causes, not to impact from above, neither from Macedonia, which in certain periods of the 3rd century B.C. controlled a significant part of the peninsula, nor from the authorities of the Achaean *koinon*, which gradually, one by one, incorporated the communities of the Peloponnese into a single federation as member states. The cities of the Peloponnese in the 3rd century experienced a difficult economic situation, property differentiation among citizens deepened, internal political conflicts occurred, in a number of *poleis* a tyranny was established, the composition of citizen communities became more and more unstable, the civil militia declined. However, some of these negative developments were completely or partially overcome at the end of the 3rd and in the first half of the 2nd century. The rise of the Achaean *koinon* contributed to the restoration of a number of fundamental *polis* principles and institutions in the cities of Southern Greece, until this process was interrupted by the Roman conquest.

Key words: polis, the Peloponnese, hellenism, Achaean League, citizenship.

Sergey K. Sizov — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Institute of Economics and Entrepreneurship of Lobachevsky University.

 Сизов Сергей Кузьмич

доктор исторических наук, профессор кафедры правового обеспечения
 экономической и инновационной деятельности Института экономики
 и предпринимательства Нижегородского государственного университета
 имени Н.И. Лобачевского

Ю.И. Кудина

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ РОДОСЕ

большинстве исследовательских работ о Родосе эпохи эллинизма уделяется особое внимание вопросу о том, как это в этот период небольшое государство смогло достичь столь значительного влияния. Чаще всего этот успех связывают с выгодным географическим положением, благодаря которому острову удалось стать центром международной торговли в Средиземноморье. Это, несомненно, так, но нельзя пренебрегать и другими причинами. Успешной торговле также значительно способствовали стабильное политическое положение на Родосе и его умелая дипломатическая политика. Однако этой стороне жизни эллинистического Родоса уделяется внимания гораздо меньше, а работ, где описывалась бы связь между успешной внешней политикой Родоса и его государственным управлением, практически нет.

Целью статьи будет попытка раскрыть эту тему. Предполагается рассмотреть основные органы государственного управления, так или иначе связанные с внешней политикой, их взаимосвязь между собой; найти ответы на вопросы: кто принимал решения о войне и мире, кто заключал договоры, как избирались послы, каким образом обсуждались внешнеполитические вопросы и как велась отчетность по ним. В статье не будут рассматриваться вопросы международной экономической политики, так как они требуют отдельного полноценного исследования.

* * *

К сожалению, источники о родосском государственном устройстве эллинистического периода не так многочисленны, как, например, об афинском. Многие античные авторы упоминали в своих трудах события, связанные с жизнью Родоса, однако ему уделялось значительно меньше внимания, чем Афинам или Спарте. Таким образом, несмотря на наличие источников, информация об исследуемом вопросе отрывочна и зачастую очень поверхностна.

Говоря об античных авторах, чьи свидетельства помогают нам создать более-менее понятную картину родосского политического устройства, в первую очередь стоит упомянуть Полибия и его «Всеобщую историю». Именно он оставил больше всего сведений об эллинистическом Родосе, хотя сам, по всей видимости, на нем ни разу не был, в отличие от Цицерона, который не только на нем побывал, но и высоко оценивал родосское государственное устройство, что отразилось в его философском трактате «О государстве». В «Истории Рима от основания города» Тита Ливия также есть информация об этом. В ряде разделов Тит Ливий брал за основу труд Полибия, но если сведения Полибия о Родосе более нейтральны, то труд Тита Ливия местами имеет тенденцию к искажениям в пользу римлян (что, возможно, и не столь существенно при изучении политического устройства острова). Свидетельства Полибия и Тита Ливия дополняет труд Диодора. Наконец, весьма полезными оказываются философские труды Диона Хрисостома, особенно его родосская речь. Вместе с тем нарративные источники, как правило, не раскрывают механизм деятельности государственных органов, руководивших внешней политикой, что значительно затрудняет исследование. Так, ни один из авторов не дает систематического обзора родосской государственности: мы имеем лишь обрывочные, разрозненные свидетельства.

В такой ситуации особо важным источником для изучения родосского государственного устройства является эпиграфический материал. Надписи не только содержат уникальные данные, отличающиеся от тех, что содержатся в трудах античных авторов, но и наглядно иллюстрируют работу родосского государственного аппарата. Количество надписей, предоставляющих информацию по государственному устройству Родоса, исчисляется сотнями¹. К сожалению, не все из них относятся к эллинистическому пе-

¹ Основная масса надписей, относящихся к политическому устройству Родоса, содержится в следующих изданиях: IG XII, Lindos II, ASAA, SEG. Также отдельные надписи включены в MDAI(A), SGDI, GIBM.

риоду, в связи с чем иногда приходится опираться на надписи как более раннего, так и позднего времени. Основную массу, пожалуй, составляют почетные декреты. Самыми известными из них считаются декреты, посвященные одному из крупнейших родосских политических деятелей, послу и наварху Астимеду (IG XII I. 852; IG XII III. 103). Данный род источников дает довольно большой объем информации об отдельных должностных лицах и выдающихся гражданах Родоса, проявивших себя во внешней политике.

Говоря об исследователях и исследовательской литературе по этой теме, стоит еще раз отметить, что изучение проблемы в подобном ключе в предшествующей литературе не предпринималось. Однако для него, несомненно, полезны работы, в которых рассматривается политическая система Родоса в целом. Исследование Х.Э. ван Гельдера, несмотря на то, что во многом устарело, является самым полным трудом по истории Родоса, а государственному устройству острова в нем уделяется больше ста страниц². Этот исследователь проделал колоссальную работу, которую нельзя недооценить. Следующей в списке можно поставить обширную статью «Родос» Ф. Хиллера фон Гертрингена в энциклопедии Паули-Виссова³, во многом дополнившую труд Х.Э. ван Гельдера. Из современных исследований следует обязательно отметить работы Р.М. Бертольда⁴, В. Габриэльсена⁵, Х.-У. Вимера⁶ и Ф. Гриба⁷. Все эти книги посвящены истории эллинистического Родоса в целом, и поэтому политическому устройству в них, конечно, уделяется определенное место, но не столь значительное, как у Х.Э. ван Гельдера. Если все перечисленные выше работы в значительной степени опираются друг на друга и оперируют в большинстве своем примерно одинаковым материалом, то сборник статей под редакцией В. Габриэльсена⁸ предлагает не только новые темы и проблемы, но и свежий взгляд на уже существующие вопросы, благодаря использованию эпиграфического и археологического материала, найденного в последние несколько десятилетий. Сборник представляет собой мультидисциплинарное исследование, совместный труд ученых разных специальностей: историков, археологов, эпиграфистов, искусствоведов, что

² Gelder H.E. van. *Geschichte der alten Rhodier*. Haag, 1900. S. 178–288.

³ Hiller von Gaertringen F. *Rhodos* // RE. Bd. V. 1931. Sp. 731–840, особ. 763–772.

⁴ Berthold R.M. *Rhodes in the Hellenistic Age*. London, 1984. P. 38–58.

⁵ Gabrielsen V. *The Naval Aristocracy of Hellenistic Rhodes*. Aarhus, 1997. P. 24–31.

⁶ Wiemer H.-U. *Krieg, Handel und Piraterie. Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos*. Berlin, 2002. S. 13–36.

⁷ Grieb V. *Hellenistische Demokratie, Politische Organisation und Struktur in freigriechischen Poleis nach Alexander dem Großen*. Stuttgart, 2008. S. 263–353, особ. 276–316.

⁸ *Hellenistic Rhodes: Politics, Culture and Society* / V. Gabrielsen (ed.). Aarhus, 1999.

несомненно делает его весьма ценной научной работой. При этом авторы названных выше трудов все-таки не уделяют значительного внимания проблеме государственного управления внешней политикой Родоса.

Затрагивая тему родосского государственного устройства, нельзя не упомянуть о том, что та система управления, благодаря которой Родосу удалось достичь максимального могущества и процветания, сложилась в результате сложных и длительных политических процессов. Отправной точкой создания родосской республики стал синойкизм 408/7 гг., когда три города, Камир, Линд и Иалис, объединились в единое государство и были созданы центральные органы управления в городе Родосе. Надо отметить, что при политическом объединении острова эти три города продолжали оставаться важными политическими центрами⁹. В народном собрании города Родос, на самом высоком уровне политической организации, эти три древних центра имели равное представительство, а должностные лица выбирались уже из их представителей¹⁰.

Территория Родоса, так же как и территории других греческих государств, была поделена на демы. Примечательно, что по мере присоединения соседних островов, а также территорий в Малой Азии¹¹ на новые владения распространялась существующая административно-территориальная система. Например, если колонизация исходила из Камира, то на захваченных территориях создавались демы Камира. Так, остров Халки был демом Камира¹². Люди, входившие в гражданское население этих демов, также могли претендовать на участие в политической жизни города наравне с жителями Камира, Линда и Иалиса. Однако если они хотели участвовать в политической жизни государства, то им приходилось все время перемещаться между своей родиной и государственным политическим центром, что было весьма непросто, так как требовалось оставлять местные дела и семью¹³.

Народное собрание (эκκλeσιa). На Родосе, как и практически во всем греческом мире, источниками зафиксировано народное собрание¹⁴. В нем

⁹ Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос в IX–VII вв. до н.э.). Л., 1951. С. 89.

¹⁰ Papachristodoulou I. The Rhodian Demes within the Framework of the Function of the Rhodian State // Hellenistic Rhodes. P. 35.

¹¹ Родосские материковые владения традиционно называют Переей.

¹² Papachristodoulou I. The Rhodian Demes. P. 38.

¹³ Подробнее об этом см.: Rice E.E. Relations between Rhodes and Rhodian Peraea // Hellenistic Rhodes. P. 51–53.

¹⁴ Упоминание родосского народного собрания (эκκλeσιa) встречается у Полибия (XXII. 5. 10; XXIX. 11. 2; 4), а также в многочисленных надписях: IG XII. I. 3 стк. 1, SGDI 3752 стк. 7, MDAI(A) XX (1895) 228 стк. 2; GIBM III. 441 стк. 14.

мог заседать любой родосский гражданин. Заседания проходили регулярно, по всей видимости, не реже одного раза в месяц (IG XII I. 3)¹⁵. Голосование осуществлялось поднятием рук (Polyb. XXIX, 10, 1). Заседало народное собрание в театре города Родос (Cic. Rep. III, 35, 48).

Решение вопроса о роли этого органа власти важно не только для понимания его места в государственной системе Родоса, но и для постижения устройства всей родосской политической системы. Мнения ученых на этот счет расходятся. Так, М.И. Ростовцев полагает, что народное собрание власти практически не имело, и управление страной находилось в руках совета и пританов¹⁶. Такая точка зрения, по всей видимости, сложилась в связи со свидетельствами Полибия, что у членов народного собрания отсутствовало право инициирования законопроектов (XXVII. 7. 2–4; 7, 13; XXIX. 10. 1; 11. 2–5). С другой стороны, ряд ученых отмечает, что не стоит считать этот орган таким бесправным. Например, Р.М. Бертольд, касаясь этой темы, делает акцент на том, что именно народное собрание могло не только отвергать предложения совета и пританов, но также и определяло состав совета дважды в год¹⁷. Таким образом представители родосского народа вполне могли влиять на политику своего государства, а совет и пританы могли продвигать удобные им решения только в том случае, если им удавалось заручиться поддержкой большинства¹⁸.

Что касается вопроса об отсутствии у народного собрания права инициирования законов, то стоит отметить: многие ученые сомневаются в этом и предполагают, что право выдвижения законопроектов было не только у совета и пританов¹⁹. Такой вывод делается на основании надписей, в которых предложения в народном собрании выдвигаются частными лицами²⁰. Еще Цицерон, говоря о свободных народах, ставил родосцев в один ряд с афинянами: «А среди свободного народа, как, например, родосцы или афиняне, нет гражданина, который... [сам не мог бы занять положения, какое он пре-

¹⁵ *Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. P. 39; *Gabrielsen V.* The Naval Aristocracy. P. 26.

¹⁶ *Rostovtzeff M.* Rhodos, Delos and Hellenistic Commerce // САН. Ed. 1. Vol. VIII. 1930. P. 634.

¹⁷ *Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. P. 40.

¹⁸ *Wiemer H.-U.* Krieg, Handel und Piraterie. S. 22.

¹⁹ Такого мнения, в частности, придерживаются Р.М. Бертольд и В. Габриэльсен. Дополнительные примеры можно найти в: *Gelder H.E. van.* Geschichte der alten Rhodier. S. 242–243; *Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. P. 39. Not. 4; *Gabrielsen V.* The Naval Aristocracy. P. 27; 158. Not. 48; P. 161. Not. 80; *Wiemer H.-U.* Krieg, Handel und Piraterie. S. 22. Anm. 16, 17.

²⁰ См., напр., SGDI 3751.3.

доставляет другим]» (Rep. I. 47)²¹. Но он также отмечал, что совет и пританы имели такую же власть, как и народное собрание: «[Сенат] обладал такой же властью и таким же влиянием, какими обладала толпа» (III. 48).

Проблема заключается еще и в том, что имеющиеся у нас свидетельства античных авторов довольно сильно разнесены по времени. Полибий, говоря об отсутствии у родосского народного собрания права инициирования законопроектов, видимо, является свидетелем современных ему событий, т. е. говорит о положении вещей во II в. до н. э. Свидетельства Цицерона не только противоречивы²², но и относятся ко времени его жизни, т. е. I в. до н. э. Не исключено, что за период с III—II в. до н. э. могли произойти некоторые изменения в родосской политической системе, о которых мы, к сожалению, не можем судить по причине отсутствия данных. Кроме того, тот факт, что Цицерон не просто анализировал государственное устройство различных государств, а создавал цельную концепцию идеального государства, заставляет задуматься, не искажал ли он данные в угоду своему плану, но на это также нет ответа. Рассуждая о роли народного собрания и уровня демократичности политической системы эллинистического Родоса, стоит также уделить внимание сообщению Диона Хрисостома, что за участие в народном собрании полагалась плата (XXXI. 102). Однако «Родосская речь» Диона Хрисостома была написана, по всей видимости, в период правления Траяна²³ и, скорее всего, отображала реалии того времени. Как же обстояли дела ранее, в III—II вв. до н. э., можно только предполагать, опираясь на эти данные.

Судя по всему, функции родосской экклесии были аналогичны функциям народных собраний других греческих государств. Нас будут интересовать в первую очередь те, что были связаны с осуществлением внешней политики. По аналогии с другими государствами, можно предположить, что в компетенции экклесии находились вопросы объявления войны, а также ратификация договоров. Кроме того, родосское народное собрание принимало послов и решало вопросы о заключении союзов. В качестве примера можно указать прием ликийцев в родосской экклесии и обсуждение их

²¹ Высокая оценка родосского государственного устройства содержится также в третьей книге «Государства» (Cic. Rep. III. 35. 48). Таким образом, можно быть уверенным, что Цицерон в целом довольно высоко оценивает родосское государственное устройство.

²² С одной стороны, Цицерон ставит родосскую политическую систему в один ряд с афинской (Rep. I. 47), с другой же — отмечает, что власть совета и пританов была не меньшей, чем власть народного собрания (III. 48).

²³ *Sidebottom H. The Date of Dio of Prusa's Rhodian and Alexandrian Orations // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 4. S. 418.*

предложения о союзе: «...когда ликийцы выступили в народном собрании родосцев с речью о союзе...» (Polyb. XXII. 5. 10). Также любопытен тот факт, что на Родосе имело место существование различных «партий» в народном собрании. Так, в период Третьей Македонской войны здесь возникла политическая борьба между промакедонской и проримской группировками (Polyb. XXVII. 7. 1–16; XXVIII. 2. 3–4).

Основой внешней политики Родоса была политика нейтралитета²⁴, в связи с чем правительство острова отправляло посольства с целью посредничества во внешних конфликтах. Решение об отправке подобного рода посольств принималось народным собранием. Так, например, в период войны с Персеем именно народное собрание постановило устроить примирение противоборствующих сторон: «В согласии с вышесказанным был исход народного собрания, именно: родосцы постановили дать дружественный ответ обоим царям: уведомить, что ими решено стараться о примирении воюющих и просить самих царей (Генфия и Персея. – Ю.К.) быть стоворчивыми» (Polyb. XXIX, 11, 4–6).

Хотелось бы еще раз отметить, что наши данные о родосской экклесии обрывочны и противоречивы, и многие существенные моменты остаются под вопросом. Однако в целом складывается впечатление, будто родосское народное собрание, хотя и имело значительное влияние, все же не было таким же влиятельным, как афинское. Надписей, говорящих о выдвижении законопроектов членами народного собрания, крайне мало; кроме того, значительную роль в государстве играли совет и пританы, о чем будет сказано немного ниже.

*Совет (буле*²⁵*)*. Народное собрание, в которое входили все члены гражданского коллектива, даже с учетом того, что далеко не все его посещали, было довольно громоздким политическим органом. Поэтому, как и в других греческих государствах, для более эффективной работы государственного аппарата был создан совет. Члены совета избирались из среды гражданского населения²⁶. Сколько человек входило в совет, до сих пор так и

²⁴ Ager S. Rhodes: The Rise and Fall of a Neutral Diplomat // Historia. 1991. Bd. 40. Ht. 1. S. 10.

²⁵ Здесь и далее родосский совет будет называться «буле», поскольку, несмотря на особенности дорийского диалекта древнегреческого языка, распространенного на острове Родос, по которым его следовало бы называть «була», подобное звучание более привычно. См.: The History of Ancient Greek from the Beginnings to Late Antiquity / A.-F. Christidis (ed.). Cambridge, 2007. P. 448.

²⁶ Berthold R.M. Rhodes in the Hellenistic Age. P. 38; Gabrielsen V. The Naval Aristocracy. P. 27.

не ясно²⁷. Оплачивалась ли работа в совете на протяжении всего эллинистического периода или только в период жизни Диона Хрисостома (XXXI. 102), мы также не знаем. Совет заседал в течение полугода зимой и летом (IG XII I. 53; ASAA 2. 1916. 142. 1, Lindos II. 402. a 3–4; b 7–8; 707. 8), затем его состав менялся²⁸. Члены совета, по всей видимости, выбирались посредством жеребьевки²⁹. Совет совместно с комиссией пританов был органом исполнительной власти. В его ведении, кроме руководства повседневными делами, было составление повестки дня для народных собраний и выдвижение законопроектов. Таким образом, он непосредственно участвовал в разработке родосских законов. В связи с этим его значение и роль были невероятно высоки, и некоторые исследователи считают, что именно совет был самым высшим и главным органом управления³⁰.

Помимо выполнения законотворческой функции, совет также принимал отчеты высших гражданских и военных должностных лиц и обладал некоторой юридической властью³¹. Военачальники были подотчетны о результатах военных кампаний перед советом и пританами. Так, во время битвы при Ладе наварх отправил письмо совету и пританам с информацией об исходе сражения (Polyb. XVI. 15. 8). Несмотря на то, что основные вопросы решались в народном собрании, совет имел право самостоятельного разбора менее крупных дел³².

Говоря о совете, нельзя не отметить большую роль знати в этом органе. Существует мнение, что даже при внешне демократическом устройстве лидирующую роль в родосском государстве все равно играла аристократия, так как именно она направляла решения народа в нужную ей сторону. Здесь стоит упомянуть исследование Р. Де Лейкса, посвященное теме афинской демократии и *probouleusis* (к сожалению, по Родосу исследований подобного рода нет, во многом из-за нехватки источников), в котором автор убедительно доказывает, что, помимо выполнения своей обычной работы, буле оказывал сильное влияние на политическую жизнь, назначая должностных лиц, руководивших заседаниями эkkлeсии, которые впоследствии продвигали выдвинутые булевами же законопроекты в собрании³³.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Gabrielsen V. The Naval Aristocracy. P. 27.

³⁰ Berthold R.M. Rhodes in the Hellenistic Age. P. 38.

³¹ Ibid.

³² Schumacher G. De republica Rhodiorum commentatio. Heidelbergae, 1886. P. 44–45.

³³ Laix R.A. de. Probouleusis at Athens. A Study of Political Decision-Making. London, 1973. P. 172.

Пританы. Так как из-за своей многочисленности совет не мог эффективно использоваться для быстрого решения текущих вопросов, в рамках его деятельности был создан комитет из дежурных советников — пританов. Комиссия пританов встречается во множестве других греческих государств, например в Афинах, Коринфе, Милете, Самосе и других городах западного побережья Малой Азии. Однако несмотря на существование этого института в ряде греческих городов, его функции от города к городу весьма различались, в частности родосские пританы были весьма могущественны³⁴. Пританы председательствовали в совете³⁵, а также, видимо, и в народном собрании³⁶. Они принимали доклады и отчеты от военных должностных лиц, а также послов иностранных государств, прежде чем те будут введены в народное собрание³⁷. Кроме того, они, возможно, выполняли нетипичную для других греческих городов-государств функцию назначения послов, о чем свидетельствует Полибий (XXIX. 10. 1–4)³⁸. Вообще, вопрос о назначении послов не вполне ясен: в частности, у нас нет сведений о том, утверждалось ли это решение впоследствии народным собранием или нет, мнения исследователей по этому вопросу расходятся³⁹. В случае чрезвычайной ситуации, а именно внезапной военной угрозы, пританы брали на себя верховное командование государством, как было в период великой осады 305–304 гг. до н.э. (Diod. XX. 88. 3; 98. 7). Их роль была значительной не только при наличии прямой угрозы независимости государства, как в случае с военным вторжением Деметрия Полиоркета. Будучи председателями совета и народного собрания, они не только открывали все заседания вступительной речью, но и, весьма вероятно, закрывали их⁴⁰, т.е. у них была возможность кратко под-

³⁴ Gelder H.E. van. *Geschichte der alten Rhodier*. S. 240.

³⁵ Berthold R.M. *Rhodes in the Hellenistic Age*. P. 39.

³⁶ Berthold R.M. *Rhodes in the Hellenistic Age*. P. 39; Wiemer H.-U. *Krieg, Handel und Piraterie*. S. 21.

³⁷ Wiemer H.-U. *Krieg, Handel und Piraterie*. S. 22.

³⁸ «При голосовании остались в большинстве те из родосцев, которые предлагали отправить посольство для примирения воюющих... Тут же пританы назначили послами в Рим Агепоида, Диокла, Клеомброта, а к консулу и Персею Дамона, Никострата, Агесилоха и Телефа; те и другие обязаны были озаботиться прекращением войны» (Polyb. XXIX. 10. 1–4).

³⁹ Так, Р. Бертольд считает, что утверждения народным собранием не требовалось. См.: Berthold R.M. *Rhodes in the Hellenistic Age*... P. 39, в то время как Х.-У. Вимер и Ф. Гриб придерживаются мнения, что назначение послов пританами было исключительно формальным актом. См.: Wiemer H.-U. *Krieg, Handel und Piraterie*. S. 312; Grieb V. *Hellenistische Demokratie*. S. 283.

⁴⁰ Подобный вывод можно сделать, если провести аналогию с Афинским государством, где пританы выполняли функции закрытия заседания народного собрания после обсуждения всей повестки дня; см.: Hansen M.H. *La démocratie athénienne à l'époque de Démosthène*.

вести итог, правильно расставить акценты, благодаря чему пританы могли влиять на решение голосующих в народном собрании. Например, во время Третьей Македонской войны в ситуации межпартийной борьбы в родосском государстве после красноречивых речей Динона и Полиарата, пытающихся убедить народное собрание в том, что нужно помогать Персею, выступил притан Стратокл и многочисленными доводами против Персея и в защиту римлян смог убедить народное собрание избрать путь помощи римлянам: в частности, ему удалось добиться одобрения народным собранием отправки им кораблей (Polyb. XVII. 7. 13). В связи с этим хотелось бы отметить мнение Х.Э. ван Гельдера, что в родосском государстве пританы были высшими гражданскими должностными лицами⁴¹, и в их руках находилось ведение всей внешней политикой родосского государства.

Дискуссионным является вопрос о численности пританов. В работах ученых до начала XX в. фигурировало число шесть⁴²; затем, после выхода статьи С. Селиванова и Ф. Хиллера фон Гертрингена⁴³, большинство исследователей согласилось с их выводом, что пританов было все-таки пятеро. В том же томе журнала «Гермес» вышла статья М. Олло⁴⁴, в которой он весьма убедительно критикует работу С. Селиванова и отмечает, что пять *ὀρκωταί*, о которых идет речь в декрете, не имеют ничего общего с пританами, как утверждал С. Селиванов. Таким образом, М. Олло отмечает заслугу фон Ф. Хиллера фон Гертрингена в доказательстве того, что их было пятеро, в то время как С. Селиванов просто перепутал пританов с *ὀρκωταί* и случайно пришел к подобному выводу. Доказательство Ф. Хиллера фон Гертрингена удовлетворило современных исследователей, и теперь они также присоединились к мнению ученого, что пританов было пятеро⁴⁵. Долгое время дискуссионным был и вопрос о продолжительности нахождения пританов в должности. Однако в современных работах этот вопрос выглядит вполне решенным в связи со следующим сооб-

---

Structure, principes et idéologie. Paris, 2009. P. 294, а также косвенные свидетельства этого содержатся у Полибия (Polyb. XXVII. 7. 13): после бурных речей политиков в народном собрании выступает притан, который своим красноречием побуждает народное собрание принять конкретное решение, которое в скором времени исполняется.

⁴¹ Gelder H.E. van. Geschichte der alten Rhodier. S. 240.

⁴² Ibid.

⁴³ Selivanov S., Hiller von Gaertringen F. Über die Zahl der Rhodischen Prytanen // Hermes. 1903. Bd. 38. Hft. 1. S. 146–149. В данной работе соавторы излагают свои точки зрения фактически независимо друг от друга.

⁴⁴ Holleaux M. De prytanum Rhodiorum numero // Hermes. 1903. Bd. 38. Hft. 3. S. 638–639.

⁴⁵ Berthold R.M. Rhodes in the Hellenistic Age. P. 39; Горлов Ю.В. Эллинистический Родос // Е.С. Голубцова (ред.). Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 207; Gabrielsen V. The Naval Aristocracy. P. 27; Wiemer H.-U. Krieg, Handel und Piraterie. S. 21.

щением Полибия: «Письмо было получено на Родосе во второй половине года в пританию Стратокла» (XVII. 7. 2–4). Исходя из этого, а также из данных эпиграфики⁴⁶ делается вывод, что управление пританов длилось полгода⁴⁷.

Один из пяти пританов был эпислатом и имел особые полномочия — выполнял обязанности главы государства; тем самым он становился своеобразным «президентом»⁴⁸. К сожалению, данных о его взаимоотношениях с другими магистратами нет; также до конца непонятно, сколько времени эпислат проводил в должности. Например, в Афинах эпислат пребывал в должности всего один день и одну ночь, после чего его сменял другой кандидат⁴⁹. Однако надо учитывать, что число пританов в Афинах и на Родосе значительно отличалось: пятьдесят против пяти.

Таким образом, в ведении совета и пританов были назначение послов, прием посольств иностранных государств, назначение посольств, прослушивание отчетов должностных лиц, в том числе и военачальников, не говоря уже о том, что они регулярно разрабатывали повестку дня для народного собрания. На основании этих фактов можно сделать вывод, что совет совместно с комиссией пританов был основным органом в инициировании и управлении внешней политикой родосского государства.

На Родосе было множество должностных лиц⁵⁰. О некоторых из них мы знаем только названия их должностей, о других же имеется больше информации. Так как задача этой статьи изучить государственные институты, участвовавшие в разработке внешней политики, здесь будут рассмотрены только те должностные лица, которые имеют отношение к этой области государственного управления.

Наварх. Родос как морская держава нуждался в сильном флоте. Одним из самых могущественных должностных лиц Родоса был адмирал — командир флота, наварх. Из-за того, что греческое слово «наварх» имело два значения: командующий флотом и просто капитан корабля, довольно проблематично

⁴⁶ *IMagnesia*. 55. I стк. 18.

⁴⁷ *Gelder H.E. van*. *Geschichte der alten Rhodier*. S. 240. Относительно дискуссии о том, когда начинался этот полугодовой период правления, см.: *Walbank F.W.* *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. III. Oxford, 1979. P. 202–203. Шестимесячные магистратуры существовали не только на Родосе, но и в других греческих полисах: Книде, Стратоникее, Теносе, Тарсе и Антиохии-в-Персиде. По этому вопросу см.: *Jones A.H.M.* *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford, 1940. P. 335. № 14.

⁴⁸ *Berthold R.M.* *Rhodes in the Hellenistic Age*. London, 1984. P. 39; *Горлов Ю.В.* *Эллинистический Родос*. С. 207.

⁴⁹ *Hansen M.H.* *La démocratie athénienne*. P. 291.

⁵⁰ Список всех должностных лиц, а также их краткую характеристику можно посмотреть в энциклопедической статье: *Hiller von Gaertringen F.* *Rhodos*. Sp. 767–768.

различать эти термины в текстах античных авторов⁵¹. Интересно, что наварх, по всей видимости, не имел собственного адмиральского судна, а располагался на корабле, которым командовал триерарх⁵² (Diod. XX. 88. 6–7). Полномочия наварха-адмирала были невероятно широки, в частности, он имел право на ведение переговоров и заключение договоров с другими государствами (Polyb. XXX. 5. 5; Liv. XLV. 25. 8). Очень любопытный момент подметил Х.Э. ван Гельдер: родосцы могли отправлять наварха на переговоры в тех случаях, когда хотели избежать обсуждения в совете и народном собрании⁵³. По словам Тита Ливия, они поступили подобным образом, когда после неудачного посольства 168 г. до н.э. проримски настроенная аристократия, желая срочно установить союз с Римом, отправила в Рим своего представителя в должности наварха (XLV. 25. 7). В связи с этим довольно важным является вопрос о том, была ли должность наварха ординарной или экстраординарной. Ведь если верен первый вариант, это означает, что мнение народа можно было довольно легко обходить, следовательно, наличие этого института власти говорит не в пользу демократичности родосского государственного аппарата. К сожалению, по причине скудости наших данных ответить на этот вопрос с определенной долей уверенности невозможно. Однако исследователи склонны считать, что эта магистратура, дающая чрезвычайные полномочия одному человеку, являлась все-таки экстраординарной⁵⁴. Более того, В. Габриэльсен подчеркивает: назначение на эту должность происходило только в исключительных ситуациях и только на основании соответствующей резолюции народного собрания⁵⁵. Кроме того, остается неясным, требовалась ли ратификация договоров, заключенных навархом. Исходя из упомянутого выше примера, представляется, что нет; однако с точностью и это утверждать нельзя.

На Родосе были и другие должностные лица, имевшие влияние на внешнюю политику государства. Однако, к сожалению, у нас нет достаточных данных, чтобы делать какие-либо серьезные выводы. Хотелось бы упомянуть коллегия из 10 стратегов, однако сведений о их компетенции и примеров из источников крайне мало⁵⁶, а то, что о них известно, никак не влияет на общую картину.

⁵¹ Gelder H.E. van. Geschichte der alten Rhodier. S. 249.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Gelder H.E. van. Geschichte der alten Rhodier. S. 250; Gabrielsen V. The Naval Aristocracy. P. 26.

⁵⁵ The Naval Aristocracy. P. 26.

⁵⁶ О стратегах см.: Gelder H.E. van. Geschichte der alten Rhodier. S. 253–255, а также в статье Dmitriev S. The στρατηγὸς ἐκ πάντων in Rhodian Inscriptions // Historia. 1999. Bd. 48. Hft. 2. P. 245–253.

Таким образом, несмотря на ряд демократических начал в государственном устройстве эллинистического Родоса, олигархические элементы все равно были довольно сильны. Знать могла обходить обсуждение внешнеполитических вопросов с народом, отправляя навархов для заключения договоров, подготавливая особым образом повестку народного собрания и направляя обсуждение вопросов внешней политики в народном собрании в нужное ей русло. Аристократы, богатеющие на активной внешней торговле, были заинтересованы в ее поддержании и расширении сфер влияния, следствием чего стало не только обогащение отдельных лиц, но и государственной казны, благодаря разумному распределению которой обеспечивалась социальная стабильность.

* * *

После анализа основных институтов власти, связанных с управлением внешней политикой родосского государства, представляется возможным сделать следующие выводы. Вопросы об объявлении войны и мира находились в ведении народного собрания. Заключение договоров производилось послами, а в отдельных случаях навархом. Вопрос об отправлении посольств решался народным собранием, в то время как назначение послов находилось в компетенции комиссии пританов. Все основные внешнеполитические вопросы решались в народном собрании, однако на конечный исход обсуждения имело сильное влияние мнение пританов, которые не только составляли повестку дня, но и открывали и закрывали собрание. Несмотря на то, что народное собрание было открыто для обсуждений, которые нередко бывали настолько бурными, что общество оказывалось расколото на несколько противоборствующих группировок, большое влияние на окончательное решение народного собрания оказывали опять-таки именно пританы. Можно сказать, что пританы и совет в целом держали в своих руках все управление внешней политикой, а также умели обходить мнение народного собрания по тем или иным вопросам, например, назначая наварха, наделенного полномочиями заключения союзов и договоров.

REFERENCES

1. *Ager S.* Rhodes: The Rise and Fall of a Neutral Diplomat // *Historia*. 1991. Bd. 40. Ht. 1. P. 10–41.
2. *Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. London, 1984.
3. *Christidis A.-F.* (ed.). The History of Ancient Greek from the Beginnings to Late Antiquity. Cambridge, 2007.
4. *Dmitriev S.* The στραταγὸς ἐκ πάντων in Rhodian Inscriptions // *Historia*. 1999. Bd. 48. Ht. 2. P. 245–253.
5. *Gabrielsen V.* The Naval Aristocracy of Hellenistic Rhodes. Aarhus, 1997.
6. *Gelder H.E. van.* Geschichte der alten Rhodier. Haag, 1900.
7. *Gorlov Yu.V.* Hellenistic Rhodes // *Golubtsova Ye.S.* (ed.). Hellenism: Economics, Policy, Culture [Ellinisticheskij Rodos // *Ye.S. Golubtsova* (ed.). Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura] Moscow, 1990. P. 186–222.
8. *Grieb V.* Hellenistische Demokratie, Politische Organisation und Struktur in freiegriechischen Poleis nach Alexander dem Großen. Stuttgart, 2008.
9. *Hansen M.H.* La démocratie athénienne à l'époque de Démosthène. Structure, principes et idéologie. Paris, 2009.
10. *Hiller von Gaertringen F.* Rhodos // *RE*. Bd. V. 1931. Sp. 731–840.
11. *Holleaux M.* De Pryanum Rhodiorum Numero // *Hermes*. 1903. Bd. 38. Ht. 3. P. 638–639.
12. *Jones A.H.M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940.
13. *Kolobova K.M.* From the History of the Early Greek Society (Rhodes IX–VII cent. BC). [Iz istorii rannegrecheskogo obshhestva (o. Rodos IX–VII vv. do n.e.)] Leningrad, 1951.
14. *Laix R.A. de.* Probouleusis at Athens. A Study of Political Decision-Making. London, 1973.
15. *Papachristodoulou I.* The Rhodian Demes within the Framework of the Function of the Rhodian State // *V. Gabrielsen* (ed.). Hellenistic Rhodes: Politics, Culture and Society. Aarhus, 1999. P. 27–44.
16. *Rice E.E.* Relations between Rhodes and Rhodian Peraea // *V. Gabrielsen* (ed.). Hellenistic Rhodes: Politics, Culture and Society. Aarhus, 1999. P. 45–54.
17. *Rostovtzeff M.* Rhodos, Delos and Hellenistic Commerce // *САН*. Ed. 1. Vol. VIII. 1930. P. 619–667.

18. *Schumacher G.* De republica Rhodiorum commentatio. Heidelbergae, 1886.
19. *Selivanov S., Hiller von Gaertringen F.* Über die Zahl der Rhodischen Prytanen // *Hermes*. 1903. Bd. 38. Ht. 1. S. 146–149.
20. *Sidebottom H.* The Date of Dio of Prusa's Rhodian and Alexandrian Orations // *Historia*. 1992. Bd. 41. Ht. 4. P. 407–419.
21. *Walbank F.W.A* Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford, 1979.
22. *Wiemer H.-U.* Krieg, Handel und Piraterie. Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos. Berlin, 2002.

Ключевые слова:

эллинизм, Родос, внешняя политика, дипломатия, должностные лица, экклесия, совет, пританы, навархи.

Yulia I. Kudina

FOREIGN POLICY GOVERNANCE IN
HELLENISTIC RHODES

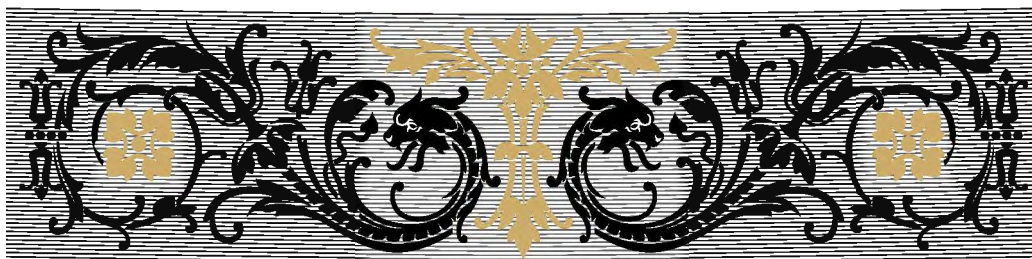
The achievements of Hellenistic Rhodes in the field of foreign policy could be explained by various reasons. One of them, of course, was the successful management of foreign policy, which, however, was not given a considerable attention by researchers. Since little attention is paid to this issue in researches on Hellenistic Rhodes, this problem will be considered in this article. Almost all the major issues in the field of the foreign policy were under the control of the Assembly. A peace making process was in the hands of Rhodes' ambassadors, but it also could be made by *nauarchos* in extraordinary cases. The decision of sending embassies was made by the Assembly while the appointment of ambassadors was also in the competence of *prytanes*. All major foreign policy issues were examined in the Assembly, but the final outcome of the discussion was strongly influenced by the opinion of the *prytanes*, who not only drew up the agenda, but also opened and closed the Assembly. Debates in the Assembly were so heated sometimes, that the society was split into several opposing factions. In such situations the *prytanes* had a significant influence on the final decision of the Assembly. To sum up, it can be concluded, that administration of outward political activity held in the hands of *prytanes*, who were able to circumvent the opinion of the Assembly by assigning *nauarchos*, endowed with the power of making alliances and treaties.

Key words: hellenism, Rhodes, foreign policy, nauarchos, prytanes, administration, the Assembly, ambassadors.

Yulia I. Kudina — post-graduate student at Department of History of Ancient Greece and Rome of the Saint-Petersburg State University.

 Кудина Юлия Игоревна

аспирантка кафедры истории Древней Греции и Рима
Санкт-Петербургского государственного университета

С.В. Обухов

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРЕЙ СОФЕНЫ В КОММАГЕНЕ В III В. ДО Н.Э.

Арсамея на реке Нимфей¹ являлась одним из важнейших городских центров античной Коммагены, небольшой гористой области, расположенной в юго-восточной Анатолии и граничащей с северной Сирией. Остатки древнего города находятся в 59 километрах к юго-востоку от Малатьи (столицы античной Мелитены) около современной турецкой деревни Ески-Кяхта на скальном холме Ески-Кале. Древний город был выстроен и на соседнем скалистом холме Ени-Кале, однако постройки на нем были, видимо, использованы для возведения крепости сельджукского времени (XII в. н.э.).² Ценнейшие сведения об основании этого города содержатся в царском манифесте Антиоха I Коммагенского (69–34 гг. до н.э.), касающемся установления его царского и династического культов. Непосредственно основанию Арсамеи-на-Нимфее посвящены сткк. 13–27: Ἀρσάμειαν μὲν ταύτην, ἥτις ἐν

¹ Приток Евфрата.

² Dörner F.K. Arsameia am Flusse Nymphaios. Eine neue, kommagenische Kultstätte // *VO*. 1952. Bd. IX. No 3/4. S. 93, Abb. 1–2; Dörner F.K. Die Königsresidenz Arsameia am Nymphenfluß // *Das Altertum*. 1956. Bd. 2. Ht. 2. S. 69–70; Cohen G.M. *The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin and North Africa*. Berkeley; Los Angeles; London, 2006. P. 152; Çoban M. *Nemrud*. Adiyaman, 2010. P. 38.

κόλπῳ διδύμῳν μαστῶν Νυμφαίων ἐξ ἀφθάρτων πηγῶν φερεῖ ρεῦμα, πρόγονος ἐμὸς Ἀρσάμης ἔκτισεν. ἥς αὐτοφυῶς δυσὶν πετραίοις λόφοις διερημένης κατιδῶν ἐκεῖνος εἰς βύθιον στόμα χωρίων θεοδόσιον πόμα φερόμενον εὐτρόφου νάματος ἐκατέρωθεν τιχίσας δικόρυφον σῶμα. φύσει μὲν τόπων ἀμφίπολιν κατέστησεν, ἐπωνυμῖαι δὲ χάριτος ἰδίας Ἀρσάμειαν ἀνηγόρευσεν. ἀνάλωτόν τε διάθεσιν ὀχυρωμάτων φροντίσιν ἑαυτοῦ καὶ χορηγίας ἐπλαυξήσας ἀπόρθητον ὀρμητήριον πατρίδι κατεσκεύασεν. βίοις τε ἡμετέροις ἄσυλον ἐστὶαν πολέμου κατέστησεν³.
Перевод: «...Эту Арсамею, которая в ложбине между двух сосцлов несет из неиссякаемых источников поток реки Нимфей, предок мой Арсам основал. Это город, расположенный природой на двух скальных холмах, и тут Арсам, узрев как божественная влага, обильно несущая воды, вливается в бездонную теснину местности, по обе стороны ее окружил двуглавое тулово стеной. Учитывая природу местности, воздвиг он два города, назвал Арсамеей своей милостью. Непроступные основания крепостей, благодаря его рвению и хорегиям, он устроил. Он устроил от войны для жизни нашей убежище...»

Из приведенного текста ясно, что Арсамею-на-Нимфее основал Арсам I (240–228 гг. до н.э.)⁴, царь государства Софена на верхнем Евфрате, куда в III в. до н.э. входила и Коммагена⁵. В античной письменной традиции Арсам I упоминается всего один раз — у греческого автора римского времени Полиена (II в. н.э.) как союзник Антиоха Гиеракса, претендента на престол Селевкидов, боровшегося за него со своим старшим братом Селевком II Калиником (246–223 гг. до н.э.) (Polyaen. IV. 17)⁶. Поэтому весьма

³ Dörner F.K., Goell Th. Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierothesion der Mithradates Kallinikos. Berlin, 1963. S. 40.

⁴ М. Шоттки приводит другую дату его правления: 255–227 гг. до н.э. (Schottky M. Media Atropatene und Gross-Armenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989. S. 107), что весьма сомнительно ввиду крайней скудости источниковой базы. К 255 г. до н.э. относится бегство в Софену претендента на вифинский престол Зиела (Габелко О.А. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 198; 200). По-видимому, в это время в Софене властвовал еще Сам I. Следует сказать, что Мемнон Гераклеийский, сообщающий об этом событии (FGtHist 434 F. 14.1), не называет имени софенского монарха.

⁵ Тирацян Г.А. Страна Коммагена и Армения // Известия АН Арм. ССР. Серия Общ. науки. 1956. 3. С. 73–74; Дьяконов И.М., Неронова В.Д., Свенцицкая И.С. Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма / История Древнего мира. Т. II. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 387; Facella M. La dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana. Pisa, 2006. P. 169–170.

⁶ Видимо, В. Чериковер не прав, когда относит свидетельство Полиена к Арсаму II (Tschirikower V. Die Hellenistischen Städtergründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig, 1927. S. 52). Действительно, Арсамов, царей Софены, было два. В посвятельной надписи Антиоха I Коммагенского упомянут Арсам, сын Арсама, т.е. Арсам II (228–220 [?] гг. до н.э.) (OGIS. I. 394). М. Шоттки, игнорируя указание приведенной надписи, считает, что Арсам I — последний софенский царь, упомянутый в коммагенских надписях (Schottky M. Media Atropatene. S. 107).

странно, что М. Чобан в противоречии с фактами относит основание Арса-меи к началу II в. до н.э.⁷

Название вновь основанного города «Арсамея», вероятно, отражает эллинистическую практику, по которой правящий монарх называл новый город своим именем. Об этом впрямую говорит Антиох I Коммагенский, упоминая Арсама I Софенского⁸ в арсамейской надписи (сткк. 22–23). В данном случае заметно явное подражание Арсама Селевкидам, основавшим многочисленные Антиохии, Селевкии, Стратоникеи и Апамеи в различных уголках своей огромной державы⁹. Коммагенский царь также особо отмечает, что Арсамея была основана на двух холмах, на которых софенский царь выстроил крепости; они не сохранились до настоящего времени. Однако на холме Эски-Кале были обнаружены остатки подпорной стены в виде террасы, укрепляющей основание холма¹⁰. Арсамея-на-Нимфее не является здесь исключением: остатки подпорных стен были обнаружены при исследовании акрополя эллинистического Пергама¹¹, малоазийской Приены¹², а также столицы Боспорского царства Пантикапея¹³. Видимо, именно на строительство подпорных стен указывают сткк. 20–21 арсамейской надписи: ...ἐκατέρωθεν τήχισας δίκóρυφον σῶμα.

В стк. 21 Антиох употребляет слово ἀμφίπολις, видимо, указывая, что город с самого начала имел двучастную организацию¹⁴. Однако было бы весьма

⁷ Чобан М. Nemrud. P. 38.

⁸ В основе имени «Арсам» лежит иранский корень, переводящийся как «обладающий мощью герой» (*Лившиц* В.А. Парфянская ономастика. СПб., 2010. С. 57), причем это имя известно еще с ахеменидского времени. В частности, так звали одного из персидских царевичей и сатрапов Египта в V в. до н.э. (*Дандамаев* М.А. Вавилония в 626–330 годы до н.э.: социальная структура и этнические отношения. СПб., 2010. С. 97–98). Вообще, в именах софенских царей содержится явная отсылка к ахеменидским традициям, играющим весомую роль в Софене и Великой Армении в эпоху эллинизма (*Тирацян* Г.А. Ахеменидские традиции в древней Армении. М., 1960. С. 1–8; *Canera* M. Rival Images of Iranian Kingship and Persian Identity in Post-Achaemenid Western Asia // R. Strootman, M.J. Versluys (eds.). Persianism in Antiquity. Stuttgart, 2017. P. 207–208).

⁹ *Кошеленко* Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 79 сл.; *Grainger* J.D. The Cities of Seleukid Syria. Oxford, 1990. P. 67–87.

¹⁰ *Dörner* F.K., *Goell* Th. Arsameia am Nymphaios. S. 186–190, Abb. 25–26.

¹¹ *Максимова* М.И. Строительство зданий. Строительная техника // И.И. Толстой (ред.). Эллинистическая техника. М.; Л., 1948. С. 90–91, рис. 18.

¹² *Schede* M. Die Ruinen von Priene. Berlin; Leipzig. 1934. S. 10, Fig. 11; 13–14.

¹³ *Блаватский* В.Д. Террасы Пантикапея // КСИИМК. 1947. Т. XXI. С. 93–95.

¹⁴ *Dörrie* H. Der Königskult des Antiochos I von Kommagene im Lichte neuer Inschriften-Funde. Göttingen, 1964. S. 38; *Шифман* И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н.э.). М., 1977. С. 16; *Тирацян* Г.А. Культура Древней Армении VI в. до н.э. — III в. н.э. (по археологическим данным). Ереван, 1988. С. 90.

поспешным делать вывод, что Арсамея-на-Нимфее в III в. до н.э. имела реальный полисный статус, исходя из употребления слова *πόλις*; ведь нет никаких источников, подтверждающих хоть в какой-то степени такое предположение.

Вполне возможно, что на холмах Эски-Кале и Ени-Кале находился городской акрополь. Что касается жилых кварталов, то они, по мнению Ф.К. Дөрнера и Т. Гелль, располагались неподалеку — на месте современного турецкого поселка Эски-Кяхта¹⁵. Правда, что они из себя представляли, мы не знаем, так как древний город скрыт под мощными культурными напластованиями последующих эпох. Подобное разделение на акрополь и городские кварталы характерно, к примеру, для селевкидской Сирии¹⁶. Кроме того, судя по некоторым косвенным данным, можно полагать, что Арсамея-на-Нимфее являлась царской резиденцией, может быть, еще со времени своего основания. В сткк. 48—49 арсамейской надписи читаем: *...καινοῖς ἔργοις βασιλείων*¹⁷... — «...новым постройкам дворцов...». По-видимому, если в надписи говорится о строительстве новых дворцов Антиохом I Коммагенским, то в Арсамее находились и «старые» дворцы, возведенные в раннеэллинистический период (III—II вв. до н.э.).

Наиболее близкой аналогией основания Арсамеи-на-Нимфее является возведение одним из Оронтидов, царей Великой Армении и родственников софенских Оронтидов, города Ервандашат («город Оронта») в первой половине III в. до н.э. По сообщению Моисея Хоренского, которому в данном случае вполне можно доверять¹⁸, царь Оронт возвел на одном из скалистых холмов, обтекаемом с одной стороны рекой Ерасх, а с другой — Ахурян, новую царскую резиденцию, обведя холм стеной и выстроив на холме мощную цитадель с медными воротами. В крепости также были устроены источники для поступления питьевой воды (II. 39)¹⁹. По мнению Я.А. Манандяна, Ервандашат некоторое время являлся столицей Великой Армении после Армавира²⁰.

¹⁵ Dörner F.K., Goell Th. Arsameia am Nymphaios. S. 31.

¹⁶ Аветисян К.А. Принципы селевкидского градостроительства в Сирии // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1983. С. 32—34. О принципах селевкидской урбанистики в целом (Аветисян К.А. Эллинистическое градостроительство Сирии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 15—17).

¹⁷ Dörner F.K., Goell Th. Arsameia am Nymphaios. S. 42.

¹⁸ Саркисян Г.Х. История и хронология Армении эллинистического периода и Мовсес Хоренаци. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1966. С. 38—39.

¹⁹ О градостроительной культуре древней Армении см.: Арутюнян В.К. К вопросу о градостроительной культуре древней Армении (III в. до н.э. — III в. н.э. // Известия АН Арм. ССР. Общ. науки. 1955. 9. С. 43—66.

²⁰ Манандян Я.А. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван, 1946. С. 56.

В некоторой степени основание Арсамеи-на-Нимфее, обстоятельства которого были изложены в манифесте Антиоха I Коммагенского, напоминает и синойкизм древнего Карки де бет Селох (совр. Киркук в Ираке), проведенного основателем селевкидской державы Селевком I Никатором в начале III в. до н.э. Согласно сирийской раннесредневековой городской хронике, в Карки де бет Селох была перестроена городская стена, добавлены новые ворота, был возведен царский дворец в центре города, расширена городская застройка (по гипподамову плану). Селевк I даровал городу право ателии, что говорит о придании ему полисного статуса. В город было дополнительно переселено пять персидских родов из Истхара²¹. Все же мы не знаем о такой полисной привилегии, как ателия, в отношении Арсамеи-на-Нимфее: видимо, ее просто не было. В то же время основание Арсамеи также могло сопровождаться насильственным переселением хотя бы части местного населения в новый город, ведь подобная практика была достаточно распространена на Древнем Востоке, например, в Армении эллинистической эпохи — см. основание Тигранокерта в I в. до н.э. Тиграном II Великим (96–55 гг. до н.э.) (Plut. Luc. 26)²².

Весьма неоднозначно выглядит стк. 27 цитируемой надписи, в которой Антиох I Коммагенский говорит о том, что Арсам I устроил убежище от войны для жизни царя (т.е. Антиоха I), основав Арсамею-на-Нимфее. В этой строке особо обращает на себя внимание слово ἄσυλον — «убежище». Было бы крайне поспешным, хотя и заманчивым, утверждение, что, кроме функции царского убежища в чисто военном смысле (как крепость, твердыня), Арсамея имела и статус города, запретного для ведения военных действий. Этой привилегией обладало множество полисов эпохи эллинизма²³. Обычно она давалась для того, чтобы создать опору царской власти в основанных городах²⁴. Но, в любом случае, мы должны с большой осторожностью относиться к этому указанию арсамейской надписи, так как оно достаточно двусмысленно. Вероятнее всего, Антиох I говорит, что Арсамея-на-Нимфее уже с самого своего основания служила крепостью-убежищем, куда царь

²¹ Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем Средневековье. М.; Л., 1956. С. 49.

²² См.: Саркисян Г.Х. Градостроительство в Армении при Тигране II и вопрос о переселении чужестранцев // Известия АН Арм. ССР. Общ. науки. 1955. 2. С. 43–64.

²³ Тарн У. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 92–93.

²⁴ Кржяшарян С.М. Эллинистические города Малой Азии и Армении и взаимоотношения их с царями. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1964. С. 13. Об автономии и «свободе» эллинистических городов Малой Азии: Dmitriev S. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, 2005. P. 289–301.

мог отправиться на случай военной опасности²⁵. Возможно также, что в Арсамее-на-Нимфее могло прятаться окрестное население на случай нападения извне²⁶.

Отдельно следует остановиться на слове *χορηγίας* в сткк. 24–25 арсамейской надписи. Оно, видимо, переводится как «поставки», «затраты», «издержки» (в тексте надписи слово стоит в дат. п.). Гипотетически можно предполагать, что в этом содержится определенный намек на литургию, т.е. институт выполнения отдельными состоятельными гражданами тех или иных государственных потребностей за свой счет, к примеру, строительных работ, имеющих общественное значение²⁷. Правда, вряд ли в арсамейской надписи говорится о полисной литургии вроде хорегий классическо-эллинистических Афин²⁸. В то же время институт литургий засвидетельствован и в Древней Армении. В частности, на его существование и функционирование имеются указания в грекоязычной надписи из Гарни времени Тиридата I (сер. I в. н.э.). Согласно этой надписи, некий Менней за свой счет возводит крепость и дворец в Гарни²⁹. Может быть, намеком на существование подобной практики в Древней Армении является свидетельство Плутарха, согласно которому при основании Тигранокерта «...частные лица и правители наперебой расширяли и украшали город, желая угодить царю...» (т.е. Тиграну II Великому. — С. О.) (Plut. Luc. 26; пер. С.С. Аверинцева). Вероятно, следует провести осторожную аналогию между данными гарнийской надписи, свидетельством Плутарха и сткк. 24–25 надписи из Арсамее-на-Нимфее и заключить, что институт литургий мог существовать и в Софене, причем уже в III в. до н.э.

²⁵ Так, урартский царь Руса I бежал в 714 г. до н.э. в крепость Тушпу после поражения в битве с войском ассирийского властителя Саргона II (722–705 гг. до н.э.). Иудейский царь Ирод Великий (37–4 гг. до н.э.) специально выстроил крепость Масаду на случай внутренних потрясений и внешней угрозы.

²⁶ Шифман И.Ш. Сирийское общество. С. 16.

²⁷ Правда, в обоснованности нашего предположения нельзя быть до конца уверенным, так как не исключено, что перед нами не свидетельство о функционировании института литургий в Софене III в. до н.э., а лишь указание, что Арсамея была выстроена, прежде всего, за счет царской казны. Так думает И.Ш. Шифман (Шифман И.Ш. Сирийское общество. С. 16). В таком случае это еще раз подчеркивает статус Арсамее-на-Нимфее как «царского» города.

²⁸ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 266–272.

²⁹ Тревер К.В. Очерки по истории культуры Древней Армении (II в. до н.э. — IV в. н.э.). М.; Л., 1953. С. 183–184; 187; 202; 206; Саркисян Г.Х. Черты эллинизма в духовной культуре Древней Армении // Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»). I. Ереван, 1979. С. 19.

Сложно сказать, являлась ли Арсамея-на-Нимфее в полной мере греческим городом по своей культуре. Археологические исследования, проводившиеся там, прежде всего, в 1950–1960-е гг., показали относительно слабый уровень эллинизации населения Арсамеи-на-Нимфее. Так, было найдено лишь 8 фрагментов эллинистической расписной керамики III — начала II в. до н.э., происходящей из Селевкидской Сирии и Киликии³⁰. Подобная керамика встречается и в эллинистических слоях древнеармянского Армавира³¹. Сомнительно, однако, что из факта присутствия привозной керамики в Арсамее-на-Нимфее можно сделать вывод о высоком значении этого города как торгового пункта. Скорее всего, перед нами факт статусного потребления городской верхушкой привозной керамической продукции.

При раскопках на плато Эски-Кале также были найдены две ручки родосских амфор, датирующихся 220–180 гг. до н.э.³² Впрочем, нельзя безоговорочно согласиться с Ю.С. Бадалянцем, который пишет, что эта находка свидетельствует о постоянных торгово-экономических связях Родоса и Коммагены³³. Скорее, родосские амфоры могли попасть в Арсамею через посредников, например Киликию. Кроме того, эта находка носит изолированный характер.

В отличие от Коммагены, Софена имела довольно тесные торговые отношения с греческим миром уже в конце IV — начале III в. до н.э. При раскопках столицы Софены Арсамосаты («город Арсама»), также основанной Арсамом I (Ролуб. VIII. 25)³⁴, были обнаружены фрагмент чернолакового сосуда с пояском черного и коричневого цвета аттического

³⁰ Dörner F.K., *Goell Th. Arsameia am Nymphaios*. S. 234–235, Taf. 56–57 (1–8).

³¹ Тирацян Г.А. Армавир и античный мир // Проблемы античной истории и культуры. С. 282; Зардарян М.О. Торгово-экономические связи Армении с эллинистическим миром в III–I вв. до н.э. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ереван, 1986. С. 6–7. О торговых связях Древней Армении и Сирии уже в римское время свидетельствуют находки привозных стеклянных сосудов, изготовленных в мастерских Сирии и Финикии и найденных в некрополе Гарни (Тирацян Г.А. О торговых связях Армении с Сирией в античное время // Палестинский сборник. 1959. 4 (67). С. 73–78).

³² Dörner F.K., *Goell Th. Arsameia am Nymphaios*. S. 244–245.

³³ Бадалянц Ю.С. Эллинистический Родос. М., 2000. С. 185.

³⁴ В том числе в силу экономического расцвета Софены в III в. до н.э., ведь эта область лежала на пересечении международных торговых путей, ведущих в Индию (Еремян С.Т. Развитие городов и городской жизни в Древней Армении // ВДИ. 1953. № 3. С. 13; Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. С. 30–35; Marciak M. The Cultural Landscape of Sophene from Hellenistic to Early Byzantine Times // Göttingener Forum für Altertumswissenschaft. 2014. Bd. 17. P. 29–30. Однако вряд ли можно считать софенские и тем более коммагенские города эллинистической эпохи крупными торговыми центрами.

производства, глиняный веретенообразный бальзамарий, привозные глиняные светильники³⁵. Эти артефакты, возможно, отражают более высокий уровень эллинизации населения Арсамосаты в сравнении с Арсамеей-на-Нимфее, вероятно, в силу столичного характера первой. Хотя в то же время нельзя сказать, что архитектура Арсамосаты существенным образом отличалась от архитектурного облика Арсамеи-на-Нимфее III в. до н.э., судя по остаткам крепостных сооружений, открытых в ходе раскопок столицы Софены³⁶.

При исследовании окрестностей Арсамеи-на-Нимфее были найдены остатки железоделательной мастерской (?) III—I вв. до н.э., остающиеся по сей день единственным свидетельством, касающимся развития ремесла в античной Коммагене³⁷. Подобное производство, если оно уже существовало в III в. до н.э., обслуживало в первую очередь потребности царского гарнизона, дислоцировавшегося в арсамейской крепости уже в софенское время. На это указывает находка трех десятков наконечников стрел, относящихся к III в. до н.э.³⁸ Эпиграфически царский гарнизон в Арсамее-на-Нимфее фиксируется надписью Антиоха I Коммагенского. Там говорится о фрурархе и воинах, охраняющих хору (?) Арсамее, которые наравне со всеми должны были принимать участие в празднествах, посвященных царю и его предкам: ...φρουράρχῳ καὶ φύλακα χωρίου στρατιᾶν...(сткк. 129–130)³⁹. Поэтому, если большинство городов селевкидской Сирии играло роль крупных торгово-ремесленных центров⁴⁰, то Арсамея-на-Нимфее, впрочем, как и Арсамосата, выступала, прежде всего, в качестве царской крепости и резиденции софенских (?) и коммагенских владык (III—I вв. до н.э.). По-видимому, Арсам I основал Арсамею-на-Нимфее для осуществления военно-административного контроля над севером Коммагены, а также для ее защиты

³⁵ Тирацян Г.А. Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры // Древний Восток. 1976. № 2. С. 137.

³⁶ Тирацян Г.А. Новые археологические материалы. С. 138.

³⁷ Dörner F.K. Thron der Götter auf dem Nemrud Dag. Mainz am Rhein, 1981. S. 213, Fig. 52.

³⁸ Dörner F.K., Goell Th. Arsameia am Nymphaios. S. 275–276; 279. Лучники, особенно конные, играли огромную роль в коммагенской армии; именно их в количестве 200 человек послал Антиох I на помощь Помпею, сражающемуся в Греции против Цезаря (Caes. BC. III. 4).

³⁹ Dörner F.K., Goell Th. Arsameia am Nymphaios. S. 44.

⁴⁰ Шифман И.Ш. Город и торговля в Сирии эллинистического и римского времени // Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н.э.). Ереван, 1973. С. 194–211. Типичным эллинистическим городом с преобладанием греческого элемента в культуре была, к примеру, Антиохия-на-Оронте, столица Селевкидской державы (Downey G. Ancient Antioch. Princeton, 1963. P. 31–44).

от притязаний соседней Каппадокии⁴¹. Косвенно это подтверждается тем, что, по сообщениям Диодора, первый властитель независимой Коммагены Птолемей вскоре после своего воцарения в 164/163 гг. до н.э. попытался аннексировать Мелитену, имеющую общую границу с Арсамеей-на-Нимфее (Diod. XXXI. 19a).

Скудный археологический материал, в основном относящийся к III–II вв. до н.э., заставляет признать, что Софена с входящей в ее состав Коммагеной подверглась весьма поверхностной эллинизации, поэтому это государственное образование можно назвать «эллинизированным», т.е. затронутым греческим влиянием лишь в культурной⁴² и, может быть, отчасти в административной сфере (институт литургий?). Великая Армения III–I вв. до н.э. также вполне соответствует предложенным критериям⁴³. Еще Н.В. Пигулевская справедливо утверждала, что не стоит преувеличивать значение греческого влияния на древневосточные культуры эллини-

⁴¹ Военно-стратегическими соображениями при основании городов руководствовался в значительной мере и Александр Македонский, а также один из диадохов Антигон Одноглазый (*Willows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles; London, 1990. P. 292–305*).

⁴² Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Ч. 1. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960. С. 106–107. Согласно материалам дискуссии по проблеме определения сущности и характера эллинизма, состоявшейся в июне 1953 г., А.Г. Бокщанин следующим образом формулировал свою концепцию эллинизированных государств: «...А.Г. Бокщанин различает страны эллинистические и эллинизированные... в эллинизированных государствах, отстоявших свою независимость, власть находилась в руках местной аристократии, греко-македоняне же оставались на положении подчиненных элементов, а не на руководящих должностях. А.Г. Бокщанин указывает, что эллинистический мир состоял из ядра собственно эллинистических государств и эллинизированной периферии, испытавшей на себе определенное влияние завоевателей». Один из главных участников этой дискуссии К.К. Зельин, в определенном смысле согласившись с таким разделением политических образований эллинистической эпохи, справедливо скорректировал позицию А.Г. Бокщанина, усмотрев «здесь не две различные категории, а сочетание в различных пропорциях тех и других элементов» (*Кац А.А. Дискуссия о проблемах эллинизма // СА. 1955. XXII. С. 119; 121*). В таком виде мнение А.Г. Бокщанина можно разделить, правда, следует учитывать, что понятие «эллини» в наиболее крупных государствах, образовавшихся на развалинах империи Александра Македонского (особенно это касается державы Селевкидов), весьма часто несло под собой не этнический, а культурный и социальный отпечаток; это уже подчеркивал Г.Х. Саркисян применительно к городским образованиям эпохи эллинизма (*Саркисян Г.Х. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960. С. 15–16*); см. также на примере в селевкидской Вавилонии (*Sarkisian G.Kh. Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babyloniaca Problem. Erevan, 1973. P. 1–12*). Поэтому автор ни в коей мере не поддерживает ныне популярную теорию о всеобъемлющем политическом доминировании греко-македонян в государствах эллинистической эпохи («господствующее общество» или «доминирующий этнокласс»).

⁴³ Тревер К.В. Очерки по истории культуры. С. 15.

стического времени⁴⁴. Необходимо отметить, что большинство городов, основанных туземными династиями, являлись именно эллинизованными, в ряде случаев самостоятельно воспроизводя некоторые черты полисного устройства, в частности, в Великой Армении⁴⁵. Одним из таких городов был древнеармянский Армавир⁴⁶. Эллинизованным, «туземным»⁴⁷ городом являлась и Арсамея-на-Нимфее. Свою специфику, как и все остальные города Коммагены, она сохраняла и в последующие эпохи, в значительной мере преобразовавшись в I в. до н.э. в центр царского и династического культов (гражданско-храмовую общину?).

Конечно, мы практически ничего не знаем о этническом составе населения Арсамеи-на-Нимфее и других городов Коммагены и Софены в эллинистический период. Так, нам совершенно неизвестна количественная составляющая эллинского населения. В этом отношении находки греческой керамики также не могут способствовать решению этого вопроса, так как она, вероятнее всего, являлась предметом импорта. Несмотря на то, что Софена лежала на пересечении важнейших торговых путей древности, было бы крайне смелым говорить, как это делала А.И. Болтунова, что население софенских (и коммагенских) городов было разноплеменным: армянским, греческим, сирийским, иранским⁴⁸. Весьма категоричным является и утверждение Н.В. Пигулевской о том, что если город при основании был назван царем греческим именем, то греко-македонское население в нем преобладало⁴⁹. Так, «Арсамея» является вполне греческим названием города (сравните «Апамея» у Селевкидов), но при этом никаких фактов о преобладании в нем именно греко-македонского населения не имеется.

⁴⁴ Пигулевская Н.В. Города Ирана. С. 22. Соглашаясь в целом с мнением Н.В. Пигулевской, добавим, что эллинское влияние касалось, прежде всего, верхушки покоренных народностей. Хотя уже в раннюю эпоху (время Александра) есть примеры обратного влияния Востока на культуру греко-македонских завоевателей. Наиболее яркий пример (не считая ближайшего друга Александра, Гефестиона) — сатрап Персиды Певкест, македонец по происхождению (Arr.Anab. VI. 30, 2–3).

⁴⁵ Акопян А.М. Эллинизм на Востоке и его влияние на культуру Древней Армении // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1981. С. 12.

⁴⁶ Саркисян Г.Х. Тигранакерт. С. 36–37; Болтунова А.И. Античные города Грузии и Армении // Античный город. М., 1963. С.157–163.

⁴⁷ Весьма удачный термин Хр. Милеты (см. Милета Хр. Полисы — туземные города — военные колонии. Размышления по поводу городской системы в эллинистической Малой Азии // Мнемон. 2009. Вып. 8. С. 136).

⁴⁸ Болтунова А.И. Античные города. С. 158.

⁴⁹ Пигулевская Н.В. Города Ирана. С. 69.

В нашей статье мы намеренно не коснулись истории других коммагенских городов, возведенных софенскими царями Самом I и Арсамом I в III в. до н.э., так как об этих поселениях до I в. до н.э. известно крайне мало. Это, прежде всего, касается Самосаты⁵⁰ и Арсамеи-на-Евфрате⁵¹. Все же следует поставить вопрос о целенаправленной градостроительной политике царей Софены в Коммагене, в первую очередь Арсама I. К сожалению, отрывочность источников не позволяет охарактеризовать ее аспекты в полной мере, хотя на наиболее ярком примере Арсамеи-на-Нимфее ясно, что она, по-видимому, заключалась в основании военно-административных центров, аккумулирующих прибавочный продукт, поступающий в виде податей с окрестных крестьянских

⁵⁰ Вероятно, Самосата («город Сама»), будущая столица античной Коммагены, была основана Самом I Софенским около середины III в. до н.э., как это вполне доказал К. Хонигманн, ссылаясь на свидетельство Страбона (XVI. II. 3), использовавшего в своей «Географии» труд Эратосфена, законченный около 245 г. до н.э. (*Honigmann K. Kommagene // RE. 1924. Bd. IV. Sp. 981–982*). К этому же мнению осторожно склоняется и Г.М. Кохен (*Cohen G.M. The Hellenistic Settlements. P. 187–188*). Поэтому взгляд В. Чериковера и С. Вайссбаха о том, что Самосата была основана Самом II Коммагенским (130–100 гг. до н.э.) (*Tscherikower W. Die Hellenistischen Städtegründungen. S. 51; Weissbach S. Samosata // RE. 1920. Bd. I. Sp. 2220*), представляется ошибочным. См. весьма интересные соображения М. Шоттки о Саме I (*Schottky M. Media Atropatene. S. 96–100*).

⁵¹ Остатки древнего города располагаются на западном берегу Евфрата на скалистом холме около современной турецкой деревни Гергер (*Cohen G.M. The Hellenistic Settlements. P. 152; Çoban M. Nemrud. P. 36*). Город был открыт еще К. Хуманном и О. Пухштейном в 1883 г. Ими же впервые был опубликован манифест Антиоха I об установлении культа династии в этом городе. Правда, ими была оставлена без восстановления 9-я строка надписи, в которой шла речь о том, кто основал Арсамею (*Humann K., Puchstein O. Die Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berlin, 1890. S. 361*), так как не был еще известен манифест Антиоха I из Арсамеи-на-Нимфее, хотя уже В. Чериковер предполагал, что Арсамею-на-Евфрате основал один из софенских Арсамов (*Tscherikower W. Die Hellenistischen Städtegründungen. S. 52*). Лишь после обнаружения большой надписи Антиоха I в Арсамее-на-Нимфее появилась возможность восстановить эту строку манифеста из Арсамеи-на-Евфрате. В окончательном варианте она выглядит так: ...Ἀρ[σάμειαν τα[ύτην πρὸς Εὐφράτῃ ποταμῷ πρόγονος] ἐμὸς Ἀρσάμ[ς] ἔκτισεν... (*Waldmann H. Die kommagenischen Kulturreformen unter König Mithradates I. Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I. Leiden, 1973. S. 125*). Поэтому ясно, что Арсамею-на-Евфрате основал именно Арсам I Софенский (вряд ли Арсам II, о котором мы ничего не знаем, кроме его немногочисленных монет). К сожалению, город III — начала II в. до н.э. практически не сохранился. Может быть, лишь цистерна для сбора воды, выдолбленная на северо-востоке холма (*Dörner F.K, Naumann R. Forschungen in Kommagene. Berlin, 1939. Taf. 24*), относится к раннему времени (ср. основание Ервандашата в Армении). Весьма вероятно, что Арсам I Софенский, возводя новый город, руководствовался теми же военно-политическими соображениями, что и при строительстве Арсамеи-на-Нимфее.

общин⁵². Кроме того, можно думать, что города, построенные софенскими царями в Коммагене, не являлись полисами — хотя при этом все же нельзя исключать, что их возведение способствовало в какой-то мере эллинизации хотя бы части местного населения, судя по находкам греческой привозной керамики. Можно также предполагать, что софенские цари, прежде всего Арсам I, были «вдохновлены» примером Селевкидов, построивших десятки городов на территории своей огромной державы.

В заключение хотелось бы согласиться с мнением, высказанным еще И.Ш. Шифманом, что градостроительная деятельность Арсама I (и Сама I?) носила во многом планомерный характер, конечно, в рамках небольшой территории Софены⁵³. Следовательно, основание Арсамеи на реке Нимфей являлось одним из этапов по ее практическому осуществлению.

⁵² По-видимому, необходимо отказаться от представления, по которому подъем городской жизни в Софене, Коммагене и Армении был связан в первую очередь с развитием торговли, как об этом в свое время писал Я.А. Манандян (*Манандян Я.А.* Тигран Второй и Рим в новом освещении первоисточников. Ереван, 1943. С. 58–71). Безусловно, в этом процессе торговля сыграла свою роль, однако на примере основания Арсамеи-на-Нимфее ясно, что военно-административные и, может быть, социально-политические (создание опоры правящей софенской династии в Коммагене) причины играли не меньшую роль в этом процессе. Как показал В.И. Гуляев, весьма часто в раннеклассовых обществах города играли роль центров власти и военной силы. Кроме того, в них обычно сосредоточивалась элита того или иного древнего общества (*Гуляев В.И.* Города-государства майя: структура и функции города в раннеклассовом обществе. М., 1979). Ближе к этому взгляду подошел Г.Х. Саркисян (*Саркисян Г.Х.* Тигранакерт. С. 73–74), особо отметив, что не совсем ясно, следует ли считать Ервандакерт, основанный армянскими Оронтидами, городом в полном смысле этого слова или поселением городского типа (Там же. С. 22–23; 41). Похожим образом высказывался и Я.А. Манандян (*Манандян Я.А.* Проблема общественного строя доаршакидской Армении // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 5–6). Показательно, что Г.А. Тирацян называет Арсамею-на-Нимфее и Арсамею-на-Евфрате «местностями», а не городами (*Тирацян Г.А.* Страна Коммагена. С. 74). О специфике городов Древней Армении см.: *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980. С. 148–151.

⁵³ *Шифман И.Ш.* Сирийское общество. С.16.

REFERENCES

1. *Akopjan A.M.* Hellenism on the East and its Influence of Culture of Ancient Armenia // V.T. Pashuto, Shmidt S.O. (eds.). The Questions of Source Study and Historiography of History of Pre-Soviet Period [Ellinizm na Vostoke i ego vlijanie na kul'turu Drevnej Armenii / V.T. Pashuto, S.O. Shmidt (red.). Voprosy istochnikovedenija i istoriografii istorii dosovetskogo perioda]. M., 1981. P. 6–18.
2. *Arutyunyan V.K.* To the Question about Urban Development Culture of Ancient Armenia (III BC — III AD) // News of the Academy of Sciences ArmSSR. Social Sciences. 1955. Vol. 9. 1955 [K voprosu o gradostroitel'noj kul'ture drevnej Armenii (III v. do n.eh. — III v. n.eh.)]. P. 43–46.
3. *Avetisjan K.A.* The Principles of Seleukidian City Planning in Syria // Saprykin Yu. M. (ed.). The Problems of History of Antiquity and Middle Ages / [Principy selevkidskogo gradostroitel'stva v Sirii // Saprykin Yu.M. (ed.). Problemy istorii antichnosti i srednih vekov]. M., 1983. P. 21–35.
4. *Avetisjan K.A.* The Hellenistic Urban Development of Syria [Ellinisticheskoe gradostroitel'stvo Sirii]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1984.
5. *Badal'janc Ju.S.* The Hellenistic Rhodos [Ellinisticheskij Rodos]. M., 2000.
6. *Billows R.A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles; London, 1990.
7. *Blavatskij V.D.* The Terraces of Panticapaeum [Terrasy Pantikapeja] // BRIMC. 1947. Vol. XXI. P. 93–95.
8. *Bokshchanin A.G.* Parthia and Rome. P. 1: The Origin of System of Political Dualism in the Near East [Parfija i Rim. Ch. 1: Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma v Perednej Azii]. M., 1960.
9. *Boltunova A.I.* The Antique Cities of Georgia and Armenia // A.I. Boltunova (ed.). The Ancient City / [Antichnye goroda Gruzii i Armenii // A.I. Boltunova (red.). Antichnyj gorod]. M., 1963. P. 153–169.
10. *Canepa M.* Rival Images of Iranian Kingship and Persian Identity in Post-Achaemenid Western Asia // R. Strootman, M.J. Versluys (eds.). Persianism in Antiquity. Stuttgart, 2017. P. 201–222.
11. *Çoban M.* Nemrud. Adiyaman, 2010.
12. *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin and North Africa. Berkeley; Los Angeles; London, 2006.

13. *Dandamaev M.A.* Babylonia in 626–330 BC: The Social Structure and Ethnic Relations [Vavilonija v 626–330 goah do n.e.: social'naja struktura i etnicheskie otnoshenija]. SPb., 2010.
14. *D'jakonov I.M., Neronova V.D., Svencickaja I.S.* The Caucasus and Neighbouring Countries in Hellenistic times / I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Sventitzkaya (eds.). The History of Ancient World. Vol. II: The Flowering of Ancient Societies / [Zakavkaz'e i sopredel'nye strany v period jellinizma / Istorija Drevnego Mira. T. II: Rascvet drevnih obshhestv / Otv. red. I.M. D'yakonov, V.D. Neronova, I.S. Svencickaya]. M., 1989. P. 383–398.
15. *Dmitriev S.* City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, 2005.
16. *Dörner F.K., Naumann R.* Forschungen in Kommagene. Berlin, 1939.
17. *Dörner F.K.* Arsameia am Flusse Nymphaios. Eine neue, kommagenische Kultstätte // BO. 1952. Bd. IX. No 3/4. S. 93–96.
18. *Dörner F.K.* Die Königsresidenz Arsameia am Nymphenfluß // Das Altertum. 1956. Bd. 2. Heft. 2. S. 67–82.
19. *Dörner F.K., Goell Th.* Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierothesion der Mithradates Kallinikos. Berlin, 1963.
20. *Dörner F.K.* Thron der Götter auf dem Nemrud Dag. Mainz am Rhein, 1981.
21. *Dörrie H.* Der Königs kult des Antiochos I von Kommagene im Lichte neuer Inschriften-Funde. Göttingen, 1964.
22. *Downey G.* Ancient Antioch. Princeton, 1963.
23. *Eremjan S.T.* The Development of cities and urban life in Ancient Armenia // ВДИ. 1953. Vol. 3 [Razvitie gorodov i gorodskoj zhizni v Drevnej Armenii]. P. 11–31.
24. *Facella M.* La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenistico-romana. Pisa, 2006.
25. *Gabelko O.L.* Istorija Vifinskogo tsarstva [The History of the Bithynian kingdom]. SPb., 2005.
26. *Grainger J.D.* The Cities of Seleukid Syria. Oxford, 1990.
27. *Guljaev V.I.* The Cities-States of Maya: The Structure and Functions of City in the Early Class Society [Goroda-gosudarstva majja: struktura i funkcii goroda v ranneklassovom obshchestve]. M., 1979.
28. *Honigmann K.* Kommagene // RE. 1924. Bd. IV. Sp. 978–990.
29. *Humann K., Puchstein O.* Die Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berlin, 1890.
30. *Kac A.L.* The Discussion on the Problems of Hellenism // SA. 1955. Vol. XXII. 1955 [Disskussija o problemah jellinizma]. P. 116–122.

31. *Koshelenko G.A.* The Greek polis on the Hellenistic East [Grecheskij polis na ellinisticheskom Vostoke]. M., 1979.
32. *Krkjasharjan S.M.* The Hellenistic Cities of Asia Minor and Armenia and Their Relationships with the Kings [Ellinisticheskie goroda Maloj Azii i Armenii i vzaimootnosheniya ih s tsarjami]. Avtoref. dis.... kand. ist. nauk. Erevan, 1964.
33. *Latyshev V.V.* The Essay of Greek antiquities. P. 1: The State and Military Antiquities [Ocherk grecheskih drevnostej. Ch. 1: Gosudarstvennye i voennye drevnosti]. SPb., 1997.
34. *Livshic V.A.* The Parthian Onomastics [Parfjanskaja onomastika]. SPb., 2010.
35. *Maksimova M.I.* Buildings Constructions. Construction Equipment // I.I. Tolstoy (ed.). Hellenistic technique [Stroitel'stvo zdaniy. Stroitel'naja tehnika // I.I. Tolstoj (red.). Ellinisticheskaja tehnika]. M.; L., 1948. P. 94–157.
36. *Manandyan Ya.A.* Tigran The Second and Rome in New Coverage of Primary Sources [Tigran Vtoroj i Rim v novom osveshchenii istochnikov]. Erevan, 1943.
37. *Manandyan Ya.A.* The Problem of Social Formation of Pre-Arshakid Armenia [Problema obshchestvennogo stroya doarshakidskoj Armenii] // The Historical Notes. 1945. Vol. 15. 1945. P. 3–28.
38. *Manandjan Ya.A.* Armavir Greek Inscriptions in New Coverage [Armavirskie grecheskie nadpisi v novom osveshhenii]. Erevan, 1946.
39. *Manandjan Ya.A.* On Trade and Cities of Armenia in Connection with World Trade of Ancient Times [O trgovle i gorodah Armenii v svjazi s mirovoj trgovlej drevnih vremen]. Erevan, 1954.
40. *Marciak M.* The Cultural Landscape of Sophene from Hellenistic to Early Byzantine Times // Göttingener Forum für Altertumwissenschaft. 2017. Bd. 17. S. 13–56.
41. *Mileta Chr.* Poleis — Indigenous Cities — Military Colonies. The Speculations on the Subject of Urban System in the ellenistic Asia Minor [Polisy — tuzemnye goroda — voennye kolonii kolonii. Razmyshleniya po povodu gorodskoj sistemy v ellinisticheskoj Maloj Azii] // Mnemon. 2009. Vol. 8. P. 131–146.
42. *Novosel'cev A.P.* The Genesis of Feudalism in the Countries of Transcaucasia [Genezis feodalizma v stranah Zakavkaz'ya]. M., 1980.
43. *Pigulevskaja N.V.* The Cities of Iran in the Early Middle Ages [Goroda Irana v rannem srednevekov'e]. M.; L., 1956.
44. *Sarkisyan G.Kh.* The Urban Development in Armenia under Tigran II and the Issue of Resettlement of Foreigners [Gradostroitel'stvo v Armenii pri Tigrane II i vopros o pereselenii chuzhestrancev] // News of the Academy of Sciences ArmSSR. Social Sciences. Vol. 2. 1955. P. 43–64.

45. *Sarkisjan G.Kh.* Tigranakert. From the History of ancient Armenian Urban Communities [Tigranakert. Iz istorii drevnearmjanskih gorodskih obshhin]. M., 1960.
46. *Sarkisian G.Kh.* Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babyloniaca Problem. Erevan, 1973.
47. *Sarkisjan G.H.* The Features of Hellenism in the Spiritual Culture of Ancient Armenia [Cherty ellinizma v duhovnoj kul'ture Drevnej Armenii] // The Problems of Ancient History and Culture (reports of the XIV international conference of classical scholars of socialist countries «Eirene») [Problemy antichnoj istorii i kul'tury (doklady XIV mezhdunarodnoj konferencii antichnikov socialisticheskikh stran «Ejrene»)]. Vol. I. Erevan, 1979. P. 18–24.
48. *Sarkisjan G.H.* The History and Chronology of Armenia of Hellenistic Period and Movses Khorenatsi [Istorija i hronologija Armenii ellinisticheskogo perioda i Movses Horenaci]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Erevan, 1966.
49. *Schede M.* Die Ruinen von Priene. Berlin; Leipzig, 1934.
50. *Shifman I.Sh.* The City and Trade in Syria of Hellenistic and Roman Time [Gorod i torgovlja v Sirii ellinisticheskogo i rimskogo vremeni] // N.V. Arutyunyan, I.M. Dyakonov, G. H. Sarkisyan (eds.). Ancient Orient. Cities and Trade (III–I Millennium BC.) [Drevnij Vostok. Goroda i torgovlja (III–I tys. do n.je.)]. Erevan, 1973. P. 194–211.
51. *Shifman I.Sh.* Syrian Society of the Era of the Principate (I–III centuries A.D) [Sirijskoe obshchestvo epohi principata (I–III vv. n.je.)]. M., 1977.
52. *Schottky M.* Media Atropatene und Gross-Armenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989.
53. *Tarn W.W.* Queen Ptolemais and Apama // CQ. 1929. Vol. XXIII. No. 2. 1929. P. 138–141.
54. *Tarn U.* The Hellenistic Civilization [Ellinisticheskaja civilizacija]. M., 1949.
55. *Tiracjan G.A.* Country of Commagene and Armenia [Strana Kommagena i Armenija] // News of the Academy of Sciences ArmSSR. Social Sciences. 1956. Vol. 3. P. 69–74.
56. *Tiracjan G.A.* Armenia's Trade Relations with Syria in Ancient Times [O togovykh svjazjah Armenii s Siriej v antichnoe vremja] // PD. 1959. Vol. 4 (67). P. 73–78.
57. *Tiracjan G.A.* Achaemenid Traditions in Ancient Armenia [Ahemenidskie tradicii v drevnej Armenii]. M., 1960.
58. *Tiracjan G.A.* New Archaeological Materials of the Post-Urartian Period on the Territory of Western Armenia (Turkey) and Their Place in the History of Ancient Armenian Culture [Novye arheologicheskie materialy posleartskogo vremeni na territorii Zapadnoj Armenii (Turcija) i ih

- mesto v istorii drevnearmjanskoj kul'tury] // Drevnij Vostok. 1976. Vol. 2. P. 134–157.
59. *Tiracjan G.A.* Armavir and the Ancient World [Armavir i antichnyj mir] // The Problems of Ancient History and Culture (reports of the XIV international conference of classical scholars of socialist countries «Eirene») [Problemy antichnoj istorii i kul'tury (doklady XIV mezhdunarodnoj konferencii antichnikov socialisticheskikh stran «Jeirene»)]. Vol.I. Erevan, 1979. P. 280—285.
  60. *Tiracjan G.A.* Culture of Ancient Armenia VI century BC — III century AD (according to Archaeological Data) [Kul'tura Drevnej Armenii VI v. do n.je. — III v. n.e. (po arheologicheskim dannym)]. Erevan, 1988.
  61. *Trever K.V.* The Essays on the History of Culture of Ancient Armenia (II century BC — IV century AD) [Ocherki po istorii kul'tury Drevnej Armenii (II v. do n.je. — IV v. n.je.)]. M.; L., 1953.
  62. *Tscherikower V.* Die hellenistischen Städtergründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig, 1927.
  63. *Waldmann H.* Die kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I. Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I. Leiden, 1973.
  64. *Weissbach S.* Samosata // RE. 1920. Bd. I. Sp. 2220–2222.
  65. *Zardarjan M.O.* Trade and Economic Relations of Armenia with the Hellenistic World in III–I centuries BC [Torgovo-jekonomicheskie svjazi Armenii s ellinisticheskim mirom v III–I vv. do n.je.] Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Erevan, 1986.

Ключевые слова:

эллинизм, Софена, Коммагена, Арсам I, Сам I, градостроительная политика, Арсамея-на-Нимфее, Арсамея-на-Евфрате, Самосата.

Sergey V. Obukhov

URBAN DEVELOPMENT POLICY OF THE KINGS OF SOPHENE IN COMMAGENE IN III B.C.

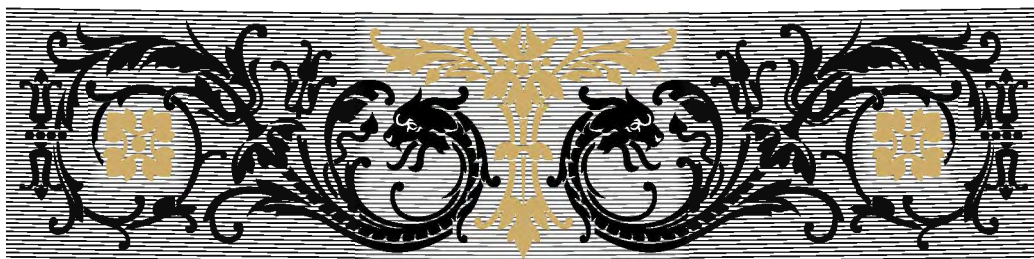
The article is devoted to the problem of urban policy of the kings of Hellenistic Sophene in Commagene in the III century BC. The author, based on epigraphic and archaeological sources, examines the history of the founding of Arsameia-on-the-Nymphaeum, Arsameia-on-the-Euphrates and the Samosata by Arsam I and Samos I in 250–230 B.C. The author believes that the cities, founded in Commagene, were primarily administrative centers and fortresses. Perhaps in Arsameia-on-the-Nymphaeum was the royal residence of Arsam I. Commagenian cities in the III century BC were not a major trading centres, only in Arsameia-on-the-Nymphaeum during excavations was found a small number of imported Hellenistic pottery from Syria. Yet the newly founded cities to some extent contributed to the Hellenization of the Commagene in the early Hellenistic period. Urban systems of the cities of Commagene in the III century B.C. is unknown. Only more or less probable assumptions are possible, and it is clear, that these cities were not the *poleis*: they could be called rather as «Royal cities». Thus, through the founding of these cities kings of Sophene sought to consolidate their power in Commagene. In many respects they repeated the path that was typical for the kings of the Hellenistic monarchies, and the Seleucids first of all.

Key words: Hellenism, Sophene, Commagene, Arsam I, Samos I, Arsameia-on-the-Nymphaeum, Arsameia-on-the-Euphrates, urban policy.

Sergey V. Obukhov — Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher at the Department of Medieval History of Moscow Lomonosov State University.

 Обухов Сергей Владимирович

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

С.В. Смирнов

МЕЖДУ СЕЛЕВКИДАМИ И ПАРФИЕЙ: МОНЕТНЫЙ ЧЕКАН СЕЛЕВКИИ-НА-ТИГРЕ 40—30 гг. II в. до н.э.¹

Для эллинистического Востока 40—30 гг. II в. до н.э. стали временем серьезных политических перемен. На смену власти Селевкидов, правивших Сузианой, Мидией и Вавилонией на протяжении ста пятидесяти лет, пришла новая сила — парфянская держава. Политические обстоятельства смены власти в этом регионе представляли собой продолжительный конфликт, в результате которого Селевкиды уступили свое присутствие на Востоке. С точки зрения идеологии и политической пропаганды, борьба с парфянской агрессией превратилась для Селевкидов в нечто большее, чем просто соперничество за территории. Она стала своего рода символом возрождения могущества династии, последним шансом восстановить практически утраченный в постоянных внутренних конфликтах авторитет царской власти. Многими древними авторами, очевидно заимствовавшими дискурс официальной селевкидской идеологии, эта борьба подносилась едва ли не как противостояние Александра и Персидской империи, Запада и Востока, цивилизации и варварства. Однако исход этой борьбы для Селевкидов оказался печальным — восточные сатрапии окончательно перешли под контроль Парфии.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 17-31-01061-ОГН.

Для многих историков, в том числе специалистов в области эллинистической истории, периоды смены власти (transition periods) являются предметом особого научного интереса. Главной причиной такого повышенного внимания можно считать в первую очередь неординарность происходящих событий, их своего рода «переломность», которая во многом обнажает суть текущих процессов и позволяет рассматривать привычные политические явления в качественно ином ракурсе². Трансформация идеологических практик и моделей, вызванная сменой власти, а также проблемы идеологической преемственности являются, на наш взгляд, весьма перспективной темой для изучения селевкидско-парфянских отношений.

Однако, учитывая широту проблемы, в рамках данного исследования наиболее резонным представляется остановиться на одном конкретном примере, отражающем идеологическую сторону процесса перехода власти от Селевкидов к Парфии. В качестве такого примера стоит рассмотреть эпизод со сменой власти в одном из политических центров эллинистического Востока — Селевкии-на-Тигре, где процесс перехода проходил поэтапно и относительно подробно освещен в источниках. Стоит также иметь в виду, что Селевкия-на-Тигре являлась крупнейшим эллинистическим полисом селевкидского Востока. Этот город, без преувеличения, играл ключевую роль во всей восточной политике династии Селевкидов. Селевкия была не только важнейшим экономическим центром, приносившим царской казне колоссальные доходы, не только ключевым стратегическим пунктом, местом сосредоточения военной мощи селевкидской армии и значимым административным центром, под контролем которого находилась вся восточная часть империи. Селевкия имела особое идеологическое значение, признавалась столицей государства Селевкидов, царским городом (Strabo. XVI. I. 5; 16)³, в каком-то смысле — колыбелью царской власти всей династии⁴. Именно поэ-

² Такой подход к изучению не только политической истории, но и экономики, идеологии, общественных институтов давно и весьма успешно практикуется историками. Одним из наиболее успешных проектов такого рода является коллективный труд: *La transition. Entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques* / P. Briant, F. Joannès. Paris, 2006.

³ Нет сомнений, что в Селевкии-на-Тигре располагалась одна из царских резиденций. Клинописные таблички также часто называют Селевкию *āl šarrūti*, т.е. «царский город» (ВСНР 11, 12). Подробнее о Селевкии эллинистического времени см.: *Инверсии А. Селевкия-на-Тигре, греческая метрополия в Азии* // ВДИ. 1990. 2. С. 174–186.

⁴ В цикле легенд о Селевке I («Роман о Селевке») Селевкия-на-Тигре занимает особое символическое место как один из первых городов, основанных Селевком I. Одной из причин этого можно предположить географическое расположение Селевкии, которая находилась в Вавилонии — регионе, где была установлена власть Селевка I. Не исключено, что Селевк I изначально строил этот город как столицу своего государства. См.:

тому возможная потеря Селевкии-на-Тигре ставила под вопрос присутствие Селевкидов на Востоке в целом.

Привлекательной особенностью Селевкии-на-Тигре как объекта исследования является богатство иконографического материала — важнейшего источника в данной проблеме. Иконография монет, в обилии выпускавшихся монетной мастерской Селевкии-на-Тигре, весьма наглядно отражает идеологический курс как царей династии Селевкидов, так и парфянских правителей, а разнообразие серебряных и бронзовых монетных типов позволяет провести разносторонний иконографический анализ визуальных образов и мотивов, использовавшихся в царской пропаганде. Для более детального исследования сюда же стоит добавить и селевкийский архив, содержащий более тысячи образцов оттисков официальных царских печатей⁵.

Однако прежде чем перейти к анализу иконографии селевкийских монетных выпусков, стоит в двух словах описать общеполитический контекст. Период смены власти в Селевкии-на-Тигре выпал на правление селевкидского царя Деметрия II, ставшего последним правителем династии, сохранившим власть над городом⁶. К моменту прихода Деметрия к власти в 145 г. до н.э. государство Селевкидов было парализовано многочисленными внутренними конфликтами между различными претендентами на царский престол. Сам Деметрий II, сын царя Деметрия I, пришел к власти, свергнув своего ближайшего конкурента Александра Балу, выдававшего себя за сына царя Антиоха IV⁷. Однако всего через два года после начала своего правления Деметрий, не нашедший поддержки у придворных элит и жителей Антиохии на Оронте, был изгнан из столицы своего государства в результате восстания горожан (Ios. Ant. Iud. XIII. 5. 3; Iust. XXXVI. 1. 1–2). Ключевую роль в данном событии сыграл один из высокопоставленных полководцев Диодот Трифон, который представлял интересы другого претендента на престол, малолетнего Антиоха VI. Очевидно, что в этой борьбе Деметрий должен был рассчитывать на военный и экономический потенциал восточных террито-

---

Ogden D. The Legend of Seleucus. Kingship, Narrative and Mythmaking in the Ancient World. Cambridge, 2017. P. 157–165.

⁵ Seleucia al Tigri. Le impronte disigillo dagli Archivi. Vol. I–III / A. Invernizzi (ed.). Alessandria, 2004.

⁶ Исключение составляет, пожалуй, только брат Деметрия II Антиох VII, который в 131 г. до н.э. в результате успешного вначале похода против парфян на короткий период времени сумел восстановить контроль над городом, но затем потерпел поражение и погиб. См.: Diod. XXXIV/XXXV. 15–19.

⁷ Ios. Ant. Iud. XIII. 4.7–8; Iust. XXV. 2. 2–4. Подробнее о курсе политических событий этого времени см.: *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164–63 v. Chr.). Stuttgart, 2008. S. 164–178.

рий, которые стремительно переходили под власть парфян. После гибели царя Антиоха IV и ослабления селевкидского влияния на Востоке парфянский правитель Митридат I начал масштабную войну в восточных селевкидских сатрапиях⁸. К началу правления Деметрия II под контроль Парфии уже отошли Мидия и Сузиана. Главное же внимание Митридат сосредоточил на Вавилонии. Таким образом, Деметрий оказался зажат между внутривнутриполитическим соперником с Запада и внешнеполитическим с Востока. В этом противостоянии Селевкия, несомненно, имела для Деметрия принципиальное экономическое, военное и идеологическое значение.

Подробности противостояния Деметрия II и Митридата I остаются неизвестными. Согласно астрономическим дневникам (ADRTB –140A Rev. 1–9), в июле 141 г. до н.э. Селевкия-на-Тигре была захвачена парфянами. К сожалению, нам практически ничего неизвестно о политике парфян в полисе, о том, как выстраивались отношения между полисными элитами и новой властью⁹. В 139 г. до н.э. Деметрий предпринял масштабный восточный поход против Парфии. Есть предположения, что Деметрий даже одержал серию побед, но в итоге он был разбит и попал в плен к Митридату I¹⁰.

Таким образом, Селевкия-на-Тигре оказалась в центре мощного противостояния двух держав. Разумеется, все эти политические изменения должны были иметь некую идеологическую реализацию, отраженную в том числе и в визуальной пропаганде. Поэтому основное внимание мы сфокусируем на нумизматическом контексте, обратившись к монетным выпускам Селевкии периода правления Деметрия II, а затем Митридата I.

За непродолжительный период своего первого царствования Деметрий II отчеканил в Селевкии несколько серебряных и бронзовых монетных серий различных номиналов. Обращает на себя внимание наличие нескольких последовательных этапов в селевкийской чеканке царя. Согласно исследованию А. Хутона и К. Лорбер, изначально Деметрий использовал традиционный для Селевкидов монетный тип — «Аполлон, сидящий на омфале», который чеканился как на тетрадрахмах (SC 1983), так и на драхмах (SC 1985) (илл. 1). В какой-то момент в чеканке Деметрия происходит

⁸ *Dąbrowa E. L'expédition de Démétrios II Nicator contre les Parthes (139–138 avant J.-C.) // Parthica. 1999. Vol. 1. P. 9–16; Ehling K. Op. cit. S. 182. Дубровиц Н. Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 44.*

⁹ Об отношениях греческого населения Мидии, Сузианы и Вавилонии с парфянами см. серию работ Э. Дамбровы: *Dąbrowa E. Philhellen. Mitridate Ier et les Grecs // Electrum. 1998. Vol. 2. 1998. P. 35–44; idem. Les aspects politiques et militaires de la conquête parthe de la Mésopotamie // Electrum. 2005. Vol. 10. P. 73–88; ср. Ehling K. Op. cit. S. 184–185.*

¹⁰ *Iust. XXXVIII. 9. 1–2. О хронологии похода Деметрия II и подробностях противостояния с Митридатом см.: Dąbrowa E. L'expédition de Démétrios II Nicator. P. 12–14.*

Илл. 1. Деметрий II. Аполлон на омфале

кардинальная смена иконографии: вместо «Аполлона, сидящего на омфале» новым типом для тетрадрахм становится «Тюхе с рогом изобилия» (SC 1984) (илл. 2), а для драхм — «Зевс Этафор» (SC 1986) (илл. 3). Примечательно, что монетная легенда не претерпевает изменений и остается прежней — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ.

Безусловно, столь радикальные изменения должны были иметь веские идеологические причины. Так, за данной сменой монетных типов мы можем видеть и смену (или по крайней мере модификацию) общего идеологического курса: отход от наиболее традиционного общединастического селевкидского сюжета к, так сказать, узкодинастической иконографии. В историографии уже не раз высказывалось мнение, что в условиях перманентной династической борьбы отдельные правители династии Селевкидов использовали те или иные иконографические модели, тем самым намеренно подчеркивая свою принадлежность к конкретной династической линии¹¹. На протяжении всего III в. до н.э. иконография селевкидских монет оставалась в целом единой¹², а превалярующим монетным типом был «Аполлон на омфале». Однако около 170 г. до н.э. Антиох IV, по высказыванию О. Мёркхольма, произвел настоящую иконографическую революцию, введя собственный уникальный монетный тип «Зевс Никефор»¹³, который не использовался со времен Селевка I. Этот монетный тип противопоставлялся монетным типам предыдущих Селевкидов и в первую очередь его брата Селевка IV. Весьма примечательно,

¹¹ *Mørkholm O. Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966. P. 48–49.*

¹² В качестве исключения можно назвать некоторые сюжетные отступления Селевка II, который повсеместно ввел новый монетный тип «фигура Аполлона стоя», ставший доминирующим иконографическим сюжетом его монет. Однако традиция чеканки этого типа в качестве основного не была поддержана последующими правителями династии.

¹³ *Mørkholm O. Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1963. P. 16–17.*

Илл. 2. Деметрий II. Тюхе с рогом изобилия

что раскол династии, произошедший как раз в период правления Селевка IV и Антиоха IV, а также выделение двух ее главных веток полностью совпадают с появлением у Селевкидов двух центральных иконографических моделей, сосуществующих как бы в едином иконографическом пространстве. С момента раскола выбор монетных сюжетов стал обязательным элементом идеологии, отражающей принадлежность правителя к одной из двух ветвей династии: потомки Селевка IV и потомки Антиоха IV. Наиболее ярким примером такой выборки сюжетов является монетное дело Александра Балы, который продолжил иконографические традиции Антиоха IV, подчеркивая идеологическую и родственную связь.

В данном же случае мы имеем дело с похожей парадигмой. Деметрий II намеренно вводит тип «Тюхе с рогом изобилия», который был впервые введен его отцом Деметрием I, чтобы в ситуации внутреннего противостояния с Антиохом VI недвусмысленно обозначить свое династическое право на власть. Необходимо также заметить, что монетный тип «Тюхе с рогом изобилия» был наиболее массовым типом, который чеканился в Селевкии-на-Тигре при отце Деметрия I (SC 1683, 1686, 1690). В целом, как кажется, отношения между царем Деметрием I и Селевкией складывались весьма дружелюбно. Принимая во внимание свидетельство Аппиана (Суг. 47), можно предположить, что в городе существовал даже культ Деметрия I Спасителя, учрежденный, вероятно, после того, как царь упразднил в полисе диктатуру Тимарха. Нет сомнений, что молодой Деметрий II, столь нуждавшийся в поддержке крупных полисов, использовал позитивный образ отца в собственных интересах.

Другой же монетный сюжет, выбранный Деметрием II, «Зевс Этафор», являлся более универсальным и представлял собой что-то вроде обращения царя к героизированному прошлому династии Селевкидов. Иконография

Илл. 3. Деметрий II. Зевс Этафор

данного монетного типа имела как ближневосточные, так и эллинистические корни. Фигуру сидящего на троне божества с орлом в руке чеканили еще ахеменидские сатрапы, повторяя локальные иконографические традиции изображения Баала или Мардука¹⁴. Изображение Зевса в данном образе повсеместно использовал Александр Македонский, а вслед за ним и диадохи; в самой же Селевкии-на-Тигре данный монетный тип не чеканился со времен Селевка I. Таким образом, возобновление традиции чеканки изображения Зевса Этафора, вне всяких сомнений, приобретало важное идеологическое значение. Иконография этого типа ясно подчеркивает как связь Деметрия II с родоначальником династии Селевком, так и политическую преемственность Деметрия II Александру, а возможно, и более ранним восточным правителям.

Большее иконографическое разнообразие демонстрирует бронзовая чеканка. Всего Деметрием было выпущено пять бронзовых монетных типов: с изображением Ники, Афины, Аполлона на омфале и Агатодемона на оборотной стороне. Все представленные сюжеты могли быть напрямую связаны с официальной царской идеологией (как, например, Аполлон на омфале), а могли быть воплощением каких-то местных полисных культов и идеологем. Особое внимание в этом отношении привлекает портрет правителя, размещенный на лицевой стороне и имеющий определенные стилистические особенности. Так, главной отличительной чертой царского портрета на бронзовых выпусках Деметрия II в Селевкии стало разнообразие головных уборов, покрывающих голову царя. Всего можно выделить четыре варианта царского портрета: в диадеме (SC 1987, 1990), в львином скальпе

¹⁴ Bodzek J., Romanowski A. *Coin and Empire. From the Achaemenids to the Hellenistic Kingdoms*. Kraków, 2017. P. 40–46.

(SC 1988), в слоновом скальпе (SC 1989), в шлеме (SC 1991). Стоит отметить, что данный случай чеканки в рамках одного монетного выпуска всех известных вариантов царского портрета является не просто чем-то уникальным, но абсолютно беспрецедентным. За каждым из царских портретов в эллинистической нумизматике стояла особая идеологическая составляющая. Так, нам хорошо известно, что портрет царя в диадеме выступал в качестве наиболее распространенного и, можно сказать, повседневного изображения правителя. Портрет в шлеме, несомненно, ассоциировался с полководческими талантами и символизировал какой-то военный успех. Портрет в львином скальпе был своего рода проявлением культа Александра. Наконец, портрет в слоновьем скальпе был прерогативой правителей, совершивших успешный поход на Восток. Любопытно, что все портреты царя в скальпе льва, слона и в шлеме также имеют прямую военную коннотацию и, безусловно, демонстрируют образы, связанные с Александром, Селевком I, Деметрием I и восточным походом в целом.

Представленная смена монетных типов была уникальна для всей нумизматики Деметрия II и представлена только в Селевкии-на-Тигре. Остальные полисы, остававшиеся под его контролем, сохранили прежнюю иконографию. Возможно, смена монетных типов была действительно связана с политическими событиями в Антиохии. Утрата власти в столице делала Селевкию чуть ли не единственной опорой Деметрия; важную роль в изменении идеологического курса играло и приближение парфян. В контексте этих событий Деметрий начал активную идеологическую кампанию с целью заручиться поддержкой жителей Селевкии — во многом, видимо, для того, чтобы не повторить печальный опыт с Антиохией, откуда он был изгнан своими же подданными.

В нашем распоряжении имеются еще две монетные серии, хронологическая атрибуция которых вызывает определенные сомнения. Так, известна тетрадрахма типа «Аполлон, сидящий на омфале» с нетипичной легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΕΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ. Портрет царя здесь также имеет характерную особенность — Деметрий изображен с короткой бородой. Этот художественный элемент, к слову, встречающийся в селевкидской нумизматике довольно редко, часто был символом продолжительной военной кампании, проводимой под личным руководством царя. А. Хутон и К. Лорбер предположили, что данный тип мог относиться к уникальной монетной серии, выпущенной Деметрием II в период его краткого отвоевания Селевкии-на-Тигре, вероятно, в 139–138 гг. до н.э. Предположение это весьма гипотетично, однако все же стоит учитывать несколько принципиальных особенностей данного монетного типа. Первое, о котором

уже было упомянуто, это изображение правителя с бородой — символом продолжительной военной кампании. Второе — это сам монетный тип «Аполлон, сидящий на омфале», который являлся в определенном смысле официальным символом государства Селевкидов. Его чеканка всегда имела важный легитимизирующий характер. Третий — это новый эпитет, фигурирующий в легенде, — «Теос», т.е. «бог». Мы не знаем достоверно, как и при каких обстоятельствах Деметрий I получил этот эпитет, однако стоит обратить внимание на то, что подобные эпитеты часто даровались правителю жителями полисов в качестве благодарности за какие-либо благодеяния со стороны царя. Вполне вероятно, что этот эпитет Деметрий мог получить от жителей Селевкии за освобождение города от парфян, которое, впрочем, должно было продлиться недолго.

Вторая монетная серия, остающаяся без точной атрибуции, представляет собой выпуск драхм типа «Зевс Этафор». По мнению А. Хугона и К. Лорбер, эта монетная серия могла быть выпущена после 141 г. до н.э., т.е. также в период краткосрочного захвата города войсками Деметрия II в 139 или 138 г. Главной особенностью этого монетного типа также является легенда — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ. Появление эпитета Теопатор, т.е. «имеющий божественного отца», может рассматриваться как отсылка к освобождению Селевкии Деметрием I от Тимарха. К сожалению, добавить что-либо относительно этих монет сложно, однако важно отметить факт использования Деметрием II иконографии монет как средства идеологической борьбы даже в короткий период его противостояния с Митридатом, что, в свою очередь, показывает если не высокую эффективность ее результатов, то как минимум ее значимость для центральной власти.

Итак, после 141 г. до н.э. Селевкия-на-Тигре перешла под власть Парфии. Как уже было отмечено, мы не знаем деталей взаимоотношений Митридата I с этим греческим полисом. Существовал ли какой-то период налаживания отношений между новой властью и городом, на каких условиях и принципах строились эти новые отношения? По всей вероятности, Митридат весьма лояльно отнесся к местному населению, желая завоевать его расположение. Не исключено, что парфяне, впервые столкнувшись с необходимостью выстраивать сложные отношения между собственной центральной властью и греческими полисами во время завоевания восточноселевкидских областей, изначально следовали селевкидскому опыту. Так, известно о парфянском наместнике греке Энии, который руководил Вавилонией в 130-е гг. (Diod. XXXIV/XXXV. 19). Из астрономических дневников узнаем о двух назначениях, которые последовали сразу после завоевания Селевкии парфянами. Должность стратега, главного над четырьмя стратегами Вавилонии, занял

Антиох, сын Арабузаны. Также мы встречаем упоминание о некоем полководце Никаноре, действовавшем от имени парфянского царя¹⁵. Как известно, позже парфяне стали присылать в крупные полисы своих наместников, что, как кажется, воспринималось местным населением несколько негативно¹⁶. В целом же литературная традиция передает полярные настроения жителей полиса относительно прихода парфян. Так, Диодор сообщает (XXXIV–XXXV. 19) о стремлении селевкийцев выстроить дружеские отношения с парфянами после неудачной попытки перейти на сторону Антиоха VII. С другой стороны, античные авторы повествуют об открытых антипарфянских настроениях в полисной среде, которые выливались в конфликты с центральной властью. И все же для Митридата I Селевкия-на-Тигре также имела большой политический, экономический и идеологический интерес. Именно поэтому при этом царе Селевкия получает ряд привилегий, среди которых — чеканка полисной бронзы, что было признаком относительной экономической и политической самостоятельности полиса.

Примечательно, что после перехода Селевкии под власть Аршакидов иконография собственно парфянских монет претерпевает существенные изменения. Так, вместо традиционного сюжета «лучника, сидящего на омфале» Митридат вводит два новых: «Геракл с канфаром, дубиной и шкурой льва» (илл. 4) и «Зевс Этафор» (илл. 5)¹⁷. Оба представляют собой специфическое явление в чеканке Митридата. Во-первых, общая стилистика, в которой выполнены изображения, полностью соответствует эллинистическим традициям. Кроме того, существенные изменения претерпевает и портрет правителя. Вместо идеализированного изображения головы правителя в кирбасии появляется портрет, наделенный ярко выраженными персональными чертами, что также является частью эллинистической художественной традиции. Легенда монет, как и прежде, писалась на греческом, однако и в данном случае произошли некоторые изменения. На монетах типа «Геракл с канфаром, дубиной и шкурой льва» появляется весьма интересный эпитет царя — ΦΙΛΕΛΛΗΝ, т.е. «друг греков»¹⁸, что, безусловно, было частью идеологической борьбы за расположение греческих элит Селевкии.

¹⁵ *Van der Spek R.* New Evidence from Babylonian Astronomical Diaries Concerning Seleukid and Arsacid History // *Archiv für Orientforschung.* 1997/1998. Bd. XLIV/XLV. P. 171.

¹⁶ Так, хорошо известно о некоем Багаяше, родственнике царя и наместнике в Вавилонии. См.: *Assar G.* A Revised Parthian Chronology of the Period 165–91 BC // *Electrum.* 2006. Vol. 11. P. 87.

¹⁷ *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1980. Types 13. 1–10.

¹⁸ Это вообще первый пример употребления данной эпиклеси в эллинистическом мире; см.: *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 2013. P. 257–261.

Илл. 4. Митридат I. Геракл

Также на парфянских монетах впервые появляются даты, которые относятся к селевкидскому летосчислению — видимо, как знак преемственности с селевкидской державностью, к тому же близкий и понятный эллинскому населению.

Интерпретировать все указанные изменения в монетной чеканке Митридата можно, главным образом, исходя из характера взаимоотношений новой парфянской власти с полисными элитами Селевкии-на-Тигре. С одной стороны, Митридат использует монеты в качестве серьезного идеологического оружия и помещает на них свой портрет и эпитет «друг греков», декларируя тем самым основной курс своей политики, лояльный к местному населению, с другой же — сохраняет общие иконографические традиции, которые существовали в Селевкии к моменту подчинения ее Парфией.

Анализ монетных типов демонстрирует весьма любопытную картину. Введенный Митридатом тип «Геракл с канфаром, дубиной и шкурой льва» представлял собой абсолютно новый для Селевкии сюжет. Безусловно, культ Геракла, популярный в государстве Селевкидов, находил определенное воплощение в нумизматике, однако подобный сюжет никогда не встречался на монетах селевкидских царей. С другой стороны, культ Геракла был одним из наиболее почитаемых как у Аршакидов, так и во всем иранском мире в целом. Так, известное в зороастрийской мифологии мужское божество Веретрагна в Античности ассоциировалось с Гераклом, что хорошо подтверждается надписью на знаменитой бронзовой статуе Геракла, обнаруженной в Селевкии-на-Тигре¹⁹.

¹⁹ Potter D. The Inscription on the Bronze Heracles from Mesene: Vologeses IV's War with Rome and Date of Tacitus' *Annales* // ZPE. 1991. Bd. 88. P. 277–290; Invernizzi A. Héraclès a Séleucie du Tigre // Rev. Arch. Nouvelle Série. 1989. Fasc. 1. P. 65–113.

Илл. 5. Митридат I. Зевс Этафор

Появление же в чеканке Митридата другого монетного типа, а именно «Зевса Этафора», кажется весьма неожиданным. Заимствуя этот монетный тип, Митридат, по сути, продолжил воспроизводить сюжет, который прежде использовал его непосредственный противник Деметрий II. И если для Деметрия Зевс, держащий в руках орла, был своего рода символом, восходящим к легендарным основателям его государства, то едва ли Митридат мог апеллировать к тем же самым образам. Ключ к пониманию этого на первый взгляд парадоксального иконографического заимствования кроется, как кажется, не в противостоянии Митридата и Деметрия, а, скорее, в стремлении обоих правителей выстроить доброжелательные отношения с элитами Селевкии-на-Тигре.

Как уже было отмечено, одной из привилегий, полученных Селевкией-на-Тигре после присоединения полиса к парфянскому царству, стало начало городской чеканки бронзовых монет. Эта весьма распространенная в эллинистическое время форма привилегии была важна для обеих сторон: Селевкия получала финансовую независимость — пусть и ограниченную, поскольку речь шла о чеканке только мелкой разменной монеты; а Митридат, в свою очередь, заручался поддержкой полисной элиты, необходимой ему для укрепления своих позиций в регионе. Для нас же начало полисной (или, как иногда ее называют, муниципальной) монеты открывает широкие горизонты для исследования, поскольку изображения на этих монетах отражают местные иконографические традиции, которые только в самых общих чертах были связаны с общегосударственной идеологией, а в некоторых случаях даже ей противопоставлялись²⁰. Так, среди невероятного многообразия монетных

²⁰ Примеры такого столкновения полисной иконографической традиции с общегосударственной хорошо известны. См.: *Kosmin P. The Land of the Elephant Kings. London, 2014. P. 238–242.*

типов мы встречаем изображения треножника, пальмы, рога изобилия, Аполлона Кифареда, Артемиды, фигур неизвестных божеств и многих других²¹. Однако среди всего этого многообразия наибольший интерес для нас представляют изображения Зевса Этафора и Тюхе. Оба божества встречаются в полисной чеканке часто. Если говорить о Тюхе, то стоит отметить, что, как и практически в каждом эллинистическом полисе, культ Тюхе, объединенный с различными женскими культами локального происхождения, являлся в Селевкии-на-Тигре одним из центральных. На лицевой стороне всех бронзовых монет Селевкии, относящихся к полисной чеканке, помещался портрет Тюхе в традиционной для полисных культов согопа *myialis*. Часто фигура Тюхе с рогом изобилия изображалась и на оборотной стороне. Однако, если появление Тюхе на полисных монетах начала парфянского времени не вызывает удивления, то чеканка Митридатом I монет с изображением Зевса Этафора, как было указано выше, выглядит определенной неожиданностью.

Тем не менее, анализируя полисный чекан Селевкии, можно прийти к выводу, что изображение Зевса Этафора также являлось вполне традиционным сюжетом в полисе. Было ли появление Зевса Этафора на селевкийских монетах связано с селевкидским имперским наследием, или же это проявление каких-то локальных культов — в данном случае не столь уж важно. Присутствие данного сюжета на полисной бронзе подчеркивает значимость данного иконографического мотива для города. Примечательно и то, что оба этих сюжета встречаются не только в селевкийской нумизматике: хорошо известны оттиски селевкийских печатей с изображениями Зевса Этафора и Тюхе с рогом изобилия²².

Таким образом, введение новых монетных типов Деметрием II, а позднее и Митридатом I могло иметь своего рода «двойное прочтение». С одной стороны, вводя новые монетные сюжеты в чекан Селевкии-на-Тигре, оба монарха старались подчеркнуть легитимность собственной власти, обозначить свои права. С другой же — иконография новых монетных типов полностью соответствовала визуальным и идеологическим традициям самой Селевкии и была своего рода обращением к жителям полиса. Последнее объясняется стремлением обоих царей завоевать расположение полисной элиты и заручиться поддержкой населения города.

²¹ *Le Rider* G. Séleucie du Tigre: Les monnaies séleucides et parthes. Florence, 1998. P. 15–21.

²² Seleucia al Tigri. Ze 1; Tk 1, 14, 75, 162.

REFERENCES

1. Assar G. A Revised Parthian Chronology of the Period 165–91 BC // *Electrum*. 2006. Vol. 11. P. 87–158.
2. Bodzek J., Romanowski A. Coin and Empire. From the Achaemenids to the Hellenistic Kingdoms. Kraków, 2017.
3. Dąbrowa E. Philhellen. Mitridate Ier et les Grecs // *Electrum*. 1998. Vol. 2. P. 35–44.
4. Dąbrowa E. L'expédition de Démétrios II Nicator contre les Parthes (139–138 avant J.-C.) // *Parthica*. 1999. Vol. 1. P. 9–16.
5. Dąbrowa E. Les aspects politiques et militaires de la conquête parthe de la Mésopotamie // *Electrum*. 2005. Vol. 10. P. 73–88.
6. Dibvoise N. Political History of Parthia. St-Petersburg, 2008 [Politicheskaya istoria Parfii].
7. Ehling K. Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164–63 v. Chr.). Stuttgart, 2008.
8. Invernizzi A. Héraclès a Séleucie du Tigre // *Rev. Arch. Nouvelle Série*. 1989. Fasc. 1. P. 65–113.
9. Invernizzi A. Seleukia on the Tigris. A Greek Mother Country in Asia // *VDI*. 1990. 2. C. 174–186. [Seleukia na Tigre. Grecheskaya metropolia v Azii].
10. Kosmin P. The Land of the Elephant Kings. London, 2014.
11. La transition. Entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques / P. Briant, F. Joannès (eds.). Paris, 2006.
12. Le Rider G. Séleucie du Tigre: Les monnaies séleucides et parthes. Florence, 1998.
13. Mørkholm O. Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1963.
14. Mørkholm O. Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966.
15. Muccioli F. Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 2013.
16. Ogden D. The Legend of Seleucus. Kingship, Narrative and Mythmaking in the Ancient World. Cambridge, 2017.
17. Potter D. The Inscription on the Bronze Heracles from Mesene: Vologeses IV's War with Rome and Date of Tacitus' *Annales* // *ZPE*. 1991. Bd. 88. P. 277–290.

18. Seleucia al Tigri. Le impronte disigillo dagli Archivi. Vol. I–III / A. Invernizzi (ed.). Alessandria, 2004.
19. *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1980.
20. *Van der Spek R.* New Evidence from Babylonian Astronomical Diaries Concerning Seleukid and Arsacid History // Archiv für Orientforschung. 1997/1998. Bd. XLIV/XLV. P. 167–175.

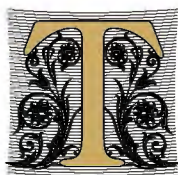
Ключевые слова:

эллинизм, Селевкиды, Парфия, Деметрий II, Митридат I, Селевкия-на-Тигре.

Svyatoslav V. Smirnov

BETWEEN SELEUKIDS AND PARTHIA: THE COINAGE OF SELEUKEIA-ON-THE-TIGRIS OF 140–130es B.C. AND THE ICONOGRAPHY OF A TRANSITION PERIOD

The present paper centers on the iconography of the coins issued by the mint of Seleukeia-on-the-Tigris in the course of the transition from Seleukid to Parthian rule. Sudden changes of iconography could be observed during the first reign of Demetrios, which reflects the transformation of the King's ideology in the course of his Parthian campaign and struggle against Diodotos. Thus, instead of the dominant Seleukid type "Apollo on omphalos", which served as a reverse type for the first silver series of Demetrios, two new coin types «Tyche holding cornucopiae» and «Zeus Aitophoros» were introduced. In addition, a new series of bronze coins appealed to the motif of the eastern campaign, displaying a variety of royal portraits: with helmet, elephant headdress, lion skin or diadem. This way, Demetrios made a firm attempt to associate his power with that of both his father Demetrios I and his ancestor Seleukos I. These two had been successful in their eastern campaigns, whereas Demetrios II ultimately failed and ended in captivity. Seleukeia was thus lost by the Seleukids and passed to the Parthians.

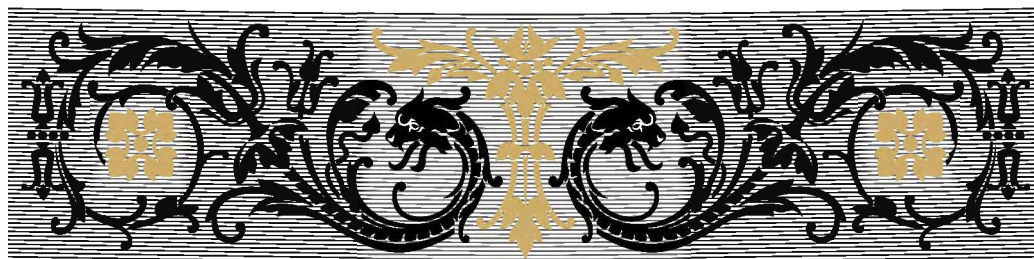
Its new ruler Mithradates I, however, did not stop depicting the same iconographic motifs on his coins as his Seleukid predecessor. Thus, the 'Zeus Aitophoros' type was adopted for silver coins by Mithradates, but it is hardly possible he intended to reference the aforementioned Seleukid rulers. In this context, local iconographic traditions of Seleukeia deserve a particular attention, too. The municipal bronze issues and seals initiated under Mithradates present "Zeus Aitophoros" and «Tyche» types as rather local imagery. It seems likely that, by drawing on local iconography, the two opponents Demetrios and Mithradates tried to advertise the support (or only attempted to gain the support) of the population of Seleukeia-on-the-Tigris, which remained for both Seleukids and Parthians the all-important city in the East.

Key words: Hellenism, Seleukeia-on-the-Tigris, Parthia, Demetrios II, Seleukids, Mithradates I.

Svyatoslav V. Smirnov — Candidate of Historical Sciences, Researcher at Institute of World History, Russian Academy of Science.

 Смирнов Святослав Викторович

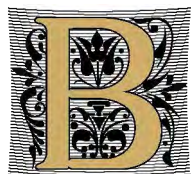
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Е.М. Берзон

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: CHRUBASIK B. KINGS AND USURPERS IN THE SELEUKID EMPIRE: THE MEN WHO WOULD BE KING.

Oxford: Oxford University Press, 2016. 336 p.

историографии династии Селевкидов нет недостатка в биографических работах: кто-то из представителей этого царского дома удостоился достаточно пространственных обзоров в литературе просопографического (и не только) характера, отдельным же правителям посвящены даже целые монографии: это небезызвестные труды А. Мея, Дж. Грейнджера, С.В. Смирнова о Селевке I, Х. Шмитта, вышеупомянутого Дж. Грейнджера и М. Тэйлора — об Антиохе III, О. Мёркхольма и П.Ф. Миттага — об Антиохе IV¹. И здесь я привожу только самые основательные и известные труды, посвященные этим правителям. Особое внимание уделяется также жизнеописаниям и селевкидских цариц, о чем свидетельствуют работы Г. Макурди и в особен-

¹ О Селевке I: *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986; *Grainger J.D.* Seleucus Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. London; New York, 1990; *Смирнов С.В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013. Об Антиохе III: *Schmitt H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964; *Grainger J.D.* The Roman War of Antiochos the Great. Leiden; Boston, 2002; *idem.* The Seleukid Empire of Antiochus III, 223–187 BC. Barnsley, 2015; *Taylor M.J.* Antiochus the Great. Barnsley, 2013. Об Антиохе IV: *Mørkholm O.* Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966; *Mittag P.F.* Antiochus IV. Eiphanes: eine politische Biographie. Berlin, 2006.

ности недавно вышедший под редакцией А. Чошкун и А. Макоули сборник о селевкидских царицах и принцессах, где переосмысляются многие привычные концепции и выдвигаются новые взгляды на различные аспекты эллинистической истории².

Все это, безусловно, может свидетельствовать об определенном «буме» *Seleucid studies*, в которых, как иногда начинает казаться, скоро не останется области, по которой не была бы написана хотя бы одна добротная монография. И в данном отношении книга Б. Хрубасика, опубликованная в октябре 2016 г., представляет собой лицемерное опровержение этой мысли, свидетельствуя о том, что всегда можно создать достойную работу даже на сравнительно «избитом» материале. И действительно, хотя так называемым узурпаторам в царстве Селевкидов посвящено немало исследований (главным образом это статьи по отдельным аспектам их деятельности), свести их воедино и, что еще важнее, рассмотреть селевкидское узурпаторство как отдельный феномен впервые удалось именно Б. Хрубасику.

Стоит сказать несколько слов об авторе. Борис Хрубасик — молодой исследователь, специализирующийся на политической и культурной истории Восточного Средиземноморья эпохи эллинизма. И хотя основные его работы касаются истории царства Селевкидов, научные интересы исследователя значительно шире³. Обе диссертации (MSt и DPhil) Б. Хрубасик защитил по греческой истории в Оксфордском университете (University of Oxford). В настоящее время исследователь работает в университете г. Торонто (University of Toronto) в статусе доцента античной истории (Assistant Professor of Greek History and Classics). Теперь, когда мы «познакомились» с автором, перейдем к рассмотрению его творчества.

Работа сама по себе визуально производит впечатление добротной монографии, о чем свидетельствует ее издание в серии «Oxford Classical Monographs». Цветовое оформление сдержанное, приятное — в серо-коричневой мягкой гамме. Книга имеет средний объем — 336 страниц и состоит из 5 глав, которые дополняются 4 приложениями, черно-белыми иллюстрациями и картами, а также солидным списком литературы.

² *Macurdy G.H.* Hellenistic Queens: A Study of Women-Power in Macedonia, Seleucid Syria, and Ptolemaic Egypt. Chicago, 1985; A. Coşkun, A. McAuley (eds). Seleucid Royal Women: Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire. Stuttgart, 2016.

³ См. подробнее на его страницах: <https://utm.utoronto.ca/historical-studies/people/chrubasik-boris> и <https://utoronto.academia.edu/BorisChrubasik> (дата обращения: 19.12.2018).

Работа предваряется введением (р. 1–21), где автор размышляет об узурпации в царстве Селевкидов как историческом явлении, а также дает традиционный обзор источников и историографии по теме исследования, размышляя, в том числе, и над концептуальными подходами к селевкидской истории, которые сформировались в литературе за последние десятилетия. Здесь же Б. Хрубасик выдвигает свой главный тезис, к которому он на протяжении всей книги неоднократно возвращается: «I will argue in this book that the Seleukid king was not *legitimate* in a dynastic sense; rather in social terms he was *accepted*» (р. 9). Дабы максимально точно передать мысль автора, приведу его цитату-пояснение: «Military victories and descent from former successful kings were critically important elements that could enhance the possibility of rulers' acceptance. Through descent Seleukid princes could become kings while they were still children. Dynasty, however, was not a guarantee: "dynastic" kings could also lose their kingship, and become unaccepted and rejected» (ibid.). Насколько универсален такой взгляд на природу царской власти и положение монарха в государстве Селевкидов, пусть каждый читатель решит сам. От себя замечу, что такая ситуация более характерна для селевкидской истории II в. до н.э., нежели III, а значит, и концепцию следует принимать с некоторыми оговорками.

Во введении же автор и обозначает цель своей работы — создание общей картины узурпаторства и определение моделей борьбы за власть в царстве Селевкидов (р. 21). Как считает Б. Хрубасик, такой подход поможет лучше понять, как был устроен и функционировал механизм власти в этом эллинистическом государстве. Автор обращает особое внимание также и на используемую в исследовании терминологию (этому посвящен даже целый параграф — 0.3а «Talking about Usurpers and the Choice of Words», р. 11–13): так, само слово «узурпатор», традиционно имеющее негативную, «оппозиционную» семантику⁴, в контексте работы должно восприниматься нейтрально, так как это понятие употребляется лишь как дань традиции. Впрочем, сам этот термин должен напоминать нам о том, что история пишется победителями, а значит, дошедшая до нас историческая традиция об «узурпаторах» почти наверняка подается в искаженном виде (р. 11–13 и далее).

Основной корпус монографии типологически можно разделить на две категории — обобщающий (1, 4 и 5 главы) и конкретизирующий (2 и 3 гла-

⁴ Ср. «Толковый словарь» В. Даля: «узурпатор (*лат.*) — похититель власти или престола». Usurpator (*лат.*) — собственно, «захватчик».

вы). При этом первая часть книги (1–3 главы) по своему содержанию более описательна и изобилует множеством любопытных пассажей по частным вопросам политической истории, вторая же более концептуальна — здесь автор стремится обрисовать всю картину узурпаторства в царстве Селевкидов, осмыслить ее как исторический феномен. Рассмотрим же каждую из глав подробнее.

Первая из них называется «Central and Local Power in the Seleukid Empire» (р. 22–64) и, соответственно, посвящена главным образом соотношению между центральной и местной администрацией в царстве Селевкидов. Впрочем, автор больше всего фокусируется на династах-сателлитах Селевкидов, причем причисляет к таковым не только «классических» Филомелидов и других малоазийских правителей, но и, например, Диодотидов в Бактрии. Согласно такому взгляду, сатрап Диодот, хотя и обрел некоторую независимость, продолжал служить селевкидским интересам, а его положение стало схожим со статусом династа (р. 43 и далее). Надо сказать, что подобное мнение высказывалось, в частности, в недавней статье Р. Венгхофера и Д. Дж. Уля из сборника «Seleucid Royal Women»⁵. И хотя эта позиция не бесспорна, некоторые особенности селевкидской политики середины и второй половины III в. до н.э. (например, совместные действия Диодота и Селевка II, направленные против новоиспеченного Парфянского царства — *Iust. XLI. 4. 8*) действительно наводят на мысли, что отношения между Селевкидами и правителями Бактрии, по крайней мере, в этот период не были враждебными. Из спорных суждений Б. Хрубасика по поводу династов и их роли в царстве позволю себе отметить тезис о том, что династы контролировали только локальные регионы, самые важные же области (ряд областей в малоазийских владениях Селевкидов, сирийский тетраполис, Вавилония и Мидия) им никогда не доверялись (р. 63). Этот тезис, хотя в целом и верный, тем не менее явно не относится к семье Ахея Старшего, которого также традиционно причисляют к категории династов⁶; его сын Александр и внук Ахей Младший назначались правителями земель «по эту сторону Тавра», а дочери стали селевкидскими царицами (Лаодики I и II). Вообще же первая глава монографии (как это часто и бывает) — это скорее

⁵ *Wenghofer R., Houle D.J. Marriage Diplomacy and the Political Role of Royal Women in the Seleucid Far East // A. Coşkun, A. McAuley (eds). Seleucid Royal Women. P. 196–202.*

⁶ *Billows R. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 90; 96–99; Бижерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 155–156. Правда, в книге Й. Кобеса, посвященной малоазийским династам, Ахеидам специального внимания почему-то не уделяется (*Kobes J. «Kleine Könige». Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr.). St. Katharinen, 1996.*)*

попытка ввести читателя в курс дела, дав ему некоторое представление об организации управления в державе Селевкидов, его центральной и местной администрации, а также роли особой полуавтономной категории династов в этой системе.

Во второй («Usurpers in Asia Minor: The Third Century», р. 65–122) и третьей («Usurpers in the Levant and Beyond: The Second Century», р. 123–200) главах, как следует из их названий, рассматриваются все известные нам примеры узурпации в истории царства Селевкидов, причем деление дается по хронологии. Такой принцип обусловлен не только своей естественной простотой, но и историческими реалиями: так, две узурпации III в. (Антиоха Гиеракса и Ахея Младшего) близки друг к другу по времени (между ними разница чуть более 10 лет), с мятежниками же и самозванцами II в. их разделяет более полувека. Действительно, разные эпохи — разные реалии; именно это и стремится проследить автор в данных главах своего исследования: как менялась модель узурпации в различные периоды истории царства Селевкидов, какие принципы оставались прежними, а что привносилось новое.

Применительно к III в. до н.э. Б. Хрубасик выделяет два главных принципа, на которых и зиждились притязания на власть так называемых узурпаторов. Первый — претензия на трон по «праву крови» (Антиох Гиеракс — сын царя Антиоха II), второй — благодаря личной доблести и военно-политическим успехам (Ахей Младший, Молон). Самым показательным примером узурпации автор считает историю Ахея: он был администратором малоазийских владений Селевкидов, а помимо этого состоял в родстве с династией и был способным военачальником. И именно его печальный пример лучше всего показывает, что путь завоеваний был ненадежен (р. 112).

Анализируя материал по II в. до н.э., Б. Хрубасик приходит к заключению (р. 146–147), что модели узурпации в сущности остались те же, что и в предыдущем столетии. Одни узурпаторы (Александр I и II) притязали на трон, ссылаясь на свое (якобы) династическое происхождение — то есть, если говорить более привычными нам понятиями, были попросту «ворами», вроде Лжедмитриев⁷; налицо «кровная» модель по типу Гиеракса, с той лишь вариацией, что «царь — ненастоящий». Другие авантюристы (Тимарх, Трифон) шли путем традиционного мятежа, всецело полагаясь на собственные дарования и Тюхе.

⁷ Такая аналогия кажется мне особенно уместной, поскольку Александров, как и Лжедмитриев, было два; имелся и «воренок» — Антиох VI, и даже этакий селевкидский Заруцкий — Диодот-Трифон. Как и в отечественной истории, все вышеназванные персонажи окончили свои дни печально.

Но до сих пор я вела речь лишь о концептуальной основе этих двух глав монографии, между тем было бы несправедливо не сказать о том, что автор уделяет немало внимания и деталям: биографии и «карьера» всех узурпаторов проанализированы весьма тщательно, особое внимание уделяется их самопрезентации — символике и легендам монет, интерпретации и переосмыслению закрепившихся за ними прозвищ. Общей чертой для всех узурпаторов было создание имиджа, отличного от образа так называемого «легитимного» монарха: Ахей изображается с бородой, Тимарх впервые использует в легенде титул βασιλεὺς μέγας; у того же Ахея тетрадрахмы стилистически близки, как считает Б. Хрубасик (вслед за А. Хоутоном)⁸, к монетам Филиппа V (р. 106–109); в иконографии Александров имеется явная отсылка к Александру Македонскому (р. 197–198). В целом узурпаторы, используя, как правило, известные в селевкидской практике элементы, стремились создать свой собственный, уникальный образ.

Отдельное внимание автор монографии уделяет вопросу о (возможной) поддержке узурпаторов Птолемеями и зависимости этих мятежников/самозванцев от царей Египта: этому вопросу (в пределах III в. до н.э.) посвящен целый параграф («2.2c Usurpers and the Ptolemaic kings», р. 113–115), кроме того, к этой теме автор нередко обращается и в материале по II в. По мнению Б. Хрубасика, для Птолемеев малоазийские узурпаторы оставались просто династами, хотя как политические фигуры они были более приемлемы, нежели сильная власть селевкидского царя в этом регионе. Именно этим они и служили птолемеевским интересам (р. 115). Что же касается ситуации во II в. до н.э., в правление Александра I, то и здесь, как считает Б. Хрубасик, устоявшееся мнение о «египетском засилье» при дворе узурпатора является ошибочным, поскольку имя «премьер-министра» Баласа — Аммоний, хотя и египетское по происхождению, было весьма распространено по всему Восточному Средиземноморью, из чего следует, что Аммоний отнюдь не обязательно выступал в качестве птолемеевского «агента»; да и восприятие самого Александра лишь в качестве марионетки Птолемеев — тоже слишком упрощенный взгляд на ситуацию (р. 168). В целом мне импонирует мысль автора о том, что узурпаторы были более независимы в своих действиях от внешнего влияния, чем это часто принято считать, однако его сомнения насчет вероятного египетского происхождения Аммония

⁸ Правда, автор не указывает, на какую именно работу А. Хоутона он ссылается. По-видимому, речь идет о: Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. I. Lancaster; London, 2002. P. 348.

не кажутся убедительными. И в самом деле, почему-то человек с египетским именем появляется на селевкидской сцене, причем в одной из ключевых ролей, как раз тогда, когда Александр вступает в тесные (в том числе и родственные) отношения с Птолемеем VI. Как говорится: «Случайность? Не думаю». Другое дело, что «человек Птолемея» мог действовать совсем не в их интересах, о чем свидетельствует его покушение на жизнь египетского царя (если, конечно, это не было какой-то провокацией). Косвенным аргументом в пользу иноземного происхождения Аммония может служить всеобщая ненависть, которую как никто другой вызывал этот царедворец у антиохийцев⁹.

Ключевым элементом феномена узурпаторства в этот период (II в.), как утверждает Б. Хрубасик, был тот факт, что принятие узурпаторов в роли царей практически не отличалось от принятия селевкидских правителей, пока узурпатор был более приемлемой фигурой на престоле, нежели «настоящий» Селевкид (р. 198). Здесь автор вновь обращается к своей концепции о том, что царем становился тот, кто больше устраивал армию, придворных и подданных. Что ж, с ней, безусловно, можно согласиться, но лишь отчасти. Необходимо учитывать, что понятие *приемлемости* весьма относительно по своей сущности, и если бы этот критерий был действительно решающим, то цари менялись бы как листья на деревьях. Положение узурпатора зависело от его военных успехов, дипломатии и иных факторов, но проиграв единожды, он терял все (как Молон, Ахей, Тимарх); Селевкид же, даже лишенный армии, финансов, придворных, все равно продолжал иметь вес в глазах своих подданных и врагов и мог даже вновь пытаться претендовать на престол (как показывает пример Деметрия II, вернувшегося на трон после парфянского плена). Антиох III, даже проигравший Четвертую Сирийскую войну, не стал менее приемлемым в глазах своих подданных и армии на фоне явно более успешного на тот момент Ахея; более того, он сумел сокрушить последнего почти сразу же после поражения. Поэтому концепцию Б. Хрубасика я предлагаю принять, но с некоторой коррекцией: *царь действительно должен был быть приемлемым, и если легитимный Селевкид переставал быть таковым, на его место находился более приемлемый узурпатор. Однако как только появлялся более достойный представитель дома Селевка, то именно он становился более приемлемым, нежели узурпатор.* Можно до некоторой степени развить эту мысль: фигу-

⁹ О «заведующем делами» в царстве Селевкидов см.: Ehling K. Der «Reichskanzler» im Seleukidenreich // Epigraphica Anatolica. 1998. Nt. 30. S. 97–106; Берзон Е.М. «Заведующий делами» в царстве Селевкидов: обязанности и полномочия // Новый Гермес. 2014–2015. Вып. 7. С. 87–101.

ра узурпатора служила своего рода «катализатором», который в конечном итоге помогал стабилизироваться династии, насколько это было возможно.

Характеризуя последние две главы монографии Б. Хрубасика (IV — «Usurpers in the Seleukid Empire» p. 201–225, V — «Kings in the Seleukid Empire: A story of Usurpation, Monarchy, and Power» p. 226–243), отмечу, что их содержание можно свести к следующим основным положениям: теме отношений между царями и узурпаторами, анализу происхождения последних, реакции царей на мятежников и в конечном итоге рассуждениям о природе царской власти в государстве Селевкидов. Исходя из названий этих глав, узурпаторы и цари предстают как две стороны одной медали под названием «царская власть». Нельзя не согласиться с наблюдением автора о том, что и те и другие во многом зависели от поддержки придворных и армии, а потому мятежи зачастую приходились на времена, когда происходила смена одного двора другим (например, после смерти одного монарха и воцарения другого). В такой ситуации всегда находились лица, которые оказывались в немилости у нового царя или просто отходили на второй план. Именно эти «обиженные», как правило, и поддавались соблазну поднять мятеж или поддержать того, кто отважился на такой дерзкий и опасный поступок. Именно так дело обстояло с Тимархом, подобными соображениями руководствовался, по-видимому, и Молон.

Разумеется, «империя наносит ответный удар» всегда, и удар этот был беспощаден — не только для мятежников и членов их семей, но и для всех, кто выступал на их стороне. Б. Хрубасик вообще считает, что подданные огромной империи не имели особой лояльности к Селевкидам и подчинялись им лишь постольку, поскольку те были способны подчинить всех непокорных, в том числе и мятежников-узурпаторов (p. 230). Отсюда и следуют вывешивание на всеобщее обозрение тела Молона, демонстративно-показательная экзекуция Ахея и т.п. (Polyb. V. 54. 6–7; VIII. 23. 2–3).

Завершает свою работу Б. Хрубасик рассуждениями о селевкидской государственной системе в целом. Он сравнивает популярные в последнее время взгляды на царство Селевкидов (концепции П. Бриана, С. Шервин-Уайт — А. Курт, Ю. Вольского, Л. Кадетре и других исследователей)¹⁰.

¹⁰ Имеются в виду следующие работы: *Briant P. The Seleucid Kingdom, the Achaemenid Empire and the History of the Near East in the First Millennium BC* / P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad et al. (eds). Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom. Aarhus, 1990. P. 40–65; *Sherwin-White S., Kubrt A. From Samarkhand to Sardis: a New Approach to the Seleucid Empire*. Berkeley; Los Angeles, 1993; *Wolski J. The Seleucids: The Decline and Fall of their Empire*. Kraków, 1999; *Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–129 avant J.-C.)*. Rennes, 2007.

В частности, это касается вопроса о связи между Ахеменидами и Селевкидами. Здесь автор, хотя и признавая определенные сходства, отмечает, что царство Селевкидов, в сущности, было совершенно иным, а политическая система этого эллинистического государства была слабее, нежели у их персидских предшественников (р. 242–243)¹¹.

В качестве приложений к работе дается четыре небольшие заметки по частным вопросам. Первая (Appendix A, р. 247–249) касается клада из Мейданчиккале как свидетельства о территориальных притязаниях Селевкидов в Киликии; вторая (Appendix B, р. 250–252) — об отношениях Антиоха Гиеракса с Магнесией, автор отождествляет этот полис с Магнесией-на-Меандре. Следующее приложение (Appendix C, р. 253–254) посвящено интерпретации орла на реверсе монет Александра Баласа; этот орел, по мнению исследователя, является скорее знаком отличия местного стандарта от аттического, нежели птолемеевским символом. Последняя заметка-приложение (Appendix D, р. 255–260) затрагивает тему отношений узурпаторов с Римом.

Итак, подведем итоги. Среди главных и бесспорных достоинств монографии следует отметить следующее:

- тщательно и детально проработаны все доступные данные источники, исследовательская литература также использована по максимуму;
- в книге представлены, пожалуй, лучшие на данный момент историко-биографические заметки о селевкидских узурпаторах, причем акцент ставится главным образом на способах их самопрезентации, идеологии, специфике «узурпаторской карьеры»¹²;
- узурпаторство рассматривается как отдельный феномен, кроме того, автор предлагает свой взгляд на природу царской власти и организацию управления в царстве Селевкидов.

Как бы то ни было, монография Б. Хрубасика — безусловно, серьезное исследование, достойное занять свое значимое место в историографии эпохи эллинизма. Лакуна в теме селевкидского узурпаторства опре-

¹¹ Во всяком случае, как замечает Б. Хрубасик, за всю историю царства Ахеменидов ни одно восстание не смогло поколебать социальный порядок в империи (р. 241).

¹² В историографии эпохи эллинизма селевкидские узурпаторы рассматриваются, как правило, лишь в контексте политической или династической истории. Конечно, имеется некоторое количество работ, посвященных непосредственно узурпаторам, но это преимущественно статьи, посвященные также отдельным аспектам — чаще всего анализу монетных выпусков или политических перипетий этих царственных мятежников. И все же книга Б. Хрубасика дает гораздо более целостный и в то же время глубокий взгляд как на феномен узурпаторства в целом, так и на биографии и политику отдельных лиц.

деленно может считаться заполненной. И все же многие вопросы селевкидской (и не только) истории остаются спорными и не вполне ясными. Посему будем ждать новых идей, оригинальных концепций и подходов к изучению эллинистического периода, применяя которые можно будет лучше понять эту удивительную эпоху. Также хочется надеяться, что и сам автор рецензируемой монографии, Борис Хрубасик, еще не раз порадует нас своими работами.

REFERENCES

1. *Berzon E.M.* «Zaveduyushhij delami» v tsarstve Selevkidov: obyazannosti i polnomochiya // *Novyj Germes*. 2014–2015. Vyp. 7. S. 87–101.
2. *Bikerman E.* Gosudarstvo Selevkidov. M., 1985.
3. *Billows R.* Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995.
4. *Briant P.* The Seleucid Kingdom, the Achaemenid Empire and the History of the Near East in the First Millennium BC // P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad et al. (eds). Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom. Aarhus, 1990. P. 40–65.
5. *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–129 avant J.-C.). Rennes, 2007.
6. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. <http://slovardalja.net/> (Data obrashheniya: 19.12.2018).
7. *Ehling K.* Der «Reichskanzler» im Seleukidenreich // *Epigraphica Anatolica*. 1998. Ht. 30. S. 97–106.
8. *Grainger J.D.* Seleucus Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. London; New York, 1990.
9. *Grainger J.D.* The Seleucid Empire of Antiochus III, 223–187 BC. Barnsley, 2015.
10. *Grainger J.D.* The Roman War of Antiochos the Great. Leiden; Boston, 2002.
11. *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. I. Lancaster; London, 2002.
12. *Kobes J.* «Kleine Konige». Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr.). St. Katharinen, 1996.
13. *Macurdy G.H.* Hellenistic Queens: A Study of Women-Power in Macedonia, Seleucid Syria, and Ptolemaic Egypt. Chicago, 1985.
14. *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986.
15. *Mittag P.F.* Antiochus IV. Epiphanes: eine politische Biographie. Berlin, 2006.
16. *Mørkholm O.* Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966.
17. *Schmitt H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964.
18. *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, 1993.

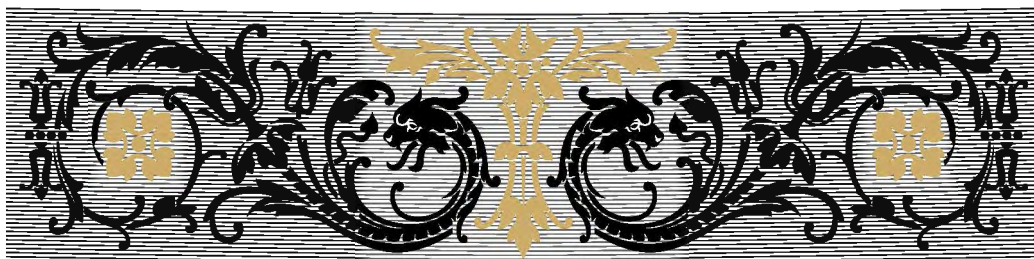

19. *Smirnov S.V.* Gosudarstvo Selevka I (politika, ehkonomika, obshhestvo). M., 2013.
20. *Taylor M.J.* Antiochus the Great. Barnsley, 2013.
21. *Wenghofer R., Houle D.J.* Marriage Diplomacy and the Political Role of Royal Women in the Seleukid Far East // A. Coşkun, A. McAuley (eds). Seleucid Royal Women: Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire. Stuttgart, 2016. P. 196–202.
22. *Wolski J.* The Seleucids: The Decline and Fall of their Empire. Kraków, 1999.

 Берзон Екатерина Михайловна

аспирантка кафедры истории древнего мира Исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Иоанн Стобей

НАСТАВЛЕНИЯ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

(Антология. IV. 7)

От переводчика

Греческого писателя Иоанна Стобея (родом из Македонии) по времени жизни и деятельности (начало V в. н.э.), в принципе, можно отнести к представителям как позднеантичной, так и ранневизантийской литературы. Резоннее все-таки причислить его к первой, поскольку дошедший до нас труд Стобея — «Антология» (в литературе иногда также фигурирует под наименованиями «Эклоги», «Флорилегиум») всецело обращен в прошлое.

Этот большой трактат (в четырех книгах) действительно представляет собой в полном смысле слова антологию, т.е. подборку выдержек из самых разных древнегреческих авторов. Таким образом, в сочинении Стобея практически нет текста, принадлежащего самому Стобею. Даже в тех случаях, когда мы у него встречаем не прямое цитирование, а вроде бы пересказ, в действительности, судя по всему, это тоже цитаты, но только взятые не из первоисточников, а из каких-нибудь опосредующих подборок.

Ценность «Антологии» прежде всего в том, что здесь часто цитируются произведения, которые до нас не дошли, и таким образом, Стобей — богатейший клад для тех филологов, которые занимаются собиранием и изданием фрагментов.

Цитаты в труде распределены по тематическому принципу. Поскольку полный русский перевод Стобея вряд ли будет кем-либо осуществлен в обозримом будущем, здесь мы хотели бы предложить читателю хотя бы один из таких тематических разделов — «Наставления о царской власти», поскольку он хорошо соответствует проблематике данного выпуска журнала.

Структура раздела является следующей. Вначале идут стихотворные отрывки. В этой части можно увидеть представителей и древнего эпоса (Гомер, Гесиод), и классической драмы (Софокл, Еврипид), и эллинистической поэзии (Феокрит, Менаандр). Затем начинаются пассажи в прозе. Они тоже достаточно разнообразны, но бросается в глаза, что особенно много цитат Стобей приводит из произведений, созданных в IV в. до н.э. и традиционно относимых к жанру т.н. *Fürstenspiegel*, а именно из «кипрских речей» Исократы и из «Киропедии» Ксенофонта. Также обращают на себя внимание несколько весьма обширных эксцерптов из малоизвестных пифагорейских философов.

Перевод выполнен по изданию: *Ioannis Stobaei anthologium* / C. Wachsmuth, O. Hense (eds.). Repr. ed. B., 1958.

И.Е. Суриков

1. Еврипид в «Плисфене»¹:

Народу полной власти не давай; его
 Не развращай, богатство чтимым делая.
 Не изгоняй ты мужа, что народу люб,
 Сверх меры же не возвышай: опасность есть,
 Что выйдет из него тиран блистательный.
 Смиряй того, кто правде вопреки почтён:
 Удачливость дурных — болезнь для города.

2. Софокл в «Эдипе»²:

А если будешь править ты страной своей,
 Которой властвуешь, то лучше пусть она
 Мужей имеет: башня и корабль — ничто,
 Когда пусты и нет живущих в городе³.

3. Менаандр⁴:

Прекрасно, коли царь исполнен мужества,
 А справедливость в жизни через суд вершит.

¹ Eur. fr. 626 Nauck. Трагедия Еврипида «Плисфен» не сохранилась.

² В трагедии «Эдип-царь» (Soph. Oed. Rex 54 sqq.).

³ Расхожая сентенция на тему «город — это мужи, а не стены», встречающаяся, например, у Фукидида.

⁴ Из неизвестной комедии Менаандра (Menander fr. 637 Kock).

4. Еврипид⁵:

Не подобает, чтоб тиран, я думаю,
Иль честный муж с дурными затевал вражду:
Почетно это только для слабейшего.

5. Гомер⁶:

Мужу совета не следует спать всю ночь: ведь и люди
Есть у него под началом, и многие думы заботят.

6. Еврипид, из «Антигоны»⁷:

Тиран народной массе должен нравиться.

7. Феокрит⁸:

Впрочем, свободный душою муж, наилучший и мудрый,
Страстный любитель муз, приятный крайне — он знает,
Кто его любит, еще лучше знает того, кто не любит,
Многое многим дает и просьбе отнюдь не откажет —
Должен таким вот быть царь. А просить не у всякого нужно.

8. Гомер⁹:

Прежде всего собери совет отважных старейшин.
С ними мужами владычествуй, стань отцом добродушным.
Несправедливостей ты и не говори и не делай
Среди народа: в том есть царей божественных правда.

9. [Гесиод:]¹⁰

Тем-то цари и мудры, что людей, которым в собранье
Вред наносится, в дух противоположный приводят
С легкостью: мягкими ведь их увещевают речами.

10. Еврипид, из «Антиопы»¹¹:

Ну а спокойный — и друзьям надежный друг,
И лучший муж для города: рискованных
Он дел не терпит. Мне ведь ни моряк не люб,
Когда он слишком дерзок, ни страны глава.

⁵ Из неизвестной трагедии Еврипида (fr. 1050 Nauck).

⁶ Из «Илиады» (II. 24 sq.).

⁷ Eur. fr. 171 Nauck. Трагедия Еврипида «Антигона» не сохранилась.

⁸ Из идиаллии Феокрита «Эсхин и Фионих» (Idyll. XIV. 60 sq.). Цитата Стобеем приведена с неточностями.

⁹ Контаминация нескольких мест из Гомера (II. II. 53; Od. II. 234; Od. IV. 690 sq.).

¹⁰ Указание на источник цитаты у Стобея пропущено. Цитата — из «Теогонии» (88 sqq.).

¹¹ Eur. fr. 194 Nauck. Трагедия Еврипида «Антиопа» не сохранилась.

11. Еврипид¹²:

Мудры тираны от общенья с мудрыми.

12. Гесиод, из «Теогонии»¹³:

А Каллиопа¹⁴ образом всех превосходней: она ведь
Следует вместе не только с певцами, но и с царями.
Если кого почтут великого дочери Зевса
И увидят, что он — из царей, из Зевса питомцев,
Сладкие песни тогда они на язык ему выльют,
И у него из уст потекут приятные речи;
Видят все люди, как он разбирать умеет законы,
Праведный суд творя, говорит надежно и распрю,
Если и велика, умеет тотчас окончить.

13. Демокрит¹⁵:

Страх лезть порождает, а доброжелательности не приносит.

14. Мусоний¹⁶:

Не многое время живут те, кто по отношению к подданным в любом деле руководствуются не принципом «что мне следует говорить», а принципом «что мне можно».

15. Он же¹⁷:

И не думай приказывать вещи подобающие тем, кто согласен с тобой, когда ты сам творишь вещи неподобающие.

16. Он же¹⁸:

Следует стараться выглядеть в глазах подданных скорее умиротворяющим, чем страшным: ведь первому свойственна величавость, а второму — грубость.

¹² В действительности — цитата из Софокла, из недошедшей трагедии «Аякс Локрийский» (Soph. fr. 13 Nauck).

¹³ Hes. Theog. 79 sqq.

¹⁴ Старшая из девяти муз, муза эпической поэзии. Именно ее считали своей покровительницей сказители-аэды. Гесиод здесь, как видим, пишет, что она покровительствует не только певцам, но и царям (видимо, на правах «главной» музыки).

¹⁵ Одно из известных изречений философа Демокрита Абдерского (Democr. fr. 268 Diels — Kranz).

¹⁶ Гай Мусоний Руф — римский философ-стоик (I в. н.э.), писавший на греческом языке. Здесь фрагмент из неизвестного труда (Muson. fr. 31 Hense), как и два следующих.

¹⁷ Muson. fr. 32 Hense.

¹⁸ Muson. fr. 33 Hense.

17. Анаксилай¹⁹:

Анаксилай, тиран Регия, когда его кто-то спросил, что является бóльшим счастьем, чем тираническая власть, сказал: «Никогда не быть превзойденным в совершении благодеяний».

18. Ксенофонт²⁰:

Ксенофонт, философ-сократик, говорил, что для царя прекраснее отказаться от удовольствий, чем иметь множество победных памятников.

19. Геродот, из 3-й книги «Истории»²¹:

Ведь где не хватает мудрости, там сила не имеет никакого значения.

20. Пифагор²²:

Желай, чтобы сотоварищи больше стыдились тебя, чем боялись: ведь стыду сопутствует почтение, а страху — ненависть.

21. Филипп²³:

Царь Филипп говорил: царь должен помнить, что он, будучи человеком, получил власть, равную божеской, для того, чтобы он предпочитал дела прекрасные и божественные, а голосом пользовался человеческим.

22. Платон, из «Политика»²⁴:

Это следует обдумать наблюдающему все науки: что ни одна из них не оказалась политической. Ибо науке воистину царственной следует не действовать самой по себе, а управлять теми науками, которые могут действовать, поскольку она познаёт начало и движение величайших дел в государствах при благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах. А иные науки должны исполнять предписанное ею. — Верно.

23. Феобул²⁵:

Избегай зависти толпы, берегись же козней ненавидящих тебя.

24. Хилон²⁶:

Вместе с силой сохраняй мягкость, чтобы казаться окружающим не страшным, а достойным уважения.

¹⁹ Анаксилай был тираном Регия в Великой Греции в 494–476 гг. до н.э. Источник, из которого взял Стобей это изречение, неизвестен.

²⁰ Это не цитата из какого-либо сочинения Ксенофонта, а некое его изречение, взятое опять же из неназванного источника.

²¹ Hdt. III. 127.

²² Источник изречения вновь не оговорен.

²³ Македонский царь Филипп II. Источник изречения вновь не оговорен.

²⁴ Plat. Pol. 305cd. Разговор идет между Чужеземцем (ему принадлежит основная реплика) и Сократом-младшим (ему принадлежит ответная).

²⁵ Неизвестный персонаж (не фигурирует даже в RE).

²⁶ Знаменитый спартанский государственный деятель VI в. до н.э., включавшийся в канон «семи мудрецов». Источник изречения не указан.

25. Исей²⁷:

Следует законы устанавливать более строгие, а наказывать более мягко, чем предлагают эти люди.

26. Сократ²⁸:

Сократ говорил, что лучший царь — это тот, кто умеет властвовать над собственными страстями.

27. Деметрий²⁹:

Деметрий Фалерский увещевал царя Птолемея³⁰ приобретать и читать книги о царской власти и господстве: ведь в книгах написано то, в чем друзья не дерзают увещевать царей.

28. Исократ³¹:

Друзьями делай не всех желающих, а тех, кто достоин твоей природы, и не тех, с кем особенно приятно проводишь время, а тех, с кем ты особенно хорошо управляешь государством.

29. Он же³²:

Дела, которые делаются не тобой самим, поручай таким людям, чтобы ты сам мог отвечать за то, что они сделают.

30. Он же³³:

Верными считай не тех, кто всё, что ты сделал или сказал, восхваляет, а тех, кто за погрешности порицает.

31. Он же³⁴:

Дозволяй быть откровенными тем, кто здраво судит, чтобы было кому тебя дополнительно проверять в вопросах, относительно которых ты колеблешься.

32. Он же³⁵:

Различай и с искусством льстящих, и с благорасположением почитающих, чтобы подлые не имели больше честных.

²⁷ Isaeus fr. 5 Schoem. Исей — второстепенный аттический оратор-логограф IV в. до н.э., учитель Демосфена. Подвизался в основном на ниве судебного красноречия. Данный пассаж тоже явно взят из какой-то судебной речи.

²⁸ Источник изречения Стобеем не указан.

²⁹ Деметрий Фалерский — философ-перипатетик, в 317–307 гг. до н.э. управлявший Афинами под македонским протекторатом; затем жил в Александрии Египетской. Источник изречения — трактат Плутарха «Изречения царей и полководцев» (Plut. Mor. 189d).

³⁰ Птолемея I Сотера.

³¹ Из речи «К Никоклу о царской власти» (Isocr. II. 27). Адресат речи — Никокл, сын Еватора, царь Саламина Кипрского.

³² Из той же речи (Isocr. II. 27).

³³ Из той же речи (Isocr. II. 28).

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

33. Он же³⁶:

Слушай слова, которые люди говорят друг о друге, и пытайся распознать одновременно и тех, кто говорит, — каковы они, — и тех, о ком они говорят.

34. Он же³⁷:

Наказывай клеветников такими же карами, как и совершающих преступления.

35. Он же³⁸:

Властвуй над собой в ничуть не меньшей степени, чем и над другими. И считай самым царственным делом такое: если ты не являешься рабом какого-либо наслаждения, а управляешь страстями лучше, чем гражданами.

36. Он же³⁹:

Считай, что самые истинные из почестей — это не те, которые оказываются открыто, из страха, а когда люди сами по себе восхищаются более твоим разумом, чем удачей.

37. Он же⁴⁰:

Не желай, чтобы остальные жили порядочно, а цари — беспутно; нет, собственную воздержность выставляй примером для других, зная, что характер города уподобляется правителям.

38. Он же⁴¹:

Считай более важным оставить после себя детям добрую славу, нежели большое богатство: ведь последнее смертно, а первая бессмертна, и славой можно приобрести деньги, слава же деньгами не покупается; также деньги достаются и людям ничтожным, а славу невозможно приобрести никому, кроме людей выдающихся.

39. Он же⁴²:

Лучшее — придерживаться надлежащей меры в самую точку. А в тех случаях, когда это трудно распознать, предпочитай скорее уж чего-то недополучить, чем получить с избытком: ведь умеренность заключается в большей степени в недостатке, чем в избытке.

40. Он же⁴³:

³⁶ Там же.

³⁷ Из той же речи (Isocr. II. 29).

³⁸ Там же.

³⁹ Из той же речи (Isocr. II. 30).

⁴⁰ Из той же речи (Isocr. II. 31).

⁴¹ Из той же речи (Isocr. II. 32).

⁴² Из той же речи (Isocr. II. 33).

⁴³ Из той же речи (Isocr. II. 35).

Если ты хочешь досконально разобраться в какой-то из вещей, которые царям подобает знать, подходи к этому посредством опыта и философии: ведь философствование покажет тебе пути, а упражнения с самими делами научат тебя лучше с ними справляться.

41. Он же⁴⁴:

Наблюдай за происходящим и случающимся как с частными лицами, так и с тиранами: ведь если ты помнишь о минувшем, ты лучше будешь решать и о грядущем.

42. Плутарх, из письма «О дружбе»⁴⁵:

Итак, добиваться доброго отношения следует скорее мягкостью и благодеяниями, чем страхом.

43. Там же⁴⁶:

Следует быть милостивыми в сочетании с разумностью ради общей пользы.

44. Агриппин⁴⁷:

Агриппин, будучи наместником, пытался убеждать лиц, осуждаемых им, в том, что им и подобает быть осужденными. «Ведь я не как их враг, — говорил он, — и не как разбойник выношу им приговор, а как попечитель и опекун; подобно тому и врач утешает подвергающегося операции и убеждает, чтобы тот позволил это сделать⁴⁸».

45. Котис⁴⁹:

Котис, царь фракийцев, был жесток в наказании подданных. Поэтому один из его друзей сказал ему: «Это безумие, а не царская власть». А он ответил: «Но это мое безумие делает умными подвластных».

45b. Анаксилай⁵⁰:

Анаксилай, тиран Регия, когда его спросили, что достойно почитаться большим счастьем, чем тираническая власть, сказал: «Способность превосходить других в получении благодеяний».

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Plut. fr. 164 Sandbach. Трактат Плутарха «Письмо о дружбе» не сохранился.

⁴⁶ Plut. fr. 165 Sandbach.

⁴⁷ Возможно, имеется в виду Агриппин, римский наместник Галлии в 452–462 гг. н.э. Источник изречения не указывается.

⁴⁸ Возможно, часть фразы после слова «опекун» — не слова самого Агриппина, а ремарка автора, из которого Стобей взял данный пассаж (или самого Стобея?).

⁴⁹ Неясно, кто из фракийских царей этого имени имеется здесь в виду. Скорее всего, это Котис I (правил в 383–360 гг. до н.э.), поскольку именно его источники характеризуют как жестокого властителя. Источник изречения не указывается.

⁵⁰ Об Анаксилае Регийском см. выше, Stob. IV. 7. 17 с примечанием. Обратим внимание, что парадоксальным образом одному и тому же лицу приписаны, по сути, две противоположные мысли. Источник данного изречения также не указан.

46. Демосфен, из второй из «Олинфских речей»⁵¹:

Ведь гораздо легче сохранять то, что имеешь, чем приобрести всё заново.

47. Семь мудрецов⁵²:

«Мне кажется, — сказал Солон, — что и царь, и тиран станут особенно славными, если из монархии сделают гражданам демократию». Вторым сказал Биант: «Если они будут подчиняться неизменяемым законам родины». К этому Фалес добавил, что считает счастьем для правителя, если тот умрет, состарившись от возраста. Четвертым сказал Анахарсис: «Если не он один будет умным». Пятым — Клеобул: «Если он не будет верить, — сказал он, — никому из окружающих». А шестым — Питтак: «Если правитель сделает подданных такими, чтобы они боялись не его, а за него». Последним высказался Хилон, что прекраснейший — тот царь, который думает не только о том, как бы быть страшным.

48. Исократ в «Евагоре»⁵³:

Но так боголюбиво и человеколюбиво он управлял городом, что прибывающие завидовали Евагору из-за его власти не в большей степени, чем его подданным из-за его царствования. Ведь он провел все свое время, никому не причиняя несправедливости, почитая честных и имея над всеми полную власть, но при этом по закону наказывая провинившихся.

49. Он же⁵⁴:

Отнюдь не нуждаясь в советниках, но все-таки с друзьями советуясь.

50. Он же⁵⁵:

Близким во многом уступая, а всех врагов побеждая.

51. Он же⁵⁶:

Будучи почтенен не выражениями своего лица, а деяниями своей жизни; не подступая ни к чему ни беспорядочным, ни неверным образом, а храня договоры на словах, так как будто при священнодействиях.

52. Он же:

⁵¹ Demosth. II. 26.

⁵² Цитата из трактата Плутарха «Пир семи мудрецов» (Plut. Mor. 152ab). Текст Плутарха приводится Стобеем с неточностями. Упомянутые здесь действующие лица диалога — афинский законодатель Солон, приенский политический деятель Биант, милетский философ и ученый Фалес, скифский царевич Анахарсис, тиран города Линда на Родосе Клеобул, митиленский правитель Питтак и упоминавшийся уже выше спартанец Хилон — все являются лицами историческими, действовали в VI в. до н.э.

⁵³ Isocr. IX. 43. Исократ написал речь «Евагор» для сына этого кипрского царя — Никокла (уже упоминавшегося выше).

⁵⁴ Из той же речи (Isocr. IX. 44).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

Друзей благодеяниями себе подчиняя, остальных же величием души порабощая⁵⁷.

53. Он же⁵⁸:

Гордясь такими делами, которые происходят не благодаря удаче, а благодаря ему самому.

54. Он же⁵⁹:

Будучи страшен не тем, что сердился на многих, а тем, что других превосходил во многом.

55. Он же⁶⁰:

Управляя удовольствиями, а не находясь под их управлением.

56. Он же⁶¹:

Приобретая немногими трудами многих досуг, а не создавая для себя малой праздностью великие труды.

57. Он же⁶²:

Не упуская вообще ничего из того, во что подобает вникать царям, но из каждого государственного устройства беря лучшее и являясь демократом благодаря уважению к народной массе, а политиком — благодаря управлению государством, а полководцем — благодаря рассудительности в пору опасности, а мужем тираническим⁶³ — благодаря тому, что выделялся во всех этих областях.

58. Исократ в «Никокле»⁶⁴:

Ничего не делай в гневе, но кажись гневным другим, когда будет тебе удобный случай. И выгляди страшным благодаря тому, что от тебя не укрывается ничто из происходящего, а мягким — благодаря тому, что налагаешь наказания меньшие, чем требует вина.

59. Платон, из письма близким Диона⁶⁵:

Ведь и рабство, и свобода, будучи чрезмерными, в равной степени являются очень вредными, а будучи умеренными — становятся высшим благом.

⁵⁷ Из той же речи (Isocr. IX. 45).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Из той же речи (Isocr. IX. 46).

⁶³ Из контекста видно, что здесь этот эпитет (*τυραννικός*) не имеет негативного оттенка. Интересно, что у Исократа в действительности его нет, а в данном месте стоит *μεγαλόφρων* — «великий духом». Таким образом, Стобей опять цитирует неточно.

⁶⁴ Из речи «К Никоклу о царской власти» (Isocr. II. 23).

⁶⁵ Plat. Epist. VIII. 354e (из Восьмого письма Платона, обычно признающегося исследователями подлинным).

Умеренно рабство богу, чрезмерно рабство людям. Богом же для людей благо-разумных будет закон, а для неблагоразумных — наслаждение.

60. Ксенофонт в 8-й книге «Киропедии»⁶⁶:

И сохраняется в памяти его⁶⁷ изречение, как он говорил, что очень схожи дела хорошего пастуха и хорошего царя. Ибо, сказал он, пастуху в самом деле следует, сделав свой скот счастливым, пользоваться им, насколько возможно счастье для овец; а царю равным образом следует, сделав счастливыми города и людей, пользоваться ими.

61. Пифагореец Диотоген, из сочинения «О царской власти»⁶⁸:

Царь может быть самым справедливым, а самый справедливый — это самый законопослушный. Ведь без справедливости невозможен никакой царь, а без закона — справедливость. Ибо справедливое заключено в законе, а закон, со своей стороны, — причина справедливого; царь же — или живой закон, или законный правитель, потому-то и являющийся самым справедливым и самым законопослушным. У царя три дела: командовать войском, творить суд и служить богам. Он сможет прекрасно командовать войском, прекрасно зная военное дело; творить суд и выслушивать всех своих подданных, прекрасно изучив природу справедливого и закона; а служить богам — почтительно и набожно обдумав природу и добродетель божества. Поэтому с необходимостью совершенный царь хорошим будет и полководцем, и судьей, и жрецом: ведь это свойственно и подобает превосходству и добродетели царя. Ведь дело кормчего — оберегать корабль, возницы — колесницу, врача — больных, а царя и полководца — тех, кто подвергается опасности на войне. Ибо над каким делом кто-либо является главой, для того дела он и начальник, и творец. Творить суд и распределять всё по справедливости, как в общем и целом, так и в частностях, по отдельности, присуще царю, подобно тому, как и богу в мире, в котором тот является главой и предстоятелем. Это значит — в общем согласовывать целое в интересах единой власти и господства, а по отдельности и по частям согласовывать в интересах того же порядка и господства. А еще царь пребывает в добрых поступках и благодеяниях по отношению к подчиненным: это не чуждо справедливости и закону. Третье же — я имею в виду

⁶⁶ Xen. Сугор. VIII. 2. 14.

⁶⁷ Кира Великого.

⁶⁸ Diotog. p. 71–72 Thesleff. О философе-пифагорейце Диотогене ничего не известно. Его упоминает только Стобей, цитирующий два его трактата — «О царской власти» и «О святости». Сколько-нибудь точной датировке этот автор не поддается: его хронология «плавает» на огромном временном промежутке — от IV в. до н.э. до II в. н.э. Есть даже мнение, что это фигура номинальная, фиктивная. Диалект цитируемых фрагментов из Диотогена — дорийский.

служение богам — вполне достойно царя: ведь следует, чтобы лучшее получало почитание от лучшего и господствующее — от господствующего. Из того, что наиболее почитается по природе, самое лучшее — бог, а из того, что на земле и среди людей, — царь. Он по отношению к государству то же, что бог по отношению к миру; и царь по отношению к богу то же, что государство по отношению к миру. Ибо государство, упорядоченно согласованное из многих и различных элементов, подражает стройности и порядку мира. Царь же, имеющий неограниченную власть и сам являющийся живым законом, оказывается богом среди людей.

62. Там же⁶⁹:

Отсюда следует, чтобы царь не был побежден удовольствиями, а сам побеждал их, и чтобы он не был подобен многим, а во многом отличался от них, и чтобы он своим делом считал не удовольствие, а в большей степени добродетель. Равным образом подобает, чтобы тот, кто хочет властвовать над другими, прежде всего умел властвовать над своими собственными страстями. Эти слова относятся, во всяком случае, к корыстолюбию: ведь деньги следует употреблять для того, чтобы благодетельствовать друзьям, поддерживать нуждающихся и со справедливостью защищаться от врагов. Ибо самое приятное — наслаждаться счастьем в совокупности с добродетелью. Тот же образ мыслей должен быть и применительно к превосходству: ведь следует намного превосходить других добродетелью и из-за нее считаться достойным власти, а не из-за богатства, мощи или силы оружия. Ибо богатство может быть свойственным и кому угодно, мощь — и бессловесным животным, сила оружия — и тиранам, а добродетель присуща только хорошим людям. Так что тот царь, который воздержен по отношению к удовольствиям, весьма щедр в деньгах, благоразумен и искусен в области добродетели, — он может быть царем воистину. И народ — если учитывать части человеческой души⁷⁰ — дает такое соотношение добра и зла: корыстолюбие рождается в мыслящей части души, ведь это влечение умственное; честолюбие и грубость происходят от страстей, это кипящая и мощная часть души; любовь к удовольствиям относится к вожделеющей части души. А это женская и влажная часть души. Но, во всяком случае, несправедливость, будучи полнейшим и сложным пороком, рождается во всей душе. Поэтому царь должен, настраивая город, как лиру, согласовать

⁶⁹ Diotog. p. 72–75 Thesleff.

⁷⁰ Концепция, ярче всего излагаемая у Платона: человеческая душа состоит из трех частей — разумной, страстной, вожделеющей, — и все люди делятся на три типа, в зависимости от того, какая часть души у кого преобладает. Именно на этом основано деление населения идеального государства на три сословия (правители-философы, воины-стражи, простонародье) в платоновском «Государстве».

справедливейший предел и строй закона, прежде всего устанавливая их в себе, зная, что связь народа, который бог ему дал под главенство, устанавливается благодаря ему. Вдобавок к сказанному, хороший царь должен стремиться к приличествующим положениям и состояниям, делая себя существом общественным и деловым, чтобы не казаться народу ни суровым, ни презренным, а казаться приятным и разнообразным. Он достигнет этого, если, во-первых, будет величественным и на вид, и на слух, и тем, что будет являться достойным власти, а во-вторых, будет добрым и по обхождению, и по внешности, и по благодеяниям. В-третьих же, пусть он будет искусен и в ненависти к дурному, и в наказаниях, и в побуждениях, и вообще в опытности и навыках царской власти. Ведь величественность, являющаяся подражанием божеству, позволяет совершать по отношению к народу дела, достойные восхищения и почитания. Доброта же делает царя милым и любимым, а искусность — страшным и непобедимым для врагов, благородным и отважным по отношению к друзьям. Следует придавать себе величественность, не стремясь ни к чему низкому, уравниваясь не с толпой, а с людьми восхитительными, рожденными для главенства и владычества, всегда соперничая не с теми, кто уступает, и не с равными, а с превосходящими, и, понимая под величайшим удовольствием величие власти, быть приверженным к прекрасным и великим делам, а не к таким, которые приносят наслаждение, отделять себя от человеческих страстей, а приближаться к богам не посредством высокомерия, а посредством благородства и непревзойденного величия добродетели, налагая на себя такой же подобающий и владычный вид — применительно и к внешнему облику, и к расчетам, и к помышлениям, и к характеру души, и к делам, и к движениям, и к положению тела, чтобы видящие его исправлялись, пораженные чувствами стыда, воздержности и расположения к должному. Ибо созерцание хорошего царя должно не меньше флейты и созвучия изменять души созерцающих. И о величественности сказано достаточно; а теперь попробую изложить о доброте. Пусть всякий царь будет добрым, являясь и в целом справедливым, и снисходительным, и благожелательным. Ведь справедливость соединяет и скрепляет общество, и, по крайней мере, только такое отношение к ближним упорядочивает душу. Ибо какие свойства имеет ритм применительно к движению и созвучие применительно к голосу, такие же свойства имеет справедливость применительно к обществу: ведь это — общее благо и для властителей, и для подвластных, а именно — оно является согласующим для государственного общения. А снисходительность и благожелательность — как бы спутницы справедливости: первая смягчает суровость ущерба, вторая же, насколько возможно, уделяет провинившимся извинение. Хорошему царю следует быть готовым к помощи нуждающимся и уметь благодарить, а также иметь лег-

кий характер. Помощь же нужно творить не по всякому случаю, а в меру возможности; а благодарным следует быть, принимая во внимание не величину оказанной почести, а образ мыслей и намерения того, кто эту почесть оказал; легкий же характер следует иметь по отношению ко всем людям, а особенно по отношению к низшим и обделенным судьбой — ведь они, подобно как и больные телом, никак не могут выносить суровостей. Ибо такие вот качества имеют и боги, и особенно властвующий над всеми Зевс: и он ведь величествен и чтим из-за превосходства и величины доблести, добр тем, что он — благодетель и податель хорошего (как и сказано ионийским поэтом⁷¹, что он как бы отец и мужей, и богов); а искусен он тем, что наказывает несправедливых, властвует и господствует над всем. Он же имеет и молнию в руке — знак своего искусства. В связи со всем этим следует помнить, что царская власть — подражание божеству.

63. Пифагореец Сфенид из Локр, «О царской власти»⁷²:

Царю следует быть мудрым: таким образом он будет равным по чести ревнителем первого бога. Ведь тот и по природе является первым царем и правителем, а этот — в силу рождения и подражания. И тот — во всей вселенной, а этот — на земле; тот всегда управляет всем и живет, сам в себе почерпывая мудрость, а этот со временем почерпывает знание. А лучше всего он сможет подражать богу, если сделает себя великодушным, мягким и нуждающимся в малом, проявляя к своим подданным отеческое расположение. Поэтому-то, вероятно, в основном и считается, что первый бог — отец и богов, и людей: он добр по отношению ко всему, что ему подвластно, и, будучи склонен к заступничеству, никогда не прекращает его, ему недостаточно быть только творцом всего — он стал для всех равным образом и кормильцем, и учителем всяческого добра, и законодателем. Справедливо, чтобы таким же был и царь, намеревающийся владычествовать на земле и среди людей. Ничто не хорошо без царя и власти; а не может быть ни царя, ни властителя без мудрости и знания. Пусть он будет одновременно подражателем и законным служителем бога, являясь и мудрецом, и царем.

64. Пифагореец Экфант, из сочинения «О царской власти»⁷³:

⁷¹ Гомером. Имеется в виду формула, часто встречающаяся в его поэмах.

⁷² Sthenid. p. 187–188 Thesleff. Об этом пифагорейце (под «Локрами», несомненно, имеются в виду Локры Эпизефирские в Великой Греции) можно сказать ровно то же, что выше говорилось о Диотогене: о нем ничего не известно, и упоминает его только Стобей, цитирующий один фрагмент из его трактата «О царской власти». Датировки Сфенида колеблются от III в. до н.э. до II в. н.э., и, опять же, есть даже мнение, что это псевдоним. Диалект приводимого фрагмента — дорийский.

⁷³ Esphant. p. 79–82 Thesleff. Пифагореец Экфант (из Сиракуз или Кротона) действительно существовал, жил в IV в. до н.э. Однако трактат «О царской власти», из которого Сто-

Что природа всякого живого существа созвучна с миром и с тем, что в мире, — это кажется мне ясным на основании многих доказательств. Ведь она, таким образом согласованная и связанная, движется по пути одновременно наилучшему и неизбежному, увлекаемая течением всего как к общему благоустройству, так и к частному, свойственному каждому из божеств. Потому-то этот мир и называется космосом (украшением), и является самым совершенным из наличных живых существ. В частях же его, которые многочисленны и различны по природе, он порождает некое живое существо и...⁷⁴ присущее в двух родах и тем, что оно больше причастно к божественному. И, имея в природе вечно существующего бога первый и наибольший пример, оно приветствует его...⁷⁵ И блуждающие звезды⁷⁶: в области луны природа божества имеет образом жизни тела, идущие прямым путем снизу, а на земле, у нас, самое благородное существо — человек, самое же божественное — царь, который при общей природе выделяется достоинством, подобный шатру для остальных. Он как бы создан из той же материи, но лучше обработан мастером, который изготовлял его, взяв за образец себя⁷⁷. Итак, царь — единственное в своем роде изобретение, как бы образ вышнего царя⁷⁸, всегда известный создавшему его, а подвластными видимый словно в свете царской власти. Этим он и судится, и испытывается, обращенный к солнцу подобно орлу — лучшему животному среди пернатых. И о царской власти можно сказать то же самое: она божественна и необозрима из-за избытка великолепия, хотя и не для тех, кому она прирождена. Ведь у тех, кто ей чужд, от нее появляются частое мелькание в глазах и головокружение, как у поднимающихся на незнакомую высоту. Но для тех, кто пришел к ней подобающим образом, по праву родства, она выносима, поскольку они умеют ею пользоваться⁷⁹. Итак, царская власть — вещь чистая и нетленная, из-за избытка божественности трудно человеку достичь ее. Следует тому, кто в ней утвердился, быть самым чистым и блистательным по природе, чтобы великолепнейшая вещь не была уничтожена их собствен-

---

бей приводит несколько фрагментов, считается приписанным ему ложно, а в действительности составленным кем-то на промежутке между началом эпохи эллинизма и II в. н.э. Диалект цитируемых Стобеем фрагментов — дорийский. Следует еще отметить, что данный фрагмент дошел в не идеальной сохранности, в нем несколько испорченных мест (они оговорены в примечаниях).

⁷⁴ Порча текста.

⁷⁵ Порча текста.

⁷⁶ Планеты.

⁷⁷ Имеется в виду бог.

⁷⁸ Бога.

⁷⁹ Здесь, таким образом, идет пропаганда легитимизма в монархиях, высказывается протест против узурпаций.

ной грязью; так некоторые запятнали священнейшие места, и некоторые нечистые из обычных людей осквернили тех, кто им встретился. Тому, кто намеревается быть связанным с царской властью, следует и быть причастным к чистой природе, и сознавать себя — насколько он божественнее других и насколько другие божественнее его; уподобляясь по мере возможности этим последним, он сможет действовать лучше всего по отношению и к себе, и к подвластным. И к другим: для людей, если они погрешают, самое благочестивое очищение — уподобиться правителям, пусть же их дела устраивает или закон, или царь. Если же они в отсутствие лучшего благодаря природе в чем-либо погрешая недалеко и не в другом месте..⁸⁰ им следует встретиться с прямой помощью бога. Ведь никто не может искать в себе мира, будучи частью его. И не может быть безумен по отношению к человеку, улаживающему его дела, тот, кто сам правит другими. Ведь полное благоустройство и отсутствие безвластия могут показать и учителя в способе власти. Ибо он блистает ее прямой красотой, если намеревающийся подражать в добродетели является другом и тому, кому подражает, и гораздо более — его предписаниям. Ибо не может тот, кто любезен богам, быть ненавидимым людьми, коль скоро ни звезды, ни мир в совокупности не ненавидят бога. Ведь если бы кто ненавидел властвующего, он не следовал бы и не слушался бы его. То, что он хорошо управляет, — причина того, что и они прекрасно подчиняются. Я так разумею, что и земной царь не может ни в какой из добродетелей уступать царю небесному; но, как он есть некая чуждая, незнакомая вещь, приходящая оттуда к людям, и его добродетели можно понять как дела бога, а посредством бога — его собственные. Для смотрящего от корней истинно это суждение: ведь это первое из всех и необходимейшее общение для человеческого рода, к которому причастен и тот царь, что у нас, причастен и тот, кто устраивает во всем все дела⁸¹. Ведь трудно что-то составить без дружбы и общения. На это можно обратить внимание и применительно к согражданам, если в рассуждении устранить общение по привычке. Ведь оно недостойно божественной природы, равно как и царской: они не нуждаются в подобных просьбах друг у друга, посредством которых, пособляя в недостающем, осуществляют общую помощь: ибо они совершенны по добродетели. А дружба в городе, полагаемая в качестве некой общей цели, подражает согласию всего: без устройства власти никакой город не может жить. А для этого и властвующее, и подвластное начало нуждается в законах и в некоем политическом предстоятельстве, если оно хочет быть как-то сохраненным посредством этого. От этого общим благом является некое

⁸⁰ Порча текста.

⁸¹ Бог.

доброе согласие и созвучие многих, с убеждением поющих вместе⁸². Человек, руководящий согласно добродетели, и называется царем, и является таковым, имея такую дружественность и общительность по отношению к тем, кто ему подвластен, какую бог имеет по отношению к миру и тому, что в нем. А все благорасположение следует направлять, во-первых, со стороны царя к подданным, во-вторых же, с их стороны к царю, подобно тому как у родителя с сыном, и у пастуха со стадом, и у закона с теми, кто ему следует.

65. Там же⁸³:

Ведь он будет пользоваться одной добродетелью по отношению к управлению людьми и к собственной жизни, ничего не ставя, как бы от нужды, на службу самому себе, а как бы поступая согласно природе. Ибо, если есть общество, каждый ничуть не хуже проживет в достатке, сам по себе. Ведь кажется, что самодостаточный человек⁸⁴ не будет нуждаться ни в ком другом для собственного образа жизни. Если же требуется жить деятельной жизнью, ясно, что, даже если он приобретет что-то иное, это не сделает его менее самодостаточным. Ибо он и друзей будет иметь благодаря собственной добродетели, и, общаясь с ними, будет пользоваться не какой иной добродетелью, а той же самой, что и по отношению к собственной жизни. Но необходимо соблюдать и следующее: пусть он не отнимает у кого-либо другие добродетели, приготовленные в дополнение к этим. И бог, не имея ни помощников, ни служителей, опять же, не прибегая ни к какому приказанию, не увенчивая и не прославляя покорных, не унижая непокорных, так сам и властвует, при таком-то величии власти; но, думаю, он, предоставляя себя в качестве предмета, достойного для подражания, вселяет дух соревнования во всех, обладающих его природой. А сам он благ, и это его единственное и легкое дело; подражающие же тем самым делают всё лучше. Уподобление же в этом и для каждого самодостаточно. Ведь не иной какой добродетелью он делает удобное богу, а подражает ему. А наш земной царь как же не самодостаточен подобным же образом? Ибо, уподобляя себя чему-либо одному, он будет уподоблять себя наилучшему, и всякий, пытающийся уподобиться ему...⁸⁵ будет сияющим. В случае применения насилия и принуждения к подданным иногда отнимается у каждого усердие к подражанию: ведь без благорасположения затруднительно уподобляться кому-либо. Больше всего это умаляет страх. Если бы было возможно для человеческой природы отнять необходимость нуждаться

⁸² У пифагорейцев нередки метафоры из музыкальной сферы, мы их встречали и выше.

⁸³ Esphant. p. 82–83 Thesleff.

⁸⁴ Речь идет об автаркии (самодостаточности) — качестве, весьма ценившемся античными греками и на уровне полиса, и на уровне ойкоса, и на уровне индивида.

⁸⁵ Порча текста. Уместна конъектура Теслефа: далее — «..в этом будет богом».

в некоем послушании! Ведь остается ничтожнейший на земле, поскольку живое, будучи подверженным смерти, ее не минует. Тогда убеждение — некое дело, чуждое принуждению; ведь, прежде всего, оно себя от себя же производит и принуждения избегает. А что от собственной природы преисполнено прекрасным, тому ничто — стыд перед убеждением, равно как и страх принуждения. Только царь может вложить в природу человека и это благо, чтобы через подражание ему как лучшему следовать обязанностям. Его усвоенная речь укрепила как бы развращенных пьянством и ввапших в забвение от плохой пищи, и исцелила страдающих, и, отбросив живущее в них от порочности забвение, вселила память, от которой родилось так называемое убеждение. И оно, взяв начало от ничтожных корней, выросло в нечто серьезное, обитая в земном месте, в котором из-за слабости нашей природы речь, обращающаяся к людям, исправляет отстающих из-за порочности.

66. Там же⁸⁶:

Царь должен иметь священный и божественный образ мыслей по отношению к сущему: ведь, убежденный в нем, он станет причиной всех благ и никаких зол. Впрочем, это потому, что он будет справедливым, являясь очевидным образом обходительным со всяким. Ведь обходительность способствует равенству, и в его распределении начинается всё со справедливости, но участвует и обходительность. Ибо невозможно быть несправедливым и при этом распространять равенство или распространять равенство и при этом не быть обходительным. А разве воздержного человека не воспринимают как самодостаточного? Ибо роскошь — мать неумеренности, а эта последняя — мать гордыни, от которой происходит множество зол среди людей. Самодостаточность же не может породить ни роскоши, ни ее последствий. Но она сама, будучи некоей властью, всем руководит и ничем не руководится. Как богу, так и царю присуще властвовать собой (почему он и называется самодостаточным) и не быть подвластным никому. А поскольку очевидно, что такое не может случиться без разума, ясно, что бог — разум мира. Ведь он сдерживается благопристойностью и надлежащим порядком; а без ума этого не будет. И царь без такого разума не может иметь добродетелей — я говорю о справедливости, воздержности, обходительности и тем, которые им родственны.

67. Мусоний, из сочинения «О том, что и царям пристало философствовать»⁸⁷:

⁸⁶ Esphant. p. 83–84 Thesleff.

⁸⁷ Muson. Diss. fr. 21 Lutz. О Мусонии см. выше, Stob. IV. 7. 14–16, с примечаниями. Стобей цитирует эпитому бесед этого стоика, составленную неким Луцием (наподобие того, как Арриан записал беседы Эпиктета), причем в форме пересказа — отсюда упоминание Мусония в третьем лице.

Когда же к нему⁸⁸ однажды вошел какой-то из царей, тех, что из Сирии, — ведь тогда в Сирии еще были цари, подчиненные римлянам, — он сказал этому человеку и многое другое, и в особенности следующее. «Не думай, — говорил он, — что кому-то другому подобает философствовать больше, чем тебе. И это благодаря не чему иному, как тому, что тебе случилось быть царем. Ведь, конечно, следует, чтобы царь был способен сохранять людей и благодетельствовать. А тому, кому предстоит сохранять и благодетельствовать, нужно знать, что для человека хорошо, а что дурно, что полезно, а что вредно, что выгодно, а что невыгодно. Если столкнувшиеся со злом гибнут, то встретившиеся с благом спасаются; и удостоенные вещей полезных и выгодных становятся благодетельствованными, а попавшие во власть вещам невыгодным и вредным получают зло. Однако распознавать хорошее и дурное, выгодное и невыгодное, полезное и вредное — дело не кого иного, как философа, который этим самым всю жизнь и занимается, чтобы ни одна из таких вещей не осталась ему неведомой: в этом-то его ремесло — знать, что несет человеку счастье или несчастье. Отсюда ясно, что царю следует философствовать. И царю именно приличествует, а скорее даже необходимо насаждать справедливость среди подданных, чтобы никто не имел ни большего, ни меньшего по сравнению с тем, чего он заслуживает, а чтобы и почести и наказания распределялись по достоинству. А как это возможно для того, кто не является справедливым? А как может быть человек справедливым, если он не знает справедливость — что это такое? Итак, опять же, царю подобает философствовать и потому, что иначе он не окажется знающим справедливость и справедливое, если не будет философствовать. Ведь нельзя сказать, что учившийся не лучше будет знать справедливое, чем не учившийся, и нельзя сказать, что все не философствовавшие — не неучи в таких делах. Конечно, они спорят и воюют друг с другом из-за справедливости: одни говорят, что то справедливее, другие — что это. Однако в вопросах, которые люди знают, — в них они не расходятся (например, является ли предмет белым или черным, горячим или холодным, мягким или твердым); нет, по таким вопросам все и мыслят, и говорят одно и то же. Так и о справедливом люди в основном соглашались бы, если бы знали, что это такое. А в чем не соглашались — то оказываются не знающими. Да и ты, как мне кажется, не чужд этого незнания; поэтому тебе следует заботиться о знании более, чем кому-либо другому, и настолько более, насколько постыднее мужу-царю пребывать в незнании справедливости, чем частному лицу.

Однако царю еще следует умерять себя, следует и подданных делать умеренными, чтобы сам он правил благоразумно, а те благопристойно подчиня-

⁸⁸ Мусонию.

лись, и чтобы ни тот, ни другие не роскошествовали: ведь роскошь губительна для каждого — и для правителя, и для частного лица. Но как тот, кто не стремится властвовать над страстями, или сам станет умеренным, или, будучи невоздержным, сделает других умеренными? Однако какое знание ведет к умеренности, кроме философии, — невозможно сказать: она этому и учит — быть выше удовольствия, учит быть выше корыстолюбия, учит любить простоту, учит избегать пышности, приучает иметь стыд, приучает сдерживать язык, устанавливает строй, порядок и благообразие и вообще подобающий образ движений и состояний. Если это присуще человеку, это делает его величественным и благоразумным. И уж точно царь, у которого есть эти качества, сможет быть наиболее достойным богов и предметом благоговения. Бесстрашие, неустрашимость, отважность — дела мужества, как же иначе они появятся у человека, если он не возымеет о смерти и тяготах твердое убеждение, что они не плохи? Ведь это вещи, изумляющие и пугающие людей — смерть и тяготы, поскольку люди убеждены, что они относятся ко злу; а о том, что это не зло, учит только философия⁸⁹. Так что, если царям следует приобретать мужество, причем в большей степени, чем любому другому, им следует заботиться о философствовании, поскольку иначе никак они мужественными не станут. Ведь царское свойство, во всяком случае, — быть непобедимым в словах и уметь властвовать как с помощью оружия над сражающимися, так и с помощью слов над беседующими. Так что, если цари в этом слабы, они с неизбежностью часто будут обмануты и принуждены принять ложь за истину, а это — дело крайнего неразумия и невежества. А философия — я не знаю, что она рождена давать следующим ей в большей степени, чем умение превосходить ближних словами, отличать ложь от истины, и первую опровергать, а вторую поддерживать. Конечно, когда риторы берутся за то же дело, что и философы, — говорят и слушают речи, — можно видеть, что они при спорах приходят в затруднение, вынужденные противоречить сами себе; однако если уж риторы, чье главное дело — заботиться о речах, проигрывают философам, оказываясь слабее в речах⁹⁰, то что следует предпринимать остальным людям?

⁸⁹ А именно — стоическая философия. Стоики все реалии в мире разделяли с этической точки зрения на благие, дурные и «безразличные» (*ἀδιάφορα*), т.е. нейтральные в нравственном плане. Смерть, страдание и т.п. относятся к последним, поскольку не представляют собой морального зла, не вредят душе.

⁹⁰ Отголосок старой дискуссии о превосходстве риторики или философии, начатой еще в классическую эпоху, с одной стороны, софистами и Исократом, с другой — Сократом, Платоном, Аристотелем. Поскольку Мусоний сам является философом, то он, естественно, утверждает, что философы имеют преимущество над риториками даже в самом искусстве слова — прежде всего потому, что, в отличие от последних, склонных к монологу, лучше умеют вести спор. Вспомним, что Сократ в платоновских сочинениях чаще

Поэтому если у кого-то, являющегося царем, есть желание властвовать в речи, ему следует философствовать, дабы не бояться, что другой превзойдет его в этом, и тогда царь будет во всех отношениях бесстрашным, смелым и непобедимым.

В целом же хороший царь со всей неизбежностью должен быть и в словах, и в делах беспорочен и совершенен, если уж подобает ему, как мыслили древние, быть живым законом, создающим благозаконие и согласие, изгоняющим беззаконие и распрю, подражателем Зевса и отцом подвластных, как Зевс. А как может быть таким тот, кто не обладает природой, умеющей различать, не получил лучшего воспитания, не имеет всех добродетелей, которые приличествуют человеку? Итак, если и есть другая наука, ведущая природу человека к добродетели, учащая упражняться в прекрасном и следовать ему, то нужно сравнить и сопоставить, она ли или философия лучше и более способна создать хорошего царя; и очевидно, что царь должен пользоваться лучшей из них, если он, во всяком случае, хочет быть хорошим. Если же никакое другое искусство не обещает передачу и обучение добродетели, но одни из них имеют дело только с человеческим телом и полезными для него вещами, а те, которые касаются души, рассуждают о чем угодно, скорее чем о том, как ей стать благоразумной, — одна философия рассуждает об этом и создает это, — то как человек изгонит порочность и приобретет добродетель? Если это так, что другое для царя, желающего быть хорошим, может быть важнее философствования? Более того, как и каким образом мог бы кто-то царствовать или жить прекрасно, если он не будет философствовать? Я считаю, что хороший царь в то же время по необходимости будет и философом, а философ — в то же время и царственным мужем⁹¹.

Давайте вначале посмотрим на первое. Может ли быть хорошим царем тот, кто не является хорошим человеком? Такого нельзя сказать. А не будет ли хороший муж и философом? Да, клянусь Зевсом, если цель философствования — стремление к всестороннему совершенству. Так что по необходимости хороший царь оказывается в то же время и философом. А теперь ты можешь узнать, что философ, во всяком случае, царствен. Ведь, конечно, царское дело — уметь прекрасно управлять народами, городами и быть достойным властвовать над людьми. А кто более предназначен быть предстоятелем города или более достоин властвовать над людьми, чем философ? Ему пристало (если он действительно философ) быть благоразумным, воздержным, возвышенным,

---

всего побеждает софистов тем, что, не давая им рассуждать монологично, втягивает их в диалог и в его ходе запутывает их.

⁹¹ Типичная платоновская идея.

ценителем справедливого и подобающего, способным выполнять задуманное, выносливым в случае тягот. А к тому же он должен быть отважным, бесстрашным, готовым встретиться с тем, что кажется страшным, а еще благодетельным, добрым, человеколюбивым. Кого можно посчитать более подходящим или способным властвовать, чем такого человека? Никого. А если он не имеет множества подчиняющихся и повинующихся ему, из-за этого он не лишен царственных качеств: достаточно ведь, чтобы он властвовал над имеющимися друзьями, или над женой и детьми, или даже, клянусь Зевсом, только над собой самим. Ведь и врач, лечащий немногих, ничуть не хуже лечащего многих, если имеет медицинский опыт; и музыкант, обучающий немногих, ничуть не хуже обучающего многих, если имеет музыкальные способности; и, подобным же образом, конник, пользующийся одним или двумя конями, не уступает пользующемуся многими, если он сведущ в искусстве верховой езды; так и царственный муж, имеющий одного или двух слушающих его, практически равен тому, кто приобрел многих подданных, — лишь бы он имел опыт царствования, так что может быть царственным. Потому-то, кажется мне, и Сократ называет философию политической и царской наукой, что воспринявший ее сразу становится политиком». Когда Мусоний сказал это, царь, убежденный его словами, признал, что благодарен за сказанное ему, и заявил: «За это проси у меня, что хочешь, ведь я не могу отказать тебе ни в чем». А Мусоний ответил: «Прошу тебя следовать и повиноваться словам, которые ты хвалишь; ибо и мне это будет наиболее приятно, и сам ты, несомненно, еще больше выиграешь».

68. Ксенофонт в 1-й книге «Киропедии»⁹²:

«Но ведь, отец, — сказал Кир, — чтобы боги, будучи милостивыми, желали нам помогать советом, я, насколько смогу, буду жить, соблюдая твой совет. Ибо, я помню, однажды слышал от тебя, что, похоже, от богов, как и от людей, добьется чего-то не тот, кто, попав в затруднительные обстоятельства, прибегает к лести, а тот, кто в пору везения больше всего помнит о богах. И ты сказал, что так же нужно заботиться о друзьях». — «Итак, о дитя, — сказал отец, — благодаря подобной заботе ты с большей приятностью достигнешь богов мольбой, ты же надеешься достичь большего, а не только того, о чем молишь, поскольку сознаешь, что никогда не пренебрегал ими?» — «Именно так, о отец, я к богам отношусь так, будто они друзья мне». — «Так ты, о дитя, — сказал отец, — помнишь то, что нами уже было решено? Ведь, конеч-

⁹² Хен. Сугор. I. 6. 3—6. Этот и следующие пассажи представляют собой отрывки из сочиненной Ксенофонтом беседы между юным Киrom и его отцом Камбисом — вассальным правителем Персиды под мидийским суверенитетом.

но, насколько лучше боги поступают по отношению к ученым людям, чем к невеждам, и к старающимся лучше исполнить свое дело, чем к ленивым, и к стремящимся делать всё как можно заботливее, чем к беспечным; и, будучи такими, какими надлежит быть, таким-то образом нам следует молить и просить благо у богов». — «Да, клянусь Зевсом, — сказал Кир...⁹³ Ведь было неизбежно послушаться этого совета. И я знаю, что ты прибавлял к нему: непорядочно просить у богов без умения верховой езды победы в кавалерийских сражениях, или, не зная сам, как стрелять из лука, просить победы над теми, кто умеет из него стрелять, или кормчему, не знающему, как управлять кораблем, молить о том, чтобы спасти судно, или, не посеяв хлеб, молить, чтобы он уродился хорошим, или, не остерегаясь в войне, молить о спасении. Ведь все такие и подобные вещи противоречат установлениям богов. А ты говорил, что молящие о неподобающем равным образом потерпят неудачу у богов, как и у людей ничего не достигнет тот, кто желает незаконного».

69. Там же⁹⁴:

«Коль скоро ты⁹⁵ это сказал, и мне тоже кажется, что хорошо управлять — величайшее дело; и теперь, — прибавил он, — я так полагаю, если к тому же я намереваюсь подумать, как править. Однако когда я, смотря на других людей...⁹⁶ замечаю, начиная с этих наших друзей, что они считают, — дескать, правитель должен отличаться от подданных более роскошным питанием, большим количеством золота в доме, большим временем сна и вообще большей праздностью по сравнению с подданными. А я полагаю, — сказал он, — что правителю следует отличаться от подданных не легкомысленностью, а предусмотрительностью и трудолюбием».

70. Там же⁹⁷:

«Ты спрашиваешь, о дитя, — сказал он⁹⁸, — будет ли от тебя какая-нибудь польза. А от кого может быть большая польза, чем от того, кто имеет силу?»

71. Там же⁹⁹:

«Помни у меня лучше всего вот что: при заготовке необходимого никогда не тяни до того, что окажешься связан нуждой. А тогда, когда у тебя всё будет в особенном избытке — тогда заранее позаботься о трудных временах. Ведь таким образом ты лучше достигнешь успеха у тех, у кого просишь, поскольку

⁹³ Стобей делает небольшой пропуск в цитате, не влияющий на смысл.

⁹⁴ Xen. Сугор. I. 6. 8.

⁹⁵ Кир обращается к отцу.

⁹⁶ Стобей делает небольшой пропуск в цитате.

⁹⁷ Xen. Сугор. I. 6. 10.

⁹⁸ Камбис, отец Кира.

⁹⁹ Xen. Сугор. I. 6. 10. Продолжаются слова Камбиса.

они будут знать, что ты не бедствуешь, и ты не заслужишь вины по обвинению от собственных воинов. Этим ты в наибольшей степени добьешься и почтения со стороны других; и, если ты захочешь со своим войском сделать кому-нибудь благо или зло¹⁰⁰, тебе лучше будут служить воины, имеющее всё необходимое им. Также будь уверен, что тогда ты и сможешь говорить с ними самой убедительной речью — именно, если ты можешь и лучше всего показать им, что ты способен делать и благо, и зло».

72. Там же¹⁰¹:

«А под конец ты спросил меня, что он¹⁰², обучая полководческому делу, мог мне преподать. И я здесь ответил, что способу построения войск¹⁰³. И ты, рассмеявшись, разобрал со мной по отдельности, какая польза в полководческом деле¹⁰⁴ от построения без необходимых припасов, и какая — без здоровых воинов, и какая — без знания предназначенных для войны навыков, и какая — без повиновения. Когда же ты сделал для меня очевидным, что построение — лишь малая часть полководческого дела, я спросил, готов ли ты научить меня чему-нибудь из этого».

73. Там же¹⁰⁵:

«Ведь¹⁰⁶, конечно, нужно, чтобы войско, если ты хочешь достичь желаемого, никогда не прекращало приносить врагам зло, а себе — добро. Как тяжело содержать и одного праздного человека, а еще намного, о дитя, тяжелее — целое семейство. А всего тяжелее содержать праздное войско: ибо войско и есть особенно много, и выступает в путь с очень малыми припасами, а то, что захватывает, расходует крайне расточительно. Поэтому никогда не следует оставлять войско праздным». Кир сказал: «Ты говоришь, о отец, как мне кажется, о том, что, как от праздного земледельца нет никакой пользы, так и от праздного полководца нет никакой пользы». — «Я же, — ответил отец, — считаю, что трудолюбивый полководец, если ему не вредит какой-нибудь бог, и воинов предьявит, имеющих всё необходимое, и тела их подготовит наилучшим образом». — «Но, конечно, — сказал Кир, — заботиться обо всех военных делах, объявляя в каждом состязания, как мне кажется, о отец, и предлагая награды — лучший способ упражняться во всем этом, так что, когда будет нуж-

¹⁰⁰ Эвфемистическое выражение для начала войны.

¹⁰¹ Хеп. Сугор. I. 6. 14. Слова Кира, обращенные к отцу.

¹⁰² Имеется в виду некий человек, который, как упоминалось выше в «Киропедии», обучал юного Кира полководческому искусству.

¹⁰³ Дословно — тактике.

¹⁰⁴ Дословно — стратегии.

¹⁰⁵ Хеп. Сугор. I. 6. 17–19.

¹⁰⁶ Слова Камбиса, обращенные к Киру.

но, можно будет пользоваться подготовленными людьми». — «Ты говоришь прекраснейшие слова, о дитя, — ответил отец. — Сделав это, будь уверен, ты будешь наблюдать за строями, как будто за хороводами, которые всегда заботятся о том, как нужно поступить». — «Но, во всяком случае, — сказал Кир, — мне кажется, для того, чтобы вселить воодушевление в воинов, самое подходящее — уметь вдохнуть добрые надежды в людей». — «Но, во всяком случае, — ответил отец, — о дитя, это нечто в таком роде, как если бы кто-то на охоте всегда звал собак таким голосом, как будто видит зверя. Ведь ясно, что вначале они будут усердно слушаться его, но если он много раз их обманет, они в конце концов, когда он действительно увидит зверя, не откликнутся на его зов¹⁰⁷. Так обстоит дело и относительно надежд: если кто-то, многократно вселяя ожидание благ, будет обманывать, в конце концов, когда он даст и верные обещания, не сможет убедить. Но ему следует научиться беречься от того, чтобы говорить то, в чем не уверен, о дитя: нужно, чтобы его побуждение в случае величайших опасностей как можно более заслуживало доверия».

74. Там же¹⁰⁸:

«Как мне кажется¹⁰⁹, многие законы учат в наибольшей степени двум таким вещам: властвовать и подчиняться. Однако в соображении всего этого, я считаю, лучше всего побудить людей повиноваться так: повинующегося хвалить и награждать, а неповинующегося бесчестить и наказывать». — «Да, во всяком случае, чтобы принудить повиноваться, — ответил отец, — есть, о дитя, такой способ. Конечно, намного лучше — чтобы повиновались добровольно, но для этого есть и другой путь, более краткий. Люди с наибольшей для себя приятностью повинуются тому, кто, как они считают, рассудительнее их в отношении их собственной пользы. Ты можешь знать, что именно так и среди всех остальных, и особенно среди больных — они охотно призывают тех, что наставит их, что нужно делать. И в море как прилежно повинуются кормчим те, кто с ними плавает!»

75. Там же¹¹⁰:

«А как¹¹¹ можно стать действительно сведущим в том, что принесет пользу?» — «Ясно, о дитя, — сказал отец, — что нужно учиться тем знаниям, которым можно научиться, как ты научился построению войск. А что людям невозможно изучить или предвидеть своей человеческой мудростью, то ты сможешь узнать лучше, чем другие, от богов, посредством прорица-

¹⁰⁷ Характерный басенный мотив.

¹⁰⁸ Хен. Сугор. I. 6. 20–21.

¹⁰⁹ Слова Кира.

¹¹⁰ Хен. Сугор. I. 6. 23–28.

¹¹¹ Слова Кира.

тельского искусства. Какие вещи ты узнаешь, как лучше делать, — о тех ты и позаботишься, чтобы они были сделаны. Ведь заботиться о том, что необходимо, разумнее для мужа, чем пренебрегать этим». — «А что касается любви со стороны подданных, которая мне кажется одной из величайших вещей, ясно, что к ней тот же путь, как если бы кто-то захотел быть уважаемым друзьями: ведь, я полагаю, нужно явно делать им добро». — «Но, о дитя, — сказал отец, — тяжело всегда делать добро тем, кому хочешь. А вот оказываться радующимся вместе с ними, если у них случится что-то хорошее, или сострадающим, если что-то плохое, а также тщательно заботиться в случае затруднений у них, заранее опасаться, как бы они не совершили какой-нибудь ошибки, и пытаться предостеречь дерзкого, чтобы они не ошиблись, — вот это нужно как-то соблюдать. И, во всяком случае, для дел, которые делаются летом, правитель должен быть привычным к солнцу, зимой же — к холоду; если нужно потрудиться — он должен быть привычным к тяготам. Все это ведет к тому, что подданные будут его любить». — «Ты говоришь, о отец, — сказал ему Кир, — будто бы правителю лучше быть во всех отношениях более мужественным, чем его подданные». — «Да, я так сказал, — ответил тот. — Итак, дерзай, о дитя. Ведь будь уверен, что одинаковых людей одни и те же труды не равным образом касаются — имею в виду правителя и частное лицо, но правителю несколько облегчает труды почет, а также то обстоятельство, что он знает: от людей не укроется, что бы он ни делал». — «А когда, о отец, воины уже имеют необходимые качества, здоровы, могут переносить трудности, обучены военному искусству, ревностны к тому, чтобы оказаться хорошими, для них подчиняться приятнее, чем быть непослушными, тогда разве уже, тебе кажется, не будет благоразумным, если кто-то захочет выступить против врагов как можно скорее?» — «Да, клянусь Зевсом, — сказал отец, — по крайней мере, если он намеревается одержать верх; а если нет, я, со своей стороны, считаю, что он должен поберечь и себя, и своих подчиненных — именно потому, что и он и они весьма хороши; ведь и применительно к другим вещам, которые мы считаем наиболее дорогими для нас, мы стараемся всё делать для их наибольшей безопасности». — «А как, о отец, можно одержать верх над врагами?» — «Это ты, о дитя, спрашиваешь о деле нелегком и непростом; но хорошо знай, что тому, кто желает это сделать, следует быть и коварным, и скрытным, и обманщиком, и вором, и разбойником, и во всем старающимся перехитрить врагов». А Кир, рассмеявшись, сказал: «О Геракла, вот каким, о отец, человеком должен я стать, по твоим словам!» — «Вот каким, — ответил тот. — Будь справедливейшим и законопослушнейшим мужем». — «Но как же, — сказал Кир, — вы нас, когда мы были детьми, учили противоположному?» — «Это верно, клянусь

Зевсом, — сказал отец, — и теперь повторю, но верно в отношении друзей и сограждан».

76. Ксенофонт в 3-й книге «Воспоминаний»¹¹²:

Говорил же он¹¹³, что цари и правители — не те, кто имеет скипетр, и не те, кто избран кем попало или кому выпал жребий, и не те, кто пришел к власти насилием или обманом, а те, кто умеет править¹¹⁴. Ведь когда кто-то соглашался, что правителю свойственно предписывать, что нужно делать, а подданному — подчиняться, Сократ доказывал, что на корабле начальник — человек знающий, а хозяин корабля и остальные люди на нем все подчиняются знающему; так же обстоят дела и в земледелии у тех, кто приобрел поля, и в болезни у больных, и в гимнастических упражнениях у тех, кто упражняется, и во всех других делах, в которых есть что-то нуждающееся в попечении, — люди занимаются ими, если считают себя знающими. Если же не считают — то слушаются не только присутствующих знающих людей, но и за отсутствующими посылают, чтобы, слушаясь их, достигать нужного. Он доказывал, что в пряже шерсти даже женщины руководят мужчинами из-за того, что они знают, как следует заниматься такой пряжей, а мужчины не знают. Если же кто-либо заявлял, что тиран имеет возможность не слушаться правильно мыслящих людей, Сократ говорил: «А как он может не слушаться, если положено наказание для тех, кто правильной речи не слушается? Ведь в каком бы деле кто-то не послушался правильной речи, он, конечно, совершит погрешность, а за погрешность будет наказан». Если же кто-либо заявлял, что у тирана есть возможность даже убить благомыслящего человека, Сократ отвечал: «Считать ли того, кто убивает лучших союзников, безнаказанным или получающим какое попало наказание? Ибо как ты думаешь, поступающий таким образом останется невредимым или может весьма быстро погибнуть?»

¹¹² Xen. Mem. III. 9. 10–13.

¹¹³ Сократ.

¹¹⁴ Один из излюбленных тезисов Сократа (в корне противоречивший принципу прямой демократии): власть должна находиться в руках профессионалов, а не случайных людей.

Ключевые слова:

Стобей, антология, царская власть, философия, морально-этические концепции.

Joannes Stobaeus

MANUALS OF IMPERIAL AUTHORITY (Anthology. IV. 7)

Joannes Stobaeus' work, written during Vth century B.C., is precisely a vast collection of quotations from by those authors who lived earlier. The compilation is categorized by different topics. In this issue for the first time is presented «Manuals of Royal Power» translation in Russian. It contains fragments of various works, including those not extant nowadays. These pieces expose a huge variety of aspects, related to ancient people's notions about the monarchical polity, during Hellenistic era in particular.

Key words: Stobaeus, anthology, Royal Power, philosophy, moral and ethical concepts.

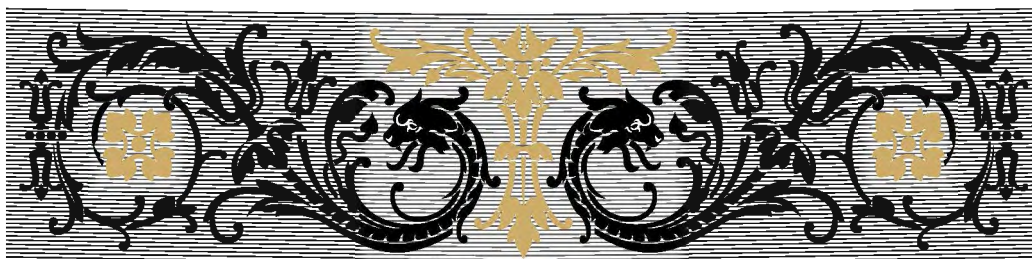
Translation from ancient Greek and commentary:

Igor E. Surikov — Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher at Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Перевод с древнегреческого и комментарии

 Суриков Игорь Евгеньевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 19.12.2018 г. Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 25,2. Заказ № 371

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2018

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

В следующем номере «Исторического
вестника» будет опубликован
ряд источников, впервые вводимых
в научный оборот. Все материалы
посвящены истории России первой
половины XX в.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке